

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 3-4

МАРТ—АПРЕЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА”
===== МОСКВА 1932 =====

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Передовая.—К десятилетию статьи Ленина «О значении воинствующего материализма»	1
М. Митин.— О философском наследстве В. И. Ленина	13
Ф. Путинцев.—Ленин и борьба с религией	39
М. Каммари.—Разработка т. Сталиным национального вопроса и материалистическая диалектика	76
Д. Биленкин.—О шести исторических условиях т. Сталина	112
<u>М. Н. Покровский.</u> (Очерк жизни и деятельности)	139
М. Н. Покровский.—Речь на десятилетии ИКП	151
Я. Мушперт.—Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма	169
П. Фигурнов.—Критика антимарксистской «теории» кризисов Каутского	186
РАБОТЫ СЕМИНАРОВ ИКП ФИЛОСОФИИ	
Г. Таганский.—О вульгарном материализме 3-й четверти XIX века	210
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
К. Степанов.—«Заочный университет искусств»	240
А. Максимов.—Рецензия на книгу Ми	249
СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ	
И. Агол.—Письмо в редакцию «Правды»	255
А. Раковский.—Письмо в редакцию «ПЗМ»	256
Кеворкьян.—Письмо в редакцию «ПЗМ»	257
Революция АЗОВМД о рец. на книгу Кеворкьяна	258

Vladimir Lenin

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

МАРТ—АПРЕЛЬ

№ 3—4

1932 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — К десятилетию статьи Ленина «О значении воинствующего материализма» (1). М. Митин — О философском наследстве В. И. Ленина (13). Ф. Пущинцев — Ленин и борьба с религией (39). М. Каммари — Разработка т. Сталиным национального вопроса и материалистическая диалектика (76). Д. Билецкий — О шести исторических условиях т. Сталина (112). [М. Н. Покровский] (Очерк жизни и деятельности) (139). М. Н. Покровский — Речь на десятилетии ИКП (151). Я. Мухперт — Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма (163). П. Фигурнов — Критика антимарксистской «теории» кризисов Клаутского (186). РАБОТА СЕМИНАРОВ ИКП ФИЛОСОФИИ. Г. Таганский — О вульгарном материализме 3-й четверти XIX в. (210). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. К. Степанов — «Заочный университет искусства» (246). А. Максимов — Рецензия на книгу Р. Ми (249). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. Н. Агол — Письмо в редакцию «Правды» (255). А. Раковский — Письмо в редакцию «ПЗМ» (256). А. Кеворкьян — Письмо в редакцию «ПЗМ» (257). Резолюция АзОВМД о книге Кеворкьяна «Заметки по диалектике» (258).

К десятилетию статьи Ленина „О значении воинствующего материализма“

Прошло десять лет со времени появления статьи Владимира Ильича Ленина «О значении воинствующего материализма» на страницах журнала «Под знаменем марксизма». За этот десяток лет наша партия проделала огромный путь борьбы за победу ленинизма, она добилась решающих успехов на всех фронтах социалистического строительства. Под руководством ленинского ЦК во главе с т. Сталиным наша партия успешно приводит страну к завершению первого пятилетнего плана строительства социализма, наметила в решениях XVII партийной конференции план великих работ, план борьбы за уничтожение классов, за полное построение социализма уже в течение ближайшей второй пятилетки. Этих решающих успехов партия добилась на основе неуклонной, последовательной, решительной борьбы за ленинскую генеральную линию партии, разоблачив троцкизм, переросший в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, разоблачив троцкистско-зиновьевскую оппозицию, разбивши правооппортунистический уклон, продолжающий оставаться главной опасностью, праволевачий блок и т. п.

Содержание пройденного этапа развития исключительно велико, содержание проведенной партией борьбы за ленинизм охватывает коренные проблемы марксистской теории и революционной практики. Учение Ленина за этот десяток лет одержало гигантские победы как на фронте мировой

борьбы пролетариата, так и на фронте борьбы за построение социализма в нашей стране, показавши всю свою революционную мощь, всесилие свое как подлинно научное, действительно и верно отражающее объективные закономерности исторического развития.

Каждый ленинский документ, как и данная статья «О значении воинствующего материализма», представляет программу деятельности, исключительный образец применения и развития материалистической диалектики, «дающей возможность большевикам брать самые неприступные крепости».

Непосредственным поводом к появлению этой статьи был выход в 1922 г. первой книжки (№ 1—2) журнала «Под знаменем марксизма». В этой книжке было помещено программное заявление редакции, в котором делалась попытка определить задачи журнала, выступившего «под знаменем ортодоксального марксизма». Но редакция в своем заявлении явно не справилась с определением конкретных задач журнала. Эти задачи журнала редакция формулировала просветительски, академически и оторванно от конкретных задач революционного пролетариата, от задач партии.

«Рабочий авангард,—писала редакция,—стремится использовать тот временный покой (?), который наступил, для пополнения знаний.

Наш журнал пойдет навстречу этой назревшей потребности рабочих, он станет одновременно трибуной для широкого слоя рабочих, ныне революцией приобщенных к науке» (стр. 4).

В своем заявлении редакция совершенно обошла те конкретные задачи, которые выдвинулись перед фронтом борьбы за воинствующий материализм в условиях переходного периода вообще и в особенности в условиях новой экономической политики в нашей стране. Редакция не поняла существа новых форм развития классовой борьбы в нашей стране, характеризуя нэп как «временный покой» на фронтах революционной борьбы.

Говоря о «пополнении знаний» «молодого рабочего авангарда», редакция формулировала эту задачу крайне абстрактно, предоставив А. Френкелю к тому же ложно разъяснить эту задачу. В своей статье: «Надо заострять революционное оружие», помещенной в той же книжке журнала, в которой помещено и программное заявление редакции, Френкель призывает «молодое поколение» учиться марксистской философии по литературе Плеханова, обходя при этом литературу основоположников марксизма и Ленина, замалчивая искажения марксистской философии, содержащиеся в работах Плеханова.

«Наша марксистская философия,—писал Френкель,—имеет такого большого представителя в России, как Г. В. Плеханов. Он на русской почве создал лучшую литературу по философии марксизма. По ней учились, действовали и действуют основоположники коммунистической партии, по ней должно учиться и все молодое поколение» (стр. 68—69).

Односторонне, ложно истолковывая положительные оценки Лениным плехановского философского наследия, Френкель в своей статье стремился привить «молодому поколению» некритическое отношение к наследству Плеханова, тщательно обходя задачи изучения и освоения ленинского философ-

ского наследства. Надо сказать, что эта линия дальше проводилась во всей работе деборинской группы и в работе журнала «ПЗМ». Френкелевский комментарий к программному заявлению редакции ярко вскрывал коренные пороки этого заявления.

О задачах журнала писал также Троцкий в № 1—2 за 1922 г. Это «писание» Троцкого чрезвычайно характерно. Исключительное по своей фразистости, пустозвонству, по своему абстрактному общему характеру, по полному отсутствию конкретных указаний и постановок задач борьбы за диалектический материализм оно представляет собой довольно яркий документ крайне эклектического сочетания субъективистского волюнтаризма и вульгарного механического материализма. Приведем здесь некоторые образцы. Вот что он писал: «Для того, чтобы величайшие события, могущественные приливы и отливы, быстрые смены задач и методов партии и государства не дезорганизовали сознания молодого рабочего и не надломили его волю еще перед порогом его самостоятельной, ответственной работы, необходимо вооружить его мысль, его волю методом материалистического миропонимания. Вооружить волю, а не только мысль, говорим мы, потому что в эпоху величайших мировых потрясений более чем когда бы то ни было наша воля способна не сломиться, а закалиться только при том условии, если она опирается на научное понимание условий и причин исторического развития».

«Материалистическое миропонимание не только открывает широкое окно на всю вселенную, но и укрепляет волю. Оно одно только и делает современного человека человеком».

Вряд ли надо комментировать эти места — они сами говорят за себя. Надо еще только привести место, характеризующее механистическую концепцию Троцкого, для того, чтобы представить все содержание и существо этой писанины. Вот как характеризуются им «основы марксистского метода»: «Само человеческое общество уходит и своими историческими корнями и своим сегодняшним хозяйством в естественно-исторический мир. Надо видеть в нынешнем человеке звено всего развития, которое начинается с первой органической клеточки, вышедшей в свою очередь из лаборатории природы, где действуют физические и химические свойства материи. Кто научился таким ясным оком оглядываться на прошлое всего мира, включая сюда человеческое общество, животное и растительное царство, солнечную систему и бесконечные системы вокруг нее, тот не станет в ветхих «священных» книгах, в этих философских сказках первобытного ребячества искать ключей к познанию тайн мироздания».

Упрощенчески-вульгарная, механистическая концепция Троцкого выступает здесь со всей наглядностью. Своим «ясным оком» Троцкий по примеру небезызвестного Дюринга охватывает в единстве «первую органическую клеточку» и «человеческое общество», «растительное и животное царства» и «сегодняшнее хозяйство». Как тут не вспомнить крайне меткое замечание Энгельса по адресу Дюринга о том, что можно конечно объединять в «одном единстве» и корову и сапожную щетку, но от этого сапожная щетка не станет еще давать молока. Троцкий совершенно не пошмает мате-

риалистической диалектики, не понимает качественного различия, которое существует между различными формами движения материи.

Таковы те «указания», которые давал Троцкий журналу «Под знаменем марксизма».

При таких условиях необходимо было с самого начал выправить линию журнала и дать ему действительно большевистскую программу работы. Это и сделал Ленин в статье «О значении воинствующего материализма».

Свою статью Ленин начал с указания на то, что он ставит своей задачей «остановиться на некоторых вопросах, ближе определяющих содержание и программу той работы, которая провозглашена редакцией журнала во вступительном заявлении к № 1—2». Этим Ленин с самого начала подчеркивал то обстоятельство, что содержание и программа работы журнала нуждаются в исправлении.

Мы ничего не поймем в ленинских указаниях журналу «Под знаменем марксизма», если будем рассматривать его статью вне исторической обстановки и конкретного соотношения классовых сил, которое мы имели в 1922 г. Это вовсе не значит, что ленинские директивы имеют в настоящее время только историческое значение, что они, будучи написаны для конкретной обстановки 1922 г., могут быть положены под сукно в 1932 г. Совсем наоборот! Как это мы увидим дальше, эти директивы как нельзя более актуальны в настоящее время, являются именно сегодня конкретной боевой программой журнала. В этом-то и состоит сила и мощь ленинских статей, что они всегда дают нам подлинно диалектическое сочетание особенного и общего, глубочайшее проникновение в данную обстановку и указания, как работать на данном участке, в данное время, но указания, проникнутые от начала до конца общей задачей рабочего класса, задачей борьбы за коммунизм.

К определению задач журнала Ленин подошел, исходя из тех требований, которые выдвинулись перед фронтом марксистско-ленинской теории переломным периодом 1921/22 г. Это был период, когда в основном закончился первый штурм капитализма мировой революцией и пролетариат, отбоявив одну шестую земного шара, приступил к обобщению и перевариванию опыта революции, к ее развитию по пути социалистического строительства в стране пролетарской диктатуры, к основательной подготовке второго штурма капитализма и к изучению практического развития революции в важнейших странах. Говоря об обстановке этого периода, Ленин в своем докладе «О тактике РКП» на III конгрессе Коминтерна в начале 1922 г. указывал, что «развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это не тупательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали... Сейчас необходима основательная подготовка к революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах. Для нашей Российской республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории» (соч., т. XXVI, стр. 451—452).

Характеризуя наше международное и внутреннее положение, в начале 1922 г. Ленин в своем докладе на заседании конференции съезда металлистов

6 марта 1922 г. говорил: «... Есть, по моему убеждению, нечто такое и в нашем международном и в нашем внутреннем положении, что походит на некоторый перелом в политике и что требует со стороны всякого партийного человека и, разумеется, со стороны всякого сознательного рабочего особенного внимания для того, чтобы этот перелом в политике вполне понять, правильно усвоить и в свою работу и советскую, и партийную, и профессиональную и всякую иную претворить».

В чем же суть того некоторого перелома, о котором говорил Владимир Ильич? Прошел год со времени введения нэпа. Изменилась международная и внутренняя обстановка. Капиталистические государства начали торговать с нами. Внутри страны наша партия проделала крайне сложный маневр, отступление. Наступил новый период, который характеризовался тем, что «отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем» (Ленин), что «мы дальше назад не пойдем, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы» (Ленин). Развивая эту мысль, Ленин дальше говорил: «Отступление кончилось и в связи с этим изменяется наша работа».

Понятно, что изменение условий работы не могло не отразиться на наших задачах и нашей работе на фронте идеологическом. Здесь обнаружилось известное оживление буржуазных и мелкобуржуазных теорий. На книжный рынок частично стала попадать недоброкачественная и идеологически чуждая литература. Среди отдельных прослоек нашей партии (Минин и др.) начали развиваться оппортунистическо-деляческие, ликвидаторские по отношению к марксистской теории настроения. В наших вузах, комвузах (Свердловка) среди известной части слушателей получали распространение богдановские воззрения и по вопросам философии и по вопросам культуры.

Каковы же основные указания Владимира Ильича журналу «Под знаменем марксизма»? Отмечая, что редакция журнала в своей передовой правильно определила задачу союза коммунистов с некоммунистами для проведения своей работы, Ленин писал: «Я думаю, что этот союз коммунистов с некоммунистами является безусловно необходимым и правильно определяет задачи журнала. Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров... Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи».

Это мудрое указание Владимира Ильича лежит в основе всей дальнейшей постановки им в данной статье задач борьбы за философию марксизма. Это указание Владимира Ильича очень глубоко ставит вопрос о роли коммунистической партии как авангарда в строительстве социализма. Эта директива Ленина имеет очень большое значение для всей политики нашей партии по отношению к беспартийным специалистам, стоящим на почве советской

власти и желающим преданно работать на пользу социалистическому строительству. Шесть исторических условий т. Сталина, особенно его указание по вопросу об отношении к советским специалистам, есть конкретизация и развитие этой директивы Владимира Ильича для современного периода.

Именно в связи с тем, что на теоретическом фронте за последний период времени обнаружилось непонимание и неумение проводить в жизнь эту директиву т. Сталина, выразившееся в том, что коммунистические кадры научных работников как в области литературы и искусства, так особенно и в области естествознания замыкались в своем кругу, всячески суживали состав научных обществ, требуя чуть ли не стопроцентной марксистской выдержанности (при чем сами подчас довольно упрощенно понимали вопрос о соотношении марксизма и естествознания), варились в своем собственном соку, будучи оторваны от действительных центров научно-исследовательской работы, от действительных баз научной деятельности — именно поэтому крайне уместно подчеркнуть значение для современного этапа директивы Ленина, данной им десять лет тому назад в статье «О значении воинствующего материализма».

Именно потому, что за последний период времени на теоретическом фронте обнаружилось непонимание и «левацкое» извращение большой и длительной исторической задачи, стоящей перед пролетариатом, — задачи сознательной перестройки всей науки на базе единственно научного, единственно последовательного философского мировоззрения, на базе диалектического материализма, выразившиеся в понимании «реконструкции науки» как немедленном «перевороте» в науках, как отказе овладеть всеми достижениями современной буржуазной науки и техники, на основе оценки их как сплошь реакционных, — особенно уместно напомнить историческое указание Ильича, имеющее глубочайший смысл.

Именно потому, что за последний период времени вновь начали оживать по существу реакционные богдановские идейки относительно немедленного создания «своей», «пролетарской» науки, необходимо широко популяризировать глубокие мысли Ленина по вопросу о задачах коммунистического авангарда по отношению к специалистам некоммунистам как в области теории, так и в области практики и организации работы.

Развертывая свою мысль, Ленин, переходя специально к задачам журнала, задачам борьбы за материализм, пишет: «Во всяком случае у нас в России есть еще и довольно долго несомненно будут материалисты из лагеря некоммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества».

Союз со сторонниками последовательного и воинствующего материализма должен быть создан на основе прямой и решительной борьбы с «дипломированными лакеями поповщины», на основе борьбы с идеализмом, мистикой, которая получает такое широкое распространение в эпоху загнивания капитализма, в эпоху пролетарской революции. Процесс поворота буржуазных ученых, широких кругов интеллигенции к идеализму и мистике на Западе,

связанный с «реакцией по всей линии», характерной для империализма, особенно большие размеры принял за последнее десятилетие. Развитие естествознания за этот период, дальнейшие открытия в области структуры материи, изучение радия, гелия, проникновение в «тайны» протона, успехи в области изучения эволюции элементов, успехи химии и биологии — все это используется современными учеными и философами для создания и пропаганды модных философских направлений, в тысячу первый раз занятых обоснованием религии. «Реакция по всей линии» достигла за последний период времени такой остроты, что многие современные ученые прямо проповедуют возвращение к варварству, к средневековой схоластике. Модернизирование и реставрирование классических буржуазных философских систем уже кажутся современным фашизирующимся буржуа и их «ученым» недостаточными, они прямо и открыто защищают средневековую схоластику. Вот в этой обстановке обеспечение союза марксистов с последовательными материалистами из лагеря некоммунистов является актуальной задачей исключительного значения. Наша партия, ведущая борьбу с капитализмом по всей линии, являясь авангардом пролетариата, единственного класса современности, исторически прогрессивного, представляющего дальнейшее движение вперед во всех областях общественной жизни, в том числе и в науке должна суметь организовать и сплотить все последовательные материалистические силы против идеалистической поповской реакции. Никогда так остро не стояла эта задача, как именно в настоящий период. Все это свидетельствует о том, что ленинская статья представляет собой действительную программу работы на большой исторический период. Чем больше времени нас отделяет от этого документа, тем все яснее становится огромное историческое значение его. Итак, пролетариат в своей боевой работе по разоблачению «дипломированных лакеев поповщины» должен объединить вокруг себя все последовательно-материалистические силы. Продолжая конкретизировать эту задачу, Ленин писал дальше в статье: «Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более, важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, — союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма».

Без союза с естественниками, склоняющимися к материализму, широко развернуть борьбу за воинствующий материализм невозможно. Крутая ломка, кризис, который переживает современное естествознание, беспрерывно рождает идеалистические школы и школки. Начиная с теории относительности Эйнштейна, кончая современной медициной, все великие открытия и преобразования в науке используются для похода против материализма. Поэтому «следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае воинствующим материализмом».

Таковы те основные задачи в смысле союза с некоммунистами, которые наметил Владимир Ильич в качестве директив для журнала. Все эти задачи, разрешение которых особенно остро стоит на современном этапе, требуют от нас известного перелома во всей работе в этом отношении. Исходя из этих директив Ленина, исходя из шести исторических условий т. Сталина, особенно из его условия, касающегося нашей политики по отношению к специалистам, необходимо в ближайшее же время наметить ряд мероприятий, создающих большой перелом в этом отношении. Надо сказать, что меньшевистствующий идеализм этих кардинальных указаний Ильича не понял и во всей работе журнала не проводил. Наоборот, большое внимание со стороны деборинщины привлекали естественники-идеалисты, лишь только в их взглядах хоть что-нибудь, хотя бы формально, напоминало диалектику.

С другой стороны, представители механистической ревизии марксизма — тт. Тимирязев, Перов, Варьяш и др. — «поняли» эти указания Ильича как необходимость плестись в хвосте современного естествознания, как необходимость поддакивать предрассудкам его, как отказ от руководящей роли пролетариата в науке, как отказ от диалектического материализма, как отказ от задачи переделки всей науки на базе мировоззрения пролетариата.

Как бы предвидя именно такое «деляческое» отношение к союзу с некоммунистами, такой отказ от материалистической диалектики или ее извращение, Ленин со всей остротой поставил перед журналом задачу борьбы за диалектический материализм, за гегемонию его в этом союзе с представителями современной науки, задачу дальнейшей разработки материалистической диалектики как философской науки марксизма.

Он писал: «Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествовик должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом».

Подчеркивая эту задачу, Ленин указывает, что без этого крупные естествовики будут совершенно беспомощны в своих выводах и обобщениях, ибо «естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае».

Со всей остротой ставится Лениным задача «материалистического истолкования и пропаганды гегелевской диалектики», задача «систематического изучения диалектики Гегеля с материалистической точки зрения», задача разработки «диалектики со всех сторон», опираясь на материалистически истолкованную диалектику Гегеля, которую применяли Маркс, Энгельс, которую Ленин развил и поднял на высшую ступень и которую т. Сталин, наша партия с таким успехом применяют и развивают

Известно, как «поняла» деборинская группа эти указания Ленина. Известно, какое вредное влияние оказала на работу на философском участке, на работу журнала гегельянско-идеалистическая ревизия марксизма со стороны деборинской группы. Известно, какое влияние оказала деборинщина на ряд участков теоретического фронта, в том числе и на фронт естествознания. Известно, что это влияние и его отрывки имеются до настоящего времени, несмотря на огромную работу, проведенную под руководством партии по разоблачению деборинщины. Одним из видов этого влияния надо считать вульгарно-упрощенческую «волну», которая проявилась на фронте естествознания и которая сводится к чисто внешнему механическому приклеиванию диалектических ярлыков, к шарлатанскому пустозвонству о диалектике, к приказному методу «диалектизирования» программ и преподавания в вузах и втузах, к «левацкому» требованию со стороны некоммунистов специалистов стать немедленно стопроцентными диалектиками, к диалектической трескотне вместо серьезного, глубокого изучения конкретного содержания данных дисциплин, к чисто внешнему переносу политических, партийных лозунгов в те или другие области науки, к безобразному опошлению ленинского учения в виде «насаждения» ленинских этапов во всех областях деятельности вплоть например до «ленинского этапа в виноградарстве». Современные вульгарно-упрощенские разностики этой «диалектики» делают крайне вредное дело; это упрощенчество представляет собой худшего вида опошление диалектического материализма, какое только можно придумать. Ведя беспощадную борьбу с этим опошлением философии марксизма, мы вместе с тем именно в духе указаний Ленина должны вести большую работу по пропаганде диалектического материализма среди представителей естествознания, решительно борясь со всякими открытыми или прикрытыми выступлениями против философии марксизма, против диалектического материализма в защиту тех или иных буржуазных модных философских течений, в защиту идеализма и поповщины.

Борьбу с упрощенчеством, которая должна быть решительно развернута, многие понимают в том смысле, будто речь идет о прекращении борьбы за диалектический материализм в области естествознания; в том смысле, будто мы отказываемся от нашей точки зрения необходимости сознательного применения метода материалистической диалектики в науке; в том смысле, будто механисты оказались правы в своей борьбе против диалектического материализма. Только полным непониманием ленинского наследства по вопросам философии и естествознания, только полным непониманием всей линии нашей партии, только полным невежеством в основных вопросах марксизма и отождествлением той вульгарщины, которая начала подноситься под флагом диалектического материализма, с самим диалектическим материализмом—только этим можно объяснить охарактеризованные выше настроения.

Правильное понимание ленинских директив, данных им в статье «О значении воинствующего материализма» требует условием действительного проведения их во всей нашей работе борьбу на два фронта. Механицизм, являю-

щийся главной опасностью на данном этапе, не понимает задачи проникновения диалектического материализма в естествознание и превращение его в сознательно применяемый метод, сводит философию марксизма к последним выводам современной науки, не понимает ленинского указания о том, что без диалектики марксизм окажется сражаемым, а не сражающимся. Меньшевистствующий идеализм подменяет абстрактными категориями само развитие науки, отрывает философию от конкретного знания, замыкается в «чистой» философии или же чисто внешне приклеивает диалектическую терминологию к конкретному содержанию.

Особенностью ленинской статьи «О значении воинствующего материализма» является то, что им с большой силой подчеркнута задача разработки материалистической диалектики как философской науки и даны совершенно конкретные директивы, как вести эту работу. Эта мысль, которая красной нитью проходит по философским работам Ленина, получает в данной статье замечательное выражение. Он пишет: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много».

Ставя работу по выполнению этого указания в центр тяжести всей работы нашего журнала, мы исходим при этом из того, что философская наука марксизма, обоснованная основоположниками марксизма, Марксом—Энгельсом, являясь обобщением революционного опыта пролетариата, итогом и выводом всех достижений естествознания, общественной науки и философии, поднятая на новую ступень Лениным на основе классовой борьбы пролетариата эпохи империализма и пролетарской революции, на базе новейших открытий естествознания, может сложиться как теория познания и диалектика при учете всех достижений науки. Ленин писал ¹⁾:

История философии, следовательно:

греческая
философия
заметила
все эти
моменты

„ отдельных наук
„ умственного развития ребенка
„ „ „ животных
„ языка NB :

+ психология
+ физиология органов
чувств

кратко, история познания вообще

вся область знания

} вот те области знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 315.

Для всей работы журнала особое значение имеют ленинские указания относительно борьбы за воинствующий атеизм. Указывая, что журнал должен быть боевым органом воинствующего атеизма, Ленин подчеркивал задачу исправления недостатков государственного аппарата, ведущего борьбу за атеизм, задачу исправления недочетов в работе наших общественных организаций, ставящих своей целью борьбу с религией. В современный исторический период, когда партией в решениях XVII партконференции поставлена задача ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей, когда на основе успехов социалистического строительства и ликвидации кулачества как класса имеется развернутая база для борьбы с религией и религиозными предрассудками, надо обратить внимание на глубочайшие мысли Ленина, развернутые им в статье по вопросу о путях изживания этих предрассудков. Ленин писал: «Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и этак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»

Вот это указание Ленина, резко бичующее «левацкое» рвение многих наших антирелигиозников повести самые отсталые массы «по прямой линии чисто марксистского просвещения», дополняющееся резким отзывом «о скучных, сухих, не иллюстрированных почти никакими умело подобранными фактами, пересказах марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают» (Ленин), заставляя со всей остротой поставить задачу качества нашей антирелигиозной работы на современном этапе и работу нашего журнала в этом направлении. Ленин подчеркивает всю ту пользу, которую в этом отношении может принести бойкая, живая литература французских материалистов, резко бичующая поповщину, религию.

Именно теперь, когда у нас образуются районы сплошного безбожия, когда пробудился невиданный интерес самых широких трудящихся масс к науке, к знанию, когда исключительно выросли культурные нужды и потребности, когда в огромной степени возрос спрос на книгу — именно теперь проблема качества всей нашей агитации и пропаганды, особенно проблема качества антирелигиозной работы, проблема воспитания масс в духе воинствующего материализма, задача усиленной пропаганды революционного мирозерцания путем распространения живой бойкой литературы, путем отнюдь не скучных и сухих, а выдержанных «пересказов марксизма» — вот что должно

быть поставлено на первый план в области борьбы с религией. Эта задача — важнейшая задача современного этапа.

Статья Ленина «О значении воинствующего материализма» является боевой программой борьбы за материалистическую диалектику, боевой программой работы нашего журнала, программой теоретической работы в области философии марксизма на длительный исторический период. Деборинская группа, превратившая журнал «ПЗМ» в свой групповой орган, не выполняла директив Владимира Ильича. Только наша партия и ее руководство, ленинский ЦК во главе с т. Сталиным, осуществляя гигантскую работу по строительству социализма, по развертыванию борьбы международного пролетариата за пролетарскую революцию, теоретически двигала дальше развитие материалистической диалектики, «разрабатывая ее со всех сторон», применяя ее к сложнейшей обстановке классовой борьбы как внутри страны, так и на мировой арене.

Данная статья Ленина, являясь одним из последних его выступлений специально по вопросам философии и естествознания, является составной и важнейшей частью ленинского философского наследства, ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Только люди, ничего не смыслящие в философии марксизма, только люди, насквозь пораженные меньшевистствующим идеализмом, могут полагать, что философским наследством Ленина являются только его специально философские работы. Вся совокупность ленинского теоретического богатства, от начала и до конца проникнутая партийностью, проникнутая материалистической диалектикой, этим «коренным теоретическим основанием» марксизма, представляет собой кладезь глубочайших мыслей по вопросам философии марксизма. Действительное освоение и разработка этого наследства — вот задача работников теоретического фронта. Проблема качества работы нашего журнала, проблема качества литературной нашей продукции в духе указаний статьи Ленина, в духе указаний т. Сталина, в духе решения ЦК о журнале «Под знаменем марксизма» — вот центральное звено на современном этапе.

О философском наследстве В. И. Ленина *)

М. Митин

1

Решение Центрального комитета нашей партии, подводившего итоги философской дискуссии, поставило перед философским участком теоретического фронта в качестве одной из важнейших задач задачу действительной разработки ленинского философского наследства, задачу освоения, широкой пропаганды проблем ленинского этапа в развитии философии марксизма. Основные силы философов-коммунистов должны быть направлены на осуществление этого важнейшего решения ЦК партии, на действительное развертывание этой большой, серьезной, глубокой теоретической работы. Часто совершенно неправильно представляют себе смысл и содержание этой задачи, выдвинутой в решении ЦК партии, отрывают ее от других указаний, которые имеются в том же постановлении. Эту задачу отрывают от задач и дальнейшей разработки теории материалистической диалектики, представляя себе дело так, будто это—две разные вещи. Получается так, что работа над ленинским этапом в развитии философии марксизма—это будто бы разработка некоторых самых общих установок, дальнейшая же разработка теории материалистической диалектики—вот якобы центральная задача для философов-марксистов. Такое противопоставление показывает, с одной стороны, полное непонимание того, что собой представляет ленинский этап в развитии диалектического материализма, а с другой обнаруживает также непонимание задачи дальнейшей разработки теории материалистической диалектики.

Нельзя правильно понять и поставить эти задачи в деле освоения философского наследства Ленина, не опираясь на одно из последних выступлений т. Сталина, на его письмо «О некоторых вопросах истории большевизма». Богатейшее содержание этого выступления, поднявшего на такую большую принципиальную высоту вопросы истории большевизма, дает нам возможность в частности в области философии правильно поставить вопросы теоретической разработки ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

Основные проблемы ленинского этапа в развитии философии марксизма—это огромная тема, требующая вероятно целого ряда работ, книг, докладов и т. д. Поэтому мы здесь свою задачу ограничим, остановившись лишь на некоторых, наиболее важных, центральных, узловых вопросах философского наследства Ленина. В настоящей статье мы осветим три основных вопроса: 1) вопрос о борьбе Ленина с философским оппортунизмом II интернационала; 2) вопрос о фальсификации пути философской борьбы Ленина

*) Обработанная и сокращенная стенограмма доклада на эту тему, прочтенного в Харькове на Всеукраинском совещании ОВМД и повторенного в основном с известными вариациями в Закавказье во время декадника Комакадемии.—Авт.

с оппортунизмом со стороны меньшевистствующего идеализма и механицизма и, наконец, 3) на вопросе о характеристике того нового, что внес Ленин в развитие диалектического материализма.

При постановке и разработке всех вопросов марксистско-ленинской теории, в особенности вопроса о ленинском этапе в развитии диалектического материализма, исходным пунктом должно быть ясное понимание марксизма-ленинизма как действенного, творческого учения. Именно на эту сторону дела, на вопрос о действенности марксизма, о подлинно революционном его содержании, о единстве теории и практики обращает т. Сталин особое внимание в своих работах. Тов. Сталин — лучший ленинец нашей эпохи, развивающий учение ленинизма в период назревающего второго тура империалистических войн, в период нарастания полосы новых революций в капиталистических странах, в период реконструкции и развернутого наступления социализма по всему фронту в стране пролетарской диктатуры. Тов. Сталин и в практике и в теории дает нам замечательные образцы творческого, действенного понимания марксизма-ленинизма. Красной нитью проходит по всем его работам, по всем его выступлениям эта сторона (тут крайне уместно привести слова Ленина, сказанные им по другому поводу, — это «не сторона, а суть дела») в понимании марксистско-ленинского учения. Возьмем например выступление т. Сталина еще на VI съезде партии, до Октябрьской революции. В борьбе с Преображенским, который высказал на этом съезде ряд положений, предвосхищавших дальнейшую борьбу троцкистов против ленинской теории возможности победы социализма в одной стране, т. Сталин тогда еще говорил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

В 1920 г. в своей речи по поводу пятидесятилетия со дня рождения Владимира Ильича т. Сталин с большой ясностью, четкостью и последовательностью развивает эту мысль относительно разницы между догматическим «марксизмом» и подлинным марксизмом, основной чертой которого является его действенность. Это же единственно правильное, большевистское понимание марксистско-ленинской теории т. Сталин развивает и защищает в борьбе и со схоластикой т. Бухарина и с так называемым «цитатным марксизмом» Зиновьева, Каменева и в борьбе с контрреволюционным троцкизмом. В работах, посвященных борьбе с зиновьевско-троцкистской оппозицией, т. Сталин писал о марксизме следующее: «Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода. Ясно, что не может. Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых форм на основе опыта при сохранении и точки зрения марксизма, при сохранении метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняя букву и подменяя буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод. Что может быть общего между действительным марксизмом и между подменной основной линией марксизма буквой отдельных формул и цитатами из отдельных положений марксизма».

Мы не будем здесь приводить выписки из выступления т. Сталина на конференции аграрников-марксистов, где снова с полной ясностью им был поставлен вопрос о единстве революционной теории и революционной практики. Мы не будем также приводить целого ряда других мест из работ т. Ста-

лина, в частности из его замечательной книги «Вопросы ленинизма». Под этим углом зрения совершенно понятным становится то глубокое содержание, которое вкладывалось т. Сталиным в его определение деборинщины как меньшевистствующего идеализма, поскольку представители этой ревизии марксизма проводили отрыв теории от практики социалистического строительства. Без понимания повседневной связи революционной теории и революционной практики, единства революционной теории и практики, творческого, действенного характера марксистского учения мы ничего не сможем понять в вопросах марксистско-ленинского учения, в том числе и в проблеме ленинского этапа в развитии философии марксизма.

Как известно, т. Сталин в своем письме «О некоторых вопросах истории большевизма» подчеркнул громадное международное значение теории и практики большевизма. Это письмо является блестящим продолжением и развитием основных установок его «Вопросов ленинизма», по вопросам о соотношении большевизма и оппортунизма. Так же, как и в «Вопросах ленинизма», т. Сталин в нем замечательно глубоко и до конца последовательно проводит один из важнейших тезисов, изложенных Лениным в его подготовительных работах к известной книге «Государство и революция». Ленин бросает там одно чрезвычайно важное замечание. Он говорит: «Большевизм— это не казус, он вырос из борьбы с оппортунизмом 1894—1914 гг.». И в «Вопросах ленинизма» т. Сталина, и в последнем его письме по вопросам истории большевизма все эти проблемы поставлены и разработаны именно в духе ленинского принципа непримиримой борьбы большевизма против оппортунизма во всех его видах и формах.

Ясно, что, когда мы ставим вопрос о том новом, что внес Ленин в развитие диалектического материализма, нельзя не отправляться от этих важнейших положений. Ясно, что нельзя рассматривать философию марксизма без или вне всей истории большевизма, без или вне всей истории борьбы большевизма с оппортунизмом, из которой большевизм вырос.

С другой стороны, ясно, что нельзя дать подлинно научную историю большевизма без рассмотрения, изучения теоретической борьбы Ленина. К этому именно и призывает письмо т. Сталина. Отправляясь от этого основного положения, мы сможем правильно подойти к постановке и разрешению вопросов, связанных с пониманием и освещением ленинского философского наследства, ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

После этих вступительных замечаний перейдем к первому из намеченных выше вопросов. Тов. Сталин дал определение ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарских революций. Чтобы понять существо теоретических вопросов и проблем, которые неизбежно должны были встать и встали в связи с практикой классовой борьбы в течение этого нового исторического периода, необходимо напомнить некоторые основные, характеризующие его черты. Как указывает т. Сталин, эта новая историческая эпоха определяется тремя основными моментами: 1) крайним обострением борьбы между рабочим классом и капиталистами, 2) крайним обострением борьбы между империалистическими державами за передел мира, за колонии, за рынки сбыта и сырья и 3) коренными противоречиями и обострением борьбы между угнетающими и угнетенными нациями. Все эти противоречия являются выражением того, что производительные силы капитализма не могут дальше развиваться в рамках производственных отношений, созданных капитализмом на этой его стадии. В своей книге «Империализм как новейший этап капитализма» Ленин говорит, что это—последний этап развития капитализма, что это—канун пролетарской революции. Эта новая эпоха харак-

теризуется чрезвычайным обострением классовой борьбы, новыми формами ее проявления, чрезвычайной сложностью. Переплетенность противоречий и форм классовой борьбы дополняется тем, что классовая борьба в этот период получает одну из высших форм своего организационного выражения в виде борьбы партий: как рабочий класс, так и капиталисты создают крепкие мощные массовые партийные организации. Это — период чрезвычайно ожесточенной борьбы в области идеологии. Это — кризис всей системы, кризис буржуазной идеологии, буржуазной науки и т. д.

Ясно, что этот новый период есть период революционный, катастрофический. В условиях этого нового исторического этапа вставали и встают перед пролетариатом и его партией новые задачи, задачи непосредственного свержения капитализма. В этот же новый исторический период выявилась и вся буржуазная сущность политики II интернационала. В «Вопросах ленинизма» т. Сталин дает совершенно исключительную по четкости характеристику всей работы II интернационала. Только уяснив себе всю глубину этой характеристики можно понять, как вырос большевизм на основе борьбы с оппортунизмом во II интернационале. Тов. Сталин пишет: «Выше я говорил, что между Марксом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит целая полоса господства оппортунизма II интернационала. В интересах точности я должен добавить, что речь идет здесь не о формальном господстве оппортунизма, а лишь о фактическом его господстве. Формально во главе II интернационала стояли «правоверные» марксисты, «ортодоксы» — Каутский и др. На деле однако основная работа II интернационала велась по линии оппортунизма. Оппортунисты приспособлялись к буржуазии в силу своей приспособленческой, мелкобуржуазной природы, — «ортодоксы» же, в свою очередь, приспособлялись к оппортунистам в интересах мира в партии. В результате получалось господство оппортунизма, ибо цепь между политикой буржуазии и политикой «ортодоксов» оказывалась замкнутой».

Тут дана чрезвычайно глубокая характеристика основной линии работы II интернационала как линии оппортунистической. Тов. Сталин показывает также роль и значение центразма во II интернационале, роль и значение различных форм оппортунизма. Он показывает, каким образом оказывалась замкнутой цепь между политикой буржуазии и политикой II интернационала. Дальше т. Сталин указывает еще ряд характерных черт работы II интернационала в ту новую историческую эпоху, о которой мы говорили выше: господство эклектизма, софистики вместо революционной теории, тесно связанной с живой практикой революционной борьбы, наличие обрывков марксизма, которые, будучи оторваны от практики революционной борьбы пролетариата, превращались в выхолащенные догмы.

Тов. Сталин указывает, что вместо революционной борьбы в эпоху II интернационала процветало дряблое филистерство, политиканство и т. д. Вставала в связи со всем этим перед пролетариатом и перед его действительными идеологами задача выковать, создать действительно боевые, действительно революционные партии. Нужно было произвести полный пересмотр всего того, что было создано за период сравнительно мирного, «органического» развития капитализма, за период господства II интернационала. Нужно было очистить авгиевы конюшни теории и практики II интернационала. И эта честь генеральной проверки теоретической и практической платформы II интернационала выпала на долю ленинизма.

Ясно, что это указание т. Сталина, где он дает исторический анализ и обзор условий и намечает исторические задачи, выпавшие на долю ленинизма, относится не к одной какой-нибудь из сторон марксистско-ленинского учения, а ко всем составным частям марксизма — к экономической, политической и философской его стороне.

Однако Ленин не только восстановил революционное марксистское учение, очистив его от оппортунизма II интернационала, но и развил его дальше применительно к новым условиям, к условиям империализма, к условиям новых форм классовой борьбы. Ленин дал дальнейшую конкретизацию всех сторон марксистско-ленинского учения.

II.

Переходя к вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма, необходимо прежде всего рассмотреть сущность философских «позиций» II интернационала, выяснить, как отразилось замыкание цепи между политикой буржуазии и политикой II интернационала на философских взглядах последнего, чтобы на этой основе показать всю роль и значение, которое имела ленинская борьба с философским оппортунизмом во всех его проявлениях.

Эклектицизм, софистика, оторванность теории от практики, от революционной борьбы характерны для всей совокупности взглядов наиболее видных теоретиков II интернационала, в том числе и для их философских взглядов, для их философской «линии».

Эта «линия» определяется в основном следующими моментами: 1) полным отрывом теории от практики, 2) разрывом экономики и политики, 3) отрывом экономической и исторической теории марксизма, этих его составных частей, от философской основы. Отсюда у наиболее видных теоретиков II интернационала встает необходимость найти какое-нибудь «новое» теоретико-познавательное обоснование экономической и исторической теории марксизма. Ясно, что когда от исторической и экономической теории марксизма отрывается ее философская основа, то приходится подводить под марксизм какой-нибудь другой философский фундамент. У виднейших «столпов» II интернационала мы как раз имеем переплет самых махрово-буржуазных точек зрения по линии философии. В этом отношении представители II интернационала полностью плетутся в хвосте буржуазии.

Наконец четвертый момент, характерный для общей картины их философских воззрений, состоит в отказе наиболее видных теоретиков II интернационала в той или иной форме от материалистической диалектики. В свое время это нашло ясное выражение во взглядах и в положении «знаменитого» Бернштейна о том, что диалектика представляет собой не что иное, как ловушку на пути к подлинному познанию, что от этой диалектики нужно отказаться. Другие представители II интернационала, скрытые оппортунисты, центристы и пр., выражали по существу то же, но только в более тонком, завуалированном виде.

Такова в общих чертах характеристика философской «линии» (если тут вообще можно даже употребить слово линия) II интернационала. Что касается теоретико-познавательных основ, которые подводили под марксизм в связи с ликвидацией марксистских философских основ представители II интернационала, то для последних характерны следующие примерно основные струи: официальная по существу струя — неокантианство, затем махизм, затем развивающееся за последнее время неогегельянство. Известно, что II интернационал выдвинул довольно видных представителей неокантианского течения, которые по-разному связывали Канта с Марксом в вопросах философии, этики и т. д. Мы знаем таких «теоретиков», как Бернштейн, Макс Адлер, Форлендер, как Каутский, Гильфердинг и т. д.

Очень сильна махистская струя (Фридрих Адлер, Отто Бауэр и др.), и наконец развивающееся за последние годы неогегельянское течение в рядах социал-демократии. Одним из видных выразителей его в настоящее время является бреславльский профессор Зигфрид Марк. Происходит чрезвычайно любопытный процесс, в котором сказывается замкнутость цепи между поли-

тикой, теорией, идеологией буржуазии и политикой, теорией, идеологией II интернационала. За последние годы буржуазная философия все больше поворачивает к Гегелю, пытаясь его модернизировать, приспособить на свой лад. Фашизирующаяся буржуазная философия сплетает фашизм с неогегельянством. Этот процесс, происходящий в рядах буржуазных философов, получает сейчас же свой отклик в рядах социал-фашизма. Социал-фашистские теоретики, идя на поводу у буржуазии, пытаются перейти от неокантианства к неогегельянству, пытаются свои философские взгляды связать с неогегельянством.

Перейдем теперь к более подробному изложению отношения «теоретиков» II интернационала к этим философским школам буржуазии. Рассмотрим сначала позицию Каутского по отношению к неокантианству.

Ленин в своей известной статье «Марксизм и ревизионизм» следующим образом характеризовал развивавшееся в рядах социал-демократии неокантианство: «В области философии, — писал он, — ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора «шли назад к Канту», — и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно «опровергнут», профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отработывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса... Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой».

Эта уничтожающая критика, направленная против ревизионистов типа Бернштейна, против Конрада Шмидта, против Струве и др., имела прямое отношение и к центристам, и к Каутскому, поскольку Каутский в этих вопросах по существу сдал позиции Бернштейну. Неокантианская ревизия марксизма, разоблаченная Лениным, показанная со стороны ее социальных корней, теория, проповедывавшаяся социал-демократическими «философами», по существу ничем не отличается от идеалистической реакции буржуазных неокантианцев.

Раньше профессора, выполняя честно социальный заказ буржуазии, тащили «назад к Канту», теперь, выполняя социальный заказ капиталистов, они стремятся приспособить гегелевское учение о государстве, даже гегелевскую диалектику к потребностям чернорубашечников, к оправданию террористического господства буржуазии. Раньше социал-демократические «теоретики», плетясь в хвосте этих буржуазных профессоров, «соединяли» Маркса с Кантом. Теперь современные социал-фашисты, плетясь в хвосте реакционных ученых, проповедуют неогегельянские взгляды и пытаются и их как-нибудь «соединить» с Марксом.

Позиция Каутского в вопросе об отношении к неокантианской ревизии марксизма очень хорошо вообще выражает то отношение к философским проблемам, которое господствовало в рядах социал-демократии. В своей переписке с Плехановым, когда последний выступил с очень резкой критикой Бернштейна, Каутский писал: «Во всяком случае, я должен открыто заявить,

что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии (что верно, то верно. — М. М.) и, хотя я и стою на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством; ведь и дарвинизм так же хорошо уживается с материализмом Бюхнера, как с монизмом Геккеля и кантианством Ланге. Если бы Бернштейн поинял только в этом направлении, меня бы это ни малейшим образом не беспокоило».

Каутского, как видите, совершенно не смущает сочетание Канта с Марксом, отрыв философских основ марксизма от экономической и исторической теории марксизма. Он, правда, декларирует, что целиком стоит на точке зрения диалектического материализма, но это декларирование на деле подменяется полной сдачей своих позиций. Нужно сказать, что эту же точку зрения Каутский проводит в своем последнем труде «Материалистическое понимание истории», который является теоретическим обобщением всей оппортунистической практики социал-демократии. В этом двухтомнике Каутский высказывается по вопросу о соотношении между различными сторонами марксизма. Он говорит: «Признание материалистического понимания истории не должно быть предварительным условием принадлежности к соц.-дем. партии. Эта партия должна предоставить каждому желающему участвовать в борьбе за освобождение пролетариата, в борьбе против всякого угнетения, эксплуатации, теоретически обосновывать это желание, как он может — материалистически, кантиански, христиански или как угодно иначе».

По существу эта точка зрения предоставляет полную свободу сочетать марксизм с религией, с Кантом, Махом и т. д. Общая позиция Каутского по вопросу об отношении к неокантианству, высказанная им в 1898 г. в переписке с Плехановым, нашла свое теоретическое выражение в его взглядах. Возьмем ли мы его трактовку вопросов теории познания, вещи в себе, проблемой этики — везде чувствуется неокантианская точка зрения автора. Мы не можем здесь специально анализировать его взгляды — это тема специальной большой работы. Перейдем к вопросу об общем отношении Каутского к махизму. Во время философской дискуссии 1908—1910 гг. с богдановщиной один из русских рабочих, Бендианидзе, обратился к Каутскому с просьбой высказаться по вопросу о махизме. Каутский ответил ему письмом: «Вы спрашиваете меня, — писал он, — является ли Мах марксистом. Это зависит от того, что понимать под марксизмом. Я рассматриваю марксизм не как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества. Это воззрение, правда, несовместимо с идеалистической философией, но оно не противоречит теории познания Маха. Я лично не вижу существенного различия между воззрениями Маха и Дицгена. Маркс же очень близок к Дицгену» (1909 г.).

Этот ответ крайне характерен не только по своему махрово-оппортунистическому стилю, он определяет также и понимание Каутским марксизма, его оппортунистическое отношение к махизму.

Итак, Каутский рассматривает марксизм не как философское учение, а только как эмпирическую науку. Во-вторых, марксизм — это только учение об обществе. И третье, самое замечательное, — марксизм несовместим с идеалистической ревизией марксизма, однако вместе с тем не противоречит теории познания Маха, которая и есть ведь идеализм. Такова «диалектика» Каутского. Вот какую похабную карикатуру на марксизм нарисовал «маститый» Каутский рабочему Бендианидзе. Это небольшое местечко из ответа Каутского прекрасно характеризует его взгляды. Оно целиком подтверждает ту общую характеристику позиций II интернационала, которая дана была выше.

Таково отношение Каутского к махизму, который получил свое развитие и на Западе и у нас в лице богдановщины и т. д. Но стоит взять последний труд Каутского «Материалистическое понимание истории», и мы сможем то же самое сказать и о неогегельянстве. Каутский ужом вертится, чтобы доказать, что марксизм может быть совместим и с неогегельянством и т. д. и т. д. Общий процесс фашизации социал-демократии получает в этой книге свое довольно ясное выражение и в области философии. Такова философская «линия» этого беспардонного эклектика; этого прожженного софиста, примиряющего, соединяющего все что угодно и продолжающего выдавать такое «месиво» за марксизм.

Нужно несколько остановиться на характеристике философских позиций левых социал-демократов — Меринга и Р. Люксембург, а также вождя русского меньшевизма Плеханова, чтобы со всей отчетливостью представить себе то, что давал II интернационал в области философии, чтобы понять все значение той борьбы с оппортунизмом, которую проводил Ленин.

Меринг написал довольно много статей, посвященных философским вопросам, довольно много внимания уделял философским проблемам. Ряд статей Меринга, посвященных непосредственно критике того или иного литературного направления, анализу того или другого произведения, содержит ценные меткие характеристики с точки зрения диалектического материализма. Но все же в основном Меринг не выходит за пределы характеризованных нами выше позиций. Прежде всего диалектический материализм не является для Меринга стройным мировоззрением и методом марксизма. Он считает, что в области природы можно установить точку зрения механического материализма и что именно такой вид материализма сочетается с историческим материализмом. Этот взгляд красной нитью проходит по всем произведениям Меринга. Мы находим у него также высказывания и по вопросу об отношении к неокантианству, махизму и т. д. В ряде своих статей (сборник «На страже марксизма») он писал, что «неокантианцы вовсе не покушаются на существование марксизма, а хотят их только «возвысить» или «дополнить», что «принципиальных» ошибок они в историческом материализме не находят»; что «Мах для естествознания сделал то же самое, что Маркс сделал для общественных наук»; что «Мах вовсе не желает быть философом — он достаточно уверен в себе для того, чтобы ограничиться сферой, в которой он как ученый чувствует себя хозяином. В этом отношении Мах совершенно сходится с Марксом, который совсем исключал философию и духовное развитие человека усматривал только в практической работе в области истории и естествознания»; что «Энгельс не разглядел сотканной Кантом вокруг вещи в себе драгоценной «паутины». Таковы некоторые высказывания Меринга в ряде его философских статей.

По вопросу о механическом материализме и историческом материализме Меринг писал: «Исторический материализм включает в себя естественно-научный, но естественно-научный не включает в себя исторического» (ст. «Исторический материализм»).

«В естественно-научной области Маркс и Энгельс оставались такими же механистическими материалистами, какими в области естествознания являлись историческими материалистами». В другом месте Меринг пишет: «Маркс и Энгельс всегда стояли (оставались) на философской точке зрения Фейербаха — до тех пор, пока они не углубили и расширили ее перенесением материализма в историческую область» (ст. «Исторический материализм»).

«В области естествознания механический материализм является научным принципом исследования, каким в области общественных наук является исторический материализм. Утверждать, что Маркс и Энгельс, отвергавшие

право механического материализма на область истории, отказали бы ему также и в его праве на область естествознания, значило бы отсылать этих людей из области научного мышления в область суеверия, в которой хозяйничают черты австралийских негров, философия бессознательного и психизм неоламаркистов» (ст. «Неоламаркизм и механический материализм»).

Меринг—не идеалист и не сочетает Маркса с Кантом, Маркса с Махом. Однако он не является, как мы видим, и последовательным диалектическим материалистом; наоборот, в своем мировоззрении, в своих взглядах на природу Меринг придерживается механического материализма.

Каковы философские позиции Р. Люксембург? Совершенно ясно, что и она не является представительницей последовательного, т. е. диалектического, материализма. В экономических работах Р. Люксембург, в ее «теории автоматического краха капитализма», в постановке вопроса о соотношении внутренних и внешних противоречий мы находим развернутую механистическую концепцию в применении к анализу капитализма.

Известна также та оценка, какую давал Ленин взглядам Р. Люксембург по национальному вопросу. Касаясь философской стороны вопроса, Ленин показывает, как Р. Люксембург подменяет диалектику софистикой и совершенно абстрактными положениями. Особенно бичует ее Ленин за непонимание конкретно-исторического подхода к национальному вопросу. В вопросе о стихийности и сознательности у Р. Люксембург сочетаются идеалистические моменты с отдельными моментами механицизма, но последовательно проведенный диалектический материализм и в ее теоретических высказываниях и в применении к тому или иному политическому конкретно-практическому вопросу у нее отсутствует.

Анализ и подробная критика философских позиций Каутского, Р. Люксембург, Меринга, Карла Либкнехта и т. д. — это все самостоятельные, очень крупные проблемы, которые нуждаются в специальном исследовании. В настоящей статье можно набросать только общую характеристику, чтобы на основе ее показать, в чем сущность того нового, что внесено Лениным в развитие диалектического материализма.

Философские позиции левых социал-демократов, левых радикалов во II интернационале, как видим, не очень значительно отличались от теоретико-философских взглядов ревизионистов и центристов. В общем они не выходят за пределы той общей характеристики II интернационала, о которой мы выше говорили, опираясь на указания Ленина и Сталина. Что касается философских взглядов Троцкого, то они представляют собой крайне эклектическое сочетание субъективного идеализма, волюнтаризма и механицизма. В его политических тактических работах преобладает субъективистский, абстрактно-схематический подход.

Особое место среди теоретиков II интернационала занимает несомненно Плеханов. Вопрос о Ленине и Плеханове был одним из важнейших вопросов всей философской дискуссии, одним из важнейших вопросов борьбы с меньшевистствующим идеализмом и механицизмом. Без уяснения этого вопроса нельзя понять и основных проблем ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Конечно неправильно сводить, как это делают некоторые товарищи, всю суть вопроса о ленинском этапе в развитии философии марксизма к вопросу о соотношении Ленина и Плеханова. Но вместе с тем необходимо отметить что без правильного понимания соотношения Ленина и Плеханова нельзя понять и ленинского этапа в развитии диалектического материализма. При подходе к вопросу о Плеханове как о философе-марксисте имеется ряд трудностей, ибо Плеханов в своих философских взглядах несомненно представляет собой лучшее среди теоретиков II интернационала. Трудности эти состоят далее в том, что несомненно наряду с тем внутренним

органическим единством, которое существует между политическим оппортунизмом Плеханова и его философскими отступлениями от Маркса—Энгельса, есть известное противоречие, заключающееся в том, что в своих литературных работах, при всех своих отступлениях от последовательной точки зрения диалектического материализма, он все же лучше всех других теоретиков II интернационала защищал материализм от субъективного идеализма и позитивизма народников и от открытого бернштейнианского ревизионизма, вел борьбу против махизма и богдановщины и в то же время на деле, на практике он превращал диалектику в софистику, схоластику. Трудность заключается в том, что Плеханов представляет собой, как это отмечал Ленин в своих высказываниях и характеристике Плеханова, фигуру, которая давала с точки зрения марксистской философии отпор открытым ревизионистам типа Бернштейна, Конрада Шмидта, русским махистам, богосказателям.

Только разобравшись в этой проблеме, мы уясним и целый ряд других вопросов, связанных с темой данной статьи. Прежде всего надо дать отпор тем вульгаризаторским, крайне вредным стремлениям и взглядам, которые, правда, не получили, но пытались получить открытое свое выражение в литературе — вообще выбросить Плеханова в помойную яму истории. Такой вульгаризации и упрощенческой точке зрения надо дать отпор. Эта, с позволения сказать, «точка зрения» ничего общего с большевистским подходом к выяснению места и исторической роли того или другого мыслителя не имеет. Во время философской дискуссии приходилось резко критиковать точку зрения меньшевистствующего идеализма по вопросу о Плеханове. Деборинцы очень ратовали за «исторический подход» к Плеханову. Вообще говоря, исторический подход является одним из важнейших моментов подлинного диалектического метода исследования. Но нужно разобрать то содержание, которое вкладывали в это понятие представители меньшевистствующего идеализма, и дать правильное понимание действительного исторического подхода к проблеме «Ленин и Плеханов». В чем же суть «исторического» подхода, который на всех перекрестках выдвигали представители меньшевистствующего идеализма? Она заключается в стремлении во что бы то ни стало замазать ошибки и отступления от диалектического материализма, имеющиеся в философских работах Плеханова, в стремлении поставить некий предел критике ошибок Плеханова, помешать этой критике. «Исторический» подход деборинцы развешивали следующим образом: Ленин, говорили они, представляет собой одну эпоху, а Плеханов — другую. То, что писал Плеханов, соответствовало его эпохе, вытекало из его эпохи; то, что писал Ленин, также соответствовало его эпохе. А так как «истина—дочь своего времени»,—то в свое время было правильно то, что писал Плеханов, а то, что писал Ленин, правильно теперь. Отсюда меньшевистствующие идеалисты делали вывод: не смей вскрывать ошибки Плеханова, выявлять те отступления от диалектического материализма, которые у него имеются. Вот в чем суть той своеобразной «исторической» оценки, которую давали представители меньшевистствующего идеализма. Ясно, что подлинно исторический подход ничего общего с такой меньшевистствующе-идеалистической оценкой Плеханова не имеет. Подлинно исторический подход заключается в том, чтобы выявить действительно объективное место и значение, которое занимает в развитии рабочего движения Плеханов. Подлинно историческая оценка заключается в том, чтобы, отдав должное той роли, которую сыграл Плеханов, вместе с тем вскрыть все ошибки, которые имеются в его философских взглядах. Необходимо дать большевистскую оценку роли и значения той борьбы, которую вел Ленин с Плехановым по всем основным философским проблемам. Предварительно нужно сделать одно чрезвычайно важное замечание, чтобы показать, что по вопросу об отношении к Плеханову имеется много общего между Дебориным и Аксельрод,

несмотря на то, что они в течение нескольких лет царапались друг с другом. Одна выступала как представительница механицизма, другой — как представитель меньшевистствующего идеализма. Несмотря на всю борьбу, которую вели между собой Деборин и Аксельрод, в основном вопросе, в вопросе о Ленине и Плеханове, в вопросе о ленинском философском наследстве, в их взглядах есть много общего, и это общее чрезвычайно важно здесь проанализировать и показать. Например в журнале «Под знаменем марксизма» в 1922 г. в том самом номере, где была помещена известная статья Ленина «О значении воинствующего материализма», печаталось без примечаний, должно быть как некий официальный материал о Плеханове, письмо в редакцию Аксельрод-Ортодокс и Дейча под заголовком «Г. В. Плеханов не переставал быть марксистом».

Содержание этого письма следующее: «В № 110/1519 «Известий Вс. ЦИК Сов.», а также и в других органах печати помещено обращение Исполкома Коминтерна «К рабочим всех стран», в котором между прочим в первом абзаце напечатано: «Еще покойный Плеханов, когда он был марксистом», и т. д. Подчеркнутые нами слова мы считаем неверными и оскорбительными как для памяти основоположника марксистского течения в России, так и лично для нас, его друзей и единомышленников. Мы тем более находим необходимым протестовать против этой инсинуации, что она брошена целым учреждением, к тому же в его обращении «к рабочим всех стран».

Последние, не зная в точности взглядов покойного Плеханова и полагая на заявление столь авторитетного органа, каким является Исполком Коминтерна, несомненно поверят, что основоположник марксизма в России потом изменил ему, что, конечно, абсолютно неверно.

Мы, близкие Плеханову лица, знаем, каковы были его воззрения — вплоть до его смерти, утверждаем, что до гробовой доски он остался верен взглядам основателей научного социализма, усвоенным им в юности и неизменно проповедуемым в течение сорока лет.

За «Комитет по увековечению памяти Г. В. Плеханова»

Любовь Аксельрод-Ортодокс, Лев Дейч.

20/V 1922 г.

Москва.

Р. С. Просим все органы, напечатавшие обращение Исполкома Коминтерна, перепечатать настоящее наше письмо».

Вот прямая меньшевистская вылазка, прямое меньшевистское обращение против воззвания Коминтерна, который обвинялся со стороны Аксельрод в инсинуациях и т. д. И это было помещено в свое время на страницах «Под знаменем марксизма». Это — чрезвычайно характерный факт, который необходимо уяснить для того, чтобы понять, какое важное значение имела борьба с деборинщиной, как и с механистами, вокруг проблемы «Ленин и Плеханов». По существу и Деборин и Аксельрод в течение ряда лет до последней философской дискуссии и во время нее защищали и проводили эту точку зрения, не отказались от нее по существу и после дискуссии.

Каково же действительное историческое место Плеханова и как нужно ставить вопрос о соотношении Ленина и Плеханова в развитии философии марксизма? Несомненно, Плеханов, стоявший во главе группы «Освобождения труда», является одним из провозвестников марксизма в России. Мы знаем высказывания Ленина по этому поводу. Несомненно, многое из того, что написано Плехановым по вопросам диалектического материализма, имело большое положительное значение для укрепления и развития марксистских идей в России. Работы Плеханова имели и имеют значительную ценность в борьбе с философским ревизионизмом. Принимая эти исторические заслуги Плехано-

ва, мы вместе с тем не должны забывать ту борьбу, которую вел Ленин против извращений материалистической диалектики Плехановым, против плехановско-меньшевистской схоластики, софистики и вульгаризации марксистской философии, особенно в применении ее к политическим и стратегическо-тактическим вопросам. Мы должны знать из истории всего революционного движения в России и на Западе за последние четыре десятилетия, знать из истории борьбы нашей партии, что единственным во всем международном рабочем движении последовательным продолжателем марксизма, поднявшим марксизм во всех его составных частях, в том числе и теорию диалектики, на новую ступень, является Ленин. Были неоднократные попытки представить Плеханова в качестве промежуточного звена между Марксом—Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, попытки изобразить Ленина как ученика Плеханова (Деборин и др.). Нужно дать отпор этой явной фальсификации исторических фактов в угоду меньшевизму. Нужно также дать решительный отпор тем утверждениям, что Плеханов в теоретическом отношении, в академическом изложении марксизма дает «блестящие страницы», что у Плеханова в этом отношении никаких изъяснений нет и что только на практике он оказался не диалектиком. Это—в корне неправильная точка зрения. Мы выше говорили о противоречии между теоретическими высказываниями о диалектическом материализме у Плеханова и умением его практически применить. Но вместе с тем неверно и то, что в области теоретической Плеханов является вполне ортодоксальным философом-марксистом. Несмотря на то, что вопрос о Ленине и Плеханове как философах-марксистах уже в известной степени освещался на страницах нашей печати, необходимо к этому вопросу все же еще раз вернуться, ибо он имеет крайне актуальное значение. На этом вопросе надо остановиться еще и потому, что до настоящего времени в нашей литературе почти совершенно не освещался ряд важнейших материалов в этом отношении из истории партии, из истории борьбы большевизма с меньшевизмом. В частности необходимо осветить отношение к Плеханову как философу-марксисту со стороны Троцкого, со стороны т. Зиновьева, рассмотреть все это в свете нашей борьбы с меньшевистствующим идеализмом.

Обратимся к Зиновьеву. В его книге «Ленинизм» имеется специальная глава «Ленинизм и диалектика». Эта глава, являясь ярким примером «цитатного» марксизма, показывает, насколько т. Зиновьев не понял ни ленинизма, ни диалектики, как он извращает подлинную ленинскую диалектику, ее революционно-действенный характер. Зиновьев совершенно не понял партийности философии, так глубоко и полно развинутой Лениным. Не поняв этой стороны дела, Зиновьев скатывается к струвистской об'ективистской трактовке материалистической диалектики. Вот как извращает он существо ленинских взглядов: «Ленин умел быть активнейшим, страстным, «бешеным» (любимое словечко Ленина) участником событий и в то же время умел тут же, как бы отходя в сторону, совершенно об'ективно наблюдать, оценивать и обобщать эти же события с философским спокойствием, с критерием марксистской диалектики, с об'ективностью естествоиспытателя» (стр. 379). Продолжая развивать эту, с позволения сказать, установку, Зиновьев пытается доказать на ряде примеров, как в «самом разгаре актуально-политической» аргументации «Ленин вдруг сворачивает к диалектике» (стр. 394).

Не чем иным, как полным извращением существа дела, нельзя назвать такие «характеристики» Ленина. Зиновьев совершенно внешне, механически представляет себе связь между теорией и практикой, между «бешеной, страстной» активностью в политических событиях и якобы «об'ективным», «философски спокойным» наблюдением их у Ленина, между «актуально-политической аргументацией» и аргументацией с точки зрения материалисти-

ческой диалектики. Зиновьев совершенно не понимает, что сила Ленина как величайшего материалиста-диалектика, развивавшего учение марксизма в новую историческую эпоху, состоит в том, что он дает образцы революционного единства теории и практики, научного анализа с глубокой партийностью. Зиновьев не понял, что нет у Ленина где-то отдельно актуально-политической аргументации, а за ней внешне следует материалистическо-диалектическая аргументация. Зиновьев не понимает, что у Ленина мы имеем органическое внутреннее единство революционной теории и революционной политики, что каждая ленинская политическая статья представляет собой образец материалистической диалектики и что каждая строка Ленина по вопросам диалектики насквозь насыщена политикой. Даже самое название главы — «Ленинизм и диалектика» — свидетельствует о чисто внешнем, механическом сочетании их у Зиновьева.

Понятно, что, извратив по-меньшевистски марксистско-ленинское учение о теории и практике, Зиновьев совершенно неправильно трактует вопрос о Ленине и Плеханове. По существу он ставит этот вопрос в духе меньшевистствующего идеализма, или вернее, является одним из авторов этой позиции. Вот что он пишет о Плеханове и Ленине: «Пока дело идет о чисто философских проблемах, Плеханов понимает диалектику не хуже Ленина. Как просветитель, как писатель, как пропагандист, как популяризатор философских взглядов Маркса, Плеханов силен. Академическое изложение диалектического метода Плеханов дает нам блестяще. Но свести все эти вопросы с академического неба на грешную землю, применить диалектику к революционной борьбе рабочего класса Плеханов оказался совершенно бессилем. А Ленин именно в этой области выступил настоящим гигантом» (разрядка наша.—М. М.). Разве Зиновьев здесь не является соавтором известного меньшевистского тезиса Деборина о том, что «Плеханов — теоретик, а Ленин — практик»? Разве Зиновьев тут не разорвал теорию и практику? Зиновьев затушевывает то, что и в общем понимании материалистической диалектики мы имеем у Плеханова, несмотря на «блестящее» изложение, ряд грубых, принципиальных ошибок, известную систему отступлений от диалектического материализма. Зиновьев совершенно замазывает то, что политический оппортунизм Плеханова не мог не получить своего выражения в его теоретических взглядах по философии марксизма, как и наоборот, его отступления от диалектического материализма не могли не оказать своего влияния на его политические взгляды. Зиновьев, как и Карев, как и Деборин, не понимает, что между плехановскими философскими взглядами и его меньшевизмом существует не только известное противоречие, но и внутренняя связь, что неоднократно вскрывал в своих работах Ленин.

* * *

Борьба Ленина с теоретическими и тактическими взглядами Плеханова, особенно в период революции 1905—1906 гг., имела огромное значение для победы большевистской стратегии и тактики в рабочем движении и проведении ее в революции. Наряду с непосредственно политическим содержанием эта борьба дает исключительно богатый материал для изучения и уяснения философских позиций Ленина в противовес позициям Плеханова. Мы здесь остановимся главным образом на позициях Плеханова в его борьбе с Лениным. Надо отметить, что Плеханов всю свою «аргументацию» по тактическим вопросам ведет якобы с точки зрения диалектического материализма. Все время он критикует Ленина за якобы полное непонимание диалектического материализма, за отступление от него. В своей статье «Нечто об «экономизме» и об «экономистах» (т. XIII, стр. 17) он бросает по адресу большевиков обвинение в беззаботности насчет теории. «У «экономиста» — практика, — писал он, — теория вообще не в авантаже. Но нынешние прак-

тики «политического оттенка» (т. е. большевики. — М. М.) тоже не бог знает как прилежат теории. Если же пошло на правду, то мы скажем, что нынешние наши практики — «политики», отличаются такой же беззаботностью насчет теории, какой отличались практики — «экономисты» недавнего прошлого» (стр. 15). Характеризуя таким образом «беззаботность» большевиков насчет теории, Плеханов в другой своей статье — «Что делать?» — «высказывается» о своем отношении к Ленину персонально. «Я никогда, — писал он, — не считал Ленина сколько-нибудь выдающимся теоретиком и всегда находил, что он органически не способен к диалектическому мышлению».

С усердием, достойным лучшего применения, Плеханов бесконечное количество раз повторяет эту же клевету на Ленина. Обвиняя Ленина в отсутствии диалектики и в метафизике, он констатирует даже «4-й период» в рабочем движении. Он пишет: «И вот почему «ликвидация 4-го периода» нашего движения, характеризующегося влиянием ленинской метафизики, подобно тому, как «третий период» его характеризуется влиянием «экономизма» — должна будет состоять между прочим в том, чтобы подняться наконец до теоретической точки зрения этой группы (т. е. группы «Освобождение труда»). Это скоро увидят даже совсем близорукие».

Плеханов не останавливается на этих гнусных выпадах против Ленина, он углубляет их, распространяя клевету, поддержанную затем в тот период Дебориным и другими меньшевиками, относительно махистской философии, являющейся якобы официальной философией большевизма. Вот что он писал в своих «Письмах о тактике и бестактности» (т. XV, стр. 125):

«Когда я говорю, что мы на словах фактически держимся Маркса и его диалектики, я, разумеется, не имею в виду теоретиков нынешнего нашего бланкизма. В области философии эти люди даже на словах не идут за Марксом. Они выступают в качестве его «критиков»; для них, стоящих на точке зрения эмпириомонизма, диалектика — «давно превзойденная ступень»

Это было написано Плехановым весной 1906 года.

Обвинения Ленина и большевиков в идеализме повторяются Плехановым бесконечное количество раз. Так, в томе XV, стр. 62 он пишет: «Тактика, отстаиваемая нашими «большевиками», носит на себе явные следы мелкобуржуазного идеализма и мелкобуржуазной псевдо-революционности». Там же, на стр. 72, он пишет: «...Ленин понижает уровень революционной мысли, что он вносит утопический элемент в наши взгляды. ...Бланкизм или марксизм — вот вопрос, который мы решаем сегодня. Тов. Ленин сам признал, что его аграрный проект тесно связан с его идеей захвата власти». В «Письмах о тактике и бестактности» на стр. 108 он следующим образом обращается к большевикам: «Вы именно догматики, утратившие всякую способность к практике. Вы принимаете свою собственную волю за главный революционный двигатель, и когда мы указываем вам на действительные отношения, вы вопите о нашем мнимом оппортунизме. Вы думаете, что революционизму, который захочет считаться с этими действительными отношениями, «не остается ничего делать». Ваша фракция, как две капли воды, похожа на фракцию Виллиха-Шапера, а ведь эта фракция была лишь немецкой разновидностью бланкизма, усвоившей себе терминологию Маркса и кое-какие совсем непереваренные ею клочки его идей... Будучи идеалистами в тактике, вы, естественно, применяете идеалистический критерий к оценке других партий; вы стараетесь определить их более или менее добрую волю... Ваши рассуждения о «критике оружием» являются не чем иным, как простым перенесением в область тактических рассуждений той дюрингианской теории насилия которую так едко осмеивал когда-то Фридрих Энгельс» (стр. 45).

В статье, которую мы выше уже цитировали, — «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» — Плеханов обвиняет Ленина и в народничестве, и в эсерстве, и в бауэризме. Так, он пишет: «Во взгляде Ленина мы видим не марксизм, а, прошу прощения за некрасиво звучащее слово, — бауэризм, Новое издание героев и толпы, исправленное и дополненное согласно рыночным требованиям 'самоновейшего времени'» (т. XIII, стр. 133).

Таков букет лжи, клеветы против Ленина, который выдвигает Плеханов в процессе борьбы большевиков с меньшевиками за проведение революционной тактики в революции 1905 г., за лозунги революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, за разоблачение оппортунизма меньшевиков, их хвостизма перед кадетской либеральной буржуазией.

Можно было бы показать, что Плеханов борется с Лениным на протяжении почти всей истории партии за исключением тех периодов, когда он сам колебался в сторону большевизма. Но это требует специальной работы. Здесь необходимо только привести плехановскую оценку апрельских тезисов Ленина 1917 г., являющихся величайшим документом международного социализма, ярчайшим образцом метода материалистической диалектики, глубочайшим конкретным анализом обстановки классовой борьбы и соотношения классовых сил в Февральской революции. Как оценивает эти тезисы Плеханов? Он писал: «Я сравниваю его (т. е. Ленина. — М. М.) тезисы с речами ненормальных героев названных великих художников (Плеханов имеет в виду Чехова и Гоголя. — М. М.) и в некотором роде наслаждаюсь ими. И думается, что тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин. Обстановка эта характеризуется следующей пометкой: «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чорт знает, что такое». Мы увидим, что именно при такой обстановке, т. е. при полном отвлечении от обстоятельств времени и места, написаны тезисы Ленина. А это значит, что совершенно прав был репортер «Единства», назвавший речь Ленина «бредовой» (Г. Плеханов, сб. «Год на родине», Париж, ст. «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен»).

Вот до какой злобной, остервенелой инсинуации доходит Плеханов в борьбе против большевизма в период войны и в период после Февральской революции. Плеханов «критикует» большевизм, останавливаясь на философской, методологической стороне вопроса, всячески извращая, всячески подтасовывая эти взгляды.

Между тем, как выяснялось уже в нашей литературе, отступления от Маркса и Энгельса в вопросах философии марксизма, которые мы имеем у Плеханова, представляют собой большой шаг назад. Мы не будем сейчас останавливаться на этом. Отметим только, что эти отступления Плеханова от последовательной позиции в вопросах философии марксизма идут в основном по линии данной нами выше характеристики философских позиций II интернационала.

Разоблачение и преодоление этих ошибок Плеханова означают преодоление меньшевизма в такой важной теоретической области, какой является философия марксизма. Именно по этой линии борьба с меньшевистствующим идеализмом имела и имеет огромное партийное значение.

III

Перейдем к вопросу о фальсификации философской борьбы Ленина с оппортунизмом, которую мы имеем в работах механицизма и меньшевистствующего идеализма. Надо отметить ряд характерных черт подхода со стороны меньшевистствующего идеализма к философской борьбе Ленина с оппортунизмом. Прежде всего — и это находится в тесной связи с общей концепцией меньшевистствующего идеализма — отрыв, как любил писать Деборин,

«чисто философских работ» Ленина от всех его других работ. Такие работы Ленина, как например «Что такое друзья народа», как «Развитие капитализма в России» и т. д., совершенно выпали из поля внимания этих философов при подходе к пути философского развития Ленина, поскольку указанные работы не являются «чисто философскими работами». Вторая характерная черта при подходе меньшевистствующего идеализма к философской борьбе Ленина — это известная теория о том, что «Ленин — ученик Плеханова», и поэтому самостоятельного значения его философские работы не имеют, а имеют значение постольку, поскольку они дополняют взгляды Плеханова. Третья характерная черта их подхода к борьбе Ленина с философским оппортунизмом — это отрицание международного значения работ Ленина против неокантианства, против махизма, отрицание международного значения борьбы Ленина за материалистическую диалектику. Наконец четвертый момент — это усиленное протаскивание меньшевистской плехановской идеи об органической связи, которая якобы существует между большевизмом и махизмом. Вот четыре важных момента, которые красной нитью проходят в целом ряде статей, материалов, работ, написанных представителями меньшевистствующего идеализма. Возьмем ли мы книгу Деборина «Ленин как мыслитель», книгу Луппола «Ленин и философия», работы и статьи Карева, все эти моменты в той или иной степени в них развернуты. В настоящее время чрезвычайно важно, особенно в связи с письмом т. Сталина, раскрыть эту фальсификацию философского развития Ленина, раскрыть подлинную историю философской борьбы Ленина и показать ту действительную роль, то действительное значение, которое в процессе исторического развития имел большевизм для дальнейшего развития философии марксизма. Вспомним прежде всего то, что писал Деборин в своей статье «Философия Маха и русская революция» еще в 1908 г., будучи меньшевиком, относительно органической якобы связи между философией махизма и большевизмом как политическим движением.

«Печать субъективизма, «волютаризма», — говорит он там, — лежит на всей тактике т. н. большевизма, философским выражением которого является махизм. Махизм — это мировоззрение без мира в качестве философии субъективизма и индивидуализма — образует в сочетании с ницшевским имморализмом, дающим оправдание «зла», эксплуатации и пр., — идеологический туман, открывающий практические стремления буржуазии. Большевистские философы и «идеологи» не переходят за пределы мелкобуржуазного кругозора. Большевистские же стратеги и тактики с их романтическим революционизмом и мелкобуржуазным радикализмом прилагают на практике теоретические принципы философского нигилизма, в основе которого лежит отрицание об'ективной истины и признание права за каждой личностью определять характер дозволенного и недозволенного, истинного и ложного, доброго и злого, справедливого и несправедливого. Наши махообразные марксисты — сознательные большевики, осмысливающие практику и тактику последних. Большевистские же тактики и практики — бессознательные махисты и идеалисты. Об'ективно махизм представляет таким образом на русской почве идеологию революционного радикального слоя буржуазии и в этих пределах знаменует собою прогрессивное явление. По отношению же к марксизму — мировоззрению пролетариата — махизм играет реакционную роль. Бессилие и политическая отсталость мелкой буржуазии заставляют ее искать временных союзников среди других классов населения. Самым же надежным и револю-

ционно последовательным союзником является пролетариат. Но чтобы «расположить» к себе последний в целях хотя бы «диктатуры пролетариата и крестьянства», приходится прибегать к марксистской фразеологии, дающей возможность прикрывать мелкобуржуазную «сущность». Ведь наши эсеры — «тоже марксисты».

Вряд ли потребуются специальные комментарии к этой меньшевистской клевете на большевизм. Важно отметить, что подобные взгляды в сильно завуалированной форме получили отражение даже в работе т. Деборина «Ленин как мыслитель», написанной в 1924 г. и издававшейся вплоть до 1928 г. без всяких исправлений.

Надо сказать, что в этом вопросе мы можем констатировать, что между тогдашним Дебориным и Аксельрод-Ортодокс существовало трогательное единство. У Аксельрод-Ортодокс имеется целый ряд злостных меньшевистских статей по философским вопросам. Вот что писала она например в статье «Два течения» (сборник «На рубеже», 1909 г., в котором участвовали Ф. Дан, А. Деборин, Д. Кольцов, В. Львов, Л. Маслов, Мартынов, Неведомский, Л. Ортодокс, А. Потресов): «Если связь между философией и общественными течениями оказывается в большинстве скрытой, если ее приходится обнаруживать только при помощи анализа внутреннего содержания данного общественного течения, то связь между большевизмом и махизмом бросается в глаза и с вульгарно-эмпирической точки зрения или, выражаясь термином эмпириков-критиков, с чисто описательной точки зрения. В самом деле, большинство теоретиков большевизма исповедуют эмпириокритическое учение. Философия для этих теоретиков не серьезный предмет, а метод мышления, которым обуславливаются и приемы практической их деятельности. Понятно поэтому, что их теоретическая и практическая деятельность оказывала и продолжает оказывать влияние и на тот круг социал-демократов, который к философии непосредственного отношения не имеет».

Дальше в этой же статье она самым клеветническим образом продолжает изображать «психологию и логику большевизма», как она выражается, стремясь доказать родство, тождество большевизма с махизмом.

Плехановский тезис о родстве большевизма с махизмом, так усердно развивавшийся и пропагандировавшийся Дебориным и Аксельрод, был разоблачен Лениным. В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин писал:

«Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму. За это мелкое и мизерное использование коренных теоретических разногласий он уже поделом наказан — двумя книжками меньшевиков-махистов».

Работая над вопросами ленинской борьбы с философским ревизионизмом, надо особенно проанализировать всю борьбу вокруг «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, надо дать сводную критику меньшевистского махизма.

Перейдем теперь к книге т. Луппола «Ленин и философия». В ней есть особая глава: «Философский путь Ленина». Нужна специальная работа для того, чтобы распутать всю ту фальсификацию философского пути Ленина, которую нагородил Луппол. Остановимся только на двух-трех характеристиках «Материализма и эмпириокритицизма», которые дает Луппол в этой книге.

«Бесспорно, — пишет он, — своим «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленин сделал большое партийно-философское дело. Однако к нему менее всего могут быть применены слова «мавр сделал свое дело, мавр может уйти» (спасибо т. Лупполу и на этом! — М. М.).

В другом месте мы находим:

«В своей книге он не развивал в положительной форме принципов диалектического материализма, но излагал их в форме отрицательной критики философских ревизионистов марксизма. Полемическая задача определяла метод и характер построения книги Ленина. Для каждого из основных положений ревизионистов он находит их корни в идеалистической философской литературе Запада и, вскрыв таким образом их идеалистический, анти-марксистский характер, противопоставляет кратко материалистические тезисы, черпая их не только у Маркса и Энгельса, но и у таких материалистов, как Дидро, Фейербах, Иосиф Дицген, Плеханов».

Вот пример фальсификации философского пути Ленина. Особенно странно читать такие строки о ленинской книге, написанные в 1925—1926 гг. и издававшиеся в 1929 г., после той замечательной, глубокой постановки вопроса об этой книге, которую дал в своих работах т. Сталин в 1924 г.

Разоблачая такую фальсификацию, надо сказать, что Ленин с самых первых своих работ дает нам образцы того действенного понимания марксизма, о котором говорится вначале. Ленин с самых первых своих работ связывает философию с политикой, дает образцы партийности философии. Когда он критикует экономические, политические взгляды народников, он не останавливается на этом, а дает также развернутую критику их философских и социологических взглядов. Сравним хотя бы две работы: «К вопросу о развитии монистического взгляда и т. д.» Плеханова и «Что такое друзья народа» Ленина и мы сразу увидим громаднейшее различие, которое существует между Лениным и Плехановым, между пониманием марксизма Лениным и Плехановым. Что дает в своей книге Плеханов? Известно, что эта книга Плеханова — одна из лучших его книг по философии марксизма, что на ней рос и вырос ряд поколений марксистов. Для нас ясно, что эту книгу необходимо изучать, что без этого нельзя стать подлинным марксистом, подлинным коммунистом, но изучать ее надо не по-деборински. Ее нужно изучать критически, выясняя ошибки Плеханова и то, в чем Ленин превосходит Плеханова. У Плеханова мы находим крайне академическое изложение марксизма, марксистской философии и исторической подготовки марксизма. Мы имеем уже в этой книге значительные элементы механицизма, ошибки по вопросу о роли географической среды, так сказать «географический уклон», непонимание соотношений между природой и обществом, именно то, что получило у него дальнейшее серьезное развитие. Мы имеем у Плеханова совершенно недостаточную постановку и развитие вопроса о роли и значении теории классовой борьбы в марксизме, в материалистическом понимании истории. У Ленина же мы с самого начала сталкиваемся с партийной воинственностью в борьбе с народниками. Ленин устанавливает связь между философскими, социологическими и экономическими, политическими взглядами народников. Если взять анализ кустарного промысла и домашней системы производства у Ленина, если взять конкретный характер критики народников, идущий от критики общих философских и социологических взглядов народников, до вопросов об общине, о кустарных промыслах, если сопоставить все теоретическое богатство, которое дает Ленин, и вспомнить, что он именно в этой работе заостряет важнейшую проблему исторического материализма — вопрос об общественно-экономической формации, то мы увидим, какая разница существует между этими работами Ленина и Плеханова. Наконец надо сказать, что Ленин по существу первый и самостоятельно, а не так, как это рисуют Деборин и Лунтшол, дает в России развернутое изложение марксистского мировоззрения в борьбе с субъективной социологией народников. Плеханов свою книгу писал осенью 1894 года, а Ленин свои «Друзья народа» писал в апреле 1894 г., при чем писал самостоятельно, независимо от той работы, которую вел Плеханов. Сравнивая эти работы

выявляя, насколько выше ленинская работа, мы можем сказать, что Ленин первый в России дал в этой своей книге в борьбе с народниками, субъективной социологией развернутое изложение диалектического материализма.

Ленин первый вообще и наиболее последовательно повел также борьбу с неокантианством. Ленин еще в конце 1894 г. читал в петербургском кружке социал-демократов доклад об отражении марксизма в буржуазной литературе, который он издал в переработанном виде, как книгу, направленную одновременно на два фронта — против Струве и против народников. Мы имеем в виду работу Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», написанную в конце 1894 года и изданную в 1895 году.

Эта работа дает исключительный образец непримиримости теоретической полемики, образец борьбы на два фронта. В ней Ленин критикует также и философские взгляды Струве, критикует в ряде мест и замечаний неокантианскую ревизию марксизма, наметившуюся у Струве. Конкретность критики характерна вообще для ленинских работ. Далее, в работах против Булгакова по вопросам теории реализации и др. Ленин бросает целый ряд замечаний, направленных против неокантианцев. Между тем Плеханов тогда еще не выступал ни против бернштейновской ревизии, ни против Струве. Значительно позднее в письме к Потресову от 2 сентября 1898 г. Ленин указывает на то, что Плеханов до сих пор не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать об основных вопросах этой философии, как будто она стала составной частью марксистской философии. Нужно сказать, что Плеханов до выступления Бернштейна очень сильно колеблется в борьбе со Струве. В 1898—1899 гг. Плеханов, выступая уже против Бернштейна, критикуя его неокантианство, касаясь взглядов «русских учеников», как это было обнаружено в одном из вариантов его статьи, помещенной в № 4—5 «Под знаменем марксизма», высказывается, что неокантианство может быть соединено с экономической и исторической теорией марксизма. Анализируя все это, мы должны сказать, что Ленин по существу первый на международной арене выступает с критикой русских неокантианцев, с конкретной критикой и анализом их экономических взглядов и т. д. Вот как обстоит дело в действительности, и эта действительность совершенно противоречит тому, что писал Деборин.

Нужно далее сказать, что Ленин по существу является также и инициатором борьбы против махизма, и это опять-таки совершенно извращено у Деборина в книге «Ленин как мыслитель». Деборин изображает дело так, будто в борьбе с махизмом выступила «плехановская школа», куда входили: Плеханов, Аксельрод и он сам, Деборин, а Ленин только присоединился к ним и написал свой «Материализм и эмпириокритицизм». По этому вопросу имеется много чрезвычайно важных и интересных материалов. Мы не будем их сейчас приводить.

Первым инициатором борьбы против махизма был именно Ленин, хотя непосредственно он сам против махизма еще не выступал. В 1904 году Аксельрод по настоянию Ленина написала статью, направленную против богдановщины. Примерно в 1901/02 г., прочитав книгу Богданова «Исторический взгляд на природу» и увидев, что она является идеалистической ревизией марксизма, Ленин настаивал, чтобы Плеханов и Аксельрод выступили с критикой Богданова, так как он сам был тогда непосредственно занят партийными делами. Тогда же Аксельрод написала свою статью, при чем сама она указывала, что выступает с критикой Богданова по настоянию Ленина.

Деборинцы, как и махисты, совершенно замазывали международное значение, которое имела борьба Ленина с махизмом. Между тем Ленин сам

писал о том, что этот «философский спор» имел международное значение, что нужно было диалектическому материализму «сладить» с новыми открытиями в области естествознания, что Плеханов вовсе этого вопроса не ставил, игнорировал вопросы естествознания.

Вот ряд моментов, которые должны быть специально теоретически разработаны, чтобы показать ту роль и значение, которые имеет ленинская борьба с оппортунизмом в области философии, чтобы показать ту последовательность и непримиримость, с которыми Владимир Ильич вел эту борьбу на протяжении всей истории партии.

Не приходится особо останавливаться на значении, которое имеют теперь вопросы борьбы с неогегельянством. «Материализм и эмпириокритицизм», ленинские работы о Гегеле, статья его «О значении воинствующего материализма», это — материал, который представляет собою по существу развернутую теорию материалистической диалектики, материал, который дает нам глубокую оценку роли и значения Гегеля в подготовке марксизма, дает материал для действительного критического подхода к Гегелю, для разоблачения его идеализма. В разворачивающейся на международной арене борьбе большевизма против фашизма, социал-фашизма, борьбе против фашизации науки, которая приводит к тому, что фашисты пытаются чуть ли не каждого крупного мыслителя изобразить родоначальником и отцом фашизма, взять ли Гегеля, Гете, Спинозу и т. д., — защита основ диалектического материализма имеет особое значение. Ленинское учение, его философские работы представляют собой острейшее оружие борьбы с современным неогегельянством, оружие, при помощи которого можно наносить фашизму и социал-фашизму как двум близнецам и в области теории жесточайшие удары.

IV

Перейдем теперь к вопросу о том, что нового внесено Лениным в развитие диалектического материализма, что конкретизирует и развивает дальше Ленин. Этот вопрос конечно не может быть исчерпан в одной какой-нибудь или даже в нескольких работах. Здесь важно остановиться на основных принципиальных вопросах, без правильного освещения которых нельзя всерьез говорить о научной, подлинно большевистской разработке ленинского этапа в развитии материалистической диалектики. Отправным пунктом для понимания ленинского этапа в развитии марксизма, для понимания того, что Лениным внесено нового в развитие марксизма в целом, является классическая характеристика ленинизма, данная т. Сталиным. Мы должны исходить из того, что главное в ленинизме — это учение о диктатуре пролетариата.

Сейчас на всех участках теоретического фронта — не только на философском, но и на экономическом, историческом, литературном и т. д. — стоит задача освоения, осознания ленинского наследства. В каждой области марксистской теории нужно показать, в чем Ленин конкретизирует и развивает Маркса.

Кто не отправляет их от главного в ленинизме, тот с самого начала обречен на то, чтобы стать на меньшевистский путь в различных областях работы. При разработке тех или других сторон, составных частей марксистско-ленинской теории, нужно твердо исходить из того, что марксистско-ленинское учение есть стройное, цельное, последовательное учение, что три составных части марксизма — не механически склеенные части, из которых одну можно принять, а другую наполовину принять, одну можно не осознать, а другую можно через несколько лет осознать и т. д. Нужно исходить из того, что марксизм есть последовательное, стройное, монолитное учение, из которого ничего нельзя вырвать, чтобы не извратить, не ополщить его. Мы должны понять также, что главное в ленинизме, а именно вопрос о диктатуре пролетариата, определяло и определяет задачи и направление работы, развитие отдельных сторон

ленинизма как марксизма новой эпохи. Из этого мы должны исходить для понимания того нового, что внесено Лениным в той или другой составной части марксизма. Из этого надо исходить для правильного понимания того нового, что внесено Лениным в развитии философии марксизма. Однако из этих бесспорных положений иногда делаются такие неправильные выводы, что по существу становятся на ликвидаторскую точку зрения по отношению к философии марксизма. Мы имеем вульгарно-упрощенческие высказывания ряда товарищей примерно такого порядка: исходя из правильной мысли, что главное в ленинизме есть учение о диктатуре пролетариата, они считают, что не следует искать ничего нового, внесенного Лениным в марксистскую философию, кроме того, что дано им в теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Они считают, что суть ленинского этапа в развитии философии марксизма состоит в том, что Ленин развивал философию марксизма как теорию диктатуры пролетариата. Иными словами, эти товарищи пытаются растворить все составные части ленинизма, в том числе и ленинскую философию, в учении о диктатуре пролетариата. Стать на эту точку зрения, значит стать на ликвидаторскую по отношению к философии марксизма точку зрения, которая, прикрываясь фразами о диктатуре пролетариата, по существу занимается изничтожением философии марксизма. Ленин развивал философию марксизма как коренное теоретическое основание марксизма на протяжении всей исторической борьбы партии в неразрывной связи с борьбой за диктатуру пролетариата, в неразрывной связи со своим учением о диктатуре пролетариата, со своим учением о партии и т. д. Однако надо понять то своеобразное новое, что вносит Ленин в ту или иную сторону марксизма. Нельзя отождествлять ленинизм в целом с той или другой его стороной. Ясно, что такая ура-«революционная», упрощенческая точка зрения, которая часто имеет место, точка зрения, которая отождествляет философию марксизма с учением о диктатуре пролетариата, должна получить и получает со стороны партийных философских кадров соответствующий отпор.

Мы должны отпавляться от исключительных по своей глубине мыслей, развернутых т. Сталиным в его беседе с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. Он говорил:

«Я думаю, что никаких «новых принципов» Ленин не «прибавлял» к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из «старых» принципов марксизма. Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса и Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса. Что это значит? Это значит, что он развил дальше учение Маркса—Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Этот значит, что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, при чем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 323).

Нет ни одного вопроса марксистской философии, нет ни одной проблемы материалистической диалектики, исторического материализма, которые бы Ленин не развивал, не конкретизировал в соответствии с условиями классовой борьбы пролетариата в новую историческую эпоху. Понятно, что

и в вопросах диалектического материализма Ленин не отменяет ни одного из «старых принципов» марксистской философии и не прибавляет «новых принципов». Понятно, что и здесь, в области философии марксизма, «новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом» (Сталин).

В соответствии с условиями и задачами классовой борьбы новой эпохи Ленин развивал дальше материалистическую диалектику как философскую науку, конкретизировал революционный метод Маркса. Особое внимание обращает Ленин на следующие вопросы марксистской философии — на теорию познания диалектического материализма, на законы материалистической диалектики, и особенно на «ядро диалектики», на ее «суть» — на закон единства и борьбы противоположностей, на дальнейшее обоснование и развитие теории отражения, являющейся наиболее последовательным выражением диалектико-материалистической точки зрения.

Основное звено во всем том новом, что внесено Лениным в развитие философии марксизма, что внутренне проникает все конкретизированные им вопросы марксистской философии, — это развернутое им с наибольшей четкостью, последовательностью понимание предмета материалистической диалектики как философской науки в виде тождества диалектики, логики, теории познания. «Диалектика и есть теория познания (Гегеля) марксизма, вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а с у т ь дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (Ленин). Совершенно не случайно то обстоятельство, что именно Ленин как единственный продолжатель марксизма в эпоху империализма и пролетарских революций «обратил внимание» на эту с у т ь дела, развивал марксистскую философию в этом направлении. Вот как объясняет это Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали диалектический материализм, чем диалектический материализм, больше настаивали на историческом материализме, чем на историческом материализме. Наши махисты, желающие быть марксистами, подошли к марксизму в совершенно отличный от этого исторический период, подошли в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху».

Ленин, как мы видим, подчеркивает, что мы имеем новую историческую эпоху, что эта новая историческая полоса характеризуется в идеологической области кризисом естествознания. Из этого кризиса естествознания вырастают различные идеалистические школы и направления, буржуазная философия специализируется на гносеологии. Все эти процессы связаны в свою очередь с общим кризисом капиталистической системы, это связано с тем, что буржуазия идет к своему концу, что она идет ко дну. Историческая задача пролетариата в этот период — потребности классовой борьбы в области идеологии, задача беспощадной борьбы с этими идеалистическими направлениями, задача дать ответ с точки зрения диалектического материализма на вопросы, вставшие в связи с революцией в естествознании, выдвигали необходимость разработки и конкретизации проблем теории познания диалектического материализма, заставляли обращать внимание именно на вопросы гносеологического порядка. Именно исходя из этого, т. Сталин так прекрасно характеризовал то новое, что внесено Лениным в развитие философии марксизма.

«Не кто иной, как Ленин», — говорил он, — взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Итак, эту задачу, т. е. задачу придать материализму новый вид в связи с величайшими открытиями в области естествознания, задачу поднять на новую ступень развития марксистскую философию, выполнил Ленин. На долю Ленина выпало дать дальнейшее теоретическое обоснование и развитие материалистической гносеологии. Именно Ленин в соответствии с потребностью новой эпохи обращал особое внимание на теорию познания диалектического материализма, развивая в этом отношении учение Маркса и Энгельса. Вот чем объясняется то, что Ленин так глубоко трактовал вопросы марксистской философии, понимая материалистическую диалектику как философскую науку марксизма, давая очень глубокое понимание единства диалектики и теории познания. Понятно, что во всех этих проблемах Ленин не вносит «новых принципов» в марксистскую философию и не отменяет никаких старых, а исходит из принципов Маркса—Энгельса.

Ленин, как уже говорилось выше, теорию материалистической диалектики разрабатывал как философскую науку. Ленин обращал большое внимание именно на эти вопросы, так как ясно предвидел, что с завоеванием диктатуры пролетариата и по мере ее дальнейшего укрепления встанет задача коренной перестройки всей науки на базе диалектического материализма. Последнее же возможно только в том случае, когда мы будем иметь развернутую теорию диалектического материализма. Ленин творчески, действительно применял марксистское учение к этой новой эпохе, развивал его дальше, конкретизировал в применении к новым условиям классовой борьбы пролетариата. Нередко приходится сталкиваться с полным непониманием ленинского положения о том, что диалектика есть теория познания марксизма. Это положение пытаются извратить на идеалистический лад, утверждая, что оно якобы страдает неясностью, половинчатостью, что Ленин будто бы говорит здесь лишь о субъективной диалектике, упуская из виду диалектику объективную, диалектику природы, диалектику движения и развития материального, объективного мира. Ясно, что такая «точка зрения» представляет вольную или невольную попытку своеобразной ревизии марксизма. Тот, кто так ставит вопрос, ничего не понимает в ленинской философии. В статье «К вопросу о диалектике» Ленин пишет о диалектике следующее: «диалектика есть и закон объективного мира и закон познания». Ленинское выражение — диалектика есть теория познания — является кратким обобщением всего его глубокого понимания проблем марксистской философии, кратким выражением того, что он сформулировал в другой своей работе, говоря о предмете марксистской философской науки, когда писал: «логика есть учение не о внешних формах познания, а учение о законах развития объективного мира, природы, общества, мышления». Это и есть то же самое, что выражено в приведенном выше кратком тезисе.

По мере перерастания капитализма в его империалистическую стадию, по мере роста и углубления его противоречий в среде социал-демократии, идеологов II интернационала усиливался реформизм, оформлялся международный оппортунизм. В то время как действительность означала обострение противоречий, социал-демократия создавала, культивировала теорию о примирении противоречий, обосновывала теорию притупления классовой

борьбы, примирения классов. Ленин в «Государстве и революции», как и в других своих работах, подверг жесточайшей критике всю эту «примирительную» гнусь социал-демократии. Ленин показал, что социал-демократия отказалась от марксистского учения о государстве как орудии насилия одного класса над другим, от теории классового происхождения государства, отказалась от главного — от диктатуры пролетариата. Ведь вопрос об отношении к буржуазному государству — это вопрос об отношении к господству капиталистов. Ведь вопрос о необходимости разбить, сломать буржуазную государственную машину — это вопрос о пролетарской революции. Все учение Ленина о государстве и диктатуре пролетариата основано на марксовой теории непримиримости классовой борьбы, оно насквозь пронизано материалистической диалектикой — законом раздвоения единого на противоречивые части и непримиримой борьбы этих противоположностей. Без применения развития этого важнейшего революционного закона диалектики нет ленинского учения о государстве и диктатуре пролетариата, как без материалистической диалектики и ее ядра — учения о борьбе противоположностей — нет и «Капитала» Маркса.

Этот пример показывает, что проблема борьбы противоположностей, борьбы противоречий, вопрос о различных формах этих противоречий, проблема перехода противоположностей из одной в другую и различного характера этих переходов — все это явилось чрезвычайно важными моментами для понимания, для теоретического осмысливания нового исторического периода. В соответствии с этим, поскольку Ленин действительно дает образцы творческого марксизма, он дальше конкретизирует, развивает учение о единстве противоположностей. Возьмем некоторые большевистские лозунги, некоторые основные большевистские стратегические и тактические положения, являющиеся отправными вехами для понимания большевистской стратегии и тактики, и мы увидим, что все они — ступок революционного понимания, применения и развития закона о единстве и борьбе противоположностей. Возьмем лозунг Ленина «превращение империалистической войны в войну гражданскую». Мы увидим тут действенное понимание, действенное применение в практической деятельности закона единства противоположностей. Возьмем ленинскую постановку вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую. Вдумаемся в суть этой теории, и мы увидим, что это есть понимание и вместе с тем развитие закона единства противоположностей, поскольку мы тут имеем новые формы сочетания разных моментов, своеобразный тип перехода их друг в друга, своеобразный характер переплетения противоречий и т. д.

Все работы Маркса и Энгельса основаны на научном анализе реальных противоречий живой жизни с точки зрения применения закона единства и борьбы противоположностей как ядра диалектики. Все работы Маркса — Энгельса развивают этот закон как основной закон диалектики. Руководствуясь этими основными принципами марксизма, на основе применения марксовой диалектики к анализу противоречий новой эпохи капитализма, новых форм классовой борьбы пролетариата, Ленин на конкретном анализе новой исторической эпохи разработал и развил дальше этот основной закон материалистической диалектики. Все это находится в органической связи со всей концепцией ленинизма в целом, с революционным характером ленинизма, с классовой борьбой и анализом ее, который проводил Ленин на протяжении всей своей деятельности.

Следующий важнейший вопрос, на котором надо остановиться, — это вопрос о теории отражения. Вообще надо сказать, что вопросы диалектики как теории познания, закон единства противоположностей как ядро диалектики, теория отражения — это вовсе не какие-то отдельные, изолирован-

ные друг от друга вопросы. Это все—важнейшие проблемы теории материалистической диалектики, так блестяще разработанной Лениным. Это—вопросы, находящиеся друг с другом в органической связи. Ни один из них не может быть понят без других. Оторвите материалистическую теорию отражения от ленинской постановки вопроса о том, что «диалектика и есть теория познания», и от этого положения, вернее сказать от его ленинского содержания, ничего не останется. А разве диалектика как теория познания, разве теория отражения может быть понята без закона единства противоположностей как ядра диалектики? Разве ленинское учение о единстве теории и практики, разве ленинский принцип партийности философии и науки не есть составные части этой единой концепции? Только понимая это, можно правильно двигаться вперед. Только понимая это, можно останавливаться на каждой из этих сторон в отдельности.

Теория отражения имеет исключительное значение для наиболее последовательного обоснования материализма. Совершенно не случайно, что именно на этом пункте концентрирует свое нападение против ленинизма отъявленный враг диалектического материализма, социал-фашист Макс Адлер.

Макс Адлер в своей работе, которая носит название «Учебник материалистического понимания истории» и которая так далека от материализма, как небо от земли, которая является специально направленной против Ленина работой, клеветническим, злобным, антибольшевистским от начала до конца документом, две главы специально посвящает разбору ленинской теории отражения для того, чтобы опровергнуть эту теорию, являющуюся действительным знаменем подлинной материалистической точки зрения. Вот что Макс Адлер пишет о ленинской теории отражения: «Ленин очень любит, как мы уже это знаем, называть критический идеализм «старым хламом». Это не совсем вежливое слово должно быть однако с полным правом применено к тому, что Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» многократно называет материалистической теорией познания. Это и есть фактически не что иное, как старый хлам, так называемая и собственно давно уже погребенная под шум и смех критической философии теория отражения»...

Посмотрим же, какие сам Адлер делает выводы после «погребения под шум и смех» теории отражения. Он развивает типично-идеалистическую теорию на основании выводов «современного естествознания» об «исчезновении материи», «теорию», действительно погребенную Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Вот что писал Адлер: «Современное естествознание не нуждается в качестве гипотезы не только в «Боге», но также и в «Материи», и великий английский физик Пирсон мог с полным правом воскликнуть: «Материя исчезла». Вряд ли потребуются тут какие-либо комментарии.

Нужно сказать, что ленинская теория отражения иногда понимается вульгарно, и тут очень интересно отметить перекличку между Аксельрод и Максом Адлером. Примерно те же самые доводы и аргументы, какие приводила Аксельрод, упрекая Ленина за его теорию отражения в дуализме и в наивном реализме, приводит ныне Макс Адлер. У него специальный раздел посвящен дуализму Ленина, наивному реализму и т. д. Эта перекличка чрезвычайно характерна. Как Аксельрод понимала ленинскую теорию отражения? Она исходила из тех соображений, что Ленин якобы рассматривает только ощущение как отражение объективного мира, на этом он якобы ограничил свое понимание теории отражения. Между тем ленинская теория отражения — это вовсе не то, что нам рисует Аксельрод. Ленинская теория отражения — это чрезвычайно глубокая, материалистическая, диалектическая теория познания, которая исходит из понимания

всего процесса познания как процесса отражения, которая рассматривает вопросы познания в историческом разрезе, которая показывает, как из незнания рождается в процессе практики наше знание. Теория отражения в ленинском смысле берет весь процесс познания, начиная от ощущения и кончая понятием, и рассматривает его исторически. И тот, кто ограничивает эту теорию отражения, не берет весь процесс познания вплоть до абстрактного понятия, тот отрывает теорию отражения от практики, от всего исторического пути познания, тот конечно не понимает Ленина, тот конечно не может понять того, что Ленин внес нового в понимание этих вопросов.

Вот некоторые основные вопросы, необходимые для понимания ленинского этапа в развитии диалектического материализма. В данной статье мы ограничились лишь тем, что набросали некоторые узловые пункты только по вопросам диалектического материализма, не касаясь того, что внесено нового Лениным в вопросы исторического материализма, в вопросы марксистского понимания истории философии, в вопросы понимания атеизма и т. д. Это все отдельные крупные проблемы. Правильное понимание основных исходных пунктов, развернутых здесь, является условием правильного понимания и дальнейшей плодотворной теоретической работы над этими проблемами.

Ленин и борьба с религией

Ф. Путинцев

Шестнадцатый партийный съезд в своей резолюции по отчету ЦК отметил «значительные успехи, достигнутые в деле освобождения масс от реакционного влияния религии». Успехи эти были достигнуты прежде всего благодаря неослабному руководству партии. Материальной базой успехов в области атеизма было и является социалистическое строительство. Миллионы трудящихся были втянуты под руководством партии в социалистическую стройку. Трудовой энтузиазм и социалистические формы труда создали новые понятия и новые навыки. Завершение фундамента социалистической экономики и вступление в период социализма продолжили и усилили успехи атеизма после XVI партсъезда. Вопрос «кто кого» в промышленности и в сельском хозяйстве СССР решен бесповоротно в пользу социализма. На основе завершения сплошной коллективизации в 1932—1933 гг. исчезнет мелкотоварное хозяйство, являющееся питательным источником для корней капитализма и религии. Религия останется после этого как пережиток капитализма в сознании людей, как пережиток старого быта и старых, традиционных, консервативных взглядов и привычек. Несомненно, что пережиток этот до построения бесклассового общества будет играть в руках ликвидируемых паразитических элементов классовую роль, будет орудием обмана и одним из сильнейших средств сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся. Борьба с этим орудием обмана во второй пятилетке пойдет гораздо быстрее, чем сейчас и чем в прошлом, ибо религия будет иметь тогда в качестве материальной базы лишь отдельные пережитки капитализма в экономике людей. Но формы борьбы с религией усложнятся и станут более глубокими, ибо религия приобретает более сложные и утонченные формы маскировки. Не следует также забывать, что пап римский и иже с ним будут пытаться вредить нам и бороться всеми средствами против нас. Наша задача—учесть весь опыт нашей партии и революции в борьбе с религией, передать этот опыт братским зарубежным организациям для борьбы с церковью и капитализмом, еще больше революционизировать трудящиеся массы Запада и Востока. Для этого в области антирелигиозной пропаганды мы в первую очередь должны понять и выполнить ленинское атеистическое завещание и ленинское атеистическое наследство.

Ни механисты, ни меньшевистствующие идеалисты не интересовались разработкой ленинского наследства в развитии атеизма, не ставили такого вопроса и не в состоянии были его поставить.

Если антирелигиозный фронт имеет успехи и заслуги в смысле борьбы с религией, то отнюдь не благодаря механистам или меньшевистствующим идеалистам. Партия во главе с т. Сталиным ставила и ставит, разрешала и разрешает вопросы руководства антирелигиозным фронтом. Центральный комитет во главе с т. Сталиным был теоретическим руководящим центром Советского

союза, а также (через посредство Коминтерна и других организаций) всех зарубежных пролетарских теоретических учреждений и организаций.

Центральный комитет партии в своем постановлении от 25 января 1931 г. по поводу журнала «Под знаменем марксизма» отметил, что «журнал не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье «О значении воинствующего материализма». В числе невыполненных деборинцами основных указаний Ленина есть указания о том, чтобы журнал «ПЗМ» был «органом воинствующего атеизма» и «чтобы в дополнение к работе соответствующих государственных учреждений, в исправление ее и в оживление ее, журнал, посвящающий себя задаче стать органом воинствующего материализма, вел неутомимую атеистическую пропаганду и борьбу».

Работа журнала была оторвана от практики атеизма и вообще от теории и практики строительства социализма в СССР. Работа журнала была также оторвана от задач международного пролетарского революционного движения и в том числе от практики союза пролетарских свободомыслящих.

«Журнал «Под знаменем марксизма», — говорится в постановлении ЦК, — исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма... В ленинизме деборинцы никакого нового этапа и новой ступени в смысле развития марксизма не видели. Ленина деборинцы считали практиком и учеником Плеханова. Ничего нового в сокровищницу марксизма, а стало быть и пролетарского атеизма, Ленин якобы не внес. Марксистским философским основам атеизма — диалектическому материализму — Ленин и вся большевистская партия, выходит, учились у Плеханова.

Единственным «основоположником» и учителем марксизма «на русской почве» также и механисты считают Плеханова. Никакой новой ступени, никакого нового шага по пути развития марксизма механисты в ленинизме также не видят. Ленинизм, по учению деборинцев и механистов, являлся, по крайней мере до момента войны, исключительно русским, а не международным явлением, ибо, видите ли, Ленин «философски» не расходился с Каутским и особенно с Плехановым.

Тов. Сталин в своем письме в журнал «Пролетарская революция» нанес уничтожающий, сокрушительный удар всевозможным попыткам троцкистских контрабандистов превратить вопрос о ленинском этапе в развитии марксизма в дискуссионный вопрос; он также вскрыл гнилой либерализм некоторых большевистских редакторов и историков партии.

Для философского теоретического участка мы должны извлечь урок и увязать вместе два таких явления, как замалчивание и отрицание ленинского этапа, международного характера ленинизма в области философии и атеизма со стороны механистов и меньшевистствующих идеалистов, отрицание международного характера ленинизма.

Деборинцы отрывали философию от политики, не видели и не хотели видеть внутренней связи и своего методологического родства с троцкистами и полутроцкистами — «леваками». Журнал «ПЗМ» они превратили в свой групповой орган.

Задачи, которые поставил перед нами Центральный комитет и которые поставил Ленин в своем завещании журналу, мы должны выполнить. Особенно большое внимание в своей работе мы должны обратить на разработку ленинского этапа в области теории пролетарской революции, ибо теория пролетарской революции, и особенно ее основное содержание — вопрос диктатуры пролетариата, — является центральным, отправным пунктом ленинизма. Теория и тактика пролетарского атеизма находятся в зависимости от этих коренных, главных вопросов ленинизма, в непосредственной связи с ними.

Разработка ленинского наследства в атеизме должна вестись прежде всего под углом выявления того нового, что дала для теории и тактики атеизма история нашей партии и революции в таких вопросах, как диктатура пролетариата, культурная революция, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, гегемония пролетариата, прямые и косвенные резервы, самоопределение наций вплоть до отделения, парламентские и внепарламентские методы борьбы и т. д. Вместе и наряду с этим разработка ленинского наследства в атеизме должна показать, как рос и креп ленинизм в борьбе с оппортунистами всех мастей, показать роль большевистской партии и ее вождей — Ленина и Сталина как верных наследников и продолжателей учения Маркса—Энгельса.

Ленинизм рос и креп в борьбе с оппортунизмом всех видов и всех оттенков, и в том числе с оппортунизмом II интернационала по всем вопросам, в том числе по вопросам борьбы с религией. Только поняв всю глубину имевшегося и имеющегося во II интернационале оппортунизма по вопросам религии, можно оценить все значение ленинского этапа в атеизме. Поэтому нам кажется целесообразнее всего ознакомиться сначала с оппортунистическими взглядами теоретиков II интернационала по вопросам борьбы с религией, а затем в процессе этого ознакомления перейти к рассмотрению ленинской критики этих взглядов и к ленинской теории и тактике атеизма. Целесообразнее всего познакомиться сначала с документами II интернационала, появившимися на русском языке одновременно и как бы в противовес первым специальным статьям Ленина. Ленин писал о религии много и в самых ранних своих работах, например в статьях о штрафах (1895 г.) и новом фабричном законе (1897 г.), но первые специальные статьи Ленина о религии относятся к 1905 г. («Социализм и религия») и к 1909 г. («Об отношении рабочей партии к религии» и «Классы и партии в их отношении к религии и церкви»). К этому же промежутку времени относятся основные работы Ленина и партийные документы, направленные против богостроительства и махизма.

Известные три статьи Плеханова о религии¹⁾, а также его рецензии на «антирелигиозные» книги Тьюйо, Паннекука и Лютгенау и его ответ на анкету о будущем религии²⁾ появились в печати в 1907—1909 гг. К этому же времени относятся оппортунистические высказывания Каутского о махизме и антибольшевистские философские статьи Деборина о махизме. К этому же времени относятся переводы на русский язык наиболее важных и руководящих в смысле тактики борьбы с религией работ теоретиков II интернационала. Так что сравнивать ленинские работы с работами Плеханова, а также Каутского и других теоретиков II интернационала удобно и в смысле времени и в отношении сравнения конкретной исторической обстановки.

Оппортунизм II интернационала в вопросах борьбы с религией

Мало известными у нас, ставшими библиографической редкостью, брошюрами, выражавшими наиболее полно и верно взгляды теоретиков и вождей II интернационала, были в это время комментарии Фридриха Штампфера к 6-му пункту Эрфуртской программы, а также брошюры Эмиля Вандервельде и Антона Паннекука³⁾.

¹⁾ Изд. «Красная новь» в 1923 г.; были изданы отдельным сборником.

²⁾ Все указанные статьи и рецензии Плеханова вошли в XVII том его полного собр. соч., стр. 197—344.

³⁾ Брошюра Паннекука «Социализм и религия» была переведена на русский язык и издана в Петербурге в 1906 г. издательством «Знание». Что касается комментариев Штампфера к 6-му параграфу Эрфуртской программы и статьи Вандер-

ар. 409-х

Шестой пункт программы, принятой в 1891 г. в Эрфурте германской социал-демократической партией, требует:

«Объявления религии частным делом. Прекращения всяких расходований из общественных средств на церковные и религиозные цели. Церковные и религиозные общины должны считаться частными союзами, совершенно самостоятельно распоряжающимися своими делами».

Вожди II интернационала истолковали этот пункт как отказ от борьбы с религией, как невмешательство партии в дела религии. Между тем, 6-й параграф Эрфуртской программы объявлял религию частным делом лишь в отношении государства, а не в отношении рабочей партии. О том, какой смысл вкладывал в этот пункт Энгельс в противовес оппортунистам, видно из следующего его замечания по поводу антирелигиозной политики Парижской коммуны: «Коммуна состояла почти из одних рабочих или сторонников рабочего класса, поэтому ее постановления отличались решительно пролетарским характером. Коммуна объявила частью такие реформы, которые лишь по своей трусости не провела республиканская буржуазия, но которые были основным условием для свободной деятельности рабочего класса, например осуществление принципа, что религия по отношению к государству (подчеркнуто Энгельсом) есть частное дело».

Замечание это Энгельс сделал в 1891 г. в предисловии к «Гражданской войне во Франции». Подчеркивая слова: «по отношению к государству», Энгельс хотел этим положить конец оппортунистическому толкованию 6-го пункта Эрфуртской программы. Однако оппортунистические толкования 6-го пункта продолжались, и это явление отнюдь не было для германской с.-д. случайным, ибо в это время к руководству германской социал-демократической (и не только германской социал-демократической) партии были допущены такие лица, против которых в свое время Энгельс предостерегал Августа Бебеля. Мирные, легальные условия существования и привилегированное существование верхушек пролетариата за счет колониальных сверхприбылей отечественной буржуазии сделали постепенно с.-д. партию придатком к парламентской с.-д. фракции, сделали ее орудием карьеры лиц, принадлежавших к хорошо оплачиваемой буржуазной верхушке привилегированных рабочих, сделали ее к нашему времени орудием обмана и главной опорой буржуазии в рабочих массах. Погоня за временными, минутными экономическими выгодами и принесение ради них в жертву коренных интересов рабочих — таким стал метод работы большинства парламентских с.-д. вождей. Погоня за парламентским большинством, погоня за количеством избирателей, погоня за «эффектными» в глазах масс податками предпринимателей — такова тактика большинства лидеров германской социал-демократии задолго до войны и даже до революции 1905 г. Нет ничего удивительного, что парламентские социал-демократические дельцы Германии объявили религию частным, посторонним для социализма делом совести каждого. Одновременно с этим некоторые из них объявили частным делом совести каждого и все мировоззрение марксизма. Рассуждали при этом они примерно так: экономическая борьба — это одно, а мировоззрение — это совсем другое. Можно единым фронтом отстаивать экономические интересы и быть в то же самое время совершенно разных взглядов на религию, мораль, философию и т. д. Важна экономическая борьба, а философию и все другое нужно отодвинуть в сторону, чтобы не мешали. Мешает борьбе за экономические выгоды не религия, а парламентская церковная партия центра, поэтому нужно бороться

вельде, то они изданы издательством «Новый мир» в Москве в 1907 г. брошюрой под названием «Социал-демократия и религия». На обложке сборника значатся авторы — Фр. Штампфер и Э. Вандервельде.

или входить в соглашение с партией центра. Что же касается самой религии, то предоставим право исповедывать ее и бороться с ней совести каждого социал-демократа. Такова в общем установка Штампфера и Вандервельде, а также и Каутского в этом вопросе.

Что пишет Штампфер об отношении социализма к религии и о перевооружении, произведенном Марксом—Энгельсом, в области понимания теории и тактики атеизма?

«Социализм сознает, — пишет Штампфер, — что только в борьбе с догматами церкви он мог сделаться тем, что он есть. Но он (социализм. — Ф. П.) отказывается от роли особенно жестокого врага этих догматов и не настаивает на авторских правах для своего антидогматического мировоззрения... О боге и религиозных вопросах он мог сказать сравнительно мало своего, оригинального: в этой области он, по выражению Энгельса, всецело является наследником немецкой классической философии» (Штампфер, указанный выше сборник, стр. 3).

Здесь Штампфер, лживо прикрываясь именем Энгельса, ревизует марксизм, отказывается от учения марксизма о классовой роли религии, от понимания ее как опиума народа. Энгельс писал о марксизме как наследнике не только немецкой классической философии, но и как о наследнике французского социализма и английской политической экономии. О трех, а не об одном источнике марксизма писал Ленин. При чем во всех трех указанных областях марксизм сказал не только свое новое, оригинальное слово, но произвел целый переворот. Гегелевскую диалектику Маркс и Энгельс поставили с головы на ноги. Немецкая классическая философия по сути дела вела к поповщине. Кант пытался примирить науку с религией, ограничив каждую из них отдельными областями «чистого» и «практического» разума. Гегелевская система была проникнута мистикой и поповщиной. Сама диалектика Гегеля была заключена в мистическую оболочку. Как же можно говорить после этого об атеизме Маркса—Энгельса как только о наследнике немецкой классической философии?! Ведь говорить так значит скатываться на кантианские и гегельянские позиции. Штампфер на эти позиции как раз и скатился. Он, подобно Канту и Гегелю, определил сущность религии как «связь». «Сущность религии, — пишет Штампфер, — выражается в связанности» (там же, стр. 4). Религию, как «связь» и «связанность», определял буржуазный исследователь религий Рейнак (см. перевод его работы «Орфей» на русский язык). Религию как «связь» определяли все профессора богословия, а также и русские богословы и богостроители в годы реакции.

Энгельс, который, по словам Штампфера, не имел якобы никаких оригинальных взглядов в области атеизма и был стопроцентным наследником немецкой классической философии, разоблачает фокусы-покусы немецкой идеалистической философии в отношении определения религии как «связи» и пишет по этому поводу следующее: «Существительное религия происходит от глагола *religare* и означало первоначально связь. Таким образом всякая взаимная связь людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собою последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем долгого исторического упогребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной» (Энгельс, «Людвиг Фейербах», глава III).

По Штампферу получается, что религия — это не опиум народа, как учат Маркс и Энгельс, а лишь средство связи, «связанности». Что Штампфер понимает под религиозной «связанностью», видно из нижеследующих его заявлений:

«По своему содержанию социал-демократический идеал нравственности имеет с христианским идеалом то несомненно общее, что он, как и последний, представляет идеал угнетенных и осуществляется в самоотверженной борьбе с патентованной государственной моралью» (стр. 41).

Итак, по уверениям Штампфера, религия есть связь угнетенных трудящихся с богом и друг с другом в борьбе за осуществление своих идеалов. Единственная разница между христианством и социализмом, по мнению Штампфера, заключается в том, что «одно основывается на вере, другое — на знании, одно довольствуется установлением идеала человеческого совершенства, другое практически считается с особенностями человеческой природы. Но для обоих, — торопится подчеркнуть Штампфер, — есть общее: великая, бессмертная идея человеческого равенства и братства. Оба обращаются к трудящимся и обремененным, одно с утешением, другое с напоминанием, и человеческим источником обоих служит человеческая любовь друг к другу. Если нас упрекают в нашей ненависти к господствующим классам, — спешит оправдаться перед буржуазией и попами Штампфер, — не проклинал ли и христос богатых?» (стр. 49).

Куда же Штампфер выбросил из христианского союза эксплуататорские классы и в том числе их служителей — попов? Штампфер скрыл эксплуататорскую сущность религии и идеализировал христианскую мораль, являющуюся якобы борцом с государственной патентованной моралью!

Оказывается, эксплуататорская мораль — это не христианская мораль, а безбожная мораль. Эксплуататорские господствующие классы, согласно утверждениям Штампфера, являются «безбожными господствующими классами» (стр. 46).

«Неопровержимо и неоспоримо, — пишет Штампфер, — что человек, принадлежащий к имущему классу и не отдающий всего своего имущества бедным, что защитник существующего общественного строя, описанного проф. Шульце, не может быть христианином в евангельском смысле» (стр. 46). На основании «подлинного» евангельского смысла, на основании «очищенного» самим же Штампфером христианского нравственного идеала Штампфер отлучает богачей от христианства. Что касается остальных, «настоящих» христиан, то их образ жизни и взгляды Штампфер объявляет совместимыми с социал-демократическими убеждениями:

«По образу жизни и по взглядам христианина нельзя причислять к тем классам, которые, взятые в целом, являются противниками социал-демократии» (стр. 46).

Вся беда христиан, согласно Штампферу, заключается в том, что они с течением времени стали отчаиваться в осуществлении своих идеалов и поэтому стали забывать их. Истинное призвание христианства поэтому заключается, как мы видели выше, в том, чтобы утешать, а истинное призвание социал-демократии — в том, чтобы напоминать. После напоминания христиане вспоминают свои первоначальные нравственные основы и превращаются в коммунистов:

«Всякий раз, как христианство вспоминало свои первоначальные нравственные основы, оно обращалось в коммунизм. Начиная с первых христиан, через «перекрещенцев» (анабаптистов) и до христианского социализма в Англии и единичных явлений нашего времени, об этом свидетельствует история» (стр. 47).

В доказательство коммунистического характера «истинных» основ христианства Штампфер ссылается на «Предшественников новейшего социализ-

ма» Каутского, а также приводит «многочисленные» случаи «обращения» христианских проповедников «в социализм» и выдержки из проповедей этих новообращенных «социалистов». В заслугу социал-демократам Штампфер ставит тот факт, что попы стали обращать больше внимания на социальный вопрос. Особенно дорожит Штампфер признанием в этом отношении самих попов, например выражениями благодарности со стороны такого заклятого врага рабочего класса, как известный придворный проповедник Штэкер. Своего рода Гапон при правившем дворе, Штэкер пытался в свое время основать христианско-социальную рабочую партию, в чем он, кстати сказать, в то время потерпел крушение. Штэкер в своей речи «О проекте программы для христианско-социальной рабочей партии» двусмысленно похвалил социализм и поставил ему в «заслугу» то обстоятельство, что он (социализм) «энергично обратил наше внимание на социальный вопрос, что мы за последние пятнадцать-двадцать лет больше следим за социальными условиями...» (стр. 44). Штампфер от такой полной затаенного смысла поповской похвалы пришел в восторг и признал вслед за Штэкером «заслугу» социализма в том, что последний в лице социал-демократов действительно отчасти произвел «относительно имущих классов работу христианского воспитания, — заслугу, которую сам он не слишком высоко ценит, потому что он не особенно верит в успех этого воспитания» (стр. 44).

Выходит, что Штампфер хотя и не особенно верит в успех социалистического перевоспитания капиталистов, но все же верит, ибо говорит, что в последнее время зажиточные классы стали «более христианскими», и увязывает это явление с воспитательной работой социал-демократии. Другими словами, Штампфер еще 25 лет тому назад насаждал поповские теории «духовного возрождения» капиталистов. Нераскаянных капиталистов Штампфер на правах «левого», «красного» социал-демократического «попа» отлучал от христианства; он говорил, что «имущие классы всегда должны быть нехристианскими, пока наряду с ними есть классы неимущие. Ведь накапливать богатства или расточать их для собственного удовольствия всегда будет не по-христиански, пока существует бедность» (стр. 44). В этом своем заявлении Штампфер по существу ничем не отличается от играющих в «левизну» сектантов и толстовствующих интеллигентов. Недаром Штампфер признал рабское учение Льва Толстого о нравственности революционным. Штампфер так буквально и пишет: «В наше время Лев Толстой основывает на библии свое революционное нравственное учение» (стр. 38).

По мнению Штампфера, на учении библии можно основывать революционные нравственные идеалы. Особенно «опасными» для попов и буржуазии считает Штампфер «нравственное учение Христа».

«Какие мучения, — восклицает Штампфер, — представляют для теперешних толкователей почти что все положения, являющиеся пограничными камнями нравственного учения Христа? Нет ни одного положения, которое можно принять буквально, не сделавшись революционером и не потеряв место и кусок хлеба. Нравственное учение нового завета считает самую безграничную любовь к людям корнем всякого добра: это несомненно. Несмотря на некоторые противоречивые места («Я пришел, чтобы принести не мир, а меч»), оно требует от нас, чтобы мы поступали только с любовью, а ненависть терпеливо переносили и не противились бы несправедливости. Толстой, всего последовательнее развивший это учение, приходит благодаря ему к взгляду, что всякое насильственное нападение на государственный строй запрещено, всякое пассивное сопротивление несправедливости — отказ солдат

от службы, отказ пролетариев от работы «есть истинная заповедь бога». Это во всяком случае ближе всего подходит к истине. У протестантских же пасторов нашего времени христианство, поскольку оно является нравственным учением, опустилось до пустых высокопарных слов» (стр. 39).

Объявив пассивное, толстовское непротivление злу насилieм самым близким к истине, подменив пламенное учение марксизма о жестокой ненависти и борьбе с врагом поповским всепрощением, запретив насильственное нападение на государственный строй, Штампфер переходит к критике христианских попов и к... защите христианства от... попов:

«Куда девалась никогда не иссякающая любовь к ближнему, даже к врагу, где полная готовность на жертвы ради общего блага, пассивное, исполненное страданий спокойствие?» (стр. 38).

Как видно, Штампфер недоволен тем, что трудящиеся перестают быть пассивными, исполненными спокойствия рабами! Он хотел бы спокойствия, исполненного страданий! Недурная проповедь христианского терпения и смирения со стороны человека, называющего себя последователем Маркса. Этот «последователь» Маркса возмущается тем, что попы берут под свою защиту не только христианство, но религию вообще, и тем самым «сваливают христианство в одну кучу со всеми отвратительными заблуждениями прошлого или же ставят его на один с ними уровень развития» (стр. 34).

Такую же защиту религии от попов представляет вся полемика Штампфера с попами по поводу понимания 6-го пункта Эрфуртской программы. Попы, поняв 6-й пункт и всю Эрфуртскую программу как требование отделения церкви от государства и как угрозу их материальным доходам, как угрозу крупной частной собственности вообще, начали бить тревогу. Штампфер, не поняв в программе даже того, что правильно учуяли в ней попы, начал стыдить их за «неправильное» понимание сущности церковной собственности и доказывать неэксплуататорский характер церковной собственности:

«Приверженцы церкви оскорбляют самую церковь, когда хотят ее собственность на храмы, церковные облачения и т. п. поставить наряду почти с хозяйственной категорией (какой ужас! — Ф. П.)... средств производства, а их теперешних собственников наряду с эксплуатирующими классами» (стр. 72).

Кому неизвестно, кроме Штампфера и его друзей, что богатейшие земельные владения, а также акции и заводы церковных князей покоятся на эксплуатации. Попы это великолепно понимают и связывают судьбу своей собственности с судьбой капиталистического общества. Отсюда главным образом проистекает столь яростная защита частной собственности со стороны попов. Однако им действительно нечего опасаться за судьбу своей церкви и собственности, пока у власти стоят социал-демократы. Даже в то время, когда социал-демократы еще не стояли у власти, они уже, по словам Штампфера, защищали интересы католической церкви и оказали ей немало услуг. Например в тот момент, когда Бисмарк объявил поход против католической церкви (так называемую «культуркампф» — борьбу за культуру!):

«Социал-демократия, соответственно своим собственным основным партийным, принципам, смело принимала участие в борьбе центра за свободу католической церкви. Наряду с глупейшими ругательствами и подозрениями, которые доставались ей с этой стороны, она конечно получила и благодарности, которой только и ожидала оттуда» (стр. 64). Здесь Штампфер выступает в качестве явного друга католической церкви и явного фальсификатора истории борьбы против Бисмарка. Штампфер не сказал главного, ради чего германская социал-демократия боролась

за свободу католического и не только католического вероисповедания. Штампфер не сказал основного, а именно того, что «Бисмарк только укрепил воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

Совсем не ради поповской благодарности отстаивали германские социал-демократы свободу вероисповедания, а для того, чтобы очистить поле классовой борьбы от церковной грызни и буржуазной шумихи вокруг этого вопроса, не дать укрепляться воинствующему клерикализму и буржуазно-лживому антиклерикализму. Не ради укрепления, а ради ослабления церкви отстаивали свободу вероисповедания социал-демократы. Такова диалектика Ленина.

«Диалектика» же Штампфера заключается в борьбе за свободу вероисповедания ради поповской благодарности. В чем же эта поповская благодарность, по мнению Штампфера, выразилась? Эта благодарность выразилась в том, что «католическое духовенство рекомендовало при избирательных компромиссах в Южной Германии избрание социал-демократов» (стр. 21).

«Да и собственным размышлением, — продолжает Штампфер, — христианин-рабочий может притти к убеждению, что, выбирая социал-декрата, он поступает в своих интересах, в интересах своего класса, в интересах своих детей и в духе христианской нравственности» (стр. 21—22).

Вопрос о том, «может ли демократически верующий христианин выбирать социал-демократу», должен решаться, по мнению Штампфера, «по взаимному соглашению» (стр. 21).

Тактика взаимного соглашения, тактика блока с реакционной партией католического центра, как видим, не только не встречает противодействия со стороны Штампфера, но всячески рекомендуется для всех времен и обстоятельств. Штампфер не хуже любого попа готов поиграть на религиозных чувствах верующих и разжечь эти чувства ради получения наибольшего количества голосов в парламенте. Штампфер, не стесняясь, говорит, что таким искусственным разжиганием религиозных чувств и религиозных споров он приносит только пользу попам:

«Честным «подвижникам божьим»...—говорит про своих друзей в рясах Штампфер,—должно бы быть даже приятнее, что социал-демократия спорами поддерживает в массах интерес к религиозным проблемам...» (стр. 21).

Необходимо здесь сказать, что Маркс—Энгельс, а впоследствии Ленин считали искусственное разжигание интереса к религии вредным. Кстати сказать, это положение Маркса—Энгельса и Ленина часто путают у нас с другим положением Ленина, а именно с его указанием на необходимость «суметь заинтересовать совсем еще неразвитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий» (Ленин, «О значении воинствующего материализма». Разрядка моя.—Ф. П.). Заинтересовать религией и заинтересовать критикой религий—это не только не одно и то же, это—диаметрально противоположные и враждебные вещи. Штампфер способен заинтересовать массы только религией, но ни в коем случае атеистической критикой религий, ибо он не способен на сознательное отношение к религии и не способен дать марксистской критики религии. «Атеизм» Штампфера пуст, бесцветен и бесплоден.

«Атеизм» Штампфера не способен дать массам ничего положительного и полезного, ибо в нем нет революционного существа и он не покоится на плодотворной философской основе марксизма. «Атеизм» Штампфера не способен указать массам революционного выхода из того капиталистического рабства, в котором они находятся. «Атеизм» Штампфера обманывает массы и ведет их по пути рабства и эксплуатации. По существу «атеизм» Штампфера является принаряженной, тщательно подчищенной, «научной поповщиной», против которой так воевал Ленин.

На какой, в самом деле, философской основе покоится «атеизм» Штампфера?

Формально, на словах—на марксистской, в действительности—на идеалистической. Да этого, собственно, и сам Штампфер не скрывает. По откровенному заявлению Штампфера:

«Среди социал-демократов можно найти сторонников самых разнообразных философских направлений; от признания религии откровения их отделяет не склонность к материализму, а отрицательное отношение к догматизму, стремление не считать истины данными в готовом виде, но все их критически проверять. Всякая философия, признающая мир реальных фактов предметом научного исследования, философия, в которую не могут незаконно вмешиваться ни учение об откровении, сохранившееся в древних книгах, ни какие-либо сверхестественные силы, приветствуется социал-демократией и уживается с социализмом. И так называемый материалистический взгляд на историю вырос не на почве ложной нефилософской теории, а на почве реальных фактов. Он учит не больше и не меньше того, что идеи людей, их законодательство и их политика находятся в зависимости от экономических условий—взгляд, который так мало касается конечных вопросов бытия, что с ним мог бы согласиться и верующий католик, если бы его признала церковь» (стр. 12—13).

Здесь Штампфер не только не говорит о диалектическом материализме, но даже о коренном различии между материализмом и идеализмом и вообще о материализме он не говорит ни слова; он выбросил также все учение Маркса—Энгельса о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. При таком изображении марксизма от марксизма ничего не остается. Вместо классовой ненависти к врагам проповедуются братская любовь и классовое сотрудничество, вместо критики религии—защита религии, вместо материализма—«научная поповщина». Чем, если не «научной поповщиной», нужно назвать все «ученые» выкрутасы Штампфера по поводу исторического существования Христа? Для Штампфера Христос был вполне реальной исторической личностью. Попытки богословской школы Гарнака спасти христианство путем очеловечивания Христа Штампфер, не стесняясь, называет «исторически-научной теорией»: «Попытка известного направления протестантского богословия (Гарнака и его единомышленников) спасти христианство об'явлением исторической фигуры Христа наиболее совершенной и поэтому наиболее близкой к абсолютному идеалу нравственности, т. е. к божеству, оказывается не чем иным, как исторически-научной теорией» (стр. 15). Хороша «исторически-научная теория», цель которой заключается в спасении попов и христианства!

Наговорив кучу чепухи об «ошибках» Христа-«человека», Штампфер почти в религиозном экстазе заключает:

... «но Его (всюду с большой буквы. — Ф. П.) трогательно возвышенный легендарный образ будет вечно жить и сиять тем ярче, чем больше будет очищаться от варварской грязи Его лицемерных почитателей» (стр. 49).

От попов и лицемерных почитателей взялся защищать Христа Штампфер. Не против самой религии борется Штампфер, а только против ее «загрязнения» и использования в классовой борьбе господствующими классами. В ее «внутренней ценности» и безвредности Штампфер не сомневается. Он пишет, что «религией — не принимая во внимание ее внутреннюю ценность или неценность — неверующие господствующие классы с холодной бессовестностью злоупотребляют, как средством классовой борьбы» (стр. 82).

Чтобы выбить из рук «неверующих» господствующих классов религию как средство классовой борьбы, Штампфер прилагает все усилия для того, чтобы доказать «пролетарский» характер «истинного», незагрязненного первоначального христианства. Не критика религии, а ее подчистка и защита — таков метод Штампфера и не одного конечно Штампфера, ибо так же ставят вопрос о религии и другие с.-д. вожди.

По мнению Вандервельде, «социалисты как партия должны решительно бороться с католическим центром на почве политической и социальной, но должны воздерживаться от всякого нападения на веру и рассматривать религию, как «частное дело» (стр. 91). По мнению Вандервельде, религия касается небесных дел, а церковь — земных, поэтому религия безвредна и с нею не нужно бороться (чтобы не обострять к тому же отношений с верующими), а церковь вредна и с нею нужно и пожалуй менее опасно бороться.

«До тех пор, — пишет Вандервельде, — пока религия касается только небесных дел, не вмешиваясь в дела земные, мы можем и должны, ибо этого требуют интересы пролетариата, рассматривать ее, как частное дело, или, применяя другое, более подходящее выражение, как дело совести каждого человека» (стр. 93).

Только борьба с клерикализмом, только антиклерикализм, по мнению Вандервельде, но не атеизм должен стоять в программе социал-демократов:

«... социалистическая партия не может, — пишет он, — не отрекаясь от революционного наследия последних пяти веков, не интересоваться борьбой с клерикализмом. Только мы думаем, что ее действия должны ограничиваться защитой гражданского общества против захватов церкви и не касаться чисто религиозных вопросов» (стр. 94).

Далее он высказывает возмущение и удивление по поводу того, «каким образом находятся социалисты настолько недобросовестные и неразумные, чтобы оскорблять Распятого (с большой буквы. — Ф. П.), жертву фарисеев и священников, и Св. Деву (тоже с большой буквы. — Ф. П.), этот величайший образ материнских страданий?» (стр. 93).

Все же оскорбление столь милых для Вандервельде святых заключается в том, что рабочие поют безбожную карманьолу, сочиненную, кстати сказать, самой буржуазией в пору ее революционной юности. Теперь Вандервельде, чтобы не оскорбить религиозный слух состарившейся, ханжески настроенной на закате своих лет буржуазии, предлагает рабочим молчать. Молчанием и нейтралитетом, являющимся в действительности предательством и переходом на сторону господствующих классов, Вандервельде думает подкупить и привлечь симпатии не только буржуазии, но и верующих слоев рабочих, чтобы тем успешнее служить буржуазии. Свой оппортунизм Вандервельде приписы-

вает как всякий оппортунист, выступающий перед рабочими, интересами «рабочего» класса.

«В настоящее время, — пишет в той же брошюре¹⁾ Вандервельде про бельгийскую рабочую партию, лидером которой он является, — к бельгийской рабочей партии примкнуло много рационалистических групп. Предположим, что завтра ассоциация рабочих-христиан, признающая борьбу классов, захочет присоединиться к партии, оставляя однако неприкосновенными свои религиозные идеалы. Ей нельзя будет отказать в ее просьбе, не повредив делу пролетариата и не нарушив свободы совести» (стр. 93). Впервые, от такой ассоциации рабочих-христиан Вандервельде должен был потребовать, если бы он был действительно последователем Маркса и Энгельса, признания не только классовой борьбы вообще — наличие классовой борьбы признавали и признают многие буржуазные историки и политики, — а необходимости завоевания и укрепления диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата — вот то новое, чем отличается марксизм от учения буржуазных историков, признающих наличие и неизбежность борьбы классов. Признание необходимости свержения капиталистов и установления диктатуры пролетариата немыслимо ни для одной ассоциации рабочих-христиан без отказа от основных религиозных догм церкви (о любви к врагам и т. д.). Рабочая партия, по мнению Вандервельде, — это нечто вроде кооператива или ассоциации беспартийных добровольных обществ, имеющих каждое свой устав и программу. И именно так получается и давно получилось у господ представителей II интернационала, допускаящих и допускающих вхождение и автономное существование внутри партии особых ассоциаций со своими особыми уставами и программами. В партиях II интернационала не было и нет общепринятой, общеобязательной теоретической части программы. Марксизм считался и считается общепринятым, но не обязательным даже в своей политической части. В области философии марксизм считается совсем не обязательным, и вопрос о признании или непризнании диалектического материализма представляется, так же как и вопрос о религии, совести каждого «социалиста».

«Необходимо, — пишет Вандервельде, — чтобы пролетарии образовывали политические и социальные группы на почве классовой борьбы, а подобная группировка возможна лишь тогда, когда она основывается на общих интересах пролетариата, на его экономических требованиях и насколько возможно удаляя¹⁾ религиозные и философские разногласия, которые могут разделить рабочий класс» (стр. 92).

Философия и религия следовательно есть в устах одного из виднейших деятелей II интернационала частное дело совести каждого из членов той или иной политической «группы». Сколько всех групп или даже сколько членов во всех «группах», столько может быть и взглядов по философским и религиозным вопросам.

К этому же пришел и Каутский. По мнению Каутского, «материалистическое понимание истории не связано с материалистической

¹⁾ Русское издание сборника от 1907 г. под названием «Социал-демократия и религия», изд. «Новый мир», статья Вандервельде «Рабочая партия и религия».

²⁾ Ленин «тоже» стоял за «удаление» из партии религиозных и философских разногласий, но не путем замалчивания их и не путем отмахивания от них, как это делает Вандервельде, а путем беспощадной борьбы против неправильных, антимарксистских философских установок. Примером такой беспощадной борьбы с неправильными, антимарксистскими философскими установками может служить борьба вплоть до организационных выводов т. Ленина с богдановщиной и богостроительством.

философией; оно соединимо со всяким мировоззрением, которое или пользуется методом диалектического материализма или по меньшей мере не стоит по отношению к этому методу в непримиримом противоречии»¹⁾. Но и по вопросу толкования истории развития человеческого общества «марксист» Каутский расходится с Марксом и Энгельсом и, нисколько не стесняясь, говорит об этом²⁾.

В отношении оценки социальной роли религии Каутский и раньше защищал поповскую точку зрения «прогрессивности» и «полезности» некоторых видов религии и особенно христианства. Свою защиту «прогрессивности» христианства Каутский пытался и пытается обосновать ссылками на «факты» трехкого рода: 1) «коммунизм» первоначального христианства, 2) «коммунизм» позднейших христианских сект и религиозных движений, 3) «превосходство» христианской культуры и ее роль как «оплота» и «рассадника» более высокой культуры среди грубых и невежественных «варварских» народов. Здесь Каутский путает две вещи: форму и содержание.

«Коммунизм» первоначального христианства Каутский пытается доказать «пролетарским» составом сект, а также «наличием» равенства и братства как в идеологии, так и в быту первоначальных христиан. Но первоначальное христианство не было пролетарским по своему составу—оно было религией по преимуществу рабов. Пролетариев в нашем, марксистском смысле тогда не было и не могло быть. Не было также в первоначальном христианстве идей равенства. «Христианство,—пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»,—эта религия рабов и угнетенных—знало только одно равенство для всех людей, именно, равенство унаследованного ими первородного греха. Наряду с этим, оно, в лучшем случае, признавало еще равенство избранных, имевшее, однако, особое значение только в начальном периоде христианства. Следы общности имущества, которые можно точно так же отыскать в этом периоде, скорее объясняют, что общность имущества была необходимостью сплоченной жизни для людей, гонимых законом, чем одним из проявлений высокого понятия о равенстве. Очень скоро, впрочем, установление различия между священником и мирянином положило конец и этому виду христианского равенства» (Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», гл. VIII).

Позднейшие христианские секты также не были пролетарскими по своему составу (см. об этом в письме Энгельса Каутскому по поводу работы Каутского «Предшественники новейшего социализма»). До высокого, пролетарского понятия равенства позднейшие христианские секты конечно не могли прийти. Уравниловка и аскетизм наиболее плебейских по своему составу сект совсем не означают равенства и коммунизма в нашем, пролетарском смысле.

Что же касается так называемого превосходства христианской культуры над культурой варваров и кочевых «орд», то тут Каутский попросту не знает истории. М. Н. Покровский на примере татарской «Золотой орды» показал, что ее победа над Русью была обеспечена более высокой культурой. Христианство не спасло Россию от нашествия татар. Почему же оно «спасло» западноевропейскую культуру от «варваров»? Очевидно не потому, что идеология западного христианства была качественно иной, чем идеология православного христианства в России. И совсем уж дико, гнусно говорить о положительной роли христианства в колониальных странах в эпоху капитализма, как это делают с легкой руки Каутского все герои II интернационала. Экономическое и духовное порабощение, войну и сифилис—вот что христианская культура дает колониям. Защита теории прогрессивности христианства

¹⁾ K. Kautsky, Die materialistische Geschichtsauffassung, B. I, Brl. 1927, S. 16.

²⁾ Там же, стр. 805.

в колониях есть форма защиты колониального грабежа и рабства. В свое время защита христа и «гроба господня» была излюбленным предложением для торговых, так называемых крестовых походов. Руководитель социал-демократического «центра» Каутский скатился именно к такой поповской форме защиты империализма.

Элементы оппортунизма в учении Каутского о религии и не только о религии были всегда.

Скатились к косвенной защите империализма и религии вслед за Каутским и такие левые социал-демократы, как Антон Паннекук. Паннекука конечно нельзя смешивать с Каутским. Про Паннекука Ленин писал, что он «выступил против Каутского, как один из представителей того «лево-радикального» течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург, Карла Радека и др. и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позиции «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение «центра» (неправильно называемого марксизмом), или «каутскианство», «вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве» (Ленин, «Государство и революция», специальный пункт о Паннекуке).

Однако левые по ряду принципиальных вопросов (аграрному, организационному, национальному и другим) расходились с большевиками и скатывались фактически к «центристам». В частности левые были против поддержки самоопределения наций и национально-освободительных войн и восстаний, заявляя, что при капитализме действительное самоопределение невозможно, а при социализме излишне.

В отношении определения социальной роли религии левые, как это прекрасно можно видеть из книжки Паннекука, тоже скатывались на позиции каутскианства. «Религия, — говорил в 1904 г. перед рабочими Паннекук, — представляет собой одно из достойных уважения явлений человеческой истории; религия считает за собою не два каких-либо столетия, как капитализм, а несколько тысячелетий. Уже среди самых диких и неразвитых народов мы находим потребность в религии. Эта потребность по мере развития цивилизации становится все шире и глубже» (Антон Паннекук, «Социализм и религия», стр. 8).

«Во времена реформации, — пишет в той же брошюре от 1904—1905 гг. Паннекук, — способ мышления был по преимуществу религиозный, и требования и цели тогдашней классовой борьбы выступали поэтому облеченные в религиозную одежду символов веры. Католическая церковь эпохи средних веков была могучим учреждением, выполнявшим чрезвычайно важные экономические функции; однако мало-по-малу, как и всякий господствующий класс, она в течение хода своего развития стала по преимуществу эксплуататорским учреждением» (там же, стр. 24).

Здесь корни религии Паннекуком идеалистически выводятся из какой-то все более растущей психологической потребности людей, а не из страха и бессилия этих людей в борьбе с разрушительными силами природы, и особенно с разрушительными стихийными экономическими силами антагонистического общества. Неправильно Паннекук рассматривает корни религии вне времени и пространства.

В корне неправильна и вредна мысль Паннекука о том, что когда-то в прошлом католическая или какая-либо другая церковь была или могла быть неэксплуататорским учреждением. Нельзя говорить, что католическая церковь является только теперь и только «по преимуществу» эксплуататорским учреждением. Такая формулировка дает возможность говорить

попам и уверять обманутые ими группы верующих рабочих в существовании каких-то еще функций католической церкви, которые не являются «по преимуществу» эксплуататорскими.

Для Штампфера, Вандервельде, Каутского и левого Паннекука религия есть не больше, как безобидный плод психологической потребности людей, как их несовершенный «способ мышления», как результат их невежества. Попы, видите ли, только используют, да и то не всегда, в эксплуататорских целях эту потребность. Сама же по себе религия не является сгустком эксплуататорских идей, не является опиумом для народа. Если ее подчистить и обратить в социал-демократическую веру, то может получиться даже польза для рабочих. Так рассуждают и современные социал-фашисты. Так рассуждали наиболее видные вожди немецкой социал-демократии, когда на историческую сцену выступил ленинизм.

Борьба ленинизма за восстановление и развитие атеистического наследства Маркса и Энгельса

Только выдержанный, последовательный материалист, стоящий на почве диалектического материализма, защищающий интересы рабочего класса и увязывающий атеистическую пропаганду с революционной работой в массах, может рассматриваться как последовательный пролетарский атеист. Энгельс требовал от атеистов последовательного проведения в жизнь правильной политической линии, основанной на диалектическом материализме. Основоположники марксизма требовали подчинения тактики атеизма интересам и задачам борьбы рабочего класса. В то же самое время они боролись против недооценки и умаления роли антирелигиозной пропаганды. Энгельс считал неправильным понимание религии, как частного дела совести каждого партийца. Частным делом религия должна, по учению Маркса и Энгельса, являться только для государства, но отнюдь не для атеистической партии пролетариата и его мировоззрения — марксизма. Политическая линия марксизма в области атеизма неразрывно, как и в других вопросах, связана с его философской основой — диалектическим материализмом. Диалектический материализм идет дальше естественно-научного, механического материализма энциклопедистов и Фейербаха. Диалектический материализм дает объяснение социальных корней религии и дает указание революционных путей выкорчевки этих корней. Вожди II интернационала отказались от какой бы то ни было борьбы с религией, они фальсифицировали философскую основу пролетарского атеизма — диалектический материализм, они объявили дело борьбы с религией частным делом совести каждого социал-демократа.

Ленин боролся с оппортунистическим извращением тезиса — «объявление религии частным делом» и дал анализ корней этого извращения. Ленин видел корень этих извращений помимо общих причин, порождающих вообще оппортунизм, также в буржуазных традициях атеизма во II интернационале. Начало буржуазных традиций в атеизме было положено задолго еще до II интернационала. Известно, что Энгельс резко критиковал недостатки крикливого атеизма буржуазных идеологов Бюхнера и К^о, путаника Дюринга и анархиста Моста. Сущность буржуазных традиций в атеизме заключается в шумливом, анархистском объявлении войны против религии, в отрыве и противопоставлении интересов и задач атеизма интересам и задачам классовой борьбы, в игнорировании классовой роли и классовой сути религии. Шумливый антиклерикализм, крайняя абстрактность и культурническая ограниченность в теории и практике — вот что характерно для форм и содержания буржуазного атеизма. За внешней революционностью и шумливостью буржуазного атеизма Маркс, Энгельс и Ленин видели стремление буржуазии

отвлечь внимание рабочих масс от коренных, наиболее насущных вопросов классовой борьбы. Энгельс осудил бланкистов за их шумливые, анархистские, оторванные от массовой раз'яснительной и организационной работы, методы борьбы с религией. Энгельс упрекал Фейербаха за его непоследовательность в борьбе с религией, за его попытки подчистки и обновления религии.

Заслуга Ленина состояла в том, что он восстановил и развил дальше атеистическое наследство Маркса—Энгельса и его философскую основу—диалектический материализм. Помимо того, что Ленин восстановил политическое, экономическое и философское учение Маркса—Энгельса, он поднял марксизм на новую, высшую ступень. Нельзя теперь быть марксистом, не будучи ленинцем. Марксизм эпохи империализма и пролетарских революций есть ленинизм. Ленинизм как международное явление окреп и вырос в борьбе за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата, в борьбе с буржуазией и ее агентами—оппортунистами всех стран. Отсюда—его боевой, революционный характер. Эта же печать революционности и действительности лежит на атеизме Ленина. Ленин сомкнул воедино революционную теорию и практику, устранив существовавший в эпоху II интернационала разрыв между теорией и практикой. Единство между теорией и практикой Ленин установил также в атеизме, подчеркнув громадное значение для атеизма революционной теории и практики. Неправильными, клеветническими являются теории троцкистов и троцкистских контрабандистов о том, что Ленин не вел до войны борьбы с оппортунизмом II интернационала.

По теории троцкистов и троцкистских контрабандистов, ленинизм стал международным явлением только в период войны. До войны Ленин якобы не боролся с центристами II интернационала, ибо недооценивал и не понимал опасности прикрытого оппортунизма, опасности примиренчества с оппортунизмом. Лишь только якобы после войны, согласно троцкистским теориям, Ленин стал настоящим большевиком, ибо в это время Троцкий-де «переворужил» Ленина и сделал его настоящим революционером. Теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую была выдвинута Лениным тоже якобы только после войны и благодаря Троцкому.

Тов. Сталин разоблачил все эти клеветнические теории троцкистов и троцкистских контрабандистов о небольшевизме Ленина. Тов. Сталин показал, что «троцкисты были главной и основной группой, насаждавшей в России центризм и создавшей для этого специальную организацию, как очаг центризма, в виде августовского блока»¹⁾. Тов. Сталин указал на факты решительной политики большевиков в отношении разрыва с оппортунистами всех мастей. Эта политика разрыва с оппортунистами осуществлялась большевиками и до империалистической войны и до 1905 г. Только большевики могли провести полный раскол с оппортунистами и центристами в рядах русской с.-д., осуществляя вместе с тем линию на раскол с оппортунистами и центристами II интернационала и всячески толкая на этот раскол левых немецких с.-д. Но левые с.-д. оказались слабой группой, не способной на разрыв со II интернационалом. Перед левыми и перед другими группировками II интернационала большевики выдвинули коренные вопросы русской революции, ибо русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции. Следовательно «коренные вопросы русской революции являлись и являются теперь» коренными вопросами мировой революции»²⁾. На решении коренных вопросов русской революции проверяли большевики революцион-

¹⁾ Сталин, О некоторых вопросах истории большевизма (письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция»).

²⁾ Там же.

ность германских «левых», а также революционность других групп II интернационала.

В качестве коренных вопросов русской революции большевики выдвигали вопросы:

«о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п.»¹⁾.

Решение религиозного вопроса в отношении прежде всего отделения церкви от государства и школы от церкви зависело от характера, исхода и условий революции, а следовательно и от правильного решения коренных вопросов революции. Например меньшевики считали, что в буржуазной революции ее движущей силой является буржуазия, что от последней зависит разрешение всех вопросов этой революции, в том числе и вопроса религиозного. Это фактически означало полное лакейство меньшевиков перед буржуазно-помещичье-церковным блоком по всей линии, в том числе и в вопросе об отношении к религии и господствующей церкви. Линия меньшевиков, таким образом, вела прямоком к торжеству буржуазно-помещичье-поповской реакции, особенно ярким образцом которой и явилась III Дума, которая была «богомольной Думой» не только октябристов и Пуришкевичей, но и богомольных кадетов, богомольной либеральной буржуазии (Ленин).

Большевики осуществляли гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, считая, что коренные вопросы революции, в том числе и вопрос отделения церкви от государства и школы от церкви может разрешить лишь революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Меньшевики лишь на словах хотели отделения церкви от государства и школы от церкви, помогая на деле помещичье-церковной реакции, об'являя при этом дело борьбы с религией частным делом совести каждого партийца, а большевики на деле практически осуществляли борьбу с религией, руководя борьбой за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

Так в зависимости от основных программных установок и представлений о революции решался вопрос о церкви и религии. Будет ли гегемоном русской революции, а следовательно и гегемоном борьбы со средневековой церковью, буржуазия или пролетариат? Кто будет союзником в науке и политике у пролетариата в борьбе с церковью? Как рассматривать крестьянство: как союзника пролетариата (Ленин) или как врага (Троцкий)? На кого опираться? Какие парламентские и внепарламентские методы борьбы с врагами и в том числе с контрреволюционной церковью (когда, при каких обстоятельствах) применимы?

На все эти вопросы большевики и меньшевики дали различные ответы — еще в 1905 г. и даже раньше.

Ленин учил, что пролетариат является вождем революции и тем самым борьбы с религией:

«Пролетариат есть вождь нашей буржуазно-демократической революции. Его партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, а в том числе и со старой казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д.»²⁾.

¹⁾ Сталин, О некоторых вопросах истории большевизма.

²⁾ Ленин, Об отношении рабочей партии к религии.

На повестке дня русского пролетариата стояла буржуазно-демократическая революция. Буржуазия боялась этой революции. Гегемония в революции, согласно ленинскому учению, должна была принадлежать пролетариату. Пролетариату же должно было принадлежать руководство в атеизме, ибо борьбу с церковью и религией Ленин выдвинул, как одну из задач и условий буржуазно-демократической революции, которая должна была перерасти в революцию пролетарскую. Вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую имеет для антирелигиозников актуальнейшее значение, ибо завоевание власти пролетариатом означает завоевание политических, материальных и культурных основ для атеизма. Вопрос о возможности перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую означает возможность гигантского процесса перевоспитания трудящихся в ходе революции и с помощью самой революции. Вопрос о перерастании революции ставит на первый план партию, подчеркивает ее руководящее значение. Ленинская теория перерастания бьет по теориям стихийности и самотека в рабочем движении, бьет по настроениям хвостизма в рабочем движении, бьет также по оппортунизму в атеизме.

Царская Россия была международным жандармом, поддерживавшим все самое реакционное (и в том числе религиозное средневековое) в Европе и Азии. Царская Россия душила революцию в Европе. Освободить Европу и Азию от царского жандармского сапога значило сделать очень многое для всего международного пролетариата, для дела революции и атеизма всех европейских и азиатских стран.

В своей брошюре «Что делать?» Ленин еще в 1902 году писал, что «История поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны». Под осуществлением этой задачи Ленин понимал как раз именно «разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции», а именно русского абсолютизма. Осуществление этой задачи «сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».

Быть авангардом международного революционного пролетариата, значит быть вместе с тем авангардом и всего международного пролетарского атеистического движения. Быть в свою очередь пролетарским атеистом — это значит прежде всего быть революционером, подчиняющим задачи атеистической пропаганды общим задачам и интересам пролетарской революции.

Следовательно еще в 1902 году Ленин выдвинул перед пролетариатом России задачу борьбы с русским абсолютизмом и русским церковным средневековьем как задачу международного порядка. Быть в авангарде русского безбожного движения значило и значит быть в авангарде всего мирового безбожного пролетарского движения.

Не так однако понимали роль русского пролетариата и роль русской революции меньшевики. Русские меньшевики отрицали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. В России, говорили меньшевики, будет буржуазная революция, поэтому ею должна руководить буржуазия. Раз руководить революцией будет буржуазия, значит руководить осуществлением демократических требований в области атеизма будет тоже буржуазия. Никаких следовательно самостоятельных задач, никакой самостоятельной линии у пролетариата в области атеизма нет и не должно быть. Борьба с религией, рассуждали меньшевики, есть задача буржуазии, ибо буржуазия заинтересована в свержении феодализма и средневековья. Буржуа-

зия везде и всюду боролась во время буржуазных революций с церковью, значит она будет бороться с церковью и у нас. Так примерно рассуждали меньшевики, объявляя религию частным делом совести каждого эсдека. Не так рассуждал Ленин. Ленин отличал трусливую буржуазию эпохи умирающего капитализма от революционной буржуазии периода молодого капитализма. Если буржуазия периода молодого капитализма была революционной и создала в борьбе с феодализмом и церковным средневековым атеизм Гольбаха, то буржуазия в эпоху империализма все больше и больше смыкается со средневековым ради борьбы с рабочим движением и создает «ббезьяньи» процессы. Буржуазия никогда конечно не была единой и до конца последовательной в борьбе с религией даже в пору своей молодости. Еще меньше этого единства и этой последовательности можно было ждать в XX веке от русской буржуазии. В среде русской буржуазии сразу же после первых вспышек революции резко обозначились два течения: клерикальное и антиклерикальное. Антиклерикальное крыло, возглавляемое октябристами и кадетами, ставило своей целью не борьбу с религией, а только борьбу с крайностями церковного притеснения ради спасения и обновления самой религии. К этому нужно добавить, что в силу особых исторических условий в России буржуазия была крайне труслива и не имела никаких сколько-нибудь серьезных революционных заслуг и традиций в борьбе с религией. Что же касается русской мелкобуржуазной (народнической) демократии, то ею в отношении борьбы с религией было сделано слишком мало по сравнению даже с западноевропейской мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенцией. К тому моменту, когда на историческую сцену выступил ленинизм, русское народничество из революционного движения превратилось в реакционное движение. Только пролетариат был тем классом, который хотел и мог быть до конца последовательным в борьбе с религией. Кто же был и мог быть его ближайшим резервом и союзником в борьбе с остатками крепостничества и церковного средневековья? Союзником пролетариата в борьбе с остатками крепостничества и средневековьем должно было являться крестьянство, ибо, «только идя за пролетариатом, способны русские крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников-самодержавщиков» (Ленин, «Классы и партии в их отношении к религии и церкви»).

Именно крестьянских представителей в Государственной думе считал Ленин революционными представителями буржуазной демократии. Не интеллигентов-трудовиков и тем более не кадетов можно было и нужно было считать революционно-демократическими борцами с церковью и религией. Кадеты и октябристы боролись в Думе с крайностями клерикализма сади омоложения и укрепления религии. Интеллигенты-трудовики делали уступки кадетам и в известной степени сознательно приближались к кадетам в этом вопросе. И только представитель крестьян — Рожков, выступавший по смете святейшего синода, заявил решительный протест против поборов и домогательств господствовавшей православной церкви.

«Речь трудовика-крестьянина Рожкова, несмотря на чрезвычайную ее элементарность, превосходно показала всю пропасть между лицемерной, рассчитанно-реакционной защитой религии кадетами и примитивной, бессознательной рутинной религиозностью мужика, в котором условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы со средневековьем. Кадеты — представители контрреволюционной буржуазии, которая хочет обновить и укрепить религию против народа. Рожковы — представители революционной буржуазной демократии, неразвитой, бессознательной, забитой, несамостоятельной, раздробленной, но таящей в себе далеко

и далеко еще не исчерпанные запасы революционной энергии в борьбе с помещиками, с попами, с самодержавием» (Ленин, там же).

Меньшевики, троцкисты и все их единомышленники из II интернационала недооценивали крестьянства как ближайший резерв революции. Учение большевиков о союзе рабочего класса с крестьянством меньшевики, троцкисты и левые в германской социал-демократии (Парвус и Роза Люксембург) считали народническим уклоном большевиков, а учение большевиков о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства называли бланкистским, противоречащим развитию буржуазной революции. Меньшевики учили, что гегемоном буржуазной революции должна быть сама буржуазия, которой пролетариат должен помогать на правах ее левого союзника. Что же касается левых и троцкистов, то они выдвинули свою полуменьшевистскую схему перманентной революции, извратив предварительное учение Маркса о перманентной революции. Таким образом ни одна группа и фракция во всем II интернационале не понимала, за исключением большевиков, истинного характера русской революции и истинного значения крестьянства как резерва революции.

Из всего учения Маркса—Энгельса о религии меньшевики запомнили только предостережение Энгельса от увлечения шумливой, бланкистской войной с религией. Но что такое шумливая, бланкистская война с религией? Это — буржуазная, ограниченно-культурническая, оторванная от революционной практики масс, почти исключительно только антиклерикальная, крикливая по форме, чаще всего сознательно отвлекающая внимание масс от коренных интересов классовой борьбы форма борьбы буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции против средневековья. Меньшевики, отдавая руководство революцией и борьбой со средневековьем в руки буржуазии, тем самым нарушали завет Энгельса и создавали все условия для буржуазных извращений и злоупотреблений в деле борьбы с религией. Каких извращений и злоупотреблений можно было ждать от трусливой антиклерикальной части русской буржуазии, показывает поведение ее представителей в Государственной думе. Мы не говорим уже про клерикально настроенную часть буржуазии, заботившуюся о том, чтобы разжечь религиозную вражду и тем самым отвлечь внимание масс от насущных вопросов. Деятельность самодержавия и клерикальной буржуазии в этом отношении выразилась в ряде еврейских, сектантских, армяно-татарских и т. д. погромов. Что же касается думского и «веховского» «творчества» буржуазии, то здесь это «творчество» выразилось в явных попытках возродить интерес к новым, обновленным формам мистики и религии, а также в открытом одновременном походе против «антихриста» (читай: против революции и революционного атеистического мировоззрения Маркса — Энгельса). Религиозный вопрос во всей буржуазной философской литературе в эпоху реакции был в целях маскировки, действительных скрытых целей похода против революции и марксизма, поставлен на первое место. На первом месте религиозный вопрос стоял также у всевозможных богостроителей и богоискателей.

«Реакционная буржуазия, — писал Ленин в 1905 г., — везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат» (Ленин, «Социализм и религия»).

«Единство этой действительной революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе» (Ленин, там же). Это и нижеследующие утверждения в устах Ленина как нельзя более ярко показывают то место, которое должна

занимать борьба с религией в борьбе пролетариата за его освобождение и господство. «Проповедывать научное мировоззрение, — пишет Ленин, — мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь «христиан» для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, чтобы следовало допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития» (Ленин, там же).

«Энгельс, — напоминает Ленин, — требовал от рабочей партии умения терпеливо работать над делом организации просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

«Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную практику, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть авантюристическая фраза» (Ленин, там же).

Практика меньшевиков, троцкистов и прочих оппортунистов не была сознательной и революционной общественной практикой, способной просветить и организовать рабочих для победы над средневековьем и капитализмом. Практика меньшевиков и троцкистов была практикой предательства интересов рабочего класса. Практика меньшевиков и троцкистов не была по корням религии — по капитализму. Для капитализма меньшевики представляли полный простор, оправдывая это тем, что пролетарская революция в России якобы невозможна вследствие низкого уровня производительных сил и культуры рабочего класса. Троцкисты тоже отрицали возможность победы и строительства социализма в одной стране, поэтому они отрицательно относились к задаче создания пролетарской культуры, т. е. пролетарского атеизма. Усваивая буржуазную культуру, а стало быть и буржуазный атеизм, и этим ограничиваясь — таков вывод из всего троцкистского учения о революции. Левые в германской социал-демократии поддерживали троцкистскую теорию революции и были первыми авторами так называемой теории перманентной революции. Стало быть ни одна из групп II интернационала, кроме большевистской фракции, не имела правильного представления о характере и движущих силах русской революции. Никто стало быть кроме большевиков не мог обеспечить правильного, сознательного, вполне революционного руководства в общественной практике рабочему классу.

Левые в германской социал-демократии имели ряд больших и серьезных заслуг, но и с ними большевикам приходилось вести борьбу по ряду принципиальных вопросов. Ленинская критика оппортунистических теорий и оппортунистической практики II интернационала в области борьбы с религией касалась также и неправильных установок в этом вопросе со стороны левых социал-демократов. В области решения ряда важнейших вопросов теории и тактики атеизма немецкие левые исходили в общем из тех же неправильных установок, что и центристы. Например левый Антон Паннекук неправильно, по-культурнически определял сущность и основы религии. Сущность религии и основы религии Паннекук свел, как мы видели выше, к неправильному способу мышления. Полемизируя с социал-демократами и попами, видевшими сущность религии в ее «нравственном» учении, Паннекук пишет:

«Тот факт, что признаваемые каждым человеком добродетели и нравственные побуждения занимают первое место в религиозных учениях, не

составляет еще сущности и особенности религии: сущность эту составляет скорее то основание, на котором зиждятся эти добродетели, именно способ объяснения всего происходящего волей божьей» (Паннекук, «Социализм и религия», стр. 9).

Здесь сущность религии отождествлена с основанием религии, основание религии сведено к неправильному способу мышления, а под неправильным способом объяснения всего окружающего Паннекук, как мы видели выше, разумеет невежество.

Во-первых, нельзя отождествлять невежество с неправильным способом мышления. Неправильный способ мышления может являться принадлежностью не только невежественного человека, но сплошь и рядом образованного и весьма ученого человека, если только этот человек не стоит на точке зрения диалектического материализма. Неправильный способ мышления может вести и ведет в конечном счете к идеализму, а идеализм есть утонченная форма поповщины и дорога к поповщине. В неправильном способе мышления лежат так называемые гносеологические корни религии; но гносеологические корни религии не могли бы хоть сколько-нибудь серьезно окрепнуть, если бы их не закреплял классовый интерес господствующих классов. Поэтому действительные корни религии в классовом обществе нужно искать не только в невежестве и не только в способе мышления, а главным образом в классовом устройстве общества.

Ленин признавал существование гносеологических корней религии и, как никто другой, дал им глубочайший анализ. Ленин также видел в невежестве один из сильнейших питательных источников религии, но он вместе с тем едко высмеивал буржуазных материалистов и прогрессистов, видевших в невежестве главный источник религии. «Почему,—писал Ленин,—держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм! Распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах эти корни, главным образом, социальные. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма... вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала...— вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет остаться материалистом приговорительного класса» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

Плеханов в области понимания корней религии ушел от «материалистов приговорительного класса», но ушел недостаточно далеко, ибо значительно недооценивал социальных корней и классовой сущности религии. Начетчики из лагеря механистов и меньшевистствующих идеалистов углубляют ошибки Плеханова—считают религию продуктом только невежества и обмана, ссылаясь при этом и на Плеханова и на Энгельса. С этой целью приводится обычно нижеследующая цитата из «Людвига Фейербаха»:

«Возвышеннейший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, коренится, стало быть, совершенно так же, как все религии, в ограниченных и невежественных представлениях дикаря» (Энгельс, «Людвиг Фейербах», гл. 2-я). О том, что лежало, по мнению Энгельса, в основе этих невежественных и ограниченных представлений дикаря, механисты и меньшевистствующие идеалисты не пишут. Между тем Энгельс весьма недву-

смысленно говорил, что «В основе этих различных неправильных представлений о природе, о строении самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. лежит, по большей части, лишь отрицательное экономическое (pur negativ Oekonomisches): низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины ложные представления о природе» (Письмо Энгельса к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г.).

По мере развития производительных сил растет и наше познание природы. «И мы в самом деле с каждым днем научаемся правильнее понимать ее законы и постигать как наиболее близкие, так и наиболее отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее собственный ход. В частности после мощного движения вперед естественных наук в нашем столетии мы станем все более и более способными предвидеть, а благодаря этому и регулировать наиболее отдаленные последствия, по крайней мере наших наиболее обычных производительных процессов. И чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой, и тем невозможней станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом,—представление, возникшее в Европе в период упадка классической древности и nåшедшее свое высшее развитие в христианстве» (Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 103).

Если не брать взглядов и работ Маркса—Энгельса в целом, если подходить к их взглядам и работам цитатно, как это делают механисты и меньшевистствующие идеалисты, то и данную цитату можно тоже истолковать в том роде, что вот, мол, смотрите, как здорово наука растет и побеждает невежество и религию и поэтому никакой борьбы с ней не нужно.

В действительности взгляды Маркса и Энгельса ничего общего не имеют с таким подходом к науке. Энгельс предлагал не обольщаться нашими научными победами над природой, ибо этими победами человеческое общество не может в достаточной степени воспользоваться в силу царящей в нем капиталистической анархии производства. Только с уничтожением капиталистического способа производства наука будет становиться, как например в СССР, достоянием всех трудящихся. Только организованное социалистическое общество может планомерно воздействовать на природу и достаточно эффективно использовать достижения науки в борьбе с природой. Пока же не уничтожен капиталистический способ производства, «силы, действующие в обществе, проявляются совершенно так же, как и силы природы: слепо, насильственно и разрушительно» («Анти-Дюринг»). Именно в этих слепых и разрушительных силах капитала видел Энгельс самый глубокий корень религии. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься в нижеследующую выдержку из «Анти-Дюринга»:

...«религия может продолжать существование как выражение непосредственного чувства в осязательной форме, существующего отношения людей к господствующим над ними, непонятным для них естественным и общественным силам, до тех пор, пока люди фактически находятся под гнетом этих сил».

Выше мы видели, что Ленин делает ударение на социальных корнях религии, считает их главными корнями религии в современном обществе, ибо разрушительные силы капитала приносят «ежедневно и ежечасно тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряду вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

Но это положение Ленина не является принципиально отличным от взглядов Маркса—Энгельса, а лишь продолжением и развитием их учения, ибо они (Маркс и Энгельс) тоже делали ударение на современных, социальных корнях религии. «Мы уже неоднократно говорили,— пишет Энгельс,— что в современном буржуазном обществе люди подчинены созданным ими самими экономическим отношениям, произведенным ими самими средствами производства, как какой-то таинственной силе. Фактическое основание религиозной рефлексивной деятельности продолжает, таким образом, существовать, а вместе с нею и самый религиозный рефлекс» («Анти-Дюринг»).

В противовес всем буржуазным материалистам и просветителям, видевшим корни религии в невежестве и способы борьбы с религией только в науке, Энгельс пишет, что «Простого познания, хотя бы оно шло дальше и глубже знания буржуазной экономики, недостаточно, чтобы подчинить обществу общественные силы. Для этого необходимо прежде всего общественное действие. И если предположить, что это действие воспоследствовало и что общество путем вступления во владение всей совокупностью средств производства и планомерного их употребления, освободило себя самого и всех своих членов от того рабства, в котором они до сих пор находятся благодаря ими самими произведенным, но противостоящим им в качестве непреодолимых внешних сил, средствам производства,—т. е. если предположить, таким образом, что человек не только еще замышляет обладать, но и действительно располагает общественными силами, то лишь в таком случае исчезнет последняя внешняя сила, до тех пор еще отражающаяся в религии, а вместе с тем и само религиозное отражение, по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать» (Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»).

Здесь Энгельс в противовес буржуазным материалистам и мелкобуржуазным радикалам подчеркивает необходимость действия, т. е. революционной практики классовой борьбы, для преобразования человеческого общества. Без социалистического преобразования человеческого общества Энгельс считал невозможным социалистическое перевоспитание широких масс, а стало быть и широкое распространение атеизма в массах.

Вожди II интернационала извратили взгляды Маркса и Энгельса по этому вопросу, как и по другим вопросам. Они пытались и пытаются доказать путем подтасованных и искаженных цитат из Энгельса, что пролетариат и вообще широкие массы трудящихся способны без захвата власти и материальных источников культуры перейти к ясному социалистическому, т. е. и атеистическому сознанию.

Ленин восстановил и развил в новой обстановке учение Маркса—Энгельса. Ленин разоблачил оппортунистов II интернационала и доказал, что: «...обманом рабочих является обычное у старых партий и старых вождей II интернационала допущение мысли о том, будто большинство трудящихся и эксплуатируемых способно в обстановке капиталистического рабства, под гнетом буржуазии, который принимает бесконечно разнообразные формы, тем более утонченные и в то же время жестокие и беспощадные, чем культурнее данная капиталистическая страна,—способно выработать в себе полную ясность социалистического сознания, твердость социалистических убеждений и характера. На самом деле, только после того, как авангард пролетариата, поддержанный всем этим, единственно революционным классом или большинством его, свергнет эксплуататоров, подавит их, освободит эксплуатируемых от их рабского положения, улучшит их условия жизни немедленно за счет экспроприированных капиталистов, только после этого и в самом ходе классовой борьбы осуществимо просвещение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление их от эгоизма, раздробленности

сти, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников» (из статьи Ленина «Тезисы об основных задачах второго конгресса Коммунистического интернационала»).

Ленин говорил, что:

«Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал массы на состояние заботности, подавленности, запуганности, распыленности (деревня), темноты,— если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупения их и т. д.» (из статьи Ленина «Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата»).

Исходя из этого, единственно правильного, анализа угнетенного положения трудящихся в капиталистическом обществе, Ленин считал буржуазно-ограниченным культурничеством тот взгляд, что можно избавить, не трогая капитализма, широкие массы от невежества и религии.

Невежество и неправильный способ мышления помогают существованию религии, но они, так же как и религиозная идеология, имеют корни в материальных условиях действительности, складывающихся на основе и в процессе определенных производственных отношений, являющихся в классовом обществе классовыми. Религия есть фантастическое отражение этих социальных отношений людей.

В капиталистическом обществе благодаря анархии производства, протекающей из присвоения орудий и средств производства, материальные отношения людей носят товарнофетишистский характер и складываются за спиной людей стихийно, слепо, помимо сознания людей. Предусмотреть и предотвратить разрушительные действия слепых сил капитализма разрозненные трудящиеся массы не в состоянии, поэтому они беспомощны и преисполнены страхом перед этими силами капитализма. Капитализм приносит постоянно и притом внезапно «в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

«Религия,— говорил Ленин,— есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, подавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» (Ленин, «Социализм и религия»).

Здесь Лениным дан замечательно глубокий анализ корней первобытной и современной религии. Ничего подобного по глубине определения корней религии мы не находим даже у лучшего теоретика II интернационала — у Плеханова. Плеханов определяет религию как систему представлений, настроений и действий, как способ объяснения окружающих явлений действительности по аналогии с действиями самого человека. В данном случае Плеханов дает культурническое, просветительское определение сущности и корней религии. Корни религии и сущность религии Плеханов, так же как Паннекук, берет вне царящего в современном капиталистическом обществе экономического гнета. Между тем корни религии и сущность религии определяется именно этим экономическим гнетом. Сущность религии Ленин при рассмотрении классового общества определяет как «один из видов духовного гнета» (Ленин, «Социализм и религия»). Корни же религиозного вида духовного гнета Ленин выводил из экономического угнетения рабочих и писал, что «гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества» (Ленин, там же). Стало быть

корнями религии является в современном капиталистическом обществе экономический гнет.

Плеханов в отличие от Ленина говорит не об эксплуататорской, одурманивающей сущности, а только об объективной роли религии в классовом обществе. Сама по себе религия не является как будто классовой, эксплуататорской. Плеханов даже в тот момент, когда борется с богостроителями, считает более необходимым вскрыть нелогичность богостроительских теорий, нежели классовую сущность и классовую роль этих теорий. В плехановском определении религии как системы представлений, настроений и действий совершенно отсутствует анализ религии как вида «духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколь угодно достойную человеческую жизнь» (Ленин, «Социализм и религия»).

Рассуждения Плеханова о религии «аполитичны» и академичны вследствие своей оторванности от практики революционной классовой борьбы пролетариата. Скотившись к оборончеству, Плеханов договаривается на манер Аксельрод до простых и обязательных для всех людей законов и норм нравственности, т. е. по существу до поповской «надклассовой» морали. Паннекук, как мы видели выше, тоже говорит о добродетелях и нравственных побуждениях, «признаваемых каждым человеком» (Паннекук, «Социализм и религия», стр. 9).

Если существуют где-то надклассовые, всеобщие нравственные нормы поведения, то почему их не может быть в любой буржуазной науке и в любой религии? Плеханов неслучайно поэтому говорит лишь о классовом, эксплуататорском использовании науки и религии, но не о классовой, эксплуататорской их сущности. Плеханов в определении религии стал на немарксистские позиции. Религия как отражение экономического гнета не может быть надклассовой. Если она может быть надклассовой в классовом обществе, то значит она действительно «не от мира сего», как в этом нас хотят уверить попы. Закон отражения, выходит, недействителен по отношению к религии. У Ленина в отношении классового содержания религии, морали, философии и т. д. — вполне ясные установки и определения. Никакой надклассовой нравственности и философии, никаких надклассовых религий нет. «Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации, — пишет Ленин, — марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса» (Ленин, «Об отношении рабочих партий к религии»).

Борьба с богостроителями, Плеханов сам потом скатился к поповским по существу нормам всеобщей нравственности. Восприняв атеистическое наследство Фейербаха, Плеханов отчасти воспринял также и фейербахианское идеалистическое учение о нравственности. Плеханов «забыл», что для Фейербаха всеобщие простые нормы и законы были мостиком к строительству новой «возвышенной» религии, за что Фейербаха жестоко критиковал Энгельс. За идеалистические, своего рода богостроительские прорехи в учении Фейербаха ухватились русские богостроители. Плеханов отметил «ошибки» Фейербаха, напомнил критику Фейербаха Энгельсом. Но сам Плеханов в деле разоблачения социальной роли религии и всех и всяческих религиозных организаций, в деле определения и понимания сущности религии и нравственности ушел далеко от Фейербаха. Плеханов, подобно Фейербаху, понимает религию чаще всего как способ мышления и умственное извращенное отражение индивидуальной сущности человека. В своем предисловии к книге Деборина Плеханов пишет о религии только как о следствии любопытства дикаря, как неудачной попытке дикаря найти причинную связь в окружающих явлениях. Особенно плохо обстоит у Плеханова дело с анализом корней религии в современном капиталистическом обществе. Плеханов нигде не дает удовлетво-

рительного анализа таких основных источников религии, как угнетение трудящихся капиталом, как их социальная придавленность и кажущаяся беспомощность в борьбе с разрушительными силами капитализма. Для Плеханова религия есть способ установления причинной связи явлений в уме любопытствующего человека. О том, что религия «связывает» свободу мыслей и действий просыпающихся трудящихся масс во всех странах,—об этом Плеханов говорил не всегда. В вопросах религии Плеханов становился на абстрактную, созерцательную позицию. Своих идеалистических и религиозных противников Плеханов старался всегда привести к логическому абсурду, тупику, часто забывая при этом о классовом разоблачении их вредных теорий. «Чисто научным, логическим путем пытался часто Плеханов уничтожить религию. Плеханов становился таким образом на просветительскую позицию. Ленин в противоположность Плеханову стоял в этом вопросе, как и в других вопросах, на позиции последовательной, до конца доведенной точки зрения диалектического материализма.

«Марксист,—писал Ленин,—должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почве отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретной, на почву классовой борьбы, идущей на деле и воспитывающей массы больше всего и лучше всего» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»):

Ленин указывал, что «реальное политическое воспитание рабочим массам может дать только всестороннее участие их в революционном движении, вплоть до открытой уличной борьбы, вплоть до гражданской войны с защитниками политического и экономического рабства» (Ленин, «Гонители земства и Аннибалы либерализма»). С этой точки зрения Ленин 1905 г. считал для рабочего класса не поражением, а победой. Плеханов же говорил после 1905 г. о том, что не надо было браться за оружие. Впоследствии Плеханов скатился к оборончеству и к обвинению большевиков в бланкизме. Политическая теория и практика Плеханова не могли являться достойным примером для атеистического воспитания масс. Оппортунизм Плеханова в области политической теории и практики мог привести и вел к оппортунизму в области борьбы с церковью и религией. Оборонческая позиция Плеханова укрепляла позицию самодержавия и церковного средневековья. Патриотизм Плеханова помогал укреплению капитализма, а стало быть и укреплению социальных корней религии.

Только Ленин и ленинская большевистская партия вели непрестанную и непримиримую борьбу с религией. Только Ленин смог дать и дал правильное указание на методы борьбы с религией и на имеющиеся в этом вопросе опасности как правого, так и «левого» порядка.

Умению правильно бороться с религией Владимир Ильич придавал большое значение. Наличие одного желания бороться с религией Ленин находил для марксиста недостаточным. Задачу борьбы с религией Ленин считал «азбукой всего материализма и, следовательно, марксизма. Но,— писал Владимир Ильич,—марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической пропагандой, нельзя сводить к такой проповеди. Эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

От анализа корней религии зависят и методы борьбы с ней. Если религия существует только благодаря невежеству, как думают буржуазные атеисты, то вполне достаточно бороться с религией путем книжек и школ, т. е. бороться только с самим невежеством, хотя для борьбы с невежеством этого гоже недостаточно. Если же религия и само невежество существуют благодаря капитализму, то мы должны бороться с его слугами—попами и религией—так, чтобы наша борьба одновременно и особенно сильно была по источнику религии—по капитализму. Бороться же с капитализмом только книжным, школьным путем нельзя. «Никакая,—говорит Ленин,—просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых, разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

Значит ли это, как думают наши «леваки»-безбожники, что просветительная книжка не нужна? Нет, не значит, ибо сам Ленин настойчиво рекомендует использовать атеистические книжки просветителей XVIII века. Это лишь значит, что «отделять абсолютной, непроходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т. е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев—значит рассуждать недialeктически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная относительная грань, значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

Не против просветительной книжки возражает Ленин, а против разрыва единства между антирелигиозной пропагандой и практикой классовой борьбы пролетариата. Из всего атеистического наследия Ленина видно, что он нисколько не отождествляет антирелигиозной теории с практикой классовой борьбы, а лишь подчиняет первую второй, как менее существенную более существенному и основному в общем ходе классовой борьбы пролетариата.

Впасть в абстрактный, пустой «революционизм» анархиста, не признающего никакого подчинения общим интересам классовой борьбы, или поддаться «самотечным» настроениям оппортунистов, возлагающих все надежды на «объективный» ход развития производительных сил, очень легко, если не руководиться интересами классовой борьбы и не учитывать конкретных исторических условий, в которых эта классовая борьба происходит. Ленин клеймил позорным именем оппортунистов как тех, кто анархистски переоценивал и выпячивал на первый план значение религии, так и тех, кто ликвидаторски недооценивал значения этой борьбы с религией и стремился от нее отмахнуться. Особенно сильно боролся Ленин против не критического усвоения немецких толкований лозунга «религия — частное дело» и проистекающих из этих толкований оппортунистических методов борьбы с религией. Помимо того, что русская революция должна была происходить при других, более прогрессивных условиях, чем все прежние революции на Западе, т. е. помимо того, что Россия требовала других, более революционных, методов борьбы с религией, германские методы вообще не годились для борьбы с религией даже в самой Германии, ибо они были извращены, с одной стороны, оппортунистической парламентской практикой германской социал-демократии и оторваны от революционной теории и тактики марксизма, а с другой стороны, что особенно важно, капитализм вступил в новую фазу своего развития. Для эпохи новейшей фазы капитализма требовались совсем иные и не только парламентские, но и внепартийные методы борьбы с религией.

III. Кризис буржуазной науки и борьба с религией

Горе-теоретики II интернационала замалчивают классовые корни и классовое содержание политических и идеологических надстроек, например, науки, атеизма и демократии. Они пытаются доказать возможность существования «чистой» науки, «чистой» религии и «чистой» демократии. Ленин был первым и единственным марксистом, правильно понявшим загнивание капитализма и капиталистической культуры. Не кто иной, как Ленин, дал анализ этой новейшей фазы капитализма и сделал из этого анализа все необходимые революционные выводы. Кризис буржуазных наук, в частности, естествознания, Ленин вывел из кризиса капитализма. Усиление противоречий и реакции по всему фронту—вот что характерно для политической и культурной оценки новейшей фазы капитализма. Поворот от демократии к политической реакции и от свободомыслия к средневековым формам идеологии является характерным знамением для современного буржуазного общества.

«В цивилизованной и передовой Европе,—говорил Ленин,—с ее блестяще развитой техникой и с ее богатой всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство» (Ленин, т. XIX, стр. 28).

Ждать последовательности от буржуазных атеистов и ученых при таких условиях нельзя. Из орудия борьбы со средневековьем буржуазный атеизм всюду превращается и в странах Запада отчасти давно уже превратился в руках буржуазии в орудие обмана рабочих масс, в орудие отвода внимания рабочих от вопросов борьбы за революцию, т. е. до известной степени в свою противоположность.

В глазах буржуазии борьба с церковью в лучшую ее пору борьбы с церковью была не больше, чем буржуазно-демократическим требованием. Все буржуазно-демократические требования, и в том числе борьба с церковью, при известных обстоятельствах служили и служат орудием обмана рабочих со стороны буржуазии.

Подобно своим хозяевам—капиталистам, меньшевики и эсеры только болтали о борьбе с религией. Буржуазные демократы и либералы (кадеты) только делали вид, что готовы бороться с религией. Правительство Керенского показало, до какого соглашения и торгашества с церковью способны на деле дойти буржуазные и мелкобуржуазные демократы. За десять недель, начиная от момента Октябрьской революции до разгона учредилки (5 января 1918 г.), большевики сделали в тысячу раз больше в смысле осуществления буржуазно-демократических требований, чем за восемь месяцев своего существования сделало правительство Керенского.

«Возьмите религию,—говорил Владимир Ильич,—или бесправие женщины, или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошлика мелкобуржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет ни одной из самых передовых стран мира, где бы эти вопросы были решены в буржуазно-демократическом направлении до конца. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись и боремся по-настоящему...» (Ленин, т. XXVII, стр. 25).

Примером того, что разумел Ленин под настоящей борьбой с религией, может служить выдержка из его письма Мясникову. «Лозунг свободы печати,—пишет Ленин Мясникову,—стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века. Почему? Потому что он выражал прогрессивную

буржуазию, т. е. ее борьбу против попов, королей-феодалов и помещиков. Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния попов и помещиков, как РСФСР. Эту задачу свободы печати мы выполняли и выполнили лучше всех в мире» (Ленин, 1921 г., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 339).

Лишить духовенство печатных возможностей — лишить духовенство казенного пайка, лишить духовенство в числе других нетрудовых элементов права голоса, отделить школу от церкви, изъять земельные и прочие богатства у церкви — сделать все это значило пойти дальше любой буржуазно-демократической революции. Зарождение новых, пролетарских форм государственности, а именно диктатуры пролетариата в ее советской форме, как раз и означало конец старым формам и старым понятиям буржуазной демократии.

Учение о диктатуре пролетариата является самым существенным, самым основным в ленинизме. Вопрос о завоевании и укреплении диктатуры пролетариата является коренным вопросом пролетарской революции. Отсюда следует, что ленинская теория и тактика пролетарской революции вообще и особенно ленинская теория и тактика диктатуры пролетариата являются откровенным пунктом ленинизма, а стало быть и ленинской теории в атеизме. Вне интересов и задач пролетарской революции и диктатуры пролетариата нет и не может быть «особых», «самостоятельных», сколько-нибудь серьезных задач и интересов у пролетарского атеизма. Интересы международной революции и социалистического строительства являются и должны являться для всякого сознательного пролетарского атеиста коренным пунктом, на котором должна базироваться и ради которого должна вестись антирелигиозная пропаганда. Антирелигиозная пропаганда, как одна из форм идейной борьбы за дело рабочего класса и как одна из сторон пролетарской культуры входит составной, неотъемлемой частью в теорию и практику социалистического строительства и является общепартийным и общепролетарским делом. Никто кроме пролетариата, никакой другой класс, не мог взять на свои плечи задачу руководства и проведения последовательной борьбы с религией. Однако это не значит, что только руками сознательных рабочих строилась и должна строиться наша страна. «Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль как авангард жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успехе в коммунистическом строительстве не может быть и речи» (Ленин, «О значении воинствующего материализма»). Одной из таких областей, где требуется союз коммунистов с некоммунистами, Ленин считал также и область борьбы с религией. Ленин при этом исходил из того факта, что «у нас в России есть еще и довольно долго, несомненно, будут материалисты из лагеря некоммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и философскими предрассудками так называемого «образованного общества» (Ленин, там же).

Кроме союза с последовательными материалистами Ленин рекомендовал союз с представителями современного естествознания, склоняющимися

к материализму. Ленин предлагал в свою очередь помогать этим представителям естествознания в отношении усвоения метода диалектического материализма для разрешения сложнейших вопросов, поставленных современной революцией в естествознании. Помимо всего этого и особенно настойчиво Ленин рекомендовал (в своем философском завещании и других произведениях) использовать, критически переработав, буржуазное культурное наследство в области атеизма. Особенно большое значение придавал Ленин умению заинтересовать отсталые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий. Ленин настойчиво рекомендовал использовать богатейшее атеистическое наследство французских материалистов, давших немало образцов талантливой, живой, остроумной сатиры на попов и церковь. «Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в 1.000 раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (ничего греха таить) часто марксизм искажают» (Ленин, «О значении воинствующего материализма»). За нежелание использовать атеистические работы французских материалистов в области антирелигиозной пропаганды Ленин едко высмеивал некоторых коммунистов и называл «марксистов», боявшихся ненаучности и устарелости книг французских материалистов, педантами, не понимающими марксизма. «Все сколько-нибудь крупные произведения Маркса и Энгельса у нас переведены» — писал Ленин. Отсюда он делал вывод, что опасаться отрицательных сторон атеистического наследства французских материалистов нам не приходится, тем более, что мы имеем возможность их книги сокращать, снабжать предисловиями и т. д. Точно так же Ленин рекомендовал не бояться и не гнушаться «союза» в той или иной степени с такими современными буржуазными исследователями религии, как Дрепс. Дрепса Ленин называл реакционером, сознательно помогающим буржуазии обновлять религию в целях борьбы с атеизмом и материализмом. Но поскольку главный труд Дрепса «Миф о христе» мы можем обезвредить и использовать для доказательства неисторичности Христа, постольку «союз» с Дрепсом в той или иной форме для нас обязателен. Такова диалектика Ленина, направленная как против правооппортунистических по существу теорий т. Бухарина, трактующих о безболезненном «врастании» буржуазной культуры в социалистическую культуру, так и против «пролеткультовских» теорий Богданова, отвергавшего необходимость использования буржуазного культурного наследства.

Критиковать, разоблачать буржуазных атеистов, но взять у них для использования то, что можно переработать, что бьет религию и церковь. При чем критиковать и подталкивать нужно не только наших «союзников» в антирелигиозной пропаганде, но жестоко критиковать и бить бюрократизм, вялость и бездеятельность в наших собственных рядах и учреждениях. Работа должна быть построена на самокритике, на социальном соревновании и ударничестве. Тов. Ленин не раз дает эти образцы самокритики как до, так и после революции. Например в его статьях «Об отношении рабочей партии к религии» и «Классы и партии в их отношении к религии и церкви» можно встретить образец большевистской самокритики по отношению к социал-демократам Суркову и Белоусову, выступавшим от социал-демократической фракции в Государственной думе по поводу сметы «святейшего» синода. В статье «О значении воинствующего материализма» Ленин критикует крайне вялую постановку антирелигиозной работы в учреждениях, ведающих этим делом. В этой же статье Ленин писал в 1922 г. о том, что «рабочий класс России

сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился». Это замечание Ленина было вызвано тем, что некоторым «дипломированным лакеям поповщины» типа Питирима Сорокина были предоставлены страницы советских журналов («Экономист» № 1 за 1922 г.), в то время как место этому белогвардейцу за рубежом, а не у нас. П. А. Сорокин спрятал под мантией научности и беспартийности свое крепостническое, антинаучное и архи-«партийное» классовое лицо. Под видом статистических данных о браке и разводе в Ленинграде Сорокин опубликовал клеветническую, насквозь крепостническую статью против советской власти, заявляя, что советский брак дает «возможность любителям «клубнички» «законно» удовлетворять свои аппетиты» («Экономист» № 1, стр. 83). На примере П. Сорокина Ленин показал, в какие легальные, «научные», «статистические» костюмы могут рядиться иногда крепостники, в рясах и без ряс. Всякая наука (в кавычках и без кавычек) партийна, классова. Всякие теории атеизма и религии партийны, классовы. За всякой теорией стоит чей-либо классовый интерес, какая-либо группа или шkolка, использующая ее. Нельзя поэтому судить о правильности той или иной теории только по субъективным намерениям и желаниям ее авторов. Нужно учитывать объективную роль различных теорий и групп в классовой борьбе, проверять эти группы и теории с помощью теории и практики марксизма-ленинизма. Отсюда же следует вывод о необходимости особой бдительности и решительности не только в отношении борьбы с теориями явно враждебных нам лиц, но и в отношении разоблачения уклонов и исправления ошибок в наших собственных рядах, ибо ошибки и особенно уклоны в наших рядах играют и могут объективно играть роль не менее вредную, чем теории сознательных врагов типа Питирима Сорокина. В этом отношении особенно интересны высказывания Ленина в связи с его борьбой против богостроителей. Богостроители определяли бога, как «комплекс» идей, будящих и «организующих» социальные чувства, как «связь» личности с обществом, как «обуздание» зоологического индивидуума. В своих ответах Горькому Ленин отметил, что это определение бога и религии реакционно, что оно помогает крепостникам оправдывать и облагораживать религию. Религия «связывает», но не личность с обществом, а угнетенные классы верой в божественность угнетателей. Религия «обуздывает», но не зоологический индивидуализм, а классовые интересы и чувства угнетенных масс в угоду эксплуататорам. Религия «организует», но не социальные чувства, а эксплуатацию. В таком примерно духе ответил В. И. Ленин Горькому. Максим Горький конечно не думал помогать попам и крепостникам, а помог. Он хотел создать подчиненную, «хорошую», «справедливую» идею «народного» понятия о боге, но получилась мерзость, потому что подчиненная идея бога еще опаснее и отвратительнее казенного понятия бога.

«...ваше доброе желание,—писал Ленин Горькому в декабре 1913 г.,—остается вашим личным достоянием, субъективным «невинным пожеланием». Раз вы его написали, оно пошло в массу и его значение определяется не вашим добрым пожеланием, а соотношением общественных сил, объективным соотношением классов. В силу этого соотношения выходит (вопреки вашей воле и независимо от вашего сознания, выходит так, что вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Никодая) Ц и гг. Струве, ибо на деле идея бога им помогает держать народ в рабстве».

Горький и Луначарский, когда они были богостроителями, забыли о краеугольном камне всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии, а именно о том, что религия есть опиум для народа; они «забыли» о том, что «все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реак-

ции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса» (Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

В периоды борьбы против экономизма, ликвидаторства, отзовизма и богостроительства в России, в момент, когда так называемые социалистические рабочие партии Запада стали открыто вступать в союз с церковью и «христианскими социалистическими партиями», ленинское напоминание об азбуке и о «краеугольном камне» всего мирозерцания марксизма в вопросе о религии (Ленин, там же) было крайне необходимо.

Ленин не ограничился конечно простым напоминанием основ и азбуки марксизма. Ленин пошел дальше, он вскрыл классовые корни и классовую роль религии в современном капиталистическом обществе. Он указал на историческую преемственность различных форм религии, на их исторические корни. Он указал на экономический гнет и на политическую и культурную придавленность трудящихся как на главный корень религии у этих слоев населения в современном обществе. Новое по сравнению с учением Маркса—Энгельса о религии состоит здесь у Ленина в увязке анализа корней религии с анализом империализма как высшей, последней стадии капитализма. Более быстрый, чем когда-либо, рост обнищания масс, гигантский рост промышленных рабочих резервов и безработицы, более быстрый, чем прежде, процесс разорения мелких собственников и в том числе десятков миллионов крестьян, небывалые по своим размерам экономические кризисы—все это результаты действия разрушительных слепых сил новейшего, умирающего капитализма. Явления эти наблюдались и прежде, но в меньших масштабах. Все эти явления усилились, расцвели пышным цветом на базе загнивающего, паразитирующего капитализма. Гнет усилился по всем линиям. Реакция усилилась по всем линиям. Соотношение классовых сил тоже значительно изменилось. Появился раскол в международном с.-д. рабочем движении. Буржуазия стала более реакционной. Социал-демократия превратилась в главную социальную опору и агентуру буржуазии в рабочем классе.

Задача Ленина в этих условиях состояла в определении главного врага и в определении направления главного удара против него. Заслуга Ленина в том, что он определил место атеизма в классовой борьбе, указал на роль и значение парламентских и внепарламентских методов борьбы, наметил и привлек союзников (союзников в кавычках и без кавычек, союзников в политике и теории), используя косвенные резервы, указал главного врага и наиболее слабые места этого врага.

Из боязни перед коммунистами и пролетарской революцией социал-фашисты ведут тактику соглашения и союза с конфессиональными, религиозно окрашенными направлениями в среде рабочего класса, являющимися главнейшим препятствием на пути социалистической революции пролетариата, главнейшим показателем громадной социальной мощи империалистического государства, располагающего такими средствами идеологического воздействия на массы, как школа, пресса, театр, церковь и т. д.

Конфессиональные и реформистские организации, будучи на службе буржуазии, дополняют друг друга: конфессиональные союзы (католические и протестантские профсоюзы, христомолы, сестричества и т. д.) как низшая, феодальная, форма закрепощения и обмана пролетариата, рассчитанная в данный момент на отсталые, особенно женские, массы пролетариата, дополняет высшие, светские формы обмана пролетариата. При чем конфессиональные организации носят в большинстве случаев романтически-феодальную окраску, а «социалистический» реформизм представляет коммерчески-циничную и светски-империалистическую форму идеологического подчинения пролетариата буржуазии. Корни реформизма Ленин видел в системе подкупа буржуазией верхушек рабочего класса за счет колониальных сверхприбылей,

а корни религиозности рабочих масс—в экономическом и всяком ином угнетении рабочих буржуазией. Угнетая одних и подкупая других, буржуазия пытается удержать свое господство через реформистские профсоюзы. Обещая рай на небе через попов и рай на земле через реформистов, терроризируя призраками загробных кар через попов и «ужасами» революции через реформистов, опираясь в своей повседневной работе на двух близнецов—на социал-фашизм и фашизм,—господствует до поры до времени буржуазия. Для того, чтобы ее сбросить, нужно знать уязвимые стороны капитализма. Уязвимыми сторонами капитализма являются его противоречия. Главных противоречий у современного «умирающего» капитализма три: 1) между трудом и капиталом, 2) между различными финансовыми группами и державами империализма, 3) между угнетенными колониями и зависимыми народностями, с одной стороны, и угнетающими их империалистическими нациями, с другой стороны. Ленин дал блестящий анализ этих противоречий современного капитализма. Из противоречий загнивающего и умирающего капитализма Ленин вывел неизбежность империалистических войн, колониальных восстаний и пролетарских революций. Ленин опроверг социал-фашистские теории Каутского, пытавшегося доказать смягчение противоречий капитализма. Из неравномерности развития капитализма Ленин вывел заключение о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране.

Диктатура пролетариата в СССР доказала возможность гигантского роста атеизма на основе захвата власти и основ культуры в одной, хотя бы и менее культурно развитой, стране и опроверг все буржуазные и в том числе социал-фашистские теории «невежества». Социал-фашистские горе-теоретики главным препятствием к социализму считают недостаточно якобы развившиеся еще производительные силы и некультурность. Ленин главной социальной опорой буржуазии в рабочем классе считал социал-демократов, измену и эппортунизм которых он вывел, анализируя особенности рабочего движения в эпоху паразитизма и загнивания капитализма. За счет вывоза капитала в другие страны, за счет колониальных сверхприбылей, путем простой стрижки купонов буржуазия угнетающих наций имеет возможность подкупать рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Этот подкупленный «верхний слой поставляет массу членов кооперативов и профессиональных союзов, спортивных обществ и многочисленных религиозных сект» (Ленин, «Империализм как новейший этап капитализма» § 8). Этот же слой обуржуазившихся рабочих, или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработка, по всему своему мирозерцанию, есть главная опора II интернационала, а в наши дни главная социальная (не военная) опора буржуазии» (Ленин, «Империализм как новейший этап капитализма», предисловие). По существу же социальная роль социал-фашизма та же, что и роль попов. Как попы, так и социал-фашисты призваны в современном обществе на роль утешителей и утешителей капитализма, они призваны капитализмом обманывать массы, рисовать массам «пользу» любви и сотрудничества между враждующими классами. «Кто утешает раба, вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам», так писал Ленин, говоря о роли Каутского в современном рабочем движении. «Каутский,—пишет Ленин,—довел марксизм до неслыханного prostituiрования и превратился в настоящего попа... Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину» (Ленин, «Крах II интернационала»). Каутскианские теории «ультраимпериализма» и «организованного капитализма» суть насквозь поповские теории. Согласно этим теориям противоречия капитализма сглаживаются и

капитализм мирно и тихо перерастает в социализм. Христианство же «облагораживает» туземцев и вообще играет положительную роль, начиная с момента своего возникновения. Никакой следовательно политической и культурной реакции нет и не может быть. Благодаря планомерному ходу развития всех процессов хозяйственно-политической и культурной жизни в «организованном капитализме» религия исчезает, как дым. Все тихо, смиренно, спокойно. Заботиться и беспокоиться не о чем. Так рисуют современный империализм социал-фашисты, и к этому же логически ведет теория «организованной» бесхозяйственности т. Бухарина. Жизнь подтвердила анализ Ленина и вдребезги разбила теории «ультраимпериализма» и «организованного капитализма». Ленин говорил об экономическом, политическом и культурном загнивании капиталистических стран. Ленин говорил о «реакции по всей линии». Ленин дал анализ причин кризиса в естествознании. В статье «О значении воинствующего материализма» Ленин пишет о необходимости борьбы с «философской реакцией». В заметках на статью Деборина Ленин пишет, что Плеханов не знает о кризисе в естествознании, а Деборин не понимает характера этого кризиса в естествознании. Ленин неоднократно говорит в своем завещании журналу «ПЗМ» о периоде глубокой революционной ломки в естествознании, он говорит о «новой революции в области естествознания». Ленин указал, как из крутой ломки и из кризиса в области естествознания вырастают «реакционные философские школы и школки, направления и направления». Приведя пример с Эйнштейном, за теорию которого ухватились модные буржуазные философы и попы, Ленин говорит о классовой заинтересованности буржуазии в поддержке всяческих форм религии и связи ее классовых позиций с идейным содержанием модных философских направлений.

Как нужно бороться с модными философскими направлениями и какое они имеют отношение к поповщине, Ленин великолепно показал в своих работах против махизма.

В то время как Деборин (будучи и формально и фактически меньшевиком) признавал махизм на русской почве прогрессивным явлением, Ленин клеймил и разоблачал русский махизм и вообще махизм как поповщину, как реакционное явление. Ленин в одном из писем Горькому писал про книгу, изданную Базаровым, Богдановым и К°, что «книга их—нелепая, вредная, филистерская, поповская, вся от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса».

Деборин дал махизму на русской почве совсем другую, по сравнению с Лениным противоположную, характеристику, заявив, что «объективно махизм представляет, таким образом, на русской почве идеологию революционного радикального слоя буржуазии и в этих пределах знаменует собою прогрессивное явление» (из статьи А. Деборина за 1908 г. «Философия Маха и русская революция»).

Плеханов тоже не понимал всей реакционной сути махизма и считал уклонение Богданова в махизм «относительно не отчаянно большим» (Ленин, Письмо Горькому от 25/II 1908 г.). «Плеханов смотрел тогда на Богданова,—пишет Ленин Горькому от 25/II 1908 г.,—как на союзника в борьбе с ревизионизмом...»

Что же касается позиций II интернационала и его вождей в борьбе с махизмом, то они вполне определяются позицией Каутского и позицией такого известного печатного органа, как «Neue Zeit». Каутский признал махизм частным делом, а «Neue Zeit», будучи в то время самым знающим и выдержанным органом немецких социал-демократов, все же печатала без единой оговорки статьи эмпириокритиков (смотри об этом в письме Ленина Горькому от 13 февраля 1908 г.¹⁾).

¹⁾ Письмо В. И. Ленина Максиму Горькому. ГИЗ, 1924 г., стр. 16.

Ленин боролся со всеми этими проявлениями оппортунизма и ревизионизма в теории и практике II интернационала. Нам он оставил богатейшее наследство для борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом II интернационала. В данное время махизм стал наряду с неокантианством модным, вполне обычным, вполне официальным философским мировоззрением таких теоретиков II интернационала, как Макс Адлер. Буржуазия и ее социал-фашистская агентура конечно не ограничиваются одним каким-либо модным философским течением, но цепляются за всякое более или менее модное философское течение и за всякое более или менее громкое имя или открытие в области науки и техники. Особенно настойчиво, как это отмечает Ленин, стала цепляться буржуазия за громкие имена ученых и за их преобразования в области естествознания с конца XIX века. Объясняется это, с одной стороны, ростом идеологической и политической реакции в связи с загниванием капитализма и боязнью буржуазии перед растущей революционной активностью масс, с другой же стороны, кризисом естествознания и растерянностью в связи с этим части ученых. Находясь в беспомощном положении по части философских выводов из научных открытий и достижений, многие ученые идут на поводу у своих политически и философски оформившихся коллег-реакционеров. Пользуясь философской беспомощностью своих коллег и растерянностью их в связи с революционной ломкой естествознания, «куча виднейших современных физиков по случаю «чудес» радия, электронов и т. п. протаскивает боженьку — и самого грубого и самого тонкого, в виде философского идеализма» (Письма Ленина Горькому ст февраля 1913 г.). Буржуазия в своих классовых интересах поддерживает всяческого такого «боженьку» и всяческое модное философское течение, протаскивающее «боженьку». Больше всего и прежде всего, если говорить о путях религиозного пленения ученых, религия влияет на неустойчивую в философском отношении часть ученых через тонкого боженьку, через философский идеализм. Поэтому Ленин так много уделял внимания разоблачению таких тонких форм поповщины, как махизм. В нашу задачу изучения различных форм идеализма и борьбы с ним входит также и антирелигиозная задача, ибо Ленин говорил, что идеализм есть одна из форм поповщины. К этому Ленин добавлял, что «идеализм философский есть («вернее» и «кроме того») дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека» (Ленинский сборник XII, стр. 326). Почему, как и через какие оттенки познания ведет философский идеализм к поповщине, видно из нижеследующего замечания Ленина:

«Познание человека не есть... прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где его закреплает классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота — voilà гносеологические корни идеализма. а у поповщины (=философского идеализма), конечно, есть гносеологические корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всеильного, объективного, абсолютного, человеческого познания» (Ленинский сборник XII, стр. 326). Анархия производства, частная собственность и далеко зашедшее разделение труда расщепляют на «отрывки, обломки, кусочки» кривую, спиральную линию человеческого познания. Классовый интерес господствующих в капиталистическом обществе классов закрепляет существующие противоречия и разрыв между различными формами общественного сознания, усиливает и закрепляет

анархию материального и духовного способов производства. Существующие противоречия в капиталистическом обществе и в том числе противоречия в лагере ученых мы должны использовать для того, чтобы усилить раскол в лагере буржуазных ученых и перетянуть и использовать часть из них для борьбы с религией и идеализмом.

Наша задача—перетянуть на свою сторону наиболее последовательных буржуазных материалистов, вступить с ними в союз в отношении борьбы с религией, помочь им стать диалектиками-материалистами, помочь найти «в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды» (Ленин, «О значении воинствующего материализма»).

Кроме союза с последовательными материалистами, не принадлежащими к партии коммунистов, Ленин считал весьма важным союз с теми «представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шаганий в сторону идеализма и скептицизма» (Ленин, там же). Такова тактика Ленина в отношении использования беспартийных представителей естествознания, склоняющихся к материализму.

Как при анализе империализма, Ленин выводит раскол и паразитизм в международном рабочем движении из противоречий и загнивания капитализма, так же и при анализе раскола и кризиса в естествознании Ленин исходит из конкретных условий всей социальной обстановки капитализма конца XIX и начала XX века, из «объективного учета всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества» (т. XX, стр. 493). Ленин определяет направление главного стратегического удара как в области политики, так и в области естествознания, философии и атеизма. Как в области анализа капитализма Ленин подводит итог всему развитию капитализма за время, прошедшее после Маркса—Энгельса, так же и в такой же степени верный итог подводит Ленин всему развитию естествознания, философии, атеизма и т. д. после Маркса—Энгельса. Никто из теоретиков II интернационала, не исключая Плеханова, не сделал даже попытки подвести такой итог. Никто кроме Ленина и не мог подвести такой итог.

Ленин находился во главе самой передовой, самой революционной партии в мире. Ленин жил и боролся в стране, являвшейся узловым пунктом всех противоречий империализма. Ленин жил и боролся в стране с самым передовым пролетариатом, в стране, ставшей центром всего международного пролетарского движения задолго до революции. Немудрено, что вождь партии самого передового пролетариата в мире, проделавшего революцию 1905 г. и Октябрьскую революцию, стал вождем пролетарской революции и всего международного пролетариата, поднял марксизм на новую, высшую ступень. Отсюда следует, что ленинизм (а стало быть и ленинский атеизм) является ведущим в международном пролетарском движении, является новым, высшим этапом в пролетарском атеизме. Центром международного пролетарского атеизма является СССР. СССР революционизирует трудящихся всех стран и особенно угнетенных народов. Одним только фактом своего существования СССР расшатывает самые основы капитализма, «вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков» (Сталин, политотчет ЦК XVI партсезду).

СССР является ударной, передовой колонной рабочего класса всего мира. Опыт СССР в области борьбы с религией должен стать опытом сознательных рабочих всех стран.

Разработка т. Сталиным национального вопроса и материалистическая диалектика

М. Каммари

Еще в 1922 г. т. Ленин, говоря о плане разработки материалистической диалектики «со всех сторон», в своем письме в редакцию «ПЗМ» предлагал изучать образцы «диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много».

Известно, что журнал в период его руководства группой Деборина не «сумел осуществить основных указаний Ленина... не стал боевым органом марксизма-ленинизма», что «работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и от задач международного революционного движения» (постановление ЦК ВКП(б) от 25/1 1931 г.). Журнал не занимался в тот период диалектикой нашей эпохи, эпохи империализма, пролетарской революции, строительства социализма в СССР. А между тем эта диалектика блестяще, гениально, всесторонне разрабатывалась в работах тт. Ленина, Сталина, в решениях ВКП(б) и Коминтерна, вооружала борцов за победу пролетарской революции и строителей социализма могучим и острейшим оружием для победы над капитализмом. Вот почему, изучая, разрабатывая и пропагандируя диалектику «Капитала», стремясь «по-большевистски подойти к учебе» и «взять от Гегеля например то, что нужно для нашей борьбы» (Л. М. Каганович), мы особое внимание должны обратить на изучение и пропаганду разработки диалектики нашей эпохи в работах Ленина, Сталина, связывая это с борьбой за генеральную линию нашей партии.

В этой статье мы остановимся на разработке т. Сталиным диалектики национального вопроса, имеющего большое политическое значение с точки зрения победы революции. Национально-колониальный вопрос есть вопрос о «тяжелых резервах мировой пролетарской революции и вместе с тем о гыле мирового империализма» — говорил т. Сталин на XII съезде партии.

Борьба за ленинскую линию Коминтерна и ВКП(б) в национально-колониальном вопросе предполагает беспощадную борьбу и разоблачение империалистической политики контрреволюционного социал-фашизма и троцкизма в том числе, пытающегося прикрыться знаменем Р. Люксембург, использовать снова ошибочную, оппортунистическую линию люксембургизма и «левых радикалов» в национальном вопросе для прикрытия своей контрреволюционной позиции. Разоблачая клевету троцкистских контрабандистов на большевиков, т. Сталин писал:

«В период перед войной в партиях II интернационала выступил на сцену, как один из актуальнейших вопросов, вопрос национально-колониальный. вопрос об освобождении угнетенных наций и колоний, вопрос о путях борьбы

с империализмом, вопрос о путях свержения империализма. В интересах развертывания пролетарской революции и свержения империализма большевики предложили политику поддержки освободительного движения угнетенных наций и колоний. на базе самоопределения наций и развили схему единого фронта между пролетарской революцией передовых стран и революционно-освободительным движением народов колоний и угнетенных стран. Оппортунисты всех стран, социал-шовинисты и социал-империалисты всех стран не замедлили ополчиться в связи с этим против большевиков. Большевики травили, как бешеных собак. Какую позицию заняли тогда левые с.д. на Западе? Они развили полуменьшевистскую теорию империализма, отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвели тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и угнетенных стран, отвели тезис о возможности единого фронта между пролетарской революцией и национально-освободительным движением и противопоставили всю эту полуменьшевистскую кашу, являющуюся сплошной недооценкой национально-колониального вопроса,—марксистской схеме большевиков.

Известно, что эту полуменьшевистскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма» (Сталин, «О некоторых вопросах истории большевизма»).

Отметим кстати для разоблачения троцкистов, по старой привычке пролезающих в щель разногласий, просовывающих хвост туда, где голова не лезет, подменяющих принципиальную идейную борьбу сплетнями и клеветой, что глубоко принципиальная критика большевиками левых Г. С. Д. и Польши, Р. Люксембург и др. не мешала большевикам признавать их революционных заслуг. Наоборот, такая критика всегда сопровождалась признанием за ними «целого ряда заслуг и революционных выступлений, больших и серьезных революционных дел... Именно поэтому и считались с ними большевики» (Сталин, «О некоторых вопросах истории большевизма»).

«Несмотря на все свои ошибки, она (Р. Люксембург) остается орлом... память о ней всегда будет ценна для коммунистов всего мира» (Ленин), и только троцкисты, ренегаты, копающиеся в навозных кучах загнивающего капитализма, способны поднимать на щит «и восторгаться ошибками великой коммунистки», вошедшей в историю рабочего движения не своими ошибками, а вопреки им, с изречением о том, что Г. С. Д. после 1914 г. есть «смердящий труп», как и весь II интернационал (см. Ленин, «Заметки публициста», т. XXVIII, стр. 204). И совсем иное отношение у большевиков к ренегатам (П. Леви, Троцкий и т. п.), лопающимся «шумно и с особенно... пикантным ароматом... гнилого яйца» (Ленин).

Борьба за ленинскую линию в национальном вопросе связана неразрывно также с разоблачением и борьбой против всяких уклонов в ВКП(б) и КИ по национальному вопросу, с борьбой на два фронта — против великодержавного шовинизма как главной опасности в нашем строительстве социализма и против местного шовинизма.

Задача ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, уничтожения пережитков капитализма в экономике и сознании людей как основная политическая задача второй пятилетки и завершение технической реконструкции всего народного хозяйства обуславливают национальные моменты в партийном и государственном строительстве СССР (ликвидация значительных еще остатков фактического, экономического и культурного неравенства, борьбу с пережитками национальной вражды, интернациональное воспитание масс, развитие национальных по форме и социалистических по со-

держанию культур всех народов СССР и т. д. Отсюда и громадное теоретическое и политическое значение разработки диалектики национального вопроса большевизмом, пропаганда этой диалектики в массах. Поэтому изучение диалектики национального вопроса в работах т. Сталина, который отдавал всегда этому вопросу большое внимание, приобретает большой политический и теоретический интерес не только для нашей партии, но и для всех братских компартий. Попытку такого изучения диалектики национального вопроса в работах т. Сталина мы и делаем в настоящей статье.

Диалектическая постановка национального вопроса

Как и во всех своих работах, так и в национальном вопросе т. Сталин дает глубокое понимание сути диалектики, ее блестящее применение и разработку при исследовании актуальнейших проблем пролетарской революции.

В своей работе «Марксизм и национальный вопрос», написанной в конце 1912 г., разоблачая и критикуя метафизику, идеализм, софистику и эклектику оппортунистов II интернационала в национальном вопросе (Отто Бауэра и др.), т. Сталин дает диалектическую постановку этого вопроса как единственно верную, дающую ключ к правильному решению.

«Если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то именно здесь, в национальном вопросе.

... Конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка, таков ключ к решению национального вопроса» (Сталин, «Марксизм и национальный вопрос»¹⁾).

Этим ключом не умеют или не хотят пользоваться оппортунисты. В чем же заключается эта диалектическая постановка вопроса? Прежде всего в том, что нация рассматривается не как вечная, а как историческая категория, как «историческая категория определенной эпохи» (Сталин).

Опираясь на теорию марксизма, т. Сталин доказывает, что нации складываются в эпоху поднимающегося капитализма, что «нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец» («Марксизм и национальный вопрос»).

Тов. Сталин во всех своих работах показывает и вскрывает законы изменения и развития национального движения, его диалектику, разоблачая попутно глубоко метафизический, идеалистический по своим философским основам, буржуазно-шовинистический по своей классовой сути подход к решению национального вопроса О. Бауэра, Реннера и др. теоретиков II интернационала. О. Бауэр определял нацию как «общность характера», определяемую «общностью судьбы», и прикрывал этот идеалистический буржуазно-националистический взгляд марксистской фразой, что конечно «общность характера» нации определяется «условиями, в которых люди производят средства к своей жизни». Но на деле предлагаемая им программа культурно-национальной автономии, требующая «соединять» людей в нации, людей, территориально разобщенных в разных странах и даже частях света, экономически ничем не связанных и т. д., руководствуясь мистической «общностью судьбы» и общностью национального характера, — эта программа ничего общего с марксизмом не имела.

«Чем же отличается тогда нация О. Бауэра от мистического национального духа спиритуалистов?» — высмеивая О. Бауэра, спрашивал т. Сталин. Идеалистическими фразами об общности национального характера и «национальной судьбы» О. Бауэр прикрывал непримиримые классовые противоречия, антагонизм внутри нации между пролетариатом и буржуазией.

¹⁾ Подчеркнуто здесь и в дальнейшем везде, где не оговорено особо, нами. — М. К.

В противовес идеалистическому определению нации О. Бауэрром, Реннером и др.¹⁾ Сталин дает диалектико-материалистическое определение нации как исторически сложившейся общности языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры. Только взятые в их диалектическом единстве эти три признака дают определение нации.

Сталин разбивает метафизический, антиисторический подход бундовцев, ликвидаторов-меньшевиков, оппортунистов русской и международной социал-демократии к национальному вопросу, с их шаблонными схемами, механическим перенесением решения вопроса из одной эпохи в совершенно другую, к странам и народам, стоящим на различных исторических ступенях развития.

Сталин вскрывает те «методологические основания, в силу которых русские марксисты не могут просто взять пример у австрийской социал-демократии и сделать ее программу своей», если бы она даже была настолько правильной, насколько она неправильна. Какие это основания?

Во-первых, рабочее движение в России и Австрии стоит «перед совершенно различными задачами, ввиду чего и метод решения национального вопроса диктуется различный». Австрия живет в условиях парламентаризма; буржуазно-демократическая революция совершилась в Австрии в период 1848—1867 гг., австрийское рабочее движение страдает от буржуазной политики национальной гряды, поэтому осью политической жизни Австрии является национальный вопрос, без его правильного решения не может развиваться свободно рабочее, революционное движение. «Не то в России. В России, слава богу, нет парламентаризма» — высмеивая ликвидаторские мечты, иронически замечает Сталин. «Во-вторых, и это главное, осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому и судьбы русского вопроса, а, значит, и «освобождения наций» связываются в России с решением аграрного вопроса... Национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий вопрос, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны» («Марксизм и национальный вопрос»).

Перед нами образец диалектического анализа и вместе с тем критики механистической методологии в национальном вопросе, забвения качественного своеобразия в историческом развитии национального движения, данные задолго до петушинных боев деборинской группы с механистами.

Итак, заключает т. Сталин после конкретного анализа исторического своеобразия развития России и Австрии, «различная постановка вопроса, различные перспективы и методы борьбы, различные очередные задачи, разве не ясно, что при таком положении вещей брать примеры у Австрии (что с таким усердием делали русские ликвидаторы, бундовцы и т. д.—М. К.) и заниматься заимствованием программы могут лишь бумажные люди, решающие национальный вопрос вне пространства и времени» (там же).

¹⁾ Критикуемый т. Сталиным Шпрингер (он же Ф. Реннер) определяет нацию как «союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей», не связанных обязательно экономически и территориально. В идеалистическом понимании нации как исторической категории О. Бауэру и Реннеру вторят другие мелкие сошки Интернационала. «Наиболее характерным признаком современной нации является духовная культура» — утверждает меньшевик Залевский. Некий Пасманник видит важнейшие признаки нации в «единстве духа», Едлик — в «определенном сознании» и т. д.

Развертывая критику методологии реформизма в национальном вопросе, противопоставляя этому революционную линию, т. Сталин писал:

«Австрийцы думают осуществить свободу национальностей путем мелких реформ, медленным шагом», но «эволюционно-национальная политика, предлагаемая Бауэром, не может сделаться политикой пролетариата». Эта политика «является попыткой приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций», буржуазной политикой национального гнета и грызни. Внешне марксистские, а по сути идеалистические фразы О. Бауэра о «социалистическом принципе национальности» Сталин разоблачил, как «замену социалистического принципа классовой борьбы буржуазным принципом национальности» (там же).

Программа О. Бауэра, Реннера и др. означала замену пролетарского интернационализма буржуазным национализмом, раз'единением пролетариата по национальностям, политикой классового сотрудничества. Сталин разоблачил также эклектические попытки О. Бауэра «примирить» пролетарский интернационализм с политикой построения пролетарских организаций по национальностям в многонациональном государстве — Австрийской монархии.

«Интернациональный тип организации является школой товарищеских чувств, величайшей агитацией в пользу интернационализма. Национальный тип организации (предлагаемый О. Бауэром, Реннером, бундовцами, кавказскими меньшевиками и т. д.— М. К.) является школой национальной узости и замкнутости. Таким образом, перед нами два принципиально различных типа организации: тип интернациональной сплоченности и тип организационного «размежевания рабочих по национальностям».

Попытки примирить эти два типа до сих пор не имели успеха...

Среднего нет: принципы побеждают, а не примиряются.

Итак, принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса» (Сталин, «Марксизм и национальный вопрос»).

Вряд ли можно ярче, глубже и конкретнее выразить суть материалистической диалектики в данном случае, чем выразил это т. Сталин. Ленин видел в раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности и непримиримой борьбе между ними, в познании и открытии противоречивых, взаимоисключающих противоположных тенденций во всех явлениях природы, общества и мышления суть материалистической диалектики как теории развития и теории познания мира.

«Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно само развитие и движение» (Ленин, «К вопросу о диалектике»).

Тов. Сталин тщательным конкретным диалектическим анализом вскрыл внутренние непримиримые противоречия и борьбу «взаимоисключающих противоположностей» во II интернационале в национальном вопросе, борьбу революционных марксистов-большевиков и оппортунистов, социал-шовинистов. Или пролетарский интернационализм или буржуазный национализм и шовинизм. Между ними идет беспощадная борьба за победу революционного принципа, между ними не может быть никакого примирения, никакой середины, ничего третьего. «Принципы побеждают, а не примиряются» (Сталин).

Такова диалектика борьбы взаимоисключающих противоположностей. Этой диалектики не переваривают оппортунисты, болтающие о примирении взаимоисключающих противоположностей, замазывающие непримиримые противоречия классов вместо доведения классовой борьбы пролетариата

до диктатуры пролетариата и уничтожения классов, чему учит революционный марксизм. Плеханов и другие меньшевики заменяли диалектику метафизикой, эклектикой и софистикой, они пытались «вилять» путем оговорок: «с одной стороны, надо признаться, с другой—нельзя не сознаться». Опортунисты пытаются сочетать «то и другое», примирить непримиримое — пролетарский интернационализм и мелочный национализм и шовинизм. И теперь еще кое-кто склонен считать почему-то, что «или-или» — всегда метафизика, а «и то и другое» — всегда диалектика! Диалектику ревизионисты заменяли формальной логикой и метафизикой, выдавали софистику и эклектику за диалектику. Но диалектика — не побрякушка.

Диалектика борьбы взаимоисключающих противоположностей требует на проклятые вопросы дать ответы нам прямые, требует точного, конкретного определения и самоопределения в борьбе противоположностей (например классов, партий), требует партийности; тут софистикой и эклектикой не отделаться. Либо оппортунизм, либо революционный марксизм.

Диалектический анализ Сталина соединяет неразрывно анализ логический и исторический, вскрывает как философские (гносеологические) корни оппортунизма в национальном вопросе, так и его классовую суть, это есть основное, что отмечал Ленин в «Капитале» К. Маркса как образец диалектического метода (см. Лен. сб. XII, стр. 292).

Несмотря на то, что национализм бауэровской автономии замаскирован марксистскими, социалистическими фразами, что «труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым», но тем более опасным, менее уязвимым, живучим, проникающим в рабочую среду, отравляющим атмосферу национальной вражды, несмотря на это буржуазный национализм бауэровской культурной автономии был разоблачен т. Сталиным до конца. И с точки зрения борьбы большевизма на международной арене с оппортунизмом II интернационала никак нельзя недооценивать этого факта. Ведь О. Бауэр и Реннер — официальные лидеры II интернационала и до сих пор в лице О. Бауэра, Реннера и австрийской социал-демократии разоблачался оппортунизм всего II интернационала, не говоря уже о Бунде, ликвидаторах, кавказских меньшевиках, последователях О. Бауэра и Реннера.

Работа т. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» является документом блестящего выступления большевизма против оппортунизма II интернационала, и поэтому ее обходят осторожно Служки, как обходят они и всю борьбу большевиков против оппортунизма. И вместе с тем эта работа т. Сталина — прекрасный образец марксистско-ленинской диалектики, дающий ключ к единственно правильному решению национального вопроса.

Тов. Сталин в своей статье дал образец такого анализа, которого требовал Ленин в статье «О праве наций на самоопределение», критикуя Р. Люксембург в 1914 году.

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса, — писал Ленин, — является постановка ее в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» (Ленин, «О праве наций на самоопределение», т. XVII, изд. 3-е, стр. 431—32). И Ленин и Сталин кроме учета различных исторических эпох при решении национального вопроса учитывают также особенности исторического развития наций в различных странах и государствах в пределах одной и той же эпохи (напр. Россия и Австрия в 1912 г., Польша и Россия в 1914—15 гг. и т. д.).

Ленин и Сталин проводят различие между двумя эпохами капитализма, давая характеристику национального движения: эпохой подъема капитализма, образования буржуазно-демократического государства, и эпохой «кануна краха капитализма». «Конечно,—говорит Ленин,—и та и другая эпоха не отделены друг от друга китайской стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями», различной быстротой национального движения, национальным составом, его размещением и т. д.

Марксист должен учитывать все эти общ исторические и конкретно-государственные условия при решении национального вопроса. Р. Люксембург, выступившая против программы большевиков в национальном вопросе с обвинениями в «метафизике», «шаблоне», осуждала пустые абстракции, но даже не поставила вопроса о том, «какую историческую эпоху переживает Россия, каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху? Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит» (Ленин, там же, стр. 433, подчеркнуто Лениным.—М. К.).

II. Диалектика превращения национального движения в часть социалистической революции

Мы остановились на работе т. Сталина, написанной в 1912 г., как на работе, отражающей определенный исторический этап национального движения и вместе с тем этап развития идей ленинизма по национальному вопросу. Переход от этого этапа к следующему лучше всего передать словами Сталина из его выступления против Семича в ИККИ в 1925 г.

Семич для обоснования своей ошибочной, оппортунистической позиции в национальном вопросе метафизически, схоластически цитировал работу Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Сталин отметил игнорирование Семичем того, что эта работа дает постановку национального вопроса для определенного периода, что написана она «до империалистической войны, когда национальный вопрос не являлся еще в представлении марксистов в вопросе общемирового значения, когда основное требование марксистов о праве на самоопределение расценивалось не как часть пролетарской революции, а как часть буржуазно-демократической революции. Смешно было бы не видеть, что с тех пор международная обстановка изменилась в корне, что война, с одной стороны — и Октябрьская революция, с другой стороны — превратили национальный вопрос из частицы буржуазно-демократической революции в частицу пролетарской социалистической революции. Еще в октябре 1916 г. в своей статье «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин говорил, что основной пункт национального вопроса о праве на самоопределение перестал составлять часть общедемократического движения, что он уже превратился в часть общепролетарской социалистической революции» (Сталин, «Вопросы ленинизма», «Еще раз о национальном вопросе»).

Этого диалектического превращения, появления качественно нового в постановке национального вопроса не хотел или не умел учесть Семич. И в этом именно методологические корни его оппортунистической позиции в национальном вопросе.

«Семич,—говорил т. Сталин,—цитирует вне пространства и времени, вне зависимости от живой исторической обстановки, нарушая тем самым элементарные требования диалектики и не считаясь с тем, что правильное в одной исторической обстановке может оказаться неправильным в другой исторической обстановке» («Еще раз о национальном вопросе»).

И т. Сталин показывает «решающее значение различия двух стадий» в постановке национального вопроса у русских большевиков — стадии

дооктябрьской и октябрьской. А ведь известно, что единственно правильное, революционное решение национального вопроса дано русскими большевиками, дано в ленинизме, который дает образец тактики для коммунистов всех стран, образец диалектического, революционного решения вопроса.

Ленинскую идею о превращении национального вопроса из части общедемократического движения в часть общепролетарской социалистической революции отстаивал, защищал и развивал т. Сталин на апрельской конференции партии в 1917 г. против «левых» — Пятакова и других, проводивших и отстаивавших ошибочные, полуменьшевистские взгляды Розы Люксембург.

«Выставляя принцип права на самоопределение, мы поднимаем тем самым борьбу против национального гнета на высоту борьбы против империализма, нашего общего врага», — говорил т. Сталин в своем докладе на конференции.

Против доклада и тезисов т. Сталина выступал Пятаков, ухитрившийся обвинить т. Сталина в «метафизической» постановке вопроса и т. п. Однако сам т. Пятаков давал насквозь метафизическую постановку вопроса, не заметив двух противоречивых тенденций в национальном вопросе, создаваемых империализмом; он заметил только, что империализм означает «эпоху мирового хозяйства, установившего теснейшую и неразрывную связь между всеми нациями», что социалистическое хозяйство тоже якобы не может признать независимость наций, ибо оно должно охватывать и объединять весь мир, все нации, и что «поэтому с чисто хозяйственной экономической точки зрения независимость наций является моментом устарелым, невозможным, отжившим», реакционным.

Чисто по-меньшевистски (еще точнее: в духе «экономизма») ставил Пятаков вопрос о соотношении политики и экономики: политика-де послушно следует за экономикой. «Раз экономическая независимость наций является моментом превзойденным, то и политическая независимость (и требование самоопределения вплоть до государственного отделения.—М. К.) тоже является моментом превзойденным в настоящую эпоху», — говорил Пятаков. Отсюда лозунг его об уничтожении национальных государственных границ и повторение люксембургского довода об «абстрактности», «непрактичности» большевистского лозунга права наций на самоопределение, довода, разбитого Лениным еще в 1914 г.

Против Пятакова на апрельской конференции партии выступил тотчас же В. И. Ленин, отметивший упорную борьбу против политики большевиков в национальном вопросе, начиная с 1903 г., польских с.-д. и Люксембург, желающих «свести позицию нашей партии на позицию шовинистов... Точка зрения Пятакова есть повторение точки зрения Р. Люксембург». Эту точку зрения В. И. Ленин еще в 1915—1916 гг. характеризовал как «экономический империализм» (см. статью в XIX томе—«Карикатура на марксизм»). Лозунг «уничтожения границ» как «метод социалистической революции», данный Пятаковым, Ленин вполне правильно квалифицировал как «анархию», непонимание необходимости государства, пролетарской диктатуры в период переходный от капитализма к коммунизму.

В заключительном слове т. Сталин отметил, что принятие позиции Пятакова и др. «левых» превращает нас в аннексионистов, что эта позиция объективно означает отрицание курса на мировую социалистическую революцию, оппортунизм, социал-империализм.

«Либо мы считаем, что нам необходимо создать тыл для авангарда социалистической революции в лице народов, поднимающихся против национального угнетения, и тогда мы прокладываем мост между Западом и Восто-

ком и тогда мы действительно держим курс на мировую социалистическую революцию; либо мы этого не делаем, и тогда мы оказываемся изолированными, тогда мы отказываемся от тактики использования в целях уничтожения империализма всяких революционных движений в недрах угнетенных национальностей» (Сталин, заключительное слово на апрельской конференции 1917 г.).

Субъективно левые германской с.-д. и польские социал-демократы, Р. Люксембург, Дзержинский, а также гг. Пятаков, Бухарин и др. были настроены революционно, интернационалистически, а политическая линия, предлагаемая ими в национальном вопросе, лила воду на мельницу империализма и социал-шовинизма. Такова диалектика классовой борьбы, которой не понимали «левые радикалы».

Последующие выступления т. Сталина являются развитием и конкретизацией основных установок ленинизма в национальном вопросе в эпоху proletарской революции на основе ее богатейшего опыта. В них—богатейшая диалектика нашей эпохи. Диалектика учит, что всякое явление и движение при известных условиях и на определенной ступени развития переходят в свою противоположность. Диалектика ставит задачей изучение этих ступеней развития и условий перехода явления в свою противоположность. В отношении национального движения эта диалектика перехода вскрыта особенно ярко в статье т. Сталина «Октябрьский переворот и национальный вопрос» (ноябрь 1918 г.).

«Являясь лишь частью общего вопроса о преобразовании существующего строя, национальный вопрос целиком определяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и вообще ходом общественного развития. Это особенно сказывается в период революционный в России, когда национальный вопрос и национальное движение на окраинах России быстро и на глазах у всех меняет свое содержание в зависимости от хода и исхода революции» (Сталин, «Октябрьская революция и национальный вопрос»).

Еще в эпоху буржуазной Февральской революции национальное движение России носило характер буржуазно-демократического освободительного движения. Но буржуазная «Февральская революция таила в себе внутренние неразрешимые противоречия» (Сталин); революцию произвели рабочие и крестьяне, а власть попала к империалистической буржуазии, интересы которой были в непримиримом противоречии с интересами рабочих и крестьян. В силу этих противоречий новая власть не способна была решить ни одного коренного вопроса революции, породившей ее на свет. Не могла конечно решить и вопроса национального.

На основе этих противоречий возникла новая борьба, борьба за социалистический переворот. Произошло перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую под руководством большевиков, которые еще в 1905 г. развивали курс на это перерастание.

«Октябрьский переворот одним ударом разрешил противоречия Февральской революции» (Сталин), дал единственно верное и возможное разрешение и национального вопроса путем разрыва империалистической цепи, путем ликвидации империалистической войны, превратившей народы России в пушечное мясо империализма Англии, Франции, России, и наконец путем провозглашения признания не на словах, а на деле права каждой нации на государственное самоопределение.

Эти условия, созданные победой социалистической революции в России, раскололи буржуазно-демократическое национальное движение на основе его внутренних противоречий на взаимоисключающие противоположности и

превратили в нашей стране буржуазно-демократическое национальное движение в свою противоположность, из революционного движения, поскольку оно направлялось против империалистической политики временного правительства, — в реакционное, поскольку оно направлялось в лице всяких «национальных» — петлюровских, калединских — правительств против пролетарской диктатуры, из буржуазно-демократического — в социалистическое движение, поскольку рабочие и крестьяне различных народов России выступили против этих правительств, за установление диктатуры пролетариата по примеру своих русских товарищей. Какова диалектика этого развития? Так называемые «национальные правительства», образовавшиеся в первый период революции, «объявили войну социалистическому правительству в центре. Объявив же войну, они естественно стали очагами реакции, стягивающей вокруг себя все контрреволюционные силы» (Сталин, там же). Но тем самым так называемые «национальные правительства» пришли в непримиримое противоречие и конфликт с коренными интересами рабочих и крестьян всех национальностей, ибо рабочие всех наций «также боролись за торжество социализма», — писал т. Сталин.

Отсюда развитие и нарастание противоречий и борьбы внутри национального движения, которое привело к тому, что «сложился социалистический союз рабочих и крестьян всей России против контрреволюционного союза национально-буржуазных правительств окраин России» (Сталин, там же).

Буржуазный принцип самоопределения наций с передачей власти национальной буржуазии был побежден социалистическим принципом самоопределения наций с передачей власти рабочим и трудящимся массам угнетенных национальностей.

Октябрьская революция открыла эру мировой социалистической революции и практически превратила национальный вопрос из частного вопроса борьбы с национальным гнетом в отдельных странах в общий вопрос об освобождении угнетенных наций колоний и полуколоний от империализма.

«Национальный вопрос из вопроса внутригосударственного превратился в вопрос мировой, в вопрос о борьбе колоний и зависимых национальностей против империализма» (Сталин, «Еще раз о национальном вопросе»). Осуществилось то, что предсказывали В. И. Ленин и Сталин задолго до победы социалистической революции в России, в период мировой империалистической войны. Диалектика превращения национального вопроса из части вопроса буржуазно-демократической революции России в часть вопроса Октябрьской социалистической революции, открывшей эру мировой революции, развитая т. Сталиным на основе ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. С позиции ленинской теории в национальном вопросе, развернутой и обогащенной обобщением опыта Октябрьской революции, т. Сталин подвергает критике позиции II интернационала, Каутского, О. Бауэра, Реннера и других.

«Смертный грех II интернационала и его главы Каутского в том, между прочим, и состоит, что они все время сбивались на буржуазное понимание национального самоопределения, не понимали революционного смысла последнего, не умели или не хотели поставить национальный вопрос на революционную почву борьбы с империализмом, не умели или не хотели связать национальный вопрос с вопросом об освобождении колоний.

Тупость социал-демократов типа Бауэра и Реннера в том, собственно, и состоит, что они не поняли неразрывной связи национального вопроса с вопросом о власти, стараясь отделить нацио-

нальный вопрос от политики и замкнуть его в рамки культурно-просветительных вопросов, забыв о существовании таких мелочей, как империализм и порабощенные им колонии» (Сталин, «Октябрьская революция и нац. вопрос»).

III. Диктатура пролетариата и национальный вопрос

Если центр тяжести борьбы за ленинизм в национальном вопросе раньше заключался внутри II интернационала—в борьбе против откровенного махрового социал-шовинизма и шовинизма прикрытого, каутскианского и полукаутскианского, то после организации Коминтерна наряду с борьбой против II интернационала задача состоит в борьбе на два фронта: против правого и «левого» оппортунизма в нац. вопросе внутри Коминтерна, центр тяжести составляет преодоление социал-демократических пережитков в национальном вопросе внутри Коминтерна и внутри его руководящей партии ВКП(б), в борьбе против люксембургизма, против ошибок Бухарина, Пятакова и др.

Бухарин и Пятаков на VIII съезде партии при утверждении программы возобновляют попытки протащить люксембургские установки в национальном вопросе, выступая против Ленина, повторяя против него те же обвинения, как и против доклада Сталина на апрельской конференции партии в 1917 г.

«Левые» в 1917 г. выступали против доклада тов. Сталина и доказывали, что нельзя говорить о воле нации, это—«метафизика», надо говорить о воле класса.

Бухарин на VIII съезде повторяет это, предлагая заменить ленинский лозунг права наций на самоопределение лозунгом самоопределения трудящихся классов каждой национальности. Ибо, по его мнению, «право наций противоречит принципам пролетарской диктатуры». И в 1919 г. и в 1923 г., как увидим ниже, Бухарин все еще не умел диалектически связать и подчинить право наций на самоопределение принципам пролетарской диктатуры, вследствие чего он и констатировал «противоречие», но это противоречие есть не противоречие действительности, а только противоречие в его взглядах.

Больше того, Бухарин становился явно на идеалистическую и метафизическую точку зрения в национальном вопросе, не желая «считаться с тем, на какой ступени исторического развития стоит данная нация» (Ленин), заменяя конкретно-исторический анализ действительности «левой фразой», своими благими субъективно-революционными пожеланиями.

Левые фразы о нежелании признавать права на самоопределение «презренной буржуазии», фразы о признании этого права только за трудящимися классами, ну и еще, скажем, за такими колониальными народами, как готтентоты, бушмены, негры, все эти «левые фразы» Бухарина, Пятакова и др. прикрывали лишь неумение поставить национально-колониальное движение на службу пролетарской революции.

«Левые» забыли об угнетенных народах старой России и тем самым «абстрагировались» от основного вопроса политики нашей партии. Они не понимали необходимости точного и конкретного анализа того, на какой ступени развития стоит данная нация, как далеко зашло развитие внутренних противоречий и борьбы внутри каждой нации между трудящимися эксплуатируемыми классами и эксплуататорами—помещиками и буржуазией. А без учета этого нельзя было построить революционной тактики, нельзя решить и вопрос о том, какой класс является «носителем воли нации на самоопределение».

Революционная тактика не может строиться на абстрактных метафизических схемах, одинаковых для всех времен и народов, для всех ступеней

развития наций. На словах это признал и Бухарин после ленинской критики, однако не на деле.

Ленинской диалектической постановке и решению вопроса, принятому VIII съездом партии, Бухарин мог противопоставить только «левую фразу». Лозунги опьяняющие, увлекательные, а почвы под ними нет,— вот суть этой революционной фразы, как неоднократно говорил Ленин.

Бухарин требовал более «точно и определенно» ответить на вопрос, кто является носителем воли нации, чем отвечал пункт программы, данной Лениным, а на деле это требование означало в данном случае попытку заставить партию рассуждать по законам формальной логики и метафизики, вне времени и пространства, что выразителем воли наций во все времена и во всех странах признается или буржуазия или пролетариат. «Или-или», а что сверх этого, то от лукавого! Для Бухарина только рассуждение по схеме «или-или» было «точным и определенным», ответ партии казался ему «абстрактным», «неопределенным», неконкретным¹⁾.

А как ответила партия?

«В вопросе о том, кто является носителем воли наций к отделению, РКП стоит на исторически классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация, на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.» (§ 4 программы ВКП(б) в области национальных отношений).

Партия приняла решение в духе диалектической постановки национального вопроса Лениным и Сталиным. «Левые» коммунисты, продолжая ошибочные взгляды люксембургизма в национальном вопросе, не желали «считаться с тем, на какой ступени исторического развития находится данная нация».

Вместо строго научного анализа — идеалистические фразы, вместо материалистической диалектики — метафизические схемы для всех времен и для всех наций!

Требование более точного и определенного ответа на вопрос о носителях воли наций по схеме «или-или» имело только один смысл — требования одинакового для всех исторических ступеней развития и всех наций решения вопроса. Это и есть метафизика и идеализм. Диалектическая постановка вопроса В. И. Лениным и Сталиным не дает конечно требуемой «левыми» коммунистами «определенности», оставляет даже как будто вопрос открытым, без конкретного ответа, а на самом деле дает единственно правильный научный ответ, алгебраическую, революционную, диалектическую формулу, учитывающую существующие исторические ступени развития наций, требуя исторически классового подхода и конкретного анализа в каждом отдельном случае, отвергая всякие метафизические схемы.

Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна, вот чему учат ленинская постановка вопроса и решение его партией.

Характерно, что подобные же обвинения в «абстрактной» постановке национального вопроса выдвигали некоторые товарищи на X съезде партии против Сталина, как на VIII съезде против Ленина, показывая свое неумение подойти к конкретно-историческому анализу. Тов. Сталин очень метко ответил на это в заключительном слове:

¹⁾ Это есть лишь вариация люксембургизмского обвинения нашей партии в «непрактичности» большевистской постановки национального вопроса, обвинений, разбитого Лениным еще в начале 1914 г. (см. Ленин, т. XVII, ч 2-я, изд. 3-е, «О праве наций на самоопределение», гл. IV).

«Нельзя требовать, чтобы тезисы, имеющие значение для всей партии в целом, носили только туркестанский характер, только азербайджанский или только украинский. Необходимо общие характерные черты для всех стран взять и включить в тезисы, отвлекаясь от частных; других методов выработки тезисов не существует в природе».

Тов. Сталин вскрывает методологическую ошибку подмены «общего» «частным» и требует диалектического различия общего и частного (особенного). Диалектически понятое общее не есть механическое соединение частных, а есть обобщение этих частных, выделение из них «общих характерных черт для всех стран» (Сталин). Подмена общего частным (особенным) влечет за собой попытки применить «практические предложения», годные для одной страны и национальности, ко всем другим. Это отметил т. Сталин по поводу практических предложений т. Сафарова.

«Распространять на все окраины практические предложения т. Сафарова — нелепо... нельзя универсализировать эти поправки», — говорил т. Сталин, — ибо эти поправки составлены применительно к одной окраине.

С точки зрения разработки материалистической диалектики вообще и нашей эпохи в особенности чрезвычайно интересна также критика Сталиным статьи т. Чичерина «Против тезисов Сталина» на X съезде партии.

Сталин отметил четыре ошибки в статье Чичерина, из которых нас интересуют две первые.

«Во-первых, Чичерин склонен отрицать противоречия между империалистическими государствами, переоценивая интернациональное объединение империалистов и упуская из виду, недооценивая те внутренние противоречия между империалистическими группами и государствами, которые порождают войну (Франция, Америка, Англия, Япония и т. д.). Он переоценил момент объединения империалистических верхов и недооценил те противоречия, которые внутри этого треста имеются. А между тем, эти противоречия имеются и на них базируется деятельность Наркоминдела» (Доклад т. Сталина на X съезде).

Вторая ошибка Чичерина в том, что он забыл противоречия, существующие между великими империалистическими государствами и созданными ими против СССР буферными государствами, вследствие подчинения и зависимости последних от своих империалистических покровителей.

«Смысл существования Наркоминдела в том и состоит, чтобы все эти противоречия учесть, на них базироваться, лавировать в рамках этих противоречий» (Сталин).

И сейчас без учета этих противоречий СССР не может успешно вести политику мира, борьбу с попытками интервенции, борьбу против поджигателей новой империалистической войны, борьбу за социалистическое строительство. С другой стороны, т. Сталиным здесь поставлена одна очень важная теоретическая проблема диалектики: проблема использования противоречий старой отживающей формы развития для поднятия развития на высшую ступень, для преодоления тенденции движения назад (в борьбе против реакции и контрреволюции).

Эту проблему диалектики разрабатывает т. Сталин, как один из важнейших тактических принципов ленинизма. В 1927 г. в борьбе против линии троцкистско-зиновьевской оппозиции в вопросах китайской революции т. Сталин приводил формулировку Лениным этого тактического принципа.

«Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, за-

ботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, так и всякой, хотя бы малейшей возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном современном социализме вообще» (Ленин, «Детская болезнь «левизны»...», т. XVII, стр. 159. Разрядка т. Сталина)

Само собой ясно, что переоценка глубины противоречий между империалистическими странами также является вреднейшим оппортунизмом, ибо она в большинстве случаев связана с недооценкой глубины антагонизма между СССР и капиталистическим миром. А это ведет к отрицанию опасности интервенции против СССР, к отрицанию возможности попыток империализма разрешить свои противоречия за счет СССР, это—вода на мельницу социал-фашизма, доказывающего, что никакой опасности интервенции против СССР не существует, наоборот, мол. есть опасность со стороны «красного милитаризма» (Каутский и др.).

Мы уже выше отметили, что на VIII съезде партии Бухарин не сумел диалектически связать право наций на самоопределение с принципами диктатуры пролетариата и, констатируя противоречие между ними, отрицал право наций на самоопределение. На XII съезде партии Бухарин пытался поправиться, признать право наций на самоопределение, но увязать его с интересами диктатуры пролетариата все-таки не сумел.

В своем заключительном слове т. Сталин, исправляя ошибки выступавших в прениях по этому поводу, сказал:

«Одна группа товарищей во главе с Бухариным и Раковским слишком раздула значение национального вопроса, преувеличила его и из-за национального вопроса проглядела вопрос социальный, вопрос о власти рабочего класса. А между тем, ясно для нас, как для коммунистов, что основой всей нашей работы является работа по укреплению власти рабочих и после этого встает перед нами другой вопрос, вопрос очень важный, но подчиненный первому, вопрос национальный» (Сталин).

Суть ошибки Бухарина и Раковского заключалась в том, что они вопрос о поддержке и развитии национальных окраин не сумели диалектически связать с основным вопросом политики укрепления диктатуры пролетариата.

«Ежели мы перегнем палку в сторону крестьянских окраин в ущерб пролетарским районам, то может получиться трещина в системе диктатуры пролетариата», предупреждал тогда т. Сталин.

Теперь, когда обстановка коренным образом изменилась, когда мы ведем политику форсирования окраин и создания новых промышленных баз, нельзя конечно механически применять это положение.

Тогда наша промышленность еще не была восстановлена и в старых пролетарских районах, тогда перегиб в сторону крестьянских окраин был реальной опасностью, особенно когда люди не умели диалектически сочетать в интересах развития социализма и укрепления диктатуры пролетариата развитие пролетарских районов и крестьянских районов.

Перегиб в сторону крестьянских окраин, при невосстановленной промышленности пролетарских центров, означал тогда объективно усиление частнособственнического хозяйства, ибо материальных и культурно-политических предпосылок для сплошной коллективизации и ликвидации на этой

основе кулачества как класса, для строительства новых промышленных гигантских баз еще не было. Теперь—совсем другая картина. Теперь и в интересах старых основных центров промышленности стало необходимым создание новых промышленных баз на окраинах и притом форсированным темпом, теперь для этого созданы мощные материальные и другие ресурсы, теперь форсирование развития окраин неразрывно связано с процессом социалистической реконструкции всего народного хозяйства окраин и центра.

«Быстрый рост социалистического хозяйства в период второй пятилетки в национальных республиках и областях обуславливает изживание экономической и культурной отсталости национальностей, унаследованной от царского, колониально-капиталистического режима» (решения XVII партконференции об основных задачах второй пятилетки).

Конечно, как теперь, так и тогда партия вела политику ликвидации фактического экономического и культурного неравенства отставших народностей окраин, и тогда и теперь эта политика была политикой укрепления диктатуры пролетариата, но обстановка проведения этой политики и ее условия сейчас иные. Ошибка Бухарина в том, что он ставил вопрос о развитии окраин изолированно от вопроса об укреплении диктатуры пролетариата, ее пролетарской базы.

Если на VIII съезде партии Бухарин выставлял неверный абстрактный тезис о том, что право на самоопределение вообще непримиримо с принципами диктатуры пролетариата и противоречит им, то теперь он ударился в другую крайность, не понимая возможности случаев, когда право на самоопределение, особенно взятое абстрактно, приходит в противоречие с интересами диктатуры пролетариата.

Тов. Сталин вынужден был напомнить тогда, что «бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим высшим правом, правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти».

И большевики разрешают это противоречие тем, что подчиняют вопрос о праве на самоопределение вопросу об укреплении диктатуры пролетариата, борясь как против «голового отрицания» права на самоопределение, так и против оппортунистических попыток превращения его в самостоятельный вопрос, не подчиненный вопросу о диктатуре пролетариата.

Сталин приводил по этому вопросу утверждение Ленина, что «по сравнению с рабочим вопросом подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса».

Бухарин не понимал и ленинской диалектики борьбы на два фронта — с великодержавным шовинизмом как главной опасностью и с местным шовинизмом. На XII съезде он предлагал выкинуть пункт о вреде местного шовинизма, ибо незачем «де возиться с таким червячком, как местный шовинизм, когда мы имеем такого Голиафа, как великорусский шовинизм». Он не понял, что борьба с великорусским и местным шовинизмом «есть две стороны одного явления» (Сталин), ибо одна разновидность шовинизма питает, усиливает другую, ибо обе они взаимно связаны.

«Мы не можем не вести борьбы на два фронта, ибо только при условии борьбы на два фронта — с шовинизмом великорусским, который является основной опасностью в нашей строительной работе, и с шовинизмом местным — можно достигнуть успеха, ибо без двусторонней борьбы никакой спайки рабочих и крестьян русских и инонациональных не получится» (Сталин, заключительное слово на XII партсъезде).

«Бухарин, годами грешивший в национальном вопросе, — говорил т. Сталин, — начал каяться на XII съезде, но, раскаявшись, ударился в другую крайность».

Он призывал каяться и партию, «хотя весь мир знает, что партия тут не при чем, ибо она с самого начала своего существования (1898 г.) признала право самоопределения и стало быть каяться ей не в чем» (Сталин, заключительное слово на XII партс'езде).

IV. Интернациональная тактика большевизма и учет национально-особенного, специфического

Необходимо вкратце остановиться на критике т. Сталиным методологии трокистско-зиновьевской оппозиции 1925—27 гг. в вопросах национально-революционного движения в Китае. Тов. Сталин прежде всего показал, как негодная схема теории перманентной революции Троцкого, которую последний применил к объяснению характера китайской революции, приводит Троцкого и его соратников к позиции «его величества» Чжан Цзо-лина.

Линия Троцкого в вопросах китайской революции—это линия, «отрицающая преобладающее значение феодально-милитаристского гнета, не видящая решающего значения аграрно-революционного движения в Китае и объясняющая антиимпериалистический характер китайской революции интересами китайского капитализма, требующего таможенной независимости Китая. ...Троцкий скатился на точку зрения его величества Чжан Цзо-лина» (Сталин, сборник «Об оппозиции», «Революция в Китае и задачи Коминтерна»).

Этой линии Троцкого и «его величества» Чжан Цзо-лина т. Сталин противопоставил революционную линию Коминтерна, учитывающую «наличие феодальных пережитков в Китае, как преобладающей формы гнета, решающее значение мощного аграрного движения, связь феодальных пережитков с империализмом, буржуазно-демократический характер китайской революции с заострением борьбы против империализма» (Сталин, там же).

Линия Троцкого, сводившего суть антиимпериалистической революции в Китае к борьбе за таможенную автономию, игнорировала крестьянскую сущность антиимпериалистической революции и являлась «по сути дела платформой китайской буржуазии» (Сталин), ибо даже такие «матерые реакционеры», как Чжан Цзо-лин и Чан Кай-ши высказывались за таможенную автономию Китая. Линия Троцкого—это отрицание возможности «перерастания буржуазной революции в Китае в социалистическую, ибо он отдает китайскую революцию под руководство китайской буржуазии» (Сталин, «Об оппозиции», «Заметки на современные темы»).

Трокистско-зиновьевская оппозиция не поняла характера и движущих сил революции в Китае, не поняла национальных особенностей революции в Китае как антиимпериалистической аграрной революции, не поняла диалектической связи национально-революционного движения против империализма с задачами буржуазно-демократической, аграрной революции против пережитков феодализма, против помещиков и генеральских клик, вошедших в союз с империализмом Японии, Англии, Франции и Америки. Оппозиция применила свою схему революции 1905 г. к Китаю, забывая, что «Китай в отличие от России 1905 г. представляет полуколониальную страну, угнетаемую империализмом» (Сталин, там же).

Оппозиция, доказывая т. Сталин, игнорировала диалектику основных тактических принципов ленинизма и в том числе «принцип обязательного учета национально-особенного и национально-спе-

цифического в каждой стране при доставлении руководящих указаний Коминтерна для рабочего движения этих стран».

Для трокистско-зиновьевской оппозиции «не существовало вопроса об учете национально-особенного и национально-специфического в каждой стране. Для них не существует вопроса об увязке общих положений Коминтерна с национальными особенностями революционного движения в каждой стране.

...Отсюда попытки шаблонизировать руководство для всех стран. Отсюда попытки механически насадить некоторые общие формулы, не считаясь с конкретными условиями движения в отдельных странах. Отсюда вечные конфликты между формулами и между революционным движением в отдельных странах, как основной результат руководства этих горе-руководителей» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 416, «Заметки на современные темы»).

Вот где еще образец блестящей критики механистической методологии в вопросах революции и революционной тактики, вооружившей партию для борьбы и победы над оппозицией. А что делали Деборин и его соратники в это время? Занимались только пустыми схоластическими рассуждениями «о качестве» и идеалистическим извращением материалистической диалектики.

Статья т. Куусинена в журнале «Коммунистический интернационал» (август 1931 г., № 10) доказывает, что братские компартии Запада еще не всегда умеют правильно, в духе большевизма, разрешать национально-колониальный вопрос как часть вопроса мировой социалистической революции и как часть вопроса революции в той или иной стране. Только изучение работ Ленина и Сталина по национальному вопросу, усвоение и применение их диалектического революционного метода, дающего конкретный анализ международной обстановки, задач и тактики мировой революции и анализ соотношения классовых сил в данной стране—только это гарантирует от оппортунистических ошибок наши братские компартии, дает ключ к решению вопросов революции, ключ к победе. Тов. Куусинен в своей статье говорит о двух уклонах от ленинизма в секциях КИ: во-первых, национально-реформистский уклон, который выхолащивает революционную суть национального вопроса, сводит его к вопросу конституционному, уклон в сторону «положительной» социал-реформистской политики, избегающей постановки вопроса о праве отделения и государственных границах. Нетрудно видеть, что это есть уклон к бауэровской культурно-национальной автономии, уклон, который был разоблачен т. Сталиным у Семича в 1925 г.

Другой, «великодержавный уклон в вопросе о революции» игнорирует, отрицает фактически значение национально-колониального вопроса как вопроса о союзниках и резервах революции. У них противоречия между нациями угнетающими и угнетенными так механически отождествляются с классовыми противоречиями внутри наций, что первые противоречия совсем исчезают. «Исчезает» поэтому и национально-колониальный вопрос. Право наций на самоопределение признается на словах, но оно откладывается до победы социалистической революции под тем благовидным предлогом, что «революция все разрешает», что только революция пролетариата может окончательно разрешить национальный вопрос.

Ясно, что эти уклонисты признают революцию и право наций на самоопределение лишь на словах, на деле же отказываются от подготовки рево-

люции, от завоевания в лице национально-колониального революционного движения резервов революции, ибо отказываются от серьезной поддержки этого движения. Эти уклонисты ничего общего не имеют с ленинизмом, повторяя разбитые Лениным и опровергнутые опытом Октябрьской революции и всей историей эпохи империализма оппортунистические ошибки люксембургизма, «левых радикалов» и «левых коммунистов».

Контрреволюционный троцкизм не упустит конечно случая, чтобы и тут «пролезть в щель», использовать ошибки люксембургизма против Коминтерна. Единственный «принцип» троцкизма и раньше и теперь—это беспринципность. «Принцип» контрреволюционного социал-фашизма (и в том числе троцкизма особенно) использовать «щели» и противоречия, но только противоречия, слабости и трудности рабочего движения в интересах укрепления и «лечения» загнивающего капитализма, в интересах клеветы и подготовки «общественного мнения» для интервенции против СССР.

Ленин и Сталин давали беспощадный отпор «левому доктринерству» внутри рабочего движения, которое не умело схватить, изучить, учесть национально-особенное, специфичное в рабочем движении отдельных стран при проведении общих принципов коммунизма. Но такой же и еще более беспощадный отпор Ленин и Сталин давали попыткам извратить и отрицать интернациональный характер большевизма и большевистской тактики, отпор метафизическому, оппортунистическому противопоставлению общих задач и директив Коминтерна национальным особенностям, которые якобы исключают общие директивы Коминтерна. Ленин и Сталин разоблачали эти установки, которые по существу присоединялись к хору сказок Чемберленов о «руке Москвы».

Ленин и Сталин доказывают, что большевизм есть образец тактики для коммунистов и революционных пролетариев всех стран без исключения. Ленин и Сталин как вожди ВКП(б) и Коминтерна дают единственно верную и подлинно-интернациональную тактику пролетарской революции в противовес национал-шовинистской и империалистской тактике II интернационала.

«Тактика большевиков,—говорил Ленин,—была правильной, единственно интернационалистской тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции и не на мещанском неверии в нее, не на узко-мещанском желании отстоять «свое» отечество (отечество буржуазии), а на все остальное наплевать¹⁾ ... Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах. Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм... стал мировым большевизмом, дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически от социал-шовинизма и социал-пацифизма. Большевизм добил старый, гнилой интернационал Шейдеманов и Каутских, Реноделей и Лонге, Хендерсонов и Макдональдов (все эти господа, по словам Ленина, «воскрешали труп», который и теперь еще своим гниением отравляет и разлагает рабочее движение. Мертвый «хватает» живого и не хочет умирать!—М. К.). «Большевизм создал идейные и тактические основы III интернационала... Большевизм популяризировал на весь мир идею «диктатуры пролетариата».

¹⁾ Зато теперь все социал-фашисты и троцкисты в том числе яро выступают против защиты СССР—отчества мирового пролетариата, вдохновляя и организуя империалистическую интервенцию против СССР. Каутский с пеной у рта доказывает, что социальная политика гинденбургской республики выше социальной политики СССР, что рабочие должны защищать «демократическую гинденбургскую республику и «убрать большевизм» и СССР с дороги империалистов» (см. Каутский. Большевизм в тунике). Троцкисты ему вторят, пропагандируя союз с Каутским и Гинденбургом в интересах... коммунизма!.. Таковы софизмы социал-фашистов. — М. К.

Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать.

... Большевизм годится, как образец тактики для всех (Ленин, «Пролетарская революция и ренегат К. Каутский»).

И несмотря на все это, приходит какой-нибудь троцкист Бордига на пленум ИККИ (в 1926 г.) и начинает болтать ренегатскую дребедень, что «большевизация не представляет шага вперед... Не подлежит сомнению, что исторический путь, пройденный русской партией, не может быть тождественным с путями других партий... Весь ход развития в России не способствовал созданию опыта в борьбе с капиталистическим либеральным, современного типа государством» (Ну конечно, любезное Бордиге отечество и государство Муссолини—«либеральное» и вполне «современное»!—М. К.).

Бордига предлагал Интернационалу «выработать более широкое понимание тактики революции (чем у большевиков.—М. К.), «добиться решения стратегических проблем, лежащих вне пределов русской революции», ибо по просвещенному «либеральному» мнению Бордиги русская революция и тактика большевиков не «содержит в себе решения всех стратегических проблем революционной борьбы», большевизм «недостаточен» и не «есть образец тактики для всех». Что верно, то верно. Большевистская тактика не есть образец тактики для всех... ренегатов и социал-фашистов, в том числе для Бордиги вкупе с Троцким!

Но эта тактика—«образец для всех» коммунистов-большевиков всего мира, для революционного движения всех стран.

Тактика оппортунистов есть «мещанский национализм». Тактика оппортунистов II интернационала до войны заключалась в том, «чтобы во всех странах держался мещанский национализм, об'являвший себя интернационализмом за свою «умеренность и аккуратность», конечно по отношению «к своей буржуазии», говорил Ленин. Интернациональная тактика большевизма и подлинный интернационализм «состоит в готовности идти на величайшие национальные жертвы (даже и на Брестский мир), если это полезно развитию интернациональной рабочей революции» (Ленин, т. XXIII, стр. 223).

Для Троцких и Бордиг дисциплина армии мировой пролетарской революции «стеснительна», поэтому надо ее обругать покрепче, если не «рукой Москвы», то «приказом Сталина»; Бордиги признают лишь дисциплину и подчинение своему отечественному капиталу («своей нации»), а интернациональная дисциплина большевиков «не учитывает национальных «особенностей», т. е. интересов этого капитала и «либерального современного» государства, а подчиняет все интересам мировой революции! Караул, кричит мещанин. Коминтерн не учитывает национальных интересов и особенностей «моего» (буржуазного) отечества. Бордиги не признают международного характера ленинизма, для них (всех троцкистов) ленинизм—«национально-ограниченное явление».

Больше того, Троцкий, еще будучи в ВКП(б) или еще не будучи оттуда выброшен, при жизни Ленина, в юбилейных речах, посвященных Ленину, умел протаскивать свои гнусные идеи о «национальном» Ленине. Вот послушайте: «Ленин олицетворяет собою русский пролетариат. ... Ленин отражает собой рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом».

Ленин... это хозяйская мужицкая деловитость, только в грандиозном масштабе. У него «не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека... Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю...» (Троцкий, «Ленин как национальный тип»).

Известная всем большевикам клеветническая лживая «теория» Троцкого о ленинизме как выражении «отсталости русского рабочего движения» и о Ленине, как «эксплуататоре» этой отсталости протаскивалась Троцким контрабандно еще при жизни Ленина (в 1920 г.). Теперь у него нашлись работники-контрабандисты. Троцкий «доказывал» и сетовал, что у русского рабочего (проделавшего три величайших революции, стоящего в авангарде мировой революции как начавшего и возглавляющего эту революцию!) нет «традиций» и «культурности» западноевропейского пролетариата, то-бишь, традиций западноевропейского оппортунизма, парламентаризма, социал-шовинизма и социал-империализма, столь любезных Троцкому. Он фыркал на русский пролетариат как «крестьянский» пролетариат, который вышвырнул его из страны социализма как ренегата и который всегда не особенно-то церемонился с Троцким. И по заслугам! Ведь это Троцкий клеветал:

«Крестьянская подоплека есть и под ленинизмом, поскольку она есть под русским пролетариатом и под всей нашей историей (надо же приплести сюда и «историю»!—М. К.).

Ленин есть головное выражение национальной стихии. А черновщина отражает ту же национальную подоплеку, но не с головы и даже совсем не с головы» (Троцкий, «О Ленине», стр. 99).

Комментарии излишни! Удивительно ли после этого, что Троцкий оказался идеологом передового отряда контрреволюционной буржуазии! Позволительно спросить, с какой стороны отражал Троцкий национальную стихию, если он оказался «головным» отрядом контрреволюционной буржуазии, как и Чернов. Не только русский пролетариат, но и пролетарии Запада теперь видят, куда глубокими корнями уходит троцкизм.

Но это между прочим. С Троцкими не спорят, их разоблачают как ренегатов и «дипломатов самой плохой пробы» (Ленин). В анализе исторических корней ленинизма т. Сталин показал, почему именно Россия явилась очагом, базой мировой пролетарской революции, а русский пролетариат во главе с большевистской партией и Лениным—авангардом международной революции пролетариата, почему Россия явилась очагом и родиной ленинизма как теории и практики мировой пролетарской революции. Тов. Сталин разбил вдребезги «теорию» о ленинизме, как «национально-ограниченном» явлении. Тов. Сталин показал образцы диалектики в единственно интернациональной тактике, тактике большевизма, умеющей «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к учреждению Советской республики и пролетарской диктатуры» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 619—620, цитата из Ленина, разрядка т. Сталина).

Троцкисты умели учитывать только «национальные особенности» в интересах буржуазии (возьмите платформу Троцкого, платформу его «величества» Чжан Цзо-лина о таможенной самостоятельности Китая!) и не понимали действительных глубоких национальных особенностей китайской революции. Ленинизм учил схватывать и действительно гениально схватывал, отыскивал, учитывал национальные особенности страны, «ее экономики, политики, культуры, ее национального состава, ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п.» (Ленин) для решения общих интернациональных задач мировой пролетарской революции.

Тов. Сталин разоблачил троцкизм с его схемой перманентной революции, не учитывающей и не желающей учитывать этих национально-исторических особенностей для победы пролетариата.

Ленин и Сталин всегда боролись за создание в лице III Коммунистического интернационала в противоположность II довоенному интернационалу такой организации, которая бы представляла «действительно централизованный, действительно руководящий центр, способный направлять международную тактику революционного пролетариата в его борьбе за всемирную советскую республику» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 620).

Против «левых доктринеров» и против троцкистов Ленин и Сталин развивали тезис, что «такой руководящий центр ни в коем случае нельзя построить на шаблонизировании тактических правил борьбы» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 620. Подчеркнуто Сталиным).

Ленин и Сталин всегда доказывали, что «пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами,—а эти различия будут держаться еще очень и очень долго, даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе,—единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения основных принципов коммунизма (советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национально-государственным развитиям» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 620; Ленин, т. XVII, изд. 1-е, «Детская болезнь «левизны»...», стр. 178—79).

Искусство большевистской тактики состоит в умении правильно применять, конкретизировать общие принципы коммунизма к национально-государственным особенностям страны, не извращая оппортунистически общих принципов коммунизма, не отказываясь от них, а правильно их развивая и применяя. Диалектика интернациональных общих основ тактики большевизма, учитывающего национально-особенное, подчиняющего задачи «национальные»—интернациональным—в этом суть успехов большевизма, его силы; эта диалектика недоступна оппортунистам, ее отрицают социал-фашисты (Каутский, Троцкий и т. п.).

V. Сталин о ленинском этапе в национальном вопросе

Разрабатывая вместе с Лениным национальный вопрос в эпоху империализма и пролетарской революции, Сталин дал самое цельное, стройное, глубоко диалектическое изложение ленинизма в национальном вопросе. Это изложение ленинизма в национальном вопросе дает выводы из развития ленинских идей и подводит итоги беспощадной борьбе большевизма против оппортунизма довоенного II интернационала в национальном вопросе.

«Две—три кислосладких резолюции, старательно обходящих вопрос об освобождении колоний, это все, чем могли похвастать деятели II интернационала».

... Некоторые лидеры II интернационала дошли даже до того, что право на самоопределение превратили в право на культурную автономию, т. е. право угнетенных наций иметь свои культурные учреждения, оставляя всю политическую власть в руках господствующей нации. Это обстоятельство вело к тому, что идея самоопределения из орудия борьбы с аннексиями рисковала превратиться в орудие оправдания аннексий» (Сталин, «Об основах ленинизма», гл. VI).

Благодаря работам Ленина и Сталина задолго до мировой войны социал-империализм был разоблачен в самом зародыше. Открытая измена вождей и большинства партий II интернационала социализму, крах II интернационала в 1914 г. лишь подтвердили критику оппортунизма Лениным и Сталиным.

Благодаря работам Ленина и Сталина по национальному вопросу именно русскими большевиками «принцип самоопределения был превращен, таким образом, из орудия обмана масс, каким он, несомненно, являлся в руках социал-шовинистов во время империалистической войны, в орудие разоблачения всех и всяческих империалистических вождедений и шовинистических махинаций, в орудие политического просвещения масс в духе интернационализма» (Сталин, «Об основах ленинизма», гл. VI).

В противоположность этому «левые радикалы» — Роза Люксембург, польские социал-демократы, Пятаков, Бухарин и др. как раз из того факта, что лозунг самоопределения в руках социал-шовинистов превратился в лозунг оправдания аннексий империализма, делали вывод об отрицании лозунга самоопределения вплоть до государственного отделения. Они и тут запутались в сетях центризма, каутскианства, объективно помогая социал-империалистам одурачивать массы. Они в данном случае ограничивались старым материализмом, не умея взяться за изменение существующего, за критику и разгром социал-шовинизма. Только русские большевики сумели диалектически превратить своей революционной борьбой лозунг самоопределения наций из орудия обмана масс в руках социал-шовинистов в орудие разоблачения социал-шовинистов, в орудие политического просвещения и организации масс на принципах подлинного интернационализма. У «левых радикалов», напротив, интернационализм остался фразой.

Теоретики и вожди II интернационала рассматривали национальный вопрос «реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции».

Теперь эту антиреволюционную точку зрения нужно считать разоблаченной.

Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата» (Сталин, «Об основах ленинизма», гл. VI).

Последовательно применяя материалистическую диалектику, Сталин вскрывает основные противоречия, вызывающие национально-революционную борьбу против империализма, как основной исходный пункт ленинизма при решении национального вопроса. Мир разделен на два противоположных лагеря: «на лагерь горстки цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом и эксплуатирующих громадное большинство населения земного шара, и лагерь угнетенных и эксплуатируемых народов, колоний и зависимых стран, составляющих это большинство» (Сталин, «Об основах ленинизма», гл. VI).

Эту суть империализма, — говорил Ленин, — лживо обходят социал-шовинисты и Каутский.

«Колонии и зависимые страны, угнетаемые и эксплуатируемые финансовым капиталом, составляют величайший резерв и серьезнейший источник сил империализма», говорит Сталин. Но задача диалектика-материалиста-марксиста — не только в том, чтобы объяснять мир, объяснять источник им-

периализма, а и в том, чтобы его изменить. Марксистско-ленинская тактика и политика в национальном вопросе формулируется т. Сталиным диалектически как вопрос о том, возможно ли и как возможно превратить зависимые и колониальные страны из резерва империалистической буржуазии в резерв революционного пролетариата, в союзника последнего» («Об основах ленинизма»).

Ключ к решению этого вопроса уже дан в анализе противоречий между горсткой цивилизованных наций и громадным большинством наций угнетенных колониальных и зависимых стран. Эти противоречия вызывают борьбу угнетенных наций против империализма. Именно отсюда выводится «необходимость решительной и активной поддержки со стороны пролетариата национально-освободительного движения угнетенных и зависимых народов» («Об основах ленинизма»). Но и тут еще не вся диалектика. Диалектика учит, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Должен ли пролетариат поддерживать всегда и всякие национальные движения без учета времени и пространства? Нет, пролетариат должен поддерживать не всякое национальное движение, и везде и во всех отдельных конкретных случаях,— говорит т. Сталин,— этот вопрос решается с точки зрения интересов пролетарской революции, с точки зрения интересов мирового коммунизма. Тов. Сталин дает образец диалектики и большевистской партийности в решении вопроса.

«Речь идет о поддержке таких национальных движений, которые направлены на ослабление, на свержение империализма, а не на его укрепление и сохранение» (там же).

Этот тезис Сталина требует необходимости конкретного (диалектического) анализа классовой сущности, объективной роли и тенденций всякого национального движения. Этот тезис отрицает всякие абстрактные схемы, «высшее» достоинство которых состоит, по словам Маркса, в их «надисторичности».

Тов. Сталин показал образцы диалектики и в анализе классовой сущности национального вопроса. Критикуя Семича в 1925 г., т. Сталин доказал, что Семич не понимает классовой сущности национального вопроса в нашу эпоху, ибо не понимает диалектики, не понимает изменения классовой сущности национального движения при переходе от одной эпохи к другой, от одного этапа революции к другому, от одной страны к другой. Нет «сущности» национального вопроса, неизменной для всех стран, народов и эпох, об этом говорят все работы Ленина и Сталина. Не только явления, но и сущность вещей изменяются—этому учит материалистическая диалектика. Задолго до мировой империалистической войны, когда не было в большинстве стран еще и серьезного революционного буржуазно-демократического движения, Сталин писал, что в эпоху поднимающегося капитализма «национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собой» («Марксизм и нац. вопрос»). Но и в этой статье т. Сталин подчеркивал, что «сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев пролетариата и крестьянства».

В период империалистической войны и особенно с началом мировой социалистической революции, «национальный вопрос расширился и превратился в вопрос о колониях... из вопроса внутри государственного превратился в вопрос мировой» (Сталин) и вопрос о борьбе с империализмом за победу мировой социалистической революции.

А Семич выхватил из брошюры т. Сталина формулу, сказанную в 1912 г.¹⁾, механически применил ее к новой обстановке после Октябрьской революции, не замечая нового, сводя вопрос национальный к вопросу конституционному. Большевики всегда связывали национальный вопрос с вопросом о революции (буржуазно-демократической и социалистической), исходя «не только из того, что имелось тогда (в 1912 г.—*М. К.*) налицо, но и из того, что развивалось и надвигалось в общей системе международных отношений, т. е. мы считались тогда (в своей программе по национальному вопросу.—*М. К.*) не только с настоящим, но и с будущим (Сталин, «К нац. вопросу в Югославии»).

Вот почему даже и при отсутствии серьезного революционного национального движения большевики ставили вопрос о национальном самоопределении вплоть до государственного отделения.

«Рост империализма в Европе не случайность, — писал т. Сталин в 1912 г. в той же брошюре; — в Европе капиталу становится тесно и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность в России найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости и, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды» (Сталин, «Марксизм и нацвопрос»).

Кто может отрицать, что этот научный прогноз целиком блестяще подтвердился спустя пять лет?

Тов. Сталин учил такому научному предвидению в 1925 г. югославскую братскую компартию, и это ведь блестяще подтвердилось спустя 7 лет²⁾.

Тов. Сталин всегда рассматривал сущность национального вопроса в его развитии, указывая еще в 1912 г. на рост империализма, вызывающий рост национально-колониального освобождения и именно поэтому ставил вопрос о признании права на самоопределение и государственное отделение. Он исходил из неизбежного усиления, углубления и изменения национального движения.

«В чем состоит суть национального вопроса теперь, когда национальный вопрос из вопроса местного и внутригосударственного превратился в вопрос мировой, вопрос о борьбе колоний и зависимых национальностей против империализма. Суть национального вопроса состоит теперь в борьбе народных масс колоний и зависимых национальностей против финансовой эксплуатации, против политического порабощения и культурного обезличивания этих колоний и этих национальностей со стороны империалистической буржуазии господствующей национальности» (Сталин, «Еще раз о нац. вопросе»).

¹⁾ Надо подчеркнуть, что Семич искажил т. Сталина уже неправильным цитированием, выпустив из формулы «национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собой» слова «в эпоху поднимающегося капитализма». Это искажает суть формулы.

²⁾ Отсюда видна цена контрреволюционной болтовни троцкистов об «эмпиризме» Сталина и ЦК ВКП(б). Побольше бы всякому такого «эмпиризма», который умеет научно предсказывать за пять-семь лет вперед, вооружая Коминтерн ясной революционной перспективой. Уж лучше бы помалкивали об «эмпиризме» тоже «политики» и «теоретики», настолько «дальновидные», что накануне самого экономического кризиса, когда кризис стучался в дверь и был «на носу», эти люди так верили в процветание, мощь и силу капитализма, что прославляли стабилизацию капитализма на сотни лет (Каутский, Троцкий и др.) и умели «предсказывать» только крах советской власти через две недели, крах «внезапной коллективизации» (Каутский) и еще интервенцию с 1930—31 г. против СССР и то просчитались, хотя интервенцию готовили сами гадатели. Но что интервенцию готовят против СССР, об этом любой пионер у нас знает.

Борьба разных буржуазных наций между собой теперь уже не составляет сущность национального движения, не играет в этом движении существенного, решающего значения. Национальный вопрос по своей классовой сути есть теперь по сути дела вопрос крестьянский, вопрос об отношении пролетариата метрополий империализма к многомиллионному крестьянству национальностей колоний.

Но т. Сталин против механистического отождествления национального вопроса с крестьянским и против тех, кто подменяет один вопрос другим, отрывает один вопрос от другого, кто не видит крестьянской сущности национального вопроса, сводя его к крестьянскому вопросу. «Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо к р о м е вопросов крестьянских национальный вопрос включает в себя еще вопрос национальной культуры, национальной государственности и пр. Но несомненно также, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не может быть мощного национального движения» (Сталин, «К нац. вопросу в Югославии». Речь в ИККИ 30/III 1925 г.).

Тогда же Сталин предостерегал от «недооценки внутренней потенциальной силы, кроющейся в движении, например, хорватов, за национальную свободу». А тот, кто не видел крестьянской сущности вопроса, тот конечно не видел и этой внутренней потенциальной силы, которая теперь открыто проявилась в борьбе крестьян хорватов, словенцев, черногорцев против фашистской диктатуры Живковичей и Маринковичей (см. ст. Бошковича в «Правде» от 30/V 1932 г. по этому вопросу). Где же лучшее подтверждение силы научного прогноза и более блестящий триумф революционной диалектики над оппортунизмом!

Отрыв национального вопроса от его сущности—крестьянского вопроса—ведет к превращению национального вопроса в вопрос конституционный (у Семича), в вопрос «таможенной независимости» (как у трокистской оппозиции в 1926—27 г., скатившейся к позиции его «величества» Чжан Цзо-лина).

Но не менее оппортунистическим является механическое отождествление национального вопроса с крестьянским, ибо это ведет к ликвидации по существу программы компартий по национальному вопросу, к отказу от использования борьбы угнетенных империализмом наций в интересах победы пролетарской революции. В борьбе на два фронта против обоих извращений в национальном вопросе Сталин разворачивает диалектическую постановку вопроса.

«Сказать «в сущности» не значит сказать «целиком». Мы часто говорим, что национальный вопрос есть в сущности вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос покрывается крестьянским, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным» (Сталин, «К вопросам ленинизма», гл. V).

Ленин и Сталин вскрыли глубочайшую основу мирового национально-освободительного революционного движения в борьбе крестьян колоний и полуколоний и угнетенных наций под руководством пролетариата как против остатков феодального гнета (составляющей содержание аграрной революции¹⁾, так и против иностранного империализма, вступающего в союз с помещиками, феодалами, боярами этих стран. Громадное значение этого для

¹⁾ Заметим, что и крестьянский вопрос не тождествен целиком с аграрным. Национальный вопрос есть в сущности «не аграрный, а крестьянский, ибо это две вещи разные» (Сталин).

стратегического и тактического руководства для победы пролетарской революции очевидно.

Исходя из ленинского учения, программа КИ (в составлении которой, как известно, руководящая роль принадлежит делегации ВКП(б) и т. Сталину), поэтому подчеркивает крестьянскую сущность национального колониального вопроса, утверждая, что в переходный период колонии и полуколонии играют «роль мировой деревни» по отношению к индустриальным странам, играющим «роль мирового города», что вопрос об организации социалистического хозяйства в мировом масштабе в сочетании индустрии и с. х. есть в значительной мере вопрос об отношении к бывшим колониям империализма.

«Братски-боевой союз с колониальными трудящимися массами есть поэтому одна из главнейших задач мирового индустриального пролетариата, как гегемона и руководителя борьбы против империализма» (программа КИ).

Программа КИ проводит и развивает ленинскую идею о возможности некапиталистического пути развития для колониального.

Программа КИ использует богатейший опыт ВКП(б) и мирового революционного движения, провозглашая признание права колоний, полуколоний и всех угнетенных наций на государственное отделение, т. е. «признание их права на вооруженную защиту от империализма (т. е. на восстановление и революционную войну), проповедь и активная поддержка этой защиты всеми возможными средствами». Программа КИ разоблачает каутскианскую утопию мирного союза равноправных наций при империализме, когда одна группа наций живет за счет эксплуатации другой группы наций.

Коминтерн не на словах, а на деле «поддерживает всякое движение против империалистского насилия в колониях, полуколониях и зависимых странах», ведет борьбу с шовинизмом, особенно среди «великодержавных наций», идеологии и политики империализма и социал-империализма II интернационала. Вопрос национально-колониальный программа КИ рассматривает «с точки зрения мировой борьбы пролетариата» как часть вопроса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, т. е. в духе ленинизма, на основе его революционной диалектики.

В решении национального вопроса т. Сталин применяет диалектику части и целого, частного (особенного) и общего. «Вопрос о правах нации» есть не изолированный и самодовлеющий вопрос, а часть общего вопроса о пролетарской революции, подчиненная целому и требующая своего рассмотрения под углом зрения целого» («Об основах ленинизма», гл. VI).

Эта диалектика есть обобщение богатейшей революционной практики марксизма-ленинизма в национальном вопросе. Тов. Сталин конкретно исследует, как необходимо решать вопрос, когда часть противоречит целому, когда частное противоречит общему, когда отдельные демократические требования и требования самоопределения приходят в противоречие с общими интересами пролетарской революции. Он подчеркивает следующее положение Ленина:

«Отдельные требования демократии, — говорит Ленин, — в том числе самоопределение, не абсолют, а частичка общедемократического (ныне общесоциалистического) мирового движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее» (Ленин, т. XIX, стр. 119 — 120).

И вопрос о «возможном реакционном характере» отдельных национальных движений, вопрос о возможных превращениях отдельного революционного национального движения в реакционное должен решаться «не с формальной точки зрения, не с точки зрения абстрактных прав, а конкретно, с точки зрения интересов революционного движения» (Сталин, «Об основах ленинизма», гл. VI) Национальные движения Индии и Китая являются революционными, если они даже нарушают требования формальной демократии, ибо являются объективно «ударом парового молота по империализму» (Сталин).

В основе ленинского разрешения национального вопроса лежит открытие противоположных тенденций, создаваемых капитализмом в отношении наций и развиваемых и обостряемых империализмом.

«Развивающийся капитализм,—говорит Ленин,—знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьбы против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм» (Ленин, т. XIX, изд. 1-е, стр. 46).

Эти две тенденции существуют и теперь, неразрывно связанные между собой. «Для империализма эти две тенденции,—говорит т. Сталин,—являются непримиримыми противоречиями, ибо империализм не может жить без эксплуатации и насильственного удержания колоний в рамках «единого целого», ибо империализм может сблизить нации лишь путем аннексий и колониальных захватов, без которых он, вообще говоря, немислим» («Об основах ленинизма», гл. VI).

Сталин вскрывает существенные противоречия империализма в национальном вопросе, т. е. противоречия (антагонизмы), вытекающие из сущности империализма. Империализм создает мировое хозяйство, создает «единство нации», твердили «левые радикалы», но они не хотели видеть того, что это «единство» создается империализмом такими методами, которые все больше развивают антагонизм между нациями угнетающими и угнетенными, империализм иначе и не может «объединять» нации.

Еще в своих тезисах к XII съезду партии т. Сталин показал внутреннюю необходимую связь, противоречия и борьбу этих тенденций капитализма в эпоху империализма.

«Взаимная зависимость народов и хозяйственных объединений территорий установились в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другими, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых более развитыми. Колониальный грабеж и захват, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие, наконец, борьба «цивилизованных» наций между собой за господство над нецивилизованными, таковы те формы, в рамках которых протекает процесс хозяйственного движения народов.

Наряду с тенденцией объединения нарастала тенденция уничтожения насильственных форм объединения, борьба за освобождение угнетенных колоний и зависимых наций от империалистического гнета» (тезисы т. Сталина к XII съезду партии).

Выходит, что эти две тенденции капитализма в отношении наций внутренне и неразрывно связаны: первая тенденция порождает и питает вторую, вторая вытекает из первой и противоречит ей.

Противоречивое единство этих тенденций и «суть мировой закон капитализма», открытый Лениным и конкретно развитый Сталиным. Действие этого «мирового закона капитализма» выражается в борьбе двух указанных тенденций и объясняет историю многонациональных и колониальных империалистических государств.

«Борьба этих двух основных тенденций, выраженных в формах, свойственных капитализму, наполняет историю многонациональных буржуазных государств за последнее столетие. Непримируемое противоречие между этими тенденциями в рамках капиталистического развития легло в основу внутренней несостоятельности и органической неустойчивости буржуазных колониальных государств» (тезисы Сталина к XII съезду партии).

Результатом «этого основного противоречия» являются, по утверждению тезисов тов. Сталина к XII съезду партии, «неизбежные конфликты внутри таких государств, распад старых государств и образование новых (например после империалистической войны и Версальского мира), новая борьба за колонии и за передел уже поделенного не раз мира, новые империалистические войны, развал старой России, Австро-Венгрии, Турции и наметившиеся теперь очень ясно тенденции развала колониального могущества Великобритании».

Громадное революционное значение вскрытия этих противоречивых тенденций империализма станет совершенно ясным, если мы учтем, что вся политика социал-империалистов и шовинистов Куновых, Каутских и др. как раз и заключается в замазывании этих противоречий для того, чтобы «обосновать» «цивилизаторскую» миссию империализма в колониях и социал-империалистическую политику II интернационала в колониальном и национальном вопросе. Социал-империалистам «выгодно» было «видеть» только одну из двух противоположных тенденций, именно «соединение» империализмом наций колониальных стран с метрополиями, при чем усердно прикрашивалась эксплуататорская суть этого «соединения» наций под эгидой империализма. Империалистические захваты, грабежи и насилия в колониях социал-империалисты из II интернационала изображали как политику «цивилизации», «культуры» и всяких благодеяний для «диких» народов. Словом, социал-империалисты очищали империализм от присущих ему непримиримых противоречий, а «левые радикалы» (Р. Люксембург, польские с.-д., Пятаков, Бухарин и др.) не сумели выйти из сетей оппортунизма, не говорим уже о разоблачении социал-шовинизма. Не вскрывая и не понимая этих противоречивых тенденций империализма, они по существу тоже видели лишь «объединение» наций империализмом в одном мировом хозяйстве, не видя борьбы против этого объединения и революционного значения этой борьбы для пролетарской революции. Отсюда отказ от права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Этот отказ «есть оппортунизм (как у Р. Люксембург), есть глупенькая игра на руку великорусскому черносотенному национализму», говорил Ленин (т. XVII, изд. 3-е, стр. 90).

Анализ противоречий империализма в национальном вопросе Лениным и Сталиным, большевистская политика в национальном вопросе разоблачают и бют всякий оппортунизм и социал-империализм в корне.

Для империализма национальный вопрос представляет с указанными двумя тенденциями непримиримое и неразрешимое противоречие.

«Для коммунизма, наоборот, эти тенденции (тенденция объединения наций и тенденция к освобождению от чуженационального гнета. — М. К.)

являются лишь двумя сторонами одного дела, дела освобождения угнетенных народов от ига империализма, ибо коммунизм знает, что объединение народов в едином мировом хозяйстве возможно лишь на началах взаимного доверия и добровольного соглашения, что путь образования добровольного объединения народов лежит через отделение колоний от «единого» империалистического целого, через превращение их в самостоятельные государства» («Об основах ленинизма», гл. VI).

Отсюда задача двусторонней работы коммунистов по воспитанию рабочих в духе интернационализма. Это воспитание не может быть конкретно одинаковым для коммунистов наций угнетенных и угнетаемых, эксплуатируемых и господствующих, эксплуатирующих. Если коммунисты империалистических стран центр этой работы обязаны ставить на первой части формулы права самоопределения наций, на пропаганде свободы государственного отделения колоний и угнетенных наций¹⁾, то коммунисты этих последних делают ударение на второй части формулы — на «добровольном соединении наций». В итоге получается коммунистическое разрешение «противоречивой» диалектической формулы: свободное самоопределение и государственное отделение для добровольного соединения наций.

«Люди, не вдумавшиеся в вопрос, — писал Ленин против «левых радикалов», — находят «противоречивым», чтобы социалисты угнетающих наций настаивали на свободе отделения, а социалисты угнетенных наций на свободе соединения. Но небольшое размышление показывает, что иного пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели от данного (созданного капитализмом. — М. К.) положения нет и быть не может» (Ленин, т. XIX, стр. 205).

Нельзя пройти мимо прекрасных образов материалистической диалектики, данных т. Сталиным в борьбе против социал-демократического уклона в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам единства и нераздельности «национальных» и интернациональных задач революции.

Социал-демократический уклон, кичась своим показным «интернационализмом», распространяет контрреволюционную клевету против ВКП(б) и Коминтерна, обвиняет в национал-реформизме, в национальной ограниченности и т. п. за то, что ВКП(б) взяла твердый курс на построение социализма в нашей стране. Теоретическим их оружием явился метафизический разрыв и противопоставление «национальных» и интернациональных задач революции.

Применяя оружие диалектики, т. Сталин доказал, «что интересы и задачи пролетариата СССР переплетаются и неразрывно связываются с интересами и задачами революционного движения во всех странах, и наоборот, задачи революционных пролетариев всех стран неразрывно связываются с задачами и успехами пролетариев СССР на фронте социалистического строительства» (Сталин, «Еще раз о социал-демократическом уклоне»).

Утверждение нераздельности и единства интересов и задач пролетариев страны победившего социализма с интересами и задачами пролетариев всех других стран имеет громаднейшее, решающее значение, ибо это — «вернейший путь победы революционного движения во всех странах» (Сталин, там же).

Не понимая и отрицая открытый Лениным закон неравномерного развития капитализма при империализме, социал-демократический уклон не понимал и отрицал возможность победы социализма в одной стране, возводил

¹⁾ Социалистов империалистических стран, не ведущих пропаганды самоопределения, не поддерживающих политики государственного отделения колоний, Ленин и Сталин справедливо квалифицируют как империалистов и негодяев.

клевету на социалистическое строительство СССР и ВКП(б), дал контрреволюционным фашистам и интервентам из II интернационала идеологическое оружие против СССР и Коминтерна.

Защищая и развивая ленинскую теорию о победе социализма в одной стране, т. Сталин вооружал партию для победоносного строительства социализма в нашей стране, отстаивал единственно правильную, подлинно интернациональную тактику ВКП(б) и Коминтерна.

Задача победившей революции состоит в проведении «максимума осуществимого в одной стране для развития поддержки, пробуждения революции во всех странах» (Сталин, «Об основах ленинизма», гл. III и Ленин, т. XV, изд. 1-е, стр. 502).

Такова диалектическая революционная формула Ленина и Сталина, выражающая в двух словах громадное, решающее значение построения социализма в нашей стране для победы революции во всем мире. А как обстояло дело с «интернационализмом» с.-д. уклона, известно. Наша страна строящегося социализма—база мировой революции. Наша революция была и остается узловым пунктом, началом и базой мировой пролетарской революции. Коренные вопросы нашей революции были и есть коренные вопросы мировой революции.

«Чем отпугивали от нас рабочих г.г. социал-демократы? Проповедью о том, что «у русских ничего не выйдет». Чем мы бьем теперь социал-демократов, привлекая к себе целые вереницы рабочих делегаций и укрепляя тем самым позиции коммунизма во всем мире? Нашими успехами по строительству социализма» (Сталин, «К вопросам ленинизма», гл. VI).

Отсюда ясно,—говорит т. Сталин,—что отрицание возможности строительства социализма в нашей стране было не только отходом от интернационализма, но и помощью нашим врагам—социал-фашистам.

Ленинский этап развития марксизма в национальном вопросе т. Сталин, со свойственной ему сжатостью и глубиной, охарактеризовал так:

«Маркс и Энгельс, анализируя в свое время события в Ирландии, в Индии, в Китае, в странах центральной Европы, в Польше, в Венгрии,—дали основные идеи по национально-колониальному вопросу. Ленин в своих трудах базировался на этих идеях. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что а) он собрал воедино эти идеи в стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма; б) связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении империализма; в) объявил национально-колониальный вопрос составной частью общего вопроса о международной пролетарской революции» («Вопросы ленинизма», изд. 1930 г., стр. 327. Беседа с американской рабочей делегацией).

Верным учеником и последователем Ленина, блестяще применяющим ленинскую диалектику в своих исследованиях по этому вопросу, является т. Сталин. Как и во всех областях марксистской теории, так и в национальном вопросе т. Сталин разрабатывает и развивает применительно к новым задачам пролетарской революционной практики вопросы ленинского этапа марксизма. В разработке национального вопроса роль т. Сталина исключительно велика.

VI. Диалектика исчезновения национальных различий

В начале статьи мы привели диалектическую постановку национального вопроса т. Сталиным в 1912 г., в которой выставляется требование рассматривать нацию как историческую категорию, подлежащую закону изменения, имеющую «свою историю, начало и конец» (Сталин).

Необходимо остановиться и на конце нации как исторической категории, тем более, что в этом вопросе также извращают марксизм. Нации

начинают складываться в эпоху поднимающегося капитализма как одна из форм его развития и как продукт капитализма.

Процесс складывания и развития наций не останавливается и эпохой империализма и пролетарской революции, но происходит в иных уже условиях.

Империализм не уничтожает двух основных тенденций капитализма в национальном вопросе — тенденции к «интернационализации» в экономике, политике, культуре и тенденции борьбы против национального гнета, за национальную независимость, порождаемую и усиливаемую империалистическими методами «интернационализации», порабощения, эксплуатации и насильственного «объединения» и подчинения горсткой империалистических стран (насчитывающих $\frac{1}{4}$ населения земного шара) народов колоний, полукolonий и зависимых стран (насчитывающих $\frac{3}{4}$ населения земного шара).

Империализм усиливает и обостряет непримиримое внутреннее противоречие и борьбу обеих тенденций. Для капитализма противоречия этих тенденций, как доказано ленинизмом, неразрешимы; они могут быть разрешены лишь пролетарской революцией и диктатурой пролетариата.

Только в условиях диктатуры пролетариата коренным образом меняется развитие наций. Только диктатура пролетариата может создать и создает подлинное интернациональное единство в экономике, политике, культуре, создавая добровольное объединение наций на основе социализма.

Только диктатура пролетариата может решить и решила в СССР правильно и успешно национальный вопрос, устранив с корнем не только привилегии господствующей национальности, всякое правовое и политическое неравенство наций, но и сделала уже гигантский шаг вперед в деле ликвидации фактического экономического и культурного неравенства ранее угнетенных и отставших наций, громадный шаг вперед в деле развития национальной по форме и социалистической по содержанию, т. е. подлинно интернациональной по своему характеру, культуры всех народов СССР.

Только диктатура пролетариата, устранив гнет и эксплуатацию угнетенных наций нацией господствующей, подорвала коренным образом почву для национальной вражды и антагонизма, развиваемых капитализмом до чудовищных размеров. Правда, национальная вражда, шовинизм (антисемитизм и т. д.) как остатки и пережитки капитализма в экономике и сознании людей еще сильны и теперь, главным образом среди капиталистических элементов и мелкой буржуазии. Задача, поставленная XVII партийной конференцией перед второй пятилеткой, — «ликвидация пережитков капитализма в экономике и сознании людей» — включает и борьбу с такими пережитками капитализма, как национализм великорусский и местный, ликвидацию этих пережитков. Отсюда громадные задачи развития экономики и культуры народностей окраин на социалистической основе, задачи интернационального воспитания масс.

Ликвидация капиталистических элементов и классов вообще во второй пятилетке является экономической базой и необходимым условием успешного выполнения этой задачи.

Маркс и Энгельс еще в «Коммунистическом манифесте» писали: «Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собою».

Едва ли нужно доказывать, — говорил на X съезде партии т. Сталин, — что при господстве капитала, частной собственности, собственности на средства производства и существовании классов не может быть обеспечено равенство наций и братское сотрудничество трудящихся масс народов угнетенных и неугнетенных.

Октябрьская революция нанесла решительный удар господству капитала, ликвидировала собственность помещиков и капиталистов, создала условия для такого равенства и сотрудничества наций в СССР. Окончательная

пить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата» (Сталин, доклад на XVI съезде ВКП(б)).

Уклонисты смешивают два принципиально различных и противоположных явления и рвут с марксизмом, не поняв диалектического преобразования лозунга национальной культуры при переходе от капитализма к диктатуре пролетариата.

Уклонисты—метафизики, они за национальной формой культуры проглядывают ее классовую суть и содержание. Они не поняли, что Ленин бьет не по национальной форме культуры, а по ее буржуазному содержанию. Они не поняли и не увидели, как изменилось социальное, классовое содержание национальной по форме культуры, как в национальной форме получила возможность развития социалистическая по содержанию культура. Вот что значит не уметь провести диалектического различия и единства формы и содержания культуры и их изменений в ходе развития.

«Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком¹⁾, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,— в этом именно диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

Могут сказать, что такая постановка вопроса «противоречива»... Но противоречие это жизненно, оно целиком отражает марксову диалектику.

Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: «разъединение для объединения». Вы только подумайте: разъединение для объединения. Это даже отдает парадоксом. А между тем эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в национальном вопросе.

... Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики» (Сталин, доклад на XVI съезде ВКП(б)).

* * *

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними», Ленин считал сутью диалектики, которой не понял Плеханов, сводя всеобщий «закон познания и закон объективного мира», закон единства противоположностей к сумме примеров. Тожество или единство противоположностей «есть признание (открытие) противоречивых, в з а и м о и с к л ю ч а ю щ и х, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)» (Ленин).

¹⁾ «Который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым», разъяснял т. Сталин, разоблачая вместе с тем империалистическую, шовинистическую теорию Каутского об онемечении чехов. Кстати А. Богданов тоже доказывал, что один язык, существующий, именно английский язык, должен стать интернациональным языком, во-первых, по тому случаю, что он навязан английским и американским империализмом всему миру (аргумент для империалистов—убедительный и приятный!), во-вторых, потому, что этот язык представляет смесь из давно умерших языков! Аргументы эти от «практичности» и богдановского универсального закона «наименьшего сопротивления» есть осколок идеологии «экономического империализма» и шовинизма, о чем мы уже говорили.

Диалектическая концепция развития как единственно верная есть учение о развитии как единстве противоположностей (раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

«Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, относительно, борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» (Ленин).

Сама формулировка этого закона Лениным глубоко диалектична, многообразна, стремясь охватить всю многообразную жизнь, конкретную действительность, движение в ее общих формах. Единство, тождество, совпадение, равнодействие противоположностей условно, временно, преходяще, относительно. Ленин не дает застывшей формулы общего закона диалектики.

Единство (тождество) противоположностей — раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение (борьбы) между ними, противоречивые, взаимоисключающие, противоположные тенденции во всех явлениях природы, общества, мышления — все это различные выражения одного и того же основного закона (сути) ядра диалектики. Ленин подчеркивает, что «правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки». И Ленин тут же показывает на истории и выводах всех наук, что единство противоположностей действительно — всеобщий закон познания и объективного мира. Ленинская формулировка этого закона отвергает применение ее как априорной и неизменной схемы, под которую подводится действительность, как это выходило у Гегеля, частенько у Плеханова с «его превращением диалектики в сумму примеров» и еще чаще и вульгарнее у представителей меньшевистствующего идеализма. Ленин, начиная с 1894 г. («Что такое дружба народа»), вел беспощадную борьбу с подобным идеалистическим извращением материалистической диалектики.

Ленинская формулировка основного закона, ядра, сути диалектики требует конкретного анализа действительности, ее противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций, их точной характеристики, анализа их содержания, развития, происхождения и т. д. Разбивая меньшевистские схемы и догмы конкретным анализом хода русской революции, Ленин не раз поучал меньшевистских схоластов: «учитесь-ка у истории русской революции, господ», на основе конкретного анализа борьбы противоположных классов в России выводите «понятие о характере русской революции» и тактике пролетариата, а не применяйте к различным историческим эпохам и условиям одного неизменного шаблона, снятого с особого периода истории, не занимайтесь простым «логическим развитием истины» из общего понятия, без анализа действительности (подобно спекулятивной идеалистической философии), не извращайте революционную суть диалектического материализма!

Разрабатывать диалектику, это совсем не значит «побольше» привести «примеров» для подтверждения диалектики, т. е. по существу подогнать действительность под «диалектическую» схему, это мог делать и Гегель, и это ничуть не подрывало в корне, а вполне «согласовалось» с его идеализмом. Именно идеализм Гегеля подгонял действительность под вымученную априорную схему логического развития абсолютной идеи, давая образцы мистифицированной диалектики.

Против этого выступил решительно Ленин в 1894 г. в работе «Что такое дружба народа». Ленинская критика искажений и извращений материалистической диалектики кой-чему должна была научить и Плеханова в понимании диалектики. Однако ни Плеханов, ни тем более меньшевистствующие идеалисты не поняли гениально-глубоких мыслей Ленина о диалектике, не учли критики Лениным сведения диа-

лектики к сумме примеров, данной в 1894 г. и повторенной снова в 1914 г. (см. «К вопросу о диалектике», т. XIII, 2-е и 3-е изд., стр. 301). Ведь факт, что Ленин еще в 1894 г. сведение диалектики к сумме примеров квалифицировал как «остатки гегельянства», «его способа выражений». А материалистическая диалектика есть наука и требует к себе отношения, как к науке. Сумма же примеров никакой науки не дает еще, как бы много их ни было. А разрабатывать материалистическую диалектику как философскую науку, это значит разрабатывать науку о «развитии всего конкретного содержания мира и познания его» (Ленин); это значит изучать конкретный диалектический (противоречивый) ход познания мира человеком, на основе анализа истории всех наук, истории философии, на основе итогов, выводов познания, выводов наук, их критической диалектической обработки. Разрабатывать материалистическую диалектику, это значит вскрывать диалектику самой действительности, применять диалектический метод к познанию новых явлений, к разрешению новых вопросов и задач, которые выдвигает революционная практика пролетариата и его партии; только в этом процессе развивается, углубляется и обогащается теория материалистической диалектики. Работы т. Сталина по всем вопросам ленинизма и в том числе по национальному вопросу — образец того, как надо разрабатывать диалектику со всех сторон, во всех областях теории и практики; образец того, как надо разрабатывать диалектику как философскую науку, не сводя ее к сумме примеров, ибо не «примеры и отступления» от изучаемого предмета нам нужны, а логика (диалектика) развития самого предмета. При этом предмет изучается не абстрактно, не «вообще», а с точки зрения задач революционной практики.

Тов. Сталин дал именно диалектику «самого предмета», диалектику национально-колониального движения, вскрыл противоречия, взаимоисключающие, непримиримые тенденции, создаваемые капитализмом в национальном движении, вскрыл внутренние противоречия самого национального движения как закон его изменения, его превращения из части буржуазно-демократической революции в отдельных странах в часть мировой социалистической революции, показал, как надо превращать колонии и эксплуатируемые империализмом нации из резерва и источника сил империализма в его врага, в союзника пролетариата, в резерв пролетарской революции и т. д. и т. п. Тов. Сталин разработал диалектику стратегии и тактики пролетариата в национально-колониальном движении, он не ограничился одним объяснением мира и вскрытием противоречий действительности, он показывает, как пролетариат должен и может изменить капиталистический мир, учитывая его противоречия, свергнуть империализм и добиться победы коммунизма во всем мире. Такова подлинно революционная диалектика, такова та жизненная правда диалектики Маркса, Ленина, Сталина, «которая дает возможность большевикам брать самые неприступные крепости» в мире.

О шести исторических условиях т. Сталина

Д. Биленкин

Изучение диалектики в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, в решениях ВКП(б) и Коминтерна — задача огромной теоретической и политической важности. Известно, что теория, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, может превратиться в величайшую силу рабочего движения, освещая дорогу, вскрывая внутреннюю связь окружающих событий, помогая понять «не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем» (Сталин).

Известно, что подлинно - революционная теория «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» (Сталин). Наоборот, всякий отход от марксистско-ленинской теории, всякий ревизионизм, доведенный до своего логического конца, неразрывно связан с политическим оппортунизмом, с потерей революционной перспективы.

Одна из величайших заслуг т. Сталина заключается в том, что он дал сокрушительный отпор малейшим попыткам ревизовать ленинизм справа и «слева». Во главе ленинского ЦК, при дружной поддержке всего, что есть лучшего в рядах партии и рабочего класса, т. Сталин отстаивал чистоту и незапятнанность ленинского учения в беспощадной борьбе с троцкизмом, впоследствии превратившимся в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, в непримиримой борьбе с правым оппортунизмом — агентурой кулачества в рядах нашей партии, в борьбе с примиренчеством к уклонам от ленинизма, с гнилым либерализмом к протаскиванию троцкистской и прочей антиленинской контрабанды.

Давая блестящие образцы конкретизации и дальнейшей разработки марксистско - ленинской теории применительно к новой обстановке, к новым сдвигам и поворотам, т. Сталин ведет партию и пролетариат вперед от победы к победе: от восстановительного периода к периоду реконструктивному (через индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и развернутое наступление социализма по всему фронту), от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов к ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации и, наконец, к поставленной XVII партконференцией грандиозной задаче уничтожения капиталистических элементов и классов вообще и построению бесклассового социалистического общества во второй пятилетке.

Что является решающей предпосылкой правильной постановки и разрешения т. Сталиным всех этих вопросов? Решающей предпосылкой является глубочайшее знание и мастерское владение той сердцевиной, той основой, тем фундаментом в теоретическом здании марксизма - ленинизма, который является «решающим в марксизме» (Ленин), а именно — материалистической диалектикой.

Работы т. Сталина являются ценнейшим вкладом в сокровищницу марксистско-ленинской диалектики. Учение о различных типах противоречий и об условиях их преодоления и разрешения (вопрос, разработанный т. Сталиным в борьбе с буржуазной теорией троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране и в борьбе с правооппортунистической теорией мирного вrastания капиталистических элементов в социализм), вопрос об антагонистических противоречиях империализма, о классовых противоречиях переходного периода, о противоречиях нэпа, его последней стадии и периода вступления в социализм, диалектика национального вопроса, вопрос о взаимоотношении индустрии и сельского хозяйства, проблема звена, диалектика борьбы на два фронта, проблема стихийности и плановости, объективного учета и субъективного воздействия, возможности и действительности под углом зрения партии и партийного руководства и т. д. и т. п. — все эти и другие вопросы ленинской диалектики нашли дальнейшее развитие, конкретизацию и разработку в трудах т. Сталина.

У нас нет возможности остановиться здесь на освещении упомянутых вопросов, требующих целого ряда статей и заслуживающих коллективного внимания и коллективной разработки со стороны партийных теоретических кадров. В настоящей же статье мы ограничимся главным образом одной проблемой, а именно: постараемся разобрать в свете материалистической диалектики два — три узловых вопроса из речи т. Сталина: «Новая обстановка, новые задачи хозяйственного строительства», привлекая материал из других работ лишь по мере надобности.

I.

Политическое значение шести исторических указаний т. Сталина — этой программы большевистских побед на фронте социалистического строительства — настолько огромно, что мобилизация масс на выполнение этих указаний является повседневной боевой задачей большевистской печати. О роли и значении этих указаний в деле увеличения роста производительности труда, расширения источников социалистического накопления и т. д. свидетельствуют тот перелом, те сдвиги, которые мы имели в результате внедрения этих указаний в Донбассе, на Сталинградском тракторном заводе и в других отраслях промышленности, о которых говорили т. Орджоникидзе и т. Постышев на XVII партконференции.

Но шесть условий т. Сталина имеют не только огромное экономическое и политическое, но и глубочайшее теоретическое значение, представляя замечательный образец неразрывного единства теории и практики, образец глубокого знания и мастерского применения материалистической диалектики к анализу новой, изменившейся обстановки, выдвигающей новые задачи, требующей новых приемов работы, новых методов руководства.

Шесть условий т. Сталина дают богатейший материал для изучения диалектики на конкретных злободневнейших вопросах социалистического строительства. В этих шести условиях нашли свое отражение разработка и применение «ядра» диалектики — единства противоположностей — в конкретных формах своего проявления: в разрешении таких вопросов как стихийность и плановость, объективный учет и субъективное воздействие, возможность и действительность, цепь и решающее звено, единство, взаимосвязь, переходы, переделы различных звеньев, единство и взаимопереходы качества и количества и т. д.

Порочность дискуссии между деборинцами и механистами в частности по вопросу о качестве и количестве состояла, во-первых, в том, что эта дискуссия, будучи оторвана от партийной политики, от конкретных проблем естествознания, рассматривала и этот вопрос абстрактно, на холостом ходу,

во-вторых, в том, что каждая из спорящих сторон видела и отстаивала одну сторону этого диалектического единства, игнорируя противоположную.

Механисты «отрицают» качество, «сводя» все к количеству. Они видят во всем лишь механический процесс постепенных и непрерывных количественных изменений, процесс увеличения или уменьшения, изменения только величины или роста.

С этой точки зрения существо вещей или явлений должно оставаться по сути дела неизменным. С этой точки зрения нельзя понять ни возникновения нового, ни уничтожения старого.

Механисты стоят на почве плоского «эволюционизма», теории универсальной постепенности, самотека, отрицания закона перехода количества в качество, отрицания диалектических скачков и т. д.

Будучи теоретически неверной, ненаучной, антидиалектической, теория механистов является в основном философской базой реформизма и правого оппортунизма в политике.

В самом деле. Если жизнь есть сплошной, постепенный, непрерывный поток медленных количественных изменений (так именно думают механисты), то нельзя гнаться за высокими темпами индустриализации; ибо это означало бы нарушение «равновесия» в этом гармонически плавном стихийном потоке.

Раз ничего качественно нового не может возникнуть, или же, в крайнем случае, это «новое» может возникнуть лишь в результате одних количественных изменений старого, то, стало быть, нельзя «насильственно» ломать старые общественно-экономические уклады деревни, стало быть (с точки зрения механистов), колхозы и совхозы—лишь пустая и вредная затея, или, в лучшем случае, дело очень длительного, рассчитанного на десятки лет, постепенного процесса.

Раз между старым и новым нет качественно различных граней и скачков, раз новое есть лишь количественное изменение старого, то, стало быть, нельзя насильственно ликвидировать кулачество как класс, стало быть, кулак самотеком, постепенно и мирно «врастет» в социализм—и т. д. и т. п.

Таким образом механистическая ревизия марксизма в вопросе качества и количества, как и во всех вообще вопросах в области философии, прямоухонько ведет к правому оппортунизму в политике. Вот почему механицизм в теории есть главная опасность на данном этапе.

С другой стороны, деборинская группа, отстаивая категорию качества от нападения механистов, по существу оторвала эту категорию от ее реального носителя, от материи и спорила с механистами с идеалистических позиций. Эта философия отрыва качества от его конкретного носителя при отстаивании скачкообразности развития приводила к игнорированию необходимости количественных нарастаний как предпосылок скачка, приводила к «левацким», формально логическим, субъективистским скачкам через конкретные этапы развития, короче—приводила к идеалистической теории перманентного «катастрофизма».

Эта философия являлась питательной базой для антисереднякацкого уклона, для троцкистской теории «сверхиндустриализма» и «царапанья с кулачеством» в 1926/1927 г., когда у нас еще не было объективных условий для борьбы с кулаком в виде его ликвидации как класса, так как мы еще не могли заменить кулацкий хлеб своим, совхозно-колхозным хлебом, и т. д.

Таким образом концепция деборинцев по вопросу о количестве и качестве, как и по всем вообще философским вопросам, обнаруживает, что идеалистическая ревизия марксизма (меньшевистствующий идеализм деборинской группы) является философской базой «левачества» и, в конечном счете, контрреволюционного троцкизма.

Вот почему борьба на два фронта: против механизма как главной опасности, против меньшевистствующего идеализма леборинской группы и против примиренчества к ним,— является единственно правильной, большевистской линией в философии.

* * *

Ни с точки зрения механистов, ни с точки зрения меньшевистствующего идеализма нельзя понять смысла политики партии вообще, шести указаний т. Сталина в частности.

В чем суть шести условий т. Сталина? Существо этих условий состоит в том, что в результате бурных темпов индустриализации и реконструкции народного хозяйства, в результате наших побед в области сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса, в результате огромных количественных и качественных сдвигов, происшедших за последние два—три года в экономике нашей страны, старая обстановка изменилась в корне, создалась качественно иная, качественно новая обстановка, требующая коренной перестройки, требующая новых форм работы, новых методов руководства. Между тем иные хозяйственники, не замечая и не понимая тех коренных качественных изменений, которые произошли за это время, не хотят перестроиться, и продолжают работать по-старому.

Рассмотрим поближе те экономические и классовые сдвиги, те коренные изменения старой обстановки, которые создали новые условия развития хозяйственного строительства, требующие новых приемов работы и руководства.

Одной из решающих предпосылок в числе целого ряда условий, подготовивших период «великого перелома» на всех фронтах социалистического строительства, является правильное ленинское решение партией под руководством т. Сталина вопроса о взаимоотношении между социалистической промышленностью и сельским хозяйством и о темпах развития индустрии.

Вопрос о темпах развития социалистической индустрии СССР является тем узловым вопросом, от правильного решения которого зависит как исход борьбы двух мировых антагонистических систем, так и разрешение задачи реконструкции сельского хозяйства. Быстрый темп развития нашей индустрии является, во-первых, ключом к решению задачи «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны»; быстрый темп развития нашей индустрии является, во-вторых, «ключом к реконструкции сельского хозяйства» (Сталин).

Такова подлинно диалектическая формулировка вопроса о взаимоотношении между индустрией и сельским хозяйством СССР в отличие от бухаринской эклектической формулы, гласящей, что «развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства», а «развитие сельского хозяйства зависит от индустрии»¹⁾.

Эта якобы «невинная» формула, вращающаяся в порочном кругу «голового взаимодействия», была призвана к тому, чтобы служить выражением для линии правого оппортунизма на снижение темпов индустриализации, на развитие индивидуального крестьянского хозяйства (и кулацкого) и на свертывание совхозного и колхозного строительства.

В самом деле, что означает эта своеобразная «уравниловка» в вопросе о взаимоотношении между индустрией и сельским хозяйством. эта теория равновесия двух секторов в свете известного ленинского указания о том,

¹⁾ Н. Бухарин, Заметки экономиста, стр. 21—22, а также Путь к социализму, стр. 41, 42—46.

что пока мы живем в мелкокрестьянской стране для капитализма в России имеется более прочная экономическая база, чем для социализма? Эта «уравниловская» теория самотечного, стихийного «взаимодействия» между социалистической индустрией и многомиллионным индивидуальным крестьянским хозяйством объективно означала не что иное, как линию на восстановление капитализма.

К этой линии вел механистический, скользящий по поверхности, чисто «количественный» подход к вопросу о двух типах хозяйства, подход, в основе которого лежит непонимание (или нежелание понять) качественного отличия этих двух различных экономических основ.

Совсем иной, диаметрально противоположный, подход мы находим у т. Сталина, разрабатывающего и применяющего ленинские указания о взаимоотношении между индустрией и сельским хозяйством СССР.

В своей речи на пленуме ЦК в 1928 г. т. Сталин говорил:

«Нельзя без конца, т. е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах, на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелко-товарного крестьянского хозяйства»¹⁾.

Где же выход? Выход в социалистической реконструкции сельского хозяйства.

«Либо мы эту задачу разрешим,— и тогда окончательная победа обеспечена, либо мы от нее отойдем, задачу эту не разрешим,— и тогда возврат к капитализму может стать неизбежным явлением»²⁾.

Но как разрешить задачу социалистической реконструкции сельского хозяйства? Ответ на этот вопрос как нельзя лучше выражен в следующей формуле: «Ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии»³⁾. (Сталин).

Вышеприведенная формула о взаимоотношении между индустрией и сельским хозяйством была дана т. Сталиным в 1929 г. на пленуме ЦК ВКП(б). Но еще раньше, в 1927 г., в докладе т. Сталина на VII расширенном пленуме ИККИ мы находим в виде замечательного теоретического прогноза такое же решение вопроса и притом в такой формулировке, которая в известной степени предвосхищает решение XVII партконференции.

«Создать экономическую базу социализма— это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределений, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов»⁴⁾.

Мы видим таким образом, что и в этом выступлении т. Сталин рассматривает вопрос о взаимоотношении между индустрией и сельским хозяйством в их диалектическом единстве на основе ведущей роли социалистической индустрии.

Такое решение вопроса бьет не только по правому оппортунизму, но и по троцкизму, пресловутый «сверхиндустриализм» которого ставил вопрос

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 443, изд. дешев. библ. Гиза, 1930 г.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 506.

⁴⁾ Пути мирового хозяйства, т. II, стр. 10.

не о реконструкции, а о «пожирании» крестьянского хозяйства, не о социалистической перделке основных крестьянских масс, а о враждебном столкновении с «широкими массами» крестьянства и т. д.

Не случайно получилось так, что, прикрывая в конце восстановительного периода свое меньшевистское отрицание возможности победоносного строительства социализма в СССР и социалистических путей развития деревни левацко-прожектерскими фантазиями о «сверхиндустриализации» за счет вытеснения крестьянского хозяйства, троцкисты оказались в период реконструкции, с точки зрения темпов, «самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами» (Сталин).

Не случайно троцкисты сочинили реакционно-капитулянтскую теорию «потухающей кривой», согласно которой прирост продукции госпромышленности должен был снизиться с 31,6% в 1926/27 г. до 15% в 1929/30 г., между тем как на деле прирост продукции госпромышленности повысился с 19,7% в 1926/27 г. до 32% в 1929/30 г. Согласно той же теории потухающей кривой прирост промпродукции в 18% является почти недостижимым идеалом реконструктивного периода, между тем как по контрольным цифрам народнохозяйственного плана, намеченного постановлением ЦИК СССР, прирост промпродукции в 1932 г. составит 36%, что означает превышение довоенного уровня промышленности почти в 4 раза и выполнение пятилетки в четыре года.

Разумеется, что таких темпов партия могла добиться, только разгромив правоуклонистско-троцкистскую теорию потухающей кривой, организовав и возглавив могучую волну соцсоревнования и ударничества в миллионных массах рабочих, показавших беспримерно высокие образцы производительности труда и героического энтузиазма в борьбе за выполнение пятилетки.

Бурные темпы индустриализации страны действительно оказались ключом к реконструкции сельского хозяйства. Это обнаружили успехи уже первых двух лет пятилетки, давших перевыполнение заданий по основным показателям не только в области развития социалистической промышленности, но и особенно в деле коллективизации сельского хозяйства. Эти успехи подготовили переход к третьему, решающему году пятилетки, году невиданного размаха строительства новых гигантов индустрии, году окончательного и бесповоротного разрешения вопроса «кто кого» в пользу социализма не только в городе (где вопрос был решен уже в 1930 г.), но и в деревне, году завершения построения фундамента социалистической экономики СССР, году полной и окончательной ликвидации безработицы навсегда и бесповоротно, году, давшему рабочему классу СССР «победу всемирно-исторического значения».

На этот 1931 г. контрольными цифрами, принятыми на декабрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1930 г., установлены капитальные вложения в обобществленный сектор народного хозяйства в 17 млрд. руб. против 10 млрд. истекшего года. На этот год ориентировочно определен народный доход в 49 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.) против 49,7 млрд. руб., предполагавшихся для последнего года (1933) пятилетки с тем, чтобы прирост народного дохода в 1931 г. составил не менее 35% против прироста народного дохода в 1930 г. на 19% и прироста 1929 г. на 11% (см. решения декабрьского пленума ЦК и ЦКК 1930 г.).

Создание новой металлургической базы на Востоке, в Урало-кузнецком районе, введение в строй 518 новых промышленных объектов и электростанций, в том числе таких гигантов, как Магнитогорск, Кузнецк, Днепро-строй, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы, Амо, Нижегородский автозавод, «Шарикоподшипник» и т. д. и т. п., — такая

грандиозная программа индустриализации страны и реконструкции промышленности не могла не произвести коренного сдвига в деле технической и экономической реконструкции сельского хозяйства. Широкое развитие совхозного строительства и МТС, доведение количества машинно-тракторных станций с одной в 1929 г. до 1400 в 1931 г. (при увеличении количества МТС на 1040 за один 1931 г. и намеченных к постройке 1700 новых МТС в 1932 г.), снабжение колхозов за один 1931 г. 100 тысячами тракторов, огромным количеством других сельскохозяйственных машин, тысячами автомобилей и т. д., увеличение доли посевов обобщественного сектора с 40,2 весной 1930 г. до 69,8% весной 1931 г., т. е. до свыше $\frac{2}{3}$ всей посевной площади, рост количества колхозных хозяйств до 13 млн. к весне 1931 г. (и до 16 млн. к концу этого года, т. е. до 60% коллективизированных хозяйств)—все это привело к окончательному подрыву корней капитализма в деревне, преддрешающему «полную ликвидацию капиталистических элементов и полное уничтожение классов» (из решений XVII партконференции).

Все эти огромные экономические и классовые сдвиги, изменившие облик нашей страны, создавшие новую обстановку, не могли не поставить по-новому ряд вопросов нашего дальнейшего продвижения вперед по пути социалистического строительства.

Одним из кардинальнейших среди этих вопросов является вопрос о рабочей силе.

Вопрос о рабочих в той или иной постановке — о рабочей силе, о квалифицированных кадрах рабочих, о зарплате рабочих, об улучшении материального и культурного положения¹⁾ рабочих масс, о производственно-технической интеллигенции из людей рабочего класса и т. д.—эти вопросы являются центральными, стержневыми вопросами шести условий т. Сталина.

Когда оппортунисты всяких мастей толкуют о производительных силах, об «уровне производительных сил» и т. д., они имеют в виду главным образом предметы и орудия труда, которые якобы фатально довлеют и господствуют над живой рабочей силой.

Когда классики марксизма-ленинизма—Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин—говорят о производительных силах, они имеют в виду чрезвычайно глубокое понимание этой категории, такое понимание соотношения составных элементов производительных сил, при котором подчеркивается роль важнейшего, ведущего элемента—роль рабочей силы.

В период хозяйственной разрухи, последовавшей в результате империалистической и гражданской войн, Ленин говорил:

«В стране, которая разорена, первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы все спасем и восстановим... Нас отбросила назад, к варварству империалистическая война и если мы спасем трудящегося, спасем главную производительную силу человечества — работника, — мы все вернем, но мы погибнем, если не сумеем спасти его... В тот момент, когда страна разорена, наша главная основная задача — отстоять жизнь рабочих, спасти рабочих, а рабочие гибнут, потому что фабрики встают... Надо спасать рабочего, хотя он работать не может. Если мы его спасем на эти несколько лет, мы спасем общество, страну и социализм»²⁾).

¹⁾ Недаром в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом т. Сталин сказал: «Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я бы считал свою жизнь бесцельной» (см. «Большевик» № 8 за 1932 г.).

²⁾ Ленин, т. XVI, стр. 214, изд. 1-е.

Мы унаследовали от старой капиталистической России «резервную промышленную армию» безработных, т. е. хищническое уничтожение главной производительной силы человечества — рабочего класса — массовой нищеты, голодом, безработицей.

На «рынок труда» особенное давление оказывало так называемое аграрное перенаселение деревни. Чтобы представить себе, какой огромный сдвиг произведен в нашей стране фактом уничтожения безработицы, достаточно обратить внимание на то, что к началу пятилетки мы еще имели аграрное перенаселение деревни в количестве около 8,5 млн. человек рабочего возраста, плюс городскую армию безработных в количестве свыше 1 млн. работников. Если к этому добавить естественный прирост населения СССР, дающий ежегодно в рабочем возрасте 1,82 млн., а в 3 года около 5,5 млн., то выходит, что первые три года пятилетки обеспечили работой около 15 млн. добавочных работоспособных лиц.

Это объясняется, во-первых, гигантским ростом нашей городской индустрии, во-вторых, широким разворотом строительства совхозов и МТС, в-третьих, бурным ростом колхозного строительства и значительным подъемом благосостояния крестьянских масс, работающих в обобщественном секторе сельского хозяйства. Доля народного дохода в обобщественном секторе народного хозяйства выросла с 52,7% в 1928 г. до 81,5% в 1931 г., доля частного сектора за этот же отрезок времени снизилась с 44,7% до 18,5% (в 1932 г. соотношение доли народного дохода между обобщественным и частным сектором составило 91:9). Но если взять удельный вес социалистического сектора сельского хозяйства в народном доходе, то мы имеем еще более резкий скачок, а именно: повышение удельного веса доли народного дохода в социалистическом секторе сельского хозяйства с 1,78% в 1928 г. до 45% в 1931 г. Решающий год пятилетки дал нам окончательный подрыв дифференциации в деревне, ликвидацию нищеты и коренное улучшение материального положения основных масс крестьянства.

Деревня перестала быть «мачехой» для крестьянства, расслоение деревни подорвано в корне. «Крестьянин стал оседать в деревне, и у нас не стало больше ни «бегства мужика из деревни в город», ни самотека рабочей силы» (Сталин).

Самотека рабочей силы нечего ожидать не только из деревни, но и из состава городского населения, что объясняется нарастающим вовлечением огромных резервов трудящихся масс в строительство последних лет. Прирост числа рабочих и служащих по всему народному хозяйству выражается в следующих цифрах:

1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
11,5 млн.	12,3 млн.	14,3 млн.	18,7 млн.	21 млн.

Если взять отдельно промышленность, то мы имеем рост рабочей силы с 3,4 млн. в 1928 г. до 5,7 млн. в 1931 г. В 1932 г. индустриальный костяк рабочей силы выразится в количестве 6,2 млн.

Таковы факты действительного роста социализма, далеко превышающие наметки пятилетнего плана.

Иные не отдают себе отчета в том, что такой факт, как скачкообразные темпы развития промышленности, растущий подъем и реконструкция всего народного хозяйства и ликвидация на этой основе безработицы не есть чисто количественное изменение: это факт огромной исторической важности, вытекающий из самого существа советской социалистической системы, качественно и коренным образом отличной от системы капита-

листической, где мы имеем наоборот растущий промышленный и аграрный кризис, всеобщий упадок хозяйства и катастрофический рост безработицы.

То же самое можно сказать и в отношении коллективизации и подрыва расслоения в деревне.

Но эти два обстоятельства не только уничтожили самотек рабочей силы, но, больше того, привели к затруднениям с рабочей силой, к нехватке рабочей силы. Жизнь разбила вдребезги оппортунистические «пророчества» о том, что к концу первой пятилетки у нас будет слишком трехмиллионная армия безработных, что одни «сезонные колебания» дадут нам «резервную армию» в размере четырех миллионов безработных.

Вот почему только оппортунисты или люди, не понимающие новой обстановки, могут вздыхать по «старым добрым временам», когда рабочая сила «сама шла» на предприятия, и представлять себе дело так, что затруднения с рабочей силой есть явление случайное, которое исчезнет в порядке самотека. «Затруднения с рабочей силой не могут исчезнуть сами» (Сталин).

Однако было бы в корне неправильно и обратное предположение, а именно, что нехватка рабочей силы есть непреодолимое противоречие, «угрожающее» социалистической системе хозяйства. Затруднения с рабочей силой есть не что иное, как трудности нашего роста, трудности под'ема, трудности продвижения вперед. Эти трудности коренным образом отличаются от трудностей упадка, застоя, загнивания, которые переживает умирающий капиталистический мир.

А это означает, что наши трудности «сами содержат в себе возможность их преодоления» (Сталин). Надо только уметь «использовать эти возможности и превратить их в действительность».

Какие у нас имеются возможности преодоления затруднений с рабочей силой? Таких возможностей у нас, по меньшей мере, две: организованный набор рабочей силы в порядке договоров с колхозами и механизация труда.

Прежде всего мы имеем излишки рабочей силы в колхозах. По данным Колхозного института, в ряде колхозов фактически используется в среднем только около 45% всей наличной в колхозе рабочей силы. Это объясняется неправильным, «уравнительным» распределением трудодней, неправильной организацией бригад, отсутствием (или недостаточностью) механизации труда и т. д.

Аналогичные явления мы имеем и в ряде предприятий, где наблюдается неполная нагрузка наличной рабочей силы ввиду неправильной расстановки сил, неиспользования возможностей механизации труда и т. д.

Стало быть, для преодоления затруднений с рабочей силой необходимо высвободить скрытые резервы этой силы в сельском хозяйстве и в промышленности. Для этого надо осуществить две задачи или вернее двуединую задачу: а) задачу планового, организованного набора рабочей силы в порядке договоров с колхозами на основе использования существующих льгот для отходников и т. д. и б) задачу механизации труда. Нет нужды доказывать, что самотек рабочей силы и организованный набор ее — вещи качественно различные и далекие друг от друга, как небо от земли. Точно так же труд механизированный — качественно иной и коренным образом отличный от труда по методу «дубинушки». И именно потому, что механизированный труд — качественно иной, он приводит к огромным количественным эффектам в деле увеличения производительности труда.

«Итак, организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами, механизировать труд — такова задача» (Сталин).

Было бы однако в корне неправильно полагать, что достаточно ограничиться набором рабочей силы, а все остальное предоставить самотеку. Набрать рабочих — еще не значит обеспечить предприятие рабочей силой, закрепить ее за производством.

Задача заключается в том, чтобы сделать состав рабочих на предприятии более или менее постоянным, а для этого необходимо ликвидировать текучесть рабочей силы. Этот вопрос встал на данном этапе с такой остротой не только по причине нехватки рабочих. Если представить себе, что например какому-нибудь хозяйственнику удалось бы обеспечить предприятие постоянным и непрерывным притоком свежей рабочей силы взамен постоянно и непрерывно убывающей, то подобный «конвейер» мало «пользы» принес бы предприятию. Ибо на данном этапе встал с особенной остротой вопрос не только о количестве, но и о качестве рабочей силы. Почему? Потому что гигантский рост масштабов и темпов производства (количественное изменение) привел к технической реконструкции хозяйства и связанной с ней крайней сложности технического оборудования (качественное изменение). Вот почему вопрос о качестве рабочей силы, о такой квалификации и переквалификации рабочего, которая дала бы ему возможность освоить и овладеть существом новых технологических процессов, является ударной задачей дня.

Но можно ли достигнуть этого при отсутствии более или менее постоянного состава рабочих? Разумеется, нельзя, ибо такая квалификация дается не в один день. Вот почему кое-как «терпимая» в прошлом (в восстановительный период) текучесть рабочей силы превратилась на данном этапе в «бич производства, дезорганизующий наши предприятия. «Терпеть» теперь текучесть рабочей силы — значит разложить нашу промышленность, уничтожить возможность выполнения производственных планов, подорвать возможность улучшения качества продукции» (Сталин).

Вот почему текучесть рабочей силы необходимо во что бы то ни стало ликвидировать.

Но для того, чтобы ликвидировать текучесть рабочей силы, надо уничтожить причину, порождающую эту текучесть.

В чем причина текучести рабочей силы? Прежде всего — в неправильной организации зарплаты, в неправильной тарифной системе, в «левацкой» по форме и мелкобуржуазной по существу уравниловке, стирающей грань между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким.

Суть тарифной системы, основанной на «принципе» уравниловки, состоит в оплате рабочего только по «количеству» единиц времени, по формальному количеству часов (зачастую включая сюда и часы простоя), а не по количеству и качеству труда, действительно потраченного на производство. Такого рода «нормирование» не учитывает ни квалификации, ни производительности, ни интенсивности труда рабочего.

А между тем мы имеем совершенно точные указания Маркса о том, что даже при социализме, даже после уничтожения классов производители будут получать «пропорционально доставленному ими труду»...

«...Но один человек, — продолжает Маркс, — сильнее другого физически или духовно и может поэтому сделать больше в тот же промежуток времени или работать дольше, и груд, чтобы служить мерилом, должен учи-

тиваться сообразно со своей продолжительностью или интенсивностью, без чего немедленно прекратилась бы его роль измерителя»¹⁾.

Что лежит в основе «тарифной системы», построенной по «принципу уравниловки?

В основе этой системы лежит такая оплата труда, которая отвлечается от интересов социалистического производства и руководится абстрактным и фальшивым понятием «всеобщего равенства», позаимствованным из идеологического арсенала буржуазии и приобретшим прочность мелкобуржуазного предрассудка.

В основе этой системы уравниловки лежат «представления, имевшие когда-то некоторый смысл, но теперь превратившиеся в устарелый негодный хлам» (Маркс). Эти представления имели когда-то некоторый смысл постольку, поскольку «буржуазия выдвинула требование равенства прав всех граждан в борьбе с средневековыми, феодальными, сословными привилегиями» (Ленин).

Но провозглашенный буржуазией принцип формального «равенства политических прав», «равенства всех граждан перед законом», выдаваемый к тому еще за «всеобщее равенство» вообще, пришел в непримиримое противоречие с экономическим неравенством, с неравенством граждан «по положению в общественном производстве», с неравенством буржуа и пролетариев «по своему классовому положению» (Ленин).

Буржуазное «равенство» означало вот какого типа «равное право» двух «собственников», двух «товаровладельцев»: право собственника капитала покупать рабочую силу и «одинаковое» право собственника рабочей силы продавать «свою собственную шкуру», право капиталиста «дубить эту шкуру» (Маркс) и «одинаковое» право наемного рабочего подставлять свою шкуру для дубления.

Вот в чем смысл полных сарказма следующих слов Маркса:

«Сфера обращения или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть истинный эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам»²⁾.

Эти слова Маркса разоблачают всю ложь и все лицемерие буржуазного лозунга формального, юридического «равенства» при сохранении капиталистической собственности на средства и орудия производства, этой основы основ фактического экономического неравенства, при сохранении классов и классовых различий, при сохранении капиталистического наемного рабства, с его вопиющей системой эксплуатации, обрекающей десятки и сотни миллионов трудящихся на нужду, голод, лишения, подневольный труд, безработицу.

Вот почему понятие «равенства» есть «глупейший и вздорный предрассудок» (Ленин), если равенство понимать не в общественно-политическом смысле, не в смысле уничтожения классов.

«Уничтожение феодализма и его следов, введение основ буржуазного (можно с полным правом сказать — буржуазно-демократического) порядка заняло целую эпоху всемирной истории. И лозунгами этой всемирно-исторической эпохи были неизбежно — свобода, равенство, собственность и Бентам. Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории. И лозунгами нашей эпохи неизбежно являются и должны быть: уничтожение классов, диктатура пролетариата для осуществления этой цели, беспощадное разоблачение мелкобуржуазных демократиче-

¹⁾ Маркс, Критика Готской программы.

²⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 152, изд. 1920 г.

ских предрассудков насчет свободы и равенства, беспощадная борьба с этими предрассудками»¹⁾.

Наши «уравниловны» исходят именно из этих мелкобуржуазных предрассудков абсолютного индивидуального равенства, из той карикатуры на социализм, которую навязывали нам дипломированные лакеи буржуазии (вроде профессора Туган-Барановского и др.), приписывая коммунистам стремление к полному «уравниванию» физических сил и способностей различных индивидов. Согласно этому бессмысленному, тупоумному и невежественному представлению коммунизм есть нечто вроде гигантской штамповальной машины, фабрикиющей людей одним штампом и стригущей всех под одну гребенку.

«Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, что мы хотим одного человека сделать равным другому. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты и именно основатель современного научного коммунизма—Маркс—говорили: «Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы всех людей сделаем равными друг другу, это пустейшая фраза и выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, вывертывает слова, а содержания нет — пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было!»²⁾.

Подлинный коммунизм не имеет ничего общего с подобными карикатурами, точно так же, как ничего общего не имеет с действительным коммунизмом мелкобуржуазно-потребительское представление о дележке всех благ поровну.

«Такого социализма, при котором все люди получали бы одну и ту же плату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, носили бы одни и те же костюмы, получали бы одни и те же продукты в одном и том же количестве, такого социализма марксизм не знает.

Марксизм говорит лишь одно: пока окончательно не уничтожены классы и пока труд не стал из средства для существования первой потребностью жизни, добровольным трудом на общество, люди будут оплачиваться за свою работу по труду. «От каждого по его способностям, каждому по его труду», такова марксистская формула социализма, т. е. формула первой стадии коммунизма первой стадии коммунистического общества. Только на высшей стадии коммунизма, только на высшей фазе коммунизма каждый, трудясь в соответствии со своими способностями, будет получать за свой труд в соответствии со своими потребностями. «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

Совершенно ясно, что разные люди будут иметь и при социализме разные потребности. Социализм никогда не отрицал разницу во вкусах, в количестве и качестве потребностей. Прочтите, как Маркс критиковал Штирнера за его тенденции к уравниловке, прочтите критику Готской программы 1875 г., прочтите последующие труды Маркса, Энгельса, Ленина, и вы увидите, с какой резкостью они нападают на уравниловку. Уравниловка имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма». Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом»³⁾.

¹⁾ Ленин, т. XVII, изд. 1-е, стр. 379.

²⁾ Ленин, т. XVI, стр. 209.

³⁾ И. Сталин, Из беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом. «Большевик» № 8 за 1932 г.

Таким образом принцип «левацкой» уравниловки есть не что иное, как мелкобуржуазный принцип крестьянской ограниченности... Уравниловцы из хозяйственников и профсоюзников, стригущие под одну гребенку рабочих квалифицированных и рабочих неквалифицированных, не понимают (или не хотят понять), что квалифицированная рабочая сила является основным, ведущим звеном предприятия, которое надо в первую голову закрепить, за которое надо ухватиться, чтобы вытянуть и закрепить всю цепь рабочей силы. «Уравниловцы» не понимают или прикидываются непонимающими, что недооценка квалифицированного труда является причиной текущей не только квалифицированной, но и неквалифицированной рабочей силы, вынуждая уходить в поисках «счастья» одних, закрывая перспективу продвижения вверх для других.

«Отсюда «всеобщее» движение из предприятия в предприятие» (Сталин).

Уравниловка наносит колоссальный ущерб делу социалистического строительства. Она создает текучесть рабочей силы, снижает производительность труда, срывает ударничество, образует прорывы, способствует недовыполнению промфинплана. В тех местах, где уравниловка ликвидирована, введена сдельная система оплаты труда и налажен правильный учет квалификации и интенсивности труда,— там удалось закрепить ведущее ядро квалифицированных рабочих и ликвидировать текучесть рабочей силы.

Вот почему окончательное уничтожение уравниловки является одной из важнейших задач успешного хозяйственного строительства на данном этапе.

Вот почему IX съезд профсоюзов постановил:

«Считая, что правильная организация системы заработной платы является важнейшим рычагом в подеме производительности труда, съезд одобряет начатую профсоюзами и хозяйственными органами под руководством ЦК ВКП(б) перестройку системы заработной платы на основе шести условий т. Сталина. Съезд обязывает профессиональные союзы добиться ликвидации мелкобуржуазной уравниловки и решительно пресекать всякие попытки извращения линии партии в оплате труда».

Но уничтожить уравниловку и правильно организовать зарплату еще не значит сделать все дело. Сам рабочий качественно изменился, особенно рабочий-ударник, идущий в авангарде борьбы за высокие темпы социалистического строительства.

Нынешний рабочий хочет жить с полным покрытием своих материальных и культурных потребностей. Отсюда необходимость всемерного улучшения быта рабочих как важнейшее условие для еще большего повышения производительности труда.

В деле подема благосостояния трудящихся мы имеем перевыполнение пятилетних планов.

Так, по пятилетнему плану весь фонд заработной платы определялся в 15,7 млрд. руб. на последний год пятилетки. Эта цифра перекрыта уже в 1931 г., в котором фонд зарплаты достиг 21,1 млрд. руб. За последние три года заработок рабочей семьи вырос на 64 проц. Среднегодовая заработная плата по всему народному хозяйству возросла с 1928 г. по 1931 г. на 56,8 проц.

Наряду с этим 83 проц. всего числа рабочих переведено к концу 1931 г. на 7-часовой рабочий день. Фонд, вложенный в жилищное строительство по одной промышленности ВСНХ, увеличился с 140 млн. руб. в 1928 г. до 575 млн. руб. в 1931 г. За три года построено жилищ на 3 млн. чел. и т. д.

Однако нельзя успокоиться на достигнутых результатах. «Только гнилые и насквозь протухшие люди могут утешаться ссылками на прошлое».

Надо исходить не из прошлого, а из растущих потребностей рабочих в настоящем» (Сталин).

В связи с этими указаниями постановлением ЦИК Союза ССР о контрольных цифрах по народнохозяйственному плану на 1932 г. годовой фонд заработной платы рабочих и служащих всех отраслей народного хозяйства и культурного строительства определен в 26,8 млрд. руб. на 1932 г. против 21 млрд. руб. в 1931 г., что дает в 4 года превышение пятилетнего плана по фонду зарплаты на 71 проц.

Что же касается жилищного строительства, то по народнохозяйственному плану на 1932 г. предполагается выстроить жилищ еще на 3 млн. чел., т. е. в течение одного года столько же, сколько построено за первые три года пятилетки.

Неуклонное проведение в жизнь этих и других мероприятий по улучшению культурно-бытового положения рабочих масс, в особенности по линии рабочего снабжения, потребует упорной и беспощадной борьбы за выкорчевывание измнанского духа в кооперативных органах, за решительное пресечение формально-бюрократического отношения к повседневным нуждам трудящихся со стороны ряда профсоюзных организаций, оппортунистически и метафизически противопоставляющих интересы социалистического строительства задачам улучшения культурно-бытовых условий рабочих масс.

«Итак, ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих—такова задача» (Сталин).

Выше мы видели, какое большое значение для производства имеют уничтожение уравниловки, ликвидация текучести рабочей силы и закрепление рабочих за предприятием путем правильной организации тарифно-нормировочной системы, учета разницы между квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой и улучшения бытового положения рабочих.

Однако было бы неправильно полагать, что можно ограничиться этими мероприятиями и все остальное предоставить самотеку.

Закрепить рабочих еще не значит обеспечить правильное протекание всего производственного процесса. Напротив, опыт показывает, что там, где производственный процесс предоставлен самотеку, где нет плановой организации труда, правильной расстановки механизмов и людей, точного соответствия между работой отдельных цехов и агрегатов и, самое главное, правильного соотношения между производителями и орудиями и предметами труда, между живой рабочей силой и остальными элементами производительных сил,— там господствуют неразбериха, брак, простои, поломка станков и механизмов, понижение производительности труда и повышение себестоимости продукции.

Кто недоучитывает значения плановости в деле организации всего производственного процесса, тот забывает азбуку марксизма.

Если раньше, в период восстановительный, при сравнительно небольших масштабах работы и несложности оборудования, самотечный «метод» работы хотя и приносил вред производству, но не так резко бросался в глаза, то теперь, в период коренной реконструкции всего народного хозяйства, этот «метод» наносит непоправимый ущерб социалистическому строительству. Это можно видеть на примере с обезличкой.

Если раньше обезличка была кое-как «терпима», то теперь, в новой обстановке огромных количественных и качественных изменений, при гран-

диозных масштабах производства и сложности технического оборудования на гигантах-предприятиях, обезличка превратилась в бич производства.

Откуда появилась обезличка? Она появилась в результате слишком поспешного введения и неправильной организации непрерывки со стороны тех хозяйственников, которые подошли к вопросу механически, представили дело непрерывки воле стихии, самотеку, не обеспечили организационно-хозяйственного укрепления непрерывки, в результате чего непрерывка превратилась в обезличку.

Обезличка и уравниловка—явления в известном смысле родственные друг другу. Обезличка—это та же «уравниловка», но примененная не к зарплате, а к ответственности работников за станки и механизмы. Тот же огульный и самотечный подход к делу, то же неумение выделить основное звено, нащупать связь между всеобщим, единичным и особенным.

Надо сказать, что ответственность за «внедрение» уравниловки и обезлички несут не только практики-хозяйственники, но и теоретический фронт, особенно тот участок теоретического фронта, который стоит ближе всего к этим вопросам. На это правильно указал т. Каганович в своей речи на собрании, посвященном десятилетию ИКП.

Это все тот же вопрос о некотором отставании теории от практики, о котором говорил т. Сталин в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов,—отставании, которое необходимо ликвидировать более ускоренными темпами.

Зло обезлички и неправильной организации труда в целом состоит в том, что эти недостатки больно бьют и по количественным и по качественным показателям промфинплана, понижая производительность труда, повышая себестоимость, ухудшая качество продукции и т. д.

Это наблюдается не только на примере с железнодорожным транспортом, но и в целом ряде отраслей промышленности, вплоть до самых передовых. Так например в каменноугольной промышленности крупные недостатки в деле организации труда, неправильное соотношение числа подземных и поверхностных рабочих, неправильная расстановка сил применительно к машинной добыче и т. д. привели к падению производительности угольного рабочего в 1931 г. на 2,8 проц. и к снижению выработки на одного трудящегося на 8,8 проц. сравнительно с 1930 г., что наряду с другими недостатками способствовало значительному росту себестоимости тонны угля по Донбассу (с 11 р. 03 к. в 1930 г. до 14 р. 38 к. в 1931 г.).

На заводе «Динамо» неправильное планирование производства, неувязка в работе цехов, несвоевременная доставка деталей и полуфабрикатов, частые поломки и простои оборудования и т. д. привели к простоям 2.800 рабочих в течение всего IV квартала и к невыполнению программы на 59 проц.

На торфразработках неправильная организация труда, плохое хозяйственно-техническое руководство, обезличка ремонта и т. д. привели к огромным простоям машинного парка и к ежедневным потерям тысяч тонн торфа.

Подобные примеры можно было бы умножить.

Отсюда задача правильной организации труда, расстановки людей, овладения техникой и правильного руководства всем производственно-техническим процессом, окончательной ликвидации обезлички и установления личной ответственности за работу машин и агрегатов, как одно из важнейших условий развития промышленности на данном этапе.

«Итак, ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятиях—такова задача» (Сталин).

Следующий вопрос — это вопрос о командном составе промышленности. Бурные темпы и гигантские масштабы развития индустрии и вызванная этим необходимость создания новой угольно-металлургической базы на востоке — все это выдвинуло грандиозную программу нового строительства — Урало-кузнецкий комбинат, металлургические заводы в Сибири, Туркестане, Казакстане и т. д. А это в свою очередь привело к тому, что старое количество инженерно-технических сил оказалось явно недостаточным, и нам необходимо создать новые очаги формирования новых кадров. Но дело конечно не только в количестве. Нам нужен качественно иной, командный состав, способный понять и проводить политику рабочего класса на совесть. Отсюда — задача создания рабочим классом своей собственной производственно-технической интеллигенции.

Вопрос о технических кадрах есть одна из важнейших проблем социалистической реконструкции. Еще на XVI съезде ВКП(б) т. Сталин указал, что «проблема кадров превратилась у нас в проблему поистине животрепещущую». Одним из мероприятий для разрешения этой проблемы была передача технических учебных заведений соответствующим хозяйственным организациям «на предмет быстрой выработки достаточного количества техников и специалистов из людей рабочего класса» (Сталин).

Но чем дальше разворачивается строительство, тем острее становится вопрос о кадрах.

Если к началу пятилетки, в 1928 г., еще можно было кое-как обходиться количеством в 87 тыс. человек, обучавшихся во всех наших втузах, то к концу 1931 г. количество учащихся во втузах возросло втрое, дойдя до 276 тыс.; а в течение 1932 г. число учащихся во втузах возрастет до 380 тысяч.

Если в техникумах обучалось в 1928 г. 149 тысяч, то к концу 1931 г. это количество возросло в три с половиною раза, достигши цифры в 511 тыс., а к концу 1932 г. в техникумах предполагается иметь 425 тыс. учащихся.

Если взять всю систему технических школ в совокупности (втузы, техникумы, рабфаки, ФЗУ и т. д.), то в одной только системе ВСНХ мы имели в 1931 г. 1,8 млн. учащихся.

В 1932 г. количество учащихся во втузах, техникумах, рабфаках и школах ФЗУ достигнет 4 млн. человек.

Этот широкий размах в деле подготовки кадров является красноречивым показателем невиданных темпов индустриализации нашей страны и решения одной из важнейших задач культурной революции.

«Решение проблемы технических кадров есть важнейший элемент большевистского осуществления задач культурной революции и успешного строительства социализма» (из рез. XVII партконференции).

Проблема создания производственно-технической интеллигенции не исчерпывается подготовкой кадров в технических учебных заведениях. Немаловажной задачей является также выдвижение на командные хозяйственные посты квалифицированных активистов, ударников, идущих в авангарде борьбы за повышение производительности труда, за правильную организацию производственного процесса, за выполнение промфинплана.

«Инициаторы соревнования, вожак ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства — вот новая прослойка рабочего класса, которая и должна составить вместе с прошедшими высшую школу товарищами ядро интеллигенции рабочего класса, ядро командного состава нашей промышленности».

...«Итак, добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция,—такова задача» (Сталин).

* * *

В новой обстановке ставится по-новому вопрос и об отношении к старой, буржуазной производственно-технической интеллигенции.

Года два назад, в обстановке первых штурмовых натисков на кулачество, в обстановке, когда вопрос «кто кого» внутри страны решался в обостренной классовой борьбе по всему фронту, в обстановке затруднений на хлебном фронте, трудностей колхозного и совхозного строительства и сложности международного положения,—мы имели среди старой технической интеллигенции, особенно среди ее квалифицированной части, полосу вредительства как особую форму классовой борьбы.

«Одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между советской властью и вредителями» (Сталин).

Не подлежит сомнению, что вредители и особенно колеблющаяся часть из них нашли сильное подкрепление в контрреволюционном троцкизме, в «теориях» правого уклона и т. д., из арсенала которых они черпали для себя духовное, тактическое и организационное оружие против большевизма.

Болтовня о невозможности построения социализма в нашей стране, о «термидорианском» перерождении большевиков и неизбежной гибели советской власти, разговорчики о том, что «из колхозов и совхозов все равно ничего не выйдет», что «большевики своей политикой сами способствуют интервенции» и т. д.—все это на фоне прошлых открытых и подпольных антисоветских выступлений троцкистов не могло не вдохновить и не вооружить вредительские группировки в их борьбе против советской власти.

Это «факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения советской власти, о вероятности возврата к капитализму... Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

...Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии» (Сталин).

С другой стороны, вредительские группировки нашли для себя «теоретическую базу» и идеологическое подкрепление и в арсенале правых оппортунистов. Такова теория «равновесия» секторов, такова теория стихийного «самотека» в области планирования или теория примата стихии над планом в СССР, такова наконец политическая платформа правых по вопросам развития индустрии и сельского хозяйства СССР.

Недаром «объективная» вредительская наука теоретически развивала в основном правые установки в своей «методологии планирования» и в вопросах соотношения между индустрией и сельским хозяйством в СССР.

Недаром ученые идеологи вредительства отзывались о платформе правых в крайне сочувственных тонах.

«Платформа правых,—писал Кондратьев,—во многом близка нашей, их победу мы считаем политически положительной».

А проф. Писцов дал такую образную характеристику взаимоотношений между некоторыми установками вредителей и правых оппортунистов:

«Группа Кондратьева была в свои колокола, внимательно взирая в правоуклонистские святцы».

«Надо констатировать,—вторил руководитель «Промпартии» Рамзин,—наличие идейно-политического контакта между руководителями «Промпартии» и видными представителями правой части компартии — переход фактически в деловой блок по основным программным вопросам экономического развития страны. Из платформы правых коммунистов два основных положения целиком совпадали с установками и устремлениями «Промпартии»: 1) ставка на крепкое единоличное кулацкое хозяйство и 2) замедление или более умеренный темп индустриализации страны».

Само собой разумеется, что такая обстановка в значительной степени способствовала разрыву вредительской деятельности.

«Понятно, что при таком положении вещей советская власть могла практиковать лишь одну единственную политику в отношении старой технической интеллигенции — политику разгрома активных вредителей, расслоения нейтральных и привлечения лояльных» (Сталин).

Так было года два назад.

Другое дело теперь. Теперь мы имеем совершенно иную обстановку.

Новая обстановка состоит в том, что в результате решающих побед над капиталистическими элементами города и деревни, в результате разгрома активных вредителей и огромных успехов на фронте колхозно-совхозного строительства, в результате идейного и организационного разгрома, вслед за троцкистской, также и правооппортунистической оппозиции мы имеем новые настроения среди старой технической интеллигенции. Мы имеем решительный поворот в сторону советской власти среди технической интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, и даже среди значительной части вчерашних вредителей.

«Это не значит, конечно, что у нас нет больше вредителей... Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение» (Сталин).

XVII партийная конференция недаром подчеркнула, что «и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки».

Это означает только то, что активных вредителей осталось немного и они должны будут «уйти до поры до времени в глубокое подполье», будучи изолированы самым фактом поворота значительной части старой технической интеллигенции в сторону советской власти. Это обстоятельство диктует нам необходимость изменения политики в отношении старой технической интеллигенции.

«Было бы неправильно и недиалектично продолжать старую политику при новых, изменившихся условиях» (Сталин). «Итак, изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы и смелее привлекать к работе — такова задача» (Сталин).

* * *

Наконец шестое условие состоит в том, что развертывание новой программы строительства требует новых источников внутрипромышленного накопления. Старые источники оказываются количественно недостаточными. Но дело не только и не столько в количественном увеличении старых источников накопления (легкая промышленность, бюджетные накопления и т. д.), которые не беспредельны, сколько в необходимости добавления к ним нового, качественно иного источника. Это — тяжелая промышленность. Для этого требуется ряд мероприятий, среди которых важнейшее место занимает внедрение и укрепление хозрасчета на предприятиях.

Хозрасчет — вернейшее орудие борьбы за качественные показатели выполнения промфинплана, за повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции, за хозяйственное ведение дела. Иные хозяйственники не отдают себе отчета в том, что единственная страна, не ведущая политики грабежа колоний и лишенная возможности прибегать к внешним займам, не имеет других источников накопления, кроме внутренних, для осуществления намеченной грандиозной программы строительства.

Стало быть борьба за повышение производительности труда, за режим экономии, за снижение себестоимости есть борьба за социализм; обратно — каждый процент повышения себестоимости грозит срывом социалистического строительства, принося государству сотни миллионов убытка.

XVII партконференция констатировала, что, несмотря на достижения промышленного строительства, имеется «невыполнение планового задания по снижению себестоимости», в результате чего наша промышленность при росте себестоимости в 1931 г. на 6% потеряла 4,5 млрд. рублей.

Нельзя сказать, что мы имеем повышение себестоимости по всем отраслям промышленности. Напротив, по ряду передовых отраслей мы имеем снижение себестоимости, как например, по электротехнической промышленности — на 6,5%, по машиностроению — на 6%, а в IV квартале даже на 11%, а по отдельным отраслям машиностроительной промышленности еще более значительное снижение, например по автотракторной промышленности — на 31%. Но по другим отраслям мы имеем значительный рост себестоимости: по каменноугольной промышленности — на 30%, по торфяной — на 28,5%, по добыче минерального сырья — на 23%, по железнодорожной — на 18%, по добыче меди — на 17,5%, по лесной — на 16%.

Это свидетельствует о явном неумении ряда хозяйственников работать и руководить по-новому.

Одной из причин невыполнения планового задания по снижению себестоимости является «совершенно неудовлетворительное соотношение между ростом зарплаты и производительностью труда», что «привело к значительному перерасходу фондов зарплаты» (из рез. XVII партконференции). В то время, как зарплата возросла за 1931 г. на 17%, выработка увеличилась на 4%. Таким образом мы имеем отставание производительности труда от роста зарплаты.

Вообще говоря, неуклонный рост зарплаты предусмотрен плановыми заданиями и составляет исключительную особенность социалистической системы хозяйства. Но неумение организовать работу таким образом, чтобы заработная плата поднималась за счет ликвидации уравниловки, механизации труда, уничтожения обезлички и повышения производительности, а не за счет роста себестоимости, составляет «исключительную особенность» некоторых хозяйственников, так охотно любящих сваливать свое собственное головотяпство на «узкие места» и «объективные» обстоятельства.

Вот почему жесткая политика хозрасчета должна являться вернейшим стимулом, подстегивающим к правильной хозяйственной постановке дела.

В этом деле может оказать и действительно оказывает огромную помощь активная борьба хозрасчетных бригад за выполнение качественных показателей промфинплана. Так например на заводе им. Лепсе, где выше 80% рабочих организованы в ударные хозрасчетные бригады, мы имеем полное выполнение заданий по снижению себестоимости.

Хозрасчетная бригада — эта наиболее передовая форма социалистического соревнования — замечательна тем, что борьба за коли-

чественные и качественные показатели, за снижение себестоимости и рост заработной платы и т. д. сочетается в хозрасчетной бригаде в нераздельном единстве.

«Левацкие» герои «дальнего прицела», переметывающиеся от «перелетов» к «недолетам», либо желающие «сразу перескочить в социализм», либо, если это невозможно, готовые капитулировать перед малейшими трудностями, — эти «левые» оппортунисты, недооценивающие роль денег на данном этапе и противопоставляющие планирование хозрасчету, неспособны понять того, что хозрасчет представляет верный хозяйственный контроль и важнейшее орудие планирования советского хозяйства в настоящих условиях. Тем самым они являются пособниками правых оппортунистов, которые не желают напрочь усилия для внедрения хозрасчета, надеясь на самотек, на то, что «Госбанк все равно выдаст нам необходимые суммы».

И те и другие стоят друг друга.

Ни те, ни другие не в состоянии понять диалектического единства, качества и количества. Отсюда метафизическое и оппортунистическое противопоставление темпов качеству продукции, между тем как партия, не снижая, а повышая темпы, считает основным лозунгом четвертого года пятилетки борьбу за хорошее качество социалистической продукции, за качественное (организационно-хозяйственное) укрепление колхозов, за качество совхозного строительства и т. д.

XVII партконференция постановила:

«При данных материальных средствах, на основе большей экономии, лучшего использования производственных возможностей, лучшей мобилизации сил и лучшего практического руководства дать стране больше продукции и лучшего качества» (разрядка наша.—Д. Б.).

Добиться такого результата можно только по пути неуклонного внедрения шести исторических указаний т. Сталина.

Недаром т. Постышев сказал на XVII партконференции:

«Шесть указаний т. Сталина... это единая программа борьбы за перестройку методов большевистского руководства. Нельзя рассматривать и осуществлять одно какое-либо из этих указаний изолированно от всех остальных. Все эти указания неотделимы одно от другого, представляя собою цельную, единую систему мероприятий, направленных на дальнейшее улучшение количественных и качественных показателей нашей работы, на дальнейшее ускорение темпов социалистического строительства».

Таковы шесть исторических указаний т. Сталина, гениально простых, ясных, чеканных, цельных и неразрывных, вылитых из одного куска.

II

Рассмотрим теперь шесть условий т. Сталина (и попутно другие смежные работы) с точки зрения большевистской тактики поворотов, смены лозунгов и методов руководства применительно к изменившейся обстановке.

Одно из важнейших правил революционной диалектики состоит в том, что нельзя механически переносить старые методы и старые лозунги в новую, изменившуюся обстановку. Вчерашний лозунг, вытекавший из одной обстановки, примененный к изменившимся условиям сегодняшнего дня, безнадежно мертв и обречен на неудачу.

Понимание (и особенно конкретное применение) этой истины зачастую оказывается недоступным уму многих политических, хозяйственных работников и даже политических партий.

«Слишком часто бывало,—говорит Ленин,—что когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории»¹).

Этот «казус» приключился с правыми оппортунистами, отстаивавшими только старые формы смычки с крестьянством, только старые формы кооперации и только старую политику партии в отношении к деревне в новых, изменившихся условиях нового этапа нэпа. Такую же политическую «мудрость» проявили как правые, так и «левые» оппортунисты, провозгласившие в условиях социалистического строительства лозунг «подвергай все сомнению», ссылаясь на Маркса, хотя Маркс подвергал «сомнению» и уничтожающей критике капиталистический строй и буржуазную науку, а правые оппортунисты и подутроцкисты сеяли сомнения в правильности генеральной линии партии и в реальности темпов пятилетки.

Величайшая заслуга т. Сталина заключается, между прочим, в том, что он вслед за Лениным сумел дать жестокий отпор и уничтожающую критику героям «цитатного марксизма», спутывающим даты и эпохи, старающимся применять цитаты, сказанные в одних условиях, к другим, совершенно изменившимся условиям, стремящимся превратить марксизм-ленинизм из руководства к действию в застывшую и «обветшалую догму» (Сталин), хватающимся за цитаты из книг, «как ученый, у которого в голове как бы ящик с цитатами, и он высовывает их, а случись новая комбинация, которая в книжке не написана, он растерялся и выхватывает из ящика как раз не ту цитату, которую следует» (Ленин).

В споре с троцкистско-зиновьевской оппозицией на VII расширенном пленуме ИККИ т. Сталин говорил:

«Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может. Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта при сохранении точки зрения марксизма, при сохранении его метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняя букву и подменяя буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод.

Что может быть общего между действительным марксизмом и между подменой основной линии марксизма буквой отдельных формул и цитатами из отдельных положений марксизма?»

В этом рассуждении т. Сталин развивает подлинно ленинский взгляд на марксизм, вытекающий из диалектического понимания единства теории и практики на основе практики.

Ленинское понимание единства теории и практики выразилось и в том, что, беспощадно бичуя малейшее отступничество от революционной теории марксизма, от его основных принципов, Ленин вместе с тем зло издевался над теми «педантами», которые совершенно новые вопросы, выдвинутые революционной практикой (например госкапитализм в условиях социализма, нэп и т. д.), пытались решать исключительно «заглядыванием в старые книги», не понимая, что «никакой Маркс» не мог этого предвидеть, а потому «не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим без цитат» (Ленин).

¹ Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 12, изд. 1-е.

Этим самым Ленин не только не отступал от марксизма, но лучше всех выполнял революционные заветы своего великого учителя.

«Гот же Маркс, — говорит Ленин, — который так высоко ценил революционные традиции и неминуемо бичевал ренегатское и филистерское отношение к ним, требовал в то же время уменьшать мыслить от революционеров, уменьшать анализировать условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов»¹⁾.

Также развивает метод марксизма и т. Сталин. Так например, отстаивая в жесточайшей борьбе с оппортунистами справа и «слева» великие принципы ленинизма, не уступая им ни одной пяди, т. Сталин вместе с тем, в полном согласии с подлинным духом ленинизма меняет в новых изменившихся условиях устаревшие лозунги на новые, например новый лозунг «опора на колхозников», данный нашей партией под руководством т. Сталина.

Такой же подход мы встречаем у т. Сталина и в решении хозяйственных задач.

В своей речи «О задачах хозяйственников», произнесенной в феврале 1931 г. на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, касаясь вопроса о необходимости перехода от старых методов руководства предприятиями, путем подписывания бумаг, к подлинно большевистскому руководству, путем овладения техникой, т. Сталин говорит: «Десять лет назад был дан лозунг: «Так как коммунисты технику производства еще как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженеры, специалисты ведут производство, а вы, коммунисты, не вмешивайтесь в технику дела, но, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством, не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами, настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела». Таков был лозунг. А что вышло на деле? Вторую часть этой формулы отбросили, ибо учиться труднее, чем подписывать бумаги, а первую часть формулы опошлили, истолковав невмешательство как отказ от изучения техники производства. Получилась чепуха, вредная и опасная чепуха, от которой, чем скорее освободимся, тем лучше».

Говоря дальше о шахтинском деле и процессе «Промпартии», сигнализирующих о необходимости поворота лицом к технике, т. Сталин заключает:

«Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве в технику, и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами дела».

Вопрос о необходимости изменения старых методов руководства в условиях новой, изменившейся обстановки, о необходимости замены руководства «вообще» конкретным руководством, основанным на знании дела, т. Сталин выдвинул в другой связи еще в 1925 г. в своей речи в Свердловском университете, известной под заглавием «Вопросы и ответы».

Мысли о руководстве, высказанные т. Сталиным в этой речи, дышат свежестью и злободневностью и по настоящий день, с той лишь разницей, что эти общие принципы руководства т. Сталин в своих последних работах конкретизировал и развил применительно к новому этапу и к новой обстановке современного социалистического строительства.

Касаясь вопроса о необходимости решительной борьбы с неверием во внутренние силы партии и с опасностью ослабления и падения партийного руководства, т. Сталин указывает на то, что эта опасность обуславливается несоответствием между запросами, предъявляемыми партии, и возможностями, имеющимися в распоряжении партии в данный момент, несоответствием меж-

¹⁾ Ленин, т. XIII, стр. 413.

ду старой квалификацией партработника и старыми методами руководства, унаследованными от периода военного коммунизма, и новой, изменившейся обстановкой, требующей новой квалификации и новых методов руководства. Это несоответствие идет с трех сторон: во-первых, произошли большие классовые сдвиги, повысилась политическая активность трудящихся масс и выросли запросы, предъявляемые к партии со стороны рабочего класса и крестьянства; во-вторых, за период хозяйственного развития изменились, выросли и окрепли аппараты государственных и общественных организаций, наконец, в-третьих, усложнилась и дифференцировалась строительная работа в городе и в деревне, требующая повышения квалификации партработников. Исходя из этого, т. Сталин намечает следующие задачи:

1. «Руководить теперь по-военному уже нельзя. Необходима, во-первых, максимальная гибкость в руководстве. Необходима, во-вторых, необычайная чуткость к запросам и нуждам рабочих и крестьян. Необходимо, в-третьих, умение вбирать в партию лучших людей из рабочих и крестьян, выдвинувшихся вперед в результате развития политической активности этих классов».

2. «Необходима такая перегруппировка сил и такое размещение руководящих людей внутри этих аппаратов (государственных и общественных организаций.—Д. Б.), которые могли бы обеспечить руководство партии в новой обстановке».

3. «Раньше принято было говорить о руководстве «вообще». Теперь руководство «вообще» есть пустая болтовня, ибо она не содержит никакого руководства. Теперь руководство требуется конкретное, предметное. Предидущий период выработал тип работника-всезнайки, готового держать ответ по всем вопросам теории и практики. Теперь этот старый тип работника-всезнайки должен уступить место новому типу работника, старающемуся быть хозяином дела в одной какой-нибудь отрасли работы. Чтобы руководить по-настоящему, надо знать дело, надо изучать дело добросовестно, терпеливо, настойчиво. Нельзя руководить в деревне, не зная сельского хозяйства, не зная кооперации, не будучи знакомым с политической цен, не изучив законов, имеющих прямое отношение к деревне. Нельзя руководить в городе, не зная промышленности, не изучая быта рабочих, не прислушиваясь к запросам и нуждам рабочих, не зная кооперации, профсоюзов, клубного дела. Но можно ли добиваться всего этого одним ударом? Конечно,—нельзя. Чтобы поднять партийное руководство на должную высоту, нужно поднять прежде всего квалификацию партийных работников. Теперь качество работника должно стоять на первом месте»¹⁾.

В своей речи на совещании хозяйственников «Новая обстановка, новые задачи хозяйственного строительства», произнесенной шесть лет спустя после речи в Свердловском университете, т. Сталин с точки зрения общепринципальной постановки вопроса, по сути дела, развивает те же самые мысли о руководстве, которые были высказаны им еще шесть лет тому назад. Он требует от хозяйственных руководителей, чтобы они «руководили предприятиями не «вообще», не «с воздуха», а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом, чтобы они не ограничивались бумажной отпиской или общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали в детали дела, вникали в «мелочи», ибо из «мелочей» «строятся теперь великие дела».

Требование конкретности руководства находится в полном соответствии с учением диалектической логики о том, что «абстрактной истины нет,

¹⁾ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 185—191.

истина всегда конкретна», о чем Ленин считал нужным напомнить в споре с Бухариным и Троцким в период профдискуссии 1921 г. Но для того, чтобы конкретно руководить хозяйственным строительством, для этого надо учесть те сдвиги, те изменения, которые произошли в экономике страны, для этого «требуется прежде всего, чтобы наши хозяйственные руководители поняли новую обстановку, изучили конкретно новые условия развития промышленности и перестроили свою работу сообразно с требованиями новой обстановки», ибо нельзя работать и руководить по-старому в условиях новой, изменившейся обстановки.

Речь т. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г., давшего конкретный анализ новой обстановки, выдвинувшего шесть новых условий развития нашей промышленности и вместе с тем сделавшего шесть конкретных указаний о том, каким образом «по-новому работать, по-новому руководить», является живым, конкретным руководством к успешному действию, обеспечивающему победу на фронте социалистического строительства. Недаром эти шесть условий «Правда» совершенно правильно назвала: «шесть условий большевистских побед».

III

Перейдем теперь к той части сталинской речи, где он касается реально-сти нашего производственного плана и условий, обеспечивающих его выполнение. Здесь мы имеем продолжение той самой мысли, которую т. Сталин высказал в 1930 г. на XVI съезде партии по вопросу о роли партийного руководства, а также в феврале 1931 г. в речи «О задачах хозяйственников», произнесенной на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

Вопрос о победе социализма и о роли партийного (и хозяйственного) руководства в деле социалистического строительства т. Сталин решает с теоретической точки зрения в свете мастерски разрабатываемой и примененной им диалектики возможности и действительности. Здесь мы имеем исключительную по теоретической глубине постановку вопроса о руководстве как о правильном использовании объективных возможностей и превращения этих возможностей в действительность.

Такая четкая постановка вопроса, дающая разработку и дальнейшее развитие ленинского понимания детерминизма на основе накопленного опыта социалистического строительства, сразу подводит нас к конкретному диалектическому решению проблемы стихийности и плановости, объективного учета и субъективного воздействия, необходимости и свободы и т. д. Такая постановка вопроса предохраняет как от правооппортунистического объективизма, самотека и равнения на узкие места, так и от «левацкого» субъективизма и перепрыгивания через объективные возможности.

В условиях нэпа например, имеется целый ряд объективных возможностей, уже завоеванных пролетариатом в ходе революции и делающих реальным дальнейшее победоносное продвижение вперед к социализму: возможность индустриализации страны, возможность коллективизации сельского хозяйства и т. д., короче—возможность построения социализма.

Возможность построения социализма превращалась, но не была еще на первом этапе нэпа превращена в действительность. Нэп вовсе не дает нам социализма в готовом виде. Напротив, Ленин учил, что:

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма».

Таким образом нэп таил в себе и противоположную возможность—возможность реставрации капитализма. Стало быть, задача пролетариата заключалась в том, чтобы эту последнюю возможность предот-

вратить, превратив ее в невозможность, а первую возможность — возможность построения социализма — превратить в действительность.

Стало быть, победа социализма есть дело классовой борьбы пролетариата, руководимого партией и ведущего за собой основные массы крестьянства.

Стало быть, при наличии соответствующих объективных предпосылок превращение возможности построения социализма в реальную действительность зависела и зависит исключительно от правильной политики партии, от правильности ее генеральной линии, от большевистских методов проведения этой линии, от правильного руководства классовой борьбы пролетариата.

Если же мы пошли бы например по линии правого оппортунизма, по линии снижения темпов индустриализации, свертывания колхозного строительства и «врастания» кулака в социализм, тогда возможность построения социализма превратилась бы в невозможность, и мы ничего не получили бы, кроме укрепления шансов на реставрацию капитализма. «Мы сидели бы у разбитого корыта» (Сталин).

У того же самого корыта мы очутились бы, если бы пошли по троцкистской линии разрыва с основными крестьянскими массами и несвоевременного «царапания» с кулачеством в 1927 г., когда у нас еще не было объективных предпосылок для ликвидации кулачества как класса.

Другой пример.

Ленин теоретически не считал исключенной возможность раскола между пролетариатом и крестьянством в случае возникновения серьезных классовых разногласий между этими двумя классами. Между тем такой раскол «был бы губителен для Советской республики» (Ленин).

Эту возможность раскола Ленин вовсе не считал фатальной, «ибо в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола» (Ленин).

Задача партии заключалась в том, чтобы предотвратить возможность раскола, чтобы эту возможность превратить в невозможность, а противоположную возможность — возможность союза с крестьянством под руководством пролетариата — превратить в действительность.

Если же мы пошли бы по линии троцкизма, тогда раскол был бы неизбежен, и гибель пролетарской диктатуры неминуема.

Равным образом, «если маневрировать по-бухарински, то можно загубить хорошую революцию» (Ленин).

Стало быть, при наличии соответствующих возможностей успех дела зависит исключительно от правильного партийного руководства.

К вопросу о роли партийного и хозяйственного руководства в свете проблемы возможности и действительности т. Сталин возвращается в своей речи «О задачах хозяйственников», произнесенной на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

Вопрос поставлен с такой ясностью, с такой силой и убедительностью, до того не нуждается в комментариях, что нельзя не позволить себе привести наиболее яркие места из этой речи, затрагивающие интересующий нас вопрос, хотя бы пришлось выписывать несколько длинные цитаты.

Тов. Сталин задается вопросом:

«Что требуется для того, чтобы добиться выполнения пятилетки не в четыре, а по основным и решающим отраслям в три года», и отвечает:

«Для этого требуются два основных условия.

Во-первых, чтобы были реальные, или, как у нас выражаются, «объективные» возможности для этого.

Во-вторых, чтобы было желание и умение руководить нашими предприятиями таким образом, чтобы эти возможности были претворены в жизнь.

Были у нас в прошлом году «объективные» возможности для полного выполнения плана? Да, были. Неоспоримые факты свидетельствуют об этом... Почему же, спрашивается, мы не выполнили плана за весь год? Что помешало? Чего нехватало? Нехватило умения использовать имеющиеся возможности. Нехватило умения правильно руководить заводами, фабриками, шахтами.

Мы имели первое условие: «объективные» возможности для выполнения плана. Но мы не имели в достаточной степени второго условия: умения руководить производством. И именно потому, что умения руководить предприятиями нехватило, именно потому план оказался невыполненным».

Таким образом при наличии объективных возможностей успех дела зависит исключительно от субъективного желания и умения тех, которые призваны реализовать эти возможности. Стало быть, вопрос сводится к тому, чтобы не продержат эти возможности под спудом.

«В истории государств,—говорит далее т. Сталин,—в истории стран, в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели пользоваться ими, и армии терпели поражения».

Перейдя затем к конкретному анализу тех богатейших возможностей быстрого продвижения вперед, которые заложены в советской системе и «о которых не может мечтать ни одна буржуазная страна», т. Сталин так заключает свою мысль:

«Что еще требуется для того, чтобы двигаться вперед семимильными шагами?

Требуется наличие партии, достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса в одну точку, и достаточно опытной для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную, революционную, большевистскую политику. Есть ли у нас такая партия? Да, есть. Правильна ли ее политика? Да, правильна, ибо она дает серьезные успехи».

Дав таким образом теоретическое решение вопроса о возможности и действительности, т. Сталин выдвигает затем основное, решающее звено момента — овладение техникой — и переходит на основе этого к конкретному практическому призыву:

«Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все «объективные» возможности. Нехватает только умения использовать по-настоящему эти возможности. А это зависит от нас. Только от нас. Пора нам научиться использовать эти возможности».

...«Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать».

К тому же самому вопросу о возможности и действительности, о соотношении объективных и субъективных предпосылок победы, о стихийности и плановости т. Сталин снова возвращается в разбираемой нами речи на

совещании хозяйственников 23 июня 1931 г., которая и служит темой нашей статьи.

Говоря о новой обстановке и новых задачах хозяйственного строительства, дав конкретный анализ шести новых условий развития нашей промышленности и показав, что причина отставания некоторых отраслей нашей промышленности состоит исключительно в том, что некоторые хозяйственники подошли к изменившимся условиям со старыми, изжившими себя методами, не научились работать и руководить по-новому, т. Сталин так заключает свою речь:

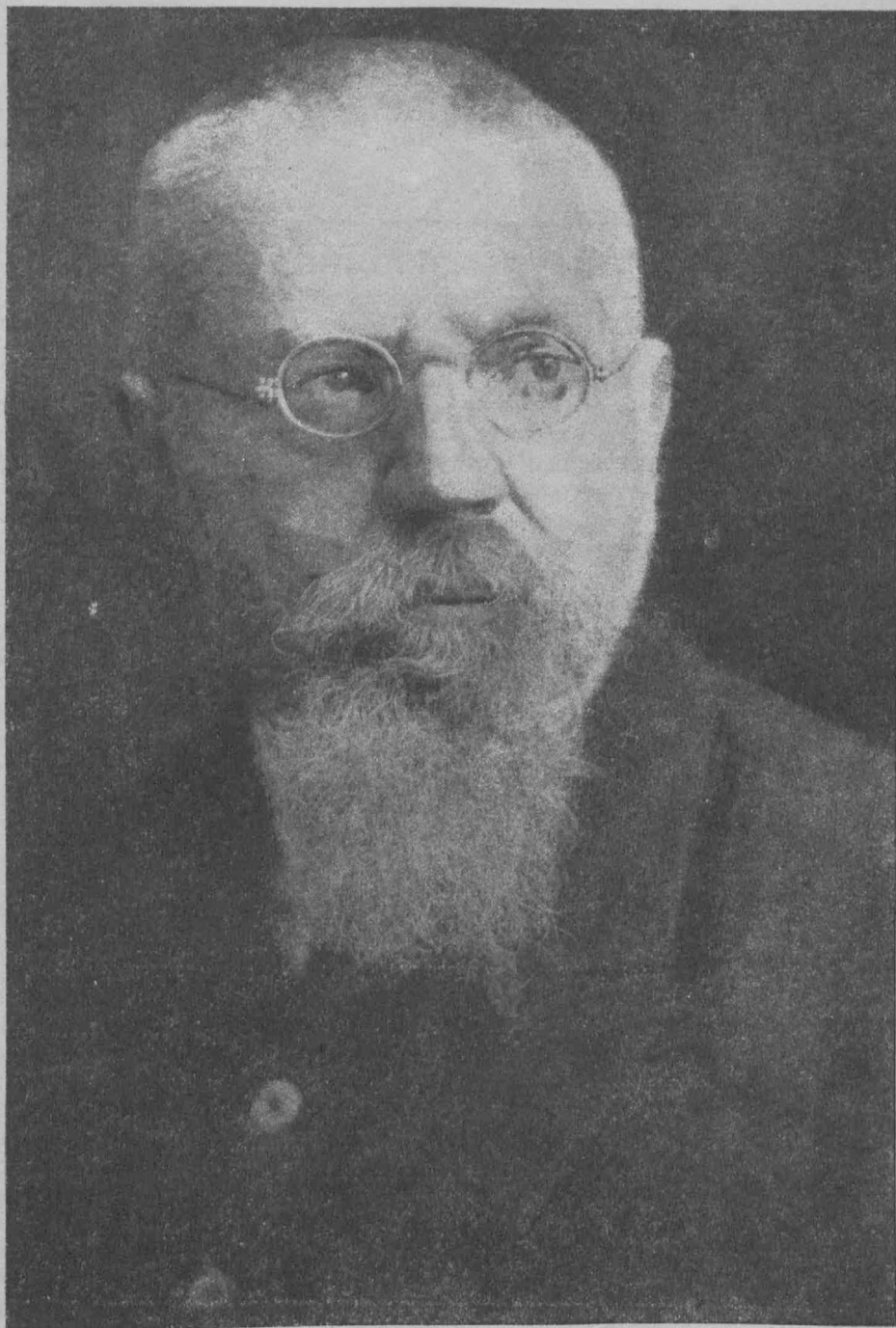
«Реальна ли наша производственная программа? Безусловно, да. Она реальна хотя бы и потому, что у нас есть налицо все необходимые условия для ее осуществления. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности. Чем же иначе объяснить тот факт, что целый ряд предприятий и отраслей промышленности уже перевыполнил план? Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть наша производственная программа может и должна быть осуществлена».

С тех пор, как сказаны были эти слова, мы добились новых решающих побед на фронте социалистического строительства. Мы завершили в основном сплошную коллективизацию в решающих зерновых районах и ликвидировали в этих районах кулачество как класс. Вопрос «кто кого» решен окончательно и бесповоротно в пользу социализма не только в городе, но и в деревне. Фундамент социалистической экономики завершён в третьем, решающем году пятилетки, создана мощная техническая база социалистической крупной машинной индустрии для завершения реконструкции всего народного хозяйства. «Пятилетка перекроила лицо страны» (Сталин). Даже на тех необъятных пространствах, где несколько лет назад царил, по выражению Ленина, «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», выросли «гигантские совхозы, колхозы, заводы, шахты, города. Под Ростовом — Сельмаш, в Харькове — Тракторный, в Москве — Подшипникстрой, Фрезер, в Нижнем-Новгороде — Автомобильный, близ горы Айтат — Магнитогорск, Кузнецкстрой. Уголь, металл, машина, трактор, автомобиль, нефть, хлопок» (Сталин).

Мы вступили в четвертый, последний год пятилетки.

Вместе с тем XVII партконференция выдвинула грандиозный план полного уничтожения классов вообще и построения бесклассового социалистического общества во второй пятилетке. Ленинское учение о возможности построения полного социалистического общества в одной стране, которое нашло глубокую теоретическую разработку у т. Сталина, отстаивавшего чистоту ленинского учения в жесточайшей борьбе с контрреволюционным троцкизмом и правым оппортунизмом, — находит свое практическое осуществление в живой, конкретной действительности.

Одной из решающих предпосылок этих успехов является глубокое знание и мастерское применение т. Сталиным и нашей партией марксистско-ленинской диалектики — этого незаменимого теоретического оружия, дающего возможность большевикам брать «самые неприступные крепости» (Сталин) в борьбе за торжество коммунизма.

Alfred Thompson

Михаил Николаевич Покровский

(1868—1932 г.).

Десятого апреля умер старый большевик, один из виднейших представителей ленинской гвардии, крупнейший организатор и руководитель нашего теоретического фронта, член редакционной коллегии нашего журнала, всемирно известный ученый-коммунист Михаил Николаевич Покровский.

Коммунистическая партия, рабочий класс потеряли в лице Михаила Николаевича одного из активных участников революции 1905 г. и Октябрьской революции, непримиримого борца за генеральную линию партии, за чистоту марксистско-ленинской теории.

Вся жизнь Михаила Николаевича была неразрывно связана с борьбой революционного пролетариата и его партии за дело социалистической революции, за победу идей марксизма - ленинизма.

М. Н. Покровский сочетал в своем лице революционера, партийца и ученого. Пройдя школу буржуазной университетской науки и будучи оставлен при университете для научной деятельности, М. Н. сумел сломать рамки буржуазного мировоззрения, буржуазных методов мышления, стал крупным ученым-революционером.

Буржуазный университет давал и ряд положительных приобретений: умение обращаться с материалом, приемы научного обобщения, критики, но в то же самое время в буржуазных университетах прививалось мировоззрение господствующего класса. Всякому, кто проходил эту школу, хорошо известно, как много приходилось затрачивать труда для того, чтобы преодолеть то, что было привито, в долблено в этих учреждениях, специально устроенных для воспитания слуг господствующего класса. Энгельс как-то отозвался с величайшим презрением о постановке преподавания истории в австрийских университетах. Не лучше было дело и в университетах русских. Преодолевать то, что прививали в этой школе, можно было именно в силу того, что гнет царизма заставлял лучшие элементы буржуазной интеллигенции идти по пути революции. Идя этим путем, лучшие элементы становились на точку зрения пролетариата, проходили школу марксизма. Школа марксизма, изучение произведений Маркса и Энгельса, работа в партийной организации под руководством Ленина — вот тот путь, которым шли лучшие элементы интеллигенции. Таков был путь и М. Н. Покровского. М. Н. был одним из выдающихся членов нашей партии. У него, правда, были временные расхождения с партией; в период реакции он был «впередовцем», в период Брестского мира — «левым коммунистом». Но М. Н. всегда находил в себе силы преодолеть свои ошибки и стать на правильную линию партии. После 1918 года он являлся энергичным и последовательным борцом, защитником генеральной линии партии.

Важно отметить, что наша теория черпает свое содержание не из какой-нибудь философской системы, а из действительной жизни. Маркс, Энгельс и Ленин неоднократно указывали на это. Энгельс например в одной статье

в 1847 г. писал: «Коммунизм — не доктрина, а движение. Он исходит не из принципов, а из фактов. Предпосылкой коммунизма служит не та или иная философия, но вся предшествующая история. Ее фактические результаты в настоящем в цивилизованных странах».

Ленин указывал на то, что материалом для теории марксизма должна служить «история социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения».

М. Н. и следовал этим указаниям Маркса и Ленина. Тесно связанный с партией, с массовым рабочим движением, он отдал свои силы на службу пролетарской революции.

Заслугой М. Н. как историка и ученого является то, что он первый сделал опыт по-марксистски осветить всю историю России с древнейших времен. Выполнение этой громадной задачи Михаилом Николаевичем, — можно сказать, почти в одиночку, — было делом очень трудным. Невозможно было при этом избежать ошибок. М. Н. умел однако преодолевать эти ошибки, критически подходил к своим работам и до последнего времени продолжал работать над изучением русской истории.

Чрезвычайно много помогало ему в этом отношении внимательное изучение Маркса и Ленина, особенно для русской истории — изучение произведений Ленина.

Ленин, чрезвычайно ценивший Михаила Николаевича, приветствовал появление его работы «Русская история в самом сжатом очерке».

«Товарищ М. Н., очень поздравляю вас с успехом, — писал Владимир Ильич. — Чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга — «Русская история в самом сжатом очерке». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки.

Позволяю себе одно маленькое замечание: чтобы книга была учебником, — а она должна им стать, — надо дополнить ее хронологическим указателем. Поясняю свою мысль, примерно, так: 1) столбец хронологии, 2) столбец оценки буржуазной, 3) столбец оценки Вашей, марксистской, с указанием страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении».

М. Н. последовал этому совету и сделал именно такое приложение к книге.

Владимир Ильич высоко ценил научно-исторические труды М. Н. Покровского, насыщенные большевистской партийностью, революционной непримиримостью к дворянско-буржуазным и меньшевистско-эсеровским концепциям русского исторического процесса.

М. Н. освещал историю, и обстоятельнее всего русскую историю, с точки зрения революционного марксизма. Он одним из первых среди русских историков-марксистов правдиво и необычайно ярко отразил в своих исторических работах действие трудящихся масс с населения, процесс формирования, развития, непримиримой борьбы исторических классов в России, вскрывая коренные причины исторического движения в материально-экономических условиях жизни борющихся классов и изменениях этих условий. Он беспощадно боролся с буржуазными и ревизионистскими попытками превратить марксистскую теорию классовой борьбы в буржуазную теорию примирения классов и классовых противоречий.

Фундаментальные исторические работы М. Н. всем своим научно-партийным острием направлены против кадетской и струвианско-меньшевистской историографии, против буржуазного объективизма в исторической

науке и меньшевистской софистики, схоластики, которые являлись и являются излюбленными приемами протаскивания и защиты всякого рода реакционных буржуазных теорий в марксистскую науку, теорий, обосновывающих политическую практику и экономические интересы буржуазии.

Надо отдать полную справедливость, что со струвизмом в русской историографии и никто не боролся более, нежели М. Н. Покровский. Он и сам во время борьбы против Троцкого и троцкистского протаскивания струвизма в русскую историографию указывал, что «все соответствующие главы «Русской истории с древнейших времен» и «Очерки истории русской культуры» представляют собой обстоятельное опровержение струвизанской постановки вопроса о падении крепостного права в России».

В критике струвизма в области русской исторической науки М. Н. руководствовался работами В. И. Ленина.

Буржуазный объективизм Струве был подвергнут В. И. Лениным уничтожающей критике еще в 1894 году в его брошюре «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Ленин уже тогда определил объективизм как идеологию «легального марксизма», идеологию либеральных буржуа, отрицавших классовую борьбу и воспевавших в лице Струве буржуазную теорию внеклассового государства.

Объективизм Струве лишь с внешней стороны был прикрыт марксистской терминологией. Струве, как это показал В. И. Ленин в «Экономическом содержании народничества», также никогда не договаривал до конца. Струве всячески избегал делать последовательно революционные выводы из марксовой теории классовой борьбы, а в вопросе о государстве целиком защищал буржуазную идеалистическую точку зрения.

Михаил Николаевич Покровский, верный философским традициям революционного марксизма-ленинизма, руководствуясь в своей научной и практически-политической деятельности революционной диалектикой Маркса и Ленина, как большевик-историк продолжал систематически, неустанно разоблачать лживость буржуазного объективизма в русской историографии, клеймил лицемерные разговоры буржуазных идеологов о беспартийности науки, показывая, как под видом якобы беспартийности, объективизма в науке разные ученые профессора буржуазии защищают интересы той или иной фракции класса буржуазии.

«Все буржуазные теоретики,— писал М. Н.,—отличаются тем, что они никогда не договаривают до конца. Если они договорят до конца, то им придется договориться до социализма. Они этого не могут и потому останавливаются за порядочное количество километров».

«... Наука большевистская,— подчеркивал далее М. Н.,—должна быть большевистской. Наука тоже классовая. Наука буржуазии отличается от нашей тем, что буржуазные ученые не договаривают до конца. Мы же делаем все выводы и должны делать, потому что мы идем смело к нашей конечной цели — социалистической революции во всем мире».

Эти слова, сказанные М. Н. на десятилетнем юбилее ИКП совсем незадолго до его смерти, прекрасно характеризуют его беззаветную большевистскую преданность делу социалистической революции и ее вождю — коммунистической партии.

Принципиальная непримиримость двух взаимоисключающих мировоззрений, двух непримиримых в борьбе классов — пролетариата и буржуазии — выражена здесь М. Н. с исчерпывающей яркостью.

Большую борьбу провел М. Н. с меньшевистской концепцией русского исторического процесса.

Меньшевизм выступил последующим преемником струвизма в период революции 1905 года. Он стал на защиту образованных слуг буржуазии,

вступивши в блок с кадетами в борьбе против революционного марксизма. Струвианский объективизм, или, иначе говоря, струвианский «марксизм без революции» был вполне приемлем и для левого крыла кадетов, многие из которых в теории мало чем отличались от правых меньшевиков. И те и другие отражали интересы либеральной буржуазии, в частности того слоя буржуазной интеллигенции, который по своему экономическому положению и идейно-политическим связям является защитником капиталистической системы. «Этому слою образованных слуг,— писал М. Н.,— нужна была не только своя «внеклассовая» власть, но и своя «философия русской истории» — не революционная... но все же почти материалистическая.

Этому слою нужен был свой идеолог, и он нашел его в лице Плеханова после 1905 года. Последний не просто поддался влиянию буржуазных книжек. Буржуазные книжки были ему нужны для обоснования его собственных мыслей,— но обосновывал-то он теперь не наступательное стремление пролетариата, а оборонительные стремления того общественного строя, который командовал пролетариатом от имени капитала, но непрочь был стать командиром и от своего собственного имени».

М. Н. в своих работах блестяще разоблачил классовые корни меньшевизма, и в частности истоки социал-оборончества Плеханова, показав при этом, что «Плеханов сделался оборонцем не в 1914 году, это — легенда», а задолго раньше. Именно,— еще с 1904 г., с момента разрыва со старой большевистской «Искрой», Плеханов начал обосновывать свою меньшевистскую «философию истории оборончества». В 1905—1907 гг. Плеханов стал применять кадетскую теорию внеклассового самодержавия на практике, а потом в 1913—1914 гг. истолковал при ее помощи русскую историю. Уже в 1905 г. Плеханов проводил на практике теорию примирения классов, отстаивая предательскую тактику подчинения интересов пролетариата интересам русской буржуазии. Плеханов уже тогда подменял революционную диалектику Маркса меньшевистской софистикой, схоластикой.

Плехановско-меньшевистские софизмы в свое время были блестяще разоблачены Владимиром Ильичом Лениным. Многие в этом отношении сделал и М. Н. Покровский, помогая нашей партии в борьбе с кадетско-меньшевистским блоком. Здесь уместно напомнить те пустые исторические аналогии и параллели между немецкой революцией 1848 г. и революцией 1905 г. в России, которые меньшевик Плеханов пытался привести в числе прочих доводов в оправдание своего ренегатства, чтобы обосновать тактику меньшевиков в революции, чтобы доказать необходимость подчинения политики пролетарской партии политике либеральной буржуазии. Эти исторические аналогии приводились, как известно, Плехановым против ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции в России, против большевистского лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, против учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Известно, что ничего кроме пустых ссылок на случайно выхваченные и извращаемые в желательном для меньшевиков оппортунистическом духе события из истории предшествующих буржуазных революций и меньшевистского крючкотворства при разрешении коренных вопросов революции меньшевистские вожди — Плеханов, Троцкий и другие, за душой не имели. Эти исторические «доводы» меньшевиков, как две капли воды, были похожи на доводы кадетов. При таких обстоятельствах ясно, какое огромное значение для партии в ее борьбе с идейно-политическим кадетско-меньшевистским блоком имела активная работа М. Н. в рядах ленинской партии и какое значение имело его активное участие в деле разгрома меньшевистских софизмов и их предательской тактики. Научная эрудиция М. Н. Покровского в области истории несомненно

принесла значительную помощь нашей партии в борьбе с меньшевиками, врагами ленинизма, в этот период революции.

Ссылка меньшевиков на германскую революцию 1848 г., которую Маркс и Энгельс называли недоноском, с которого Плеханов вместе с кадетами предлагал взять пример русскому пролетариату, этот софизм, выставленный против ленинского учения о гегемонии пролетариата в революции, не выдерживал конечно никакой критики с точки зрения тех выводов, которые можно извлечь из исторических уроков далекого прошлого. Достаточно было простого знания фактов из истории революции, чтобы разбить этот софизм меньшевиков. Владимиром Ильичом было доказано неопровержимыми фактами из истории революций, что наиболее радикальную расчистку почвы для развития демократизма от остатков средневековья дали те из прежних буржуазных революций и в тех странах, где в решающие моменты революции руководство борьбой масс переходило в руки плебейских и полупролетарских «низов». В ходе буржуазных революций в целом ряде стран эти плебейские «низы», обладающие в силу своего подавленного экономического положения наибольшей решительностью и смелостью в своих действиях, оказавшись во главе революции, подвергали весь хлам средневековья такой радикальной ломке и уничтожению, что возврат к старым средневековым порядкам становился невозможным. Таковы были революции во Франции и Англии. «...Именно союз городского «плебса» (=современного пролетариата) с демократическим крестьянством, — писал Вл. И. Ленин, — придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 г., но и гораздо позже». «Эта, историческим опытом всех европейских стран подтверждаемая, идея о том, что в эпохи буржуазных преобразований (или, вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформляется так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или иной минимум демократизма, смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков, ...эта идея гегемонии и составляет одно из коренных положений марксизма...» (Ленин). Что же касается немецкой революции 1848 года, то там дело не дошло до решающих битв пролетариата против немецких феодалов, ибо контрреволюционная буржуазия, как указывали Маркс и Энгельс, еще в самом начале революции «заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом», предав таким образом революцию в самом начале. Маркс и Энгельс из уроков этой революции делали вывод о необходимости гегемонии пролетариата в революции и союза его с крестьянством для борьбы против средневековья; а меньшевики обвиняли Маркса и Энгельса в том, что они заняли ошибочную тактику в отношении контрреволюционной буржуазии.

В. И. Ленин, разоблачая предательство Плеханова, писал, что «Плеханов фальсифицирует Энгельса в угоду все тех же реакционных меньшевистских теорий. Энгельс говорил, что тактика Маркса в 1848 г. была верна, что она и только она действительно дала верные, прочные, незабвенные уроки пролетариату. Энгельс говорил, что эта тактика не удалась, в силу недостаточной подготовленности пролетариата и недостаточной развитости капитализма. А Плеханов, точно в издевку над Энгельсом, точно для вящей потехи Бернштейну..., — толкует Энгельса так, будто он каялся в тактике Маркса, будто он потом признавал ее ошибочной и отдавал предпочтение тактике поддержки немецких кадетов.

Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной тактике, тактике развития борьбы до самых высоких форм, тактике, ведущей крестьянство

за пролетариатом, а не пролетариат за либеральными предателями» (Ленин, изд. 3-е, т. XII, стр. 195).

Таковы действительные факты истории, если их оценивать по-революционному, по-марксистски, не выхватывая отдельных событий из истории и не искажая их для подтверждения надуманных схем, как это делали меньшевики. Так разлетались перед марксистско-ленинской критикой доводы от истории, приводимые меньшевиками в период первой русской революции против ленинской теории революции.

Наша партия в период первой русской революции вела также ожесточенную борьбу с троцкизмом, она разгромила теорию перманентной революции Троцкого и разоблачила основанную на ней авантюристическую политику перепрыгивания через непройденный этап буржуазно-демократической революции в России. Известно, что эта теория перманентной революции была лишь одним из вариантов меньшевистской концепции предательства революции, направленным, так же как и плехановский вариант, против ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и перерастания последней в революцию социалистическую.

Уже тогда эта меньшевистская теория Троцкого была разгромлена теоретически В. И. Лениным, а практически она была отмечена самим ходом революционного движения в России.

Когда же Троцкий в 1923/24 г. вновь пошел в поход против нашей партии, выдвинув снова против ленинизма свою давно похороненную перманентку, пытаясь на сей раз подвести под нее уже более солидное историческое обоснование, то в ответ на статьи, написанные им по сему поводу, выступил М. Н. Покровский, с замечательно остроумной уничтожающей критикой троцкистской схемы русской истории. Результат этой полемики оказался таким, которого Троцкий и его сторонники совершенно не ожидали.

Взятая на проверку М. Н. Покровским троцкистская «концепция» русской истории, развернутая в статьях, печатавшихся в «Правде», а также в книге Троцкого «1905 год», и др. «работах», оказалась в конечном счете списанной в значительной своей части тоже у историка, но у историка кадетского... Милюкова. Поэтому с троцкистской концепцией русской истории случился полный конфуз. Теория надклассового характера русского самодержавия, теория закрепощения и раскрепощения и ряд других «теорий», которые защищал Троцкий в течение почти двух десятилетий, были заимствованы им у буржуазных историографов—Чичерина, Милюкова и других, в плену у которых оказался также и Г. В. Плеханов. Таким образом благодаря историческим работам М. Н. было установлено, что родство между меньшевизмом Плеханова и Троцкого существует не только в политике, но и в области русской исторической науки. Оба меньшевистских теоретика очутились в плену буржуазной историографии.

М. Н. Покровский доказал, что теория исторического процесса, выдвинутая Троцким, отнюдь не была случайной. Эта теория была органически связана с идеологией троцкизма как мировоззрение буржуазной контрреволюции.

Если Троцкий в 1907 г. открыто писал, что его историческая схема задумана с целью противопоставить троцкистский лозунг «Без царя, а правительство рабочее» большевистскому лозунгу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, то в 1922 г. он еще более нагло, цинично заявил, что без его теории русской истории «нельзя и сейчас понять Октябрьскую революцию, тем более нельзя было предвидеть ее в ее внутренней социальной механике почти два десятилетия тому назад». Совершенно прав был М. Н. Покровский,—и в этом его огромная заслуга,—когда он указал, что эта теория

была выработана Троцким «как одно из орудий в его борьбе с ленинизмом» и была направлена против лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и против ленинской теории пролетарской революции. Буржуазная по существу теория исторического процесса нужна была Троцкому, говорит М. Н., для того, «чтобы обосновать теорию перманентной революции»; «историческая теория Троцкого совершенно подтверждает тот приговор, который партия вынесла о троцкизме вообще».

М. Н. своими разоблачениями буржуазных истоков исторической теории троцкизма много помог нашей партии в деле раскрытия буржуазно-исторической подосновы троцкистской теории перманентной революции и классовой контрреволюционной природы троцкизма вообще.

М. Н. решительно выступил также и против попыток Слепкова проташить в большевистскую историческую науку ликвидаторские, по существу правооппортунистические, взгляды. Вот что писал М. Н. по поводу работ этого теоретика из бухаринской механистической школы:

«Слепков, в моем скромном лице, попробовал сразиться с т. Лениным по вопросу о исторической роли крестьянства... но потерпел неудачу, оправдав французскую поговорку «*qui trop embrasse, mal etreint*», по-русски, говоря в вольном переводе: «кто слишком много захватит, у того из рук валится».

М. Н. еще в 1924 г. чрезвычайно хорошо подметил «народнические нотки» в писаниях Слепкова, разоблачив стремление последнего придать крестьянину-собственнику социалистический цвет. «Тов. Слепкову,— писал М. Н.,— чрезвычайно не нравится, что крестьянин — собственник и имеет соответствующую идеологию... Слепков стремится, по крайней мере хронологически, ограничить это зло... отрицая, с одной стороны, крестьянскую собственность Московской Руси, а с другой стороны, изображая современное нам крестьянство (имеется в виду крестьянство 1924 г.—Ред.), как уже чуть-чуть не социалистическое».

Известно, что в основе тогдашней идеализации Слепковым крестьянина-собственника лежала антиленинская правооппортунистическая теория врастания кулака в социализм.

М. Н. также резко выступил против правооппортунистического утверждения Слепкова, что в определении империализма «Ленин, как и все марксисты, согласен с Гильфердингом». Одновременно с этим М. Н. вскрыл троцкистские ошибки Слепкова в вопросе о классовой природе самодержавия. Слепков вслед за Троцким утверждал, что романовская монархия между двумя революциями целиком переродилась в буржуазную монархию.

М. Н. вел неустанную борьбу за марксизм-ленинизм в области исторической науки. В последние годы своей жизни он проделал огромную работу по разоблачению буржуазно-монархических, реакционных теорий Платонова, контрреволюционных антантофильских установок Тарле и разного рода великодержавных и национал-демократических теорий (Яворского, Гемайзе и др.).

Рабочий класс Советского союза и его партия никогда не забудут всемирно-исторической заслуги М. Н. в деле защиты ленинского понимания русского исторического процесса, его беззаветной борьбы за основы подлинно-большевистской исторической науки, против апологетов помещичье-крепостного строя, против ученых защитников капиталистического режима и его меньшевистско-эсеровских прислужников, наконец против всякого рода ревизионистов, извращающих ленинское понимание истории.

В этой борьбе М. Н. всецело руководствовался методом марксизма-ленинизма и ленинским пониманием всемирной и русской истории.

В статье «Ленин и история» М. Н. приводит ряд выписок из произведений Ленина, показывающих, как много историческая наука может почерпнуть из произведений Ленина. В упомянутой статье М. Н. пишет: «Ленин как никто понимал сущность русского исторического процесса, при чем не только с 1861 года, а гораздо более далеких времен. Что всякая будущая история России, заслуживающая имя марксистской, должна руководиться этим пониманием русской истории Лениным, — об этом никто теперь не спорит. А из статей Ленина по национальному вопросу возьмет свои основные установки и создаваемая нами теперь история народов СССР, — об этом тоже никто не спорит. Но что у Ленина есть замечательно глубокие и меткие установки по истории вообще, в частности по истории Западной Европы, об этом не то что спорят, но многие этого как-то не замечают. А между тем тут у Ленина есть схемы и планы, которые должны бы лечь в основу работы целого ряда историков-марксистов».

В ленинских работах М. Н. сумел найти неиссякаемый источник совершенно новых, неведомых ни одному историку-марксисту мыслей и установок, которые должны лечь в основу больших планов по всесторонней разработке большевистской исторической науки.

М. Н. принадлежит огромная заслуга по составлению и осуществлению обширного плана работ по истории народов СССР, в основу которой положено им ленинское понимание национального вопроса.

Огромные усилия положены М. Н. также на подготовку новых кадров большевистских теоретиков по изучению и разработке всемирной истории и в частности истории Западной Европы. Если марксизм-ленинизм в области науки по истории народов СССР завоевал прочные позиции, разгромив бесповоротно дворянско-буржуазную и меньшевистско-эсеровскую историографию, то этого нельзя еще сказать об исторической науке на Западе.

В этой области большевистским историкам предстоит еще дать решающие бои не только целому сонму буржуазных профессоров, но также дать сокрушительные удары по социал-фашистским, социал-интервенционистским концепциям истории Западной Европы и в особенности по контрреволюционным установкам по истории революционного движения на Западе.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что русские и международные меньшевики побили рекорд в деле фальсификации, извращения «исторической диалектики и уроков XIX века», в особенности уроков великих революционных движений на Западе.

М. Н. глубоко страдал, что в деле разоблачения меньшевистских, троцкистских и всякого рода контрреволюционных фальсификаторов марксистско-ленинской оценки революционных движений на Западе делается до сих пор ничтожно мало, что даже в нашей литературе по истории Западной Европы до последнего времени было немало антиленинских, меньшевистско-троцкистских установок, что с особенной яркостью было вскрыто во время последней дискуссии среди наших историков Запада. На этот участок исторического фронта М. Н. в последние годы смотрел не без тревоги и сумел многое сделать для его укрепления и очистки литературы по западной истории от антимарксистского, антиленинского вредного хлама.

И в этом деле М. Н. всецело руководствовался гениальными оценками Ленина, рассыпанными в богатой сокровищнице ленинских идей.

Обучая и подготавливая новые теоретические кадры историков-марксистов, М. Н. вместе с тем ни на минуту не прекращал работы над изучением классических революционных трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Учась у них, неустанно работая над углублением, заострением своей научно-

теоретической мысли, М. Н. умел по-большевистски вскрывать также недочеты в своих работах и исправлять их.

Ведя решительную борьбу со всеми врагами из антиленинского лагеря, М. Н. вместе с тем умел признавать, исправлять и свои ошибки как в прошлой своей партийной деятельности, так и в исторических работах.

Так по поводу прежних своих научно-исторических работ М. Н. писал в одной из своих последних статей:

«Та концепция русской истории, которую я выше назвал марксистской, в основном, конечно, никогда не расходилась с ленинской... Но совершенно ясно, что в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старое изложение этой концепции звучало весьма не по-ленински, а иногда было попросту теоретически малограмотным». В огромной степени в деле исправления имевшихся у него отдельных ошибок, как указывает М. Н., помогли ему дальнейшая упорная работа над изучением Маркса, Ленина, Сталина, а также те семинары, которыми он руководил в ИКП. Многие, что неизвестно было М. Н. (и не только ему, а всем марксистам-историкам) до революции, в период его ранних работ, стало доступным лишь с момента Октябрьской революции, когда рабочая революция разбила двери царских охранок, тайных архивов, где были запрятаны богатейшие исторические документы и материалы, проливающие впервые истинный свет на целый ряд событий различных эпох из исторической жизни России. С извлечением и раскопкой этого материала многое из того, что М. Н. было написано раньше, предстало перед ним в ином, на этот раз исчерпывающем виде. Знакомство с новыми, более полными материалами также в значительной мере помогло М. Н. уточнить, исправить, расширить и дополнить то, что им было написано в более ранних научно-исторических работах.

Ценнейшая большевистская черта М. Н. — умение самокритически относиться к допущенным ошибкам и по-революционному преодолевать и исправлять их на ходу, в процессе непрестанной творческой революционной работы, в процессе неустанного движения вперед, неустанной борьбы за ленинские установки, за высококачественную теоретическую продукцию, — навсегда останется примером для молодых теоретических сил в деле их большевистского воспитания, усвоения ими большевистских методов работы.

М. Н. разрабатывал историческую науку со всех сторон, на огромном фактическом материале, который он собирал десятки лет в условиях царского подполья и вынужденной эмиграции, добывая их в заграничных архивах и библиотеках и в последние годы разворошив гигантские груды ценнейшего материала в завоеванных рабочим классом архивах царской России.

Все, что написано М. Н. Покровским по русской истории и истории народов СССР, в особенности истории революционного движения в России и на Западе, все его работы по истории революции 1905 г. и Октябрьской революции, интервенции и гражданской войны; замечательные труды, изданные под его руководством по вопросам империалистической войны, стратегии и тактики вооруженного восстания, — все это является ценным вкладом в марксистскую литературу. Все они написаны простым, понятным для широких масс языком, в особенности например его «Русская история в самом старом очерке».

«Бойтесь людей, которые говорят непонятным языком», говорил М. Н. большевистской молодежи. — «Они говорят непонятным языком не для того, как чеховский герой, чтобы показать свою образованность, а чтобы скрыть свою неленинскую сущность, — вот для чего это им нужно!»

М. Н. следовал лучшим традициям большевиков. Он, по примеру В. И. Ленина, Сталина, говорил и писал языком масс, языком миллионов, как

лучший пропагандист, пламенный агитатор и ученый большевик-историк социалистической революции.

Произведения М. Н. должен знать каждый сознательный рабочий и колхозник, ибо они вооружают знанием закономерного хода истории и вооружают массы величайшей уверенностью в неизбежной победе мировой социалистической революции, победе коммунизма.

Произведения величайшего историка пролетарской революции М. Н. Покровского необходимо двинуть в массы, широко популяризировать их, чтобы массы знали его.

М. Н. сочетал в себе одновременно теоретика и практика революции.

У М. Н. можно и нужно учиться тому, как осуществлять ленинское учение о неразрывном единстве теоретической работы с практически революционным действием. Верный марксизму-ленинизму М. Н. всегда считал, что основой революционной теории является революционная практика, что теория должна служить оружием пролетарской революции, оружием революционного пролетариата и его партии в борьбе за социализм.

В те героические революционные годы борьбы нашей партии за социализм (1905—1907) М. Н. принимал активнейшее участие в схватках с кадетско-меньшевистскими вождями, принимал живейшее участие в рабочих организациях в качестве члена лекторской группы Московского комитета, вместе с тем был одним из практических организаторов и руководителей московского вооруженного восстания. Защищая большевистскую теорию революции от меньшевиков и кадетов, М. Н. одновременно был и одним из активных практических творцов революции.

В 1917 г. М. Н.—активный участник Октябрьской революции. Решительный сторонник вооруженного восстания, он в октябрьские дни принимает непосредственное участие в руководстве боями московского пролетариата, работая при Замоскворецком штабе и редактируя печатный орган Военно-революционного комитета.

С победой Октября М. Н. все свои силы и знания, весь энтузиазм отдает делу укрепления диктатуры пролетариата, участвуя в практическом руководстве социалистическим строительством.

В 1917 г. он избирается председателем Московского совета рабочих депутатов, затем председателем Совнаркома Московской области и наконец заместителем наркома просвещения РСФСР, принимая активное участие в разработке важнейших мероприятий в области народного образования.

М. Н. неоднократно подчеркивал, руководствуясь учением Ленина, что отрыв революционной теории от практически-политического движения пролетариата неизбежно приводит в конце концов к предательству интересов пролетариата, приводит в лагерь буржуазной контрреволюции.

Вместе с Владимиром Ильичом Михаил Николаевич неоднократно говорил, что марксизм Плеханова, Каутского и др. ренегатов был книжным, вычитанным из книг, оторванным от практики массового революционного движения и не идущим дальше повторения отдельных заученных марксистских формул. М. Н. считал, что единственным философским оружием для подлинного революционного бойца является марксистско-ленинская диалектика, которая требует проведения единства революционной теории и практики и черпает свою силу в опыте революционного движения пролетариата.

М. Н. уделял огромное внимание вопросам разработки марксистско-ленинской теории. Он был одним из крупнейших организаторов и руководителей нашего теоретического фронта после Октябрьской революции.

«Когда массы борются десятилетиями,— говорил М. Н.,— и когда суть дела заключается не в том, чтобы при помощи масс ловко сесть им на спину, а в том, чтобы дать власть в руки этим массам, чтобы эти массы сами строи-

ли новый порядок,—то без теории обойтись невозможно. Нельзя драться десятилетиями, не сознавая, за что дерешься, и в особенности нельзя строить новый порядок (а его должны строить массы), не понимая, что это за порядок, откуда он взялся. Вот почему в нашей пролетарской революции теория была совершенно необходима, и вот почему в противоположность буржуазным революциям, которые имели только юридическую теорию о том, как построить власть на другой день после революции, у нас есть теория самой революции. Эта теория, как вы прекрасно знаете, всегда играла у нас огромную роль... Теория помогает нам глядеть в будущее так, как никогда не будет глядеть в будущее ни один буржуазный революционер. Вот почему теоретическое обоснование нашей работы — вещь абсолютно для нас необходимая».

«Твердое усвоение теории,— говорил М. Н.,— входит в то понимание воинствующего большевизма, боевой партийности, которое ставит нам партия, как задание».

М. Н. особенно подчеркивал те причины, которыми вызывается необходимость творческой работы на теоретическом фронте на данном этапе революции. Он указывал, что перед решающими моментами революции нашей партии всегда приходилось вести ожесточенные теоретические бои. Так перед революцией 1905 г. большевики вели усиленную разработку коренных проблем надвигающейся буржуазно-демократической революции; накануне революции 1917 г. Ленин разработал учение об империализме и теорию пролетарской революции.

«Теперь мы,— говорил М. Н. о задачах данного этапа революции,— переживаем, благодаря революционному кризису, назревающему в Западной Европе, в сущности во всем мире, мы переживаем период времени, до известной степени аналогичный тому, что был перед 1917 г. Вот почему мы должны вступить в бой во всеоружии».

Свою последнюю, глубоко содержательную речь, которую М. Н. держал перед молодыми теоретическими кадрами по поводу десятилетия ИКП, он целиком посвятил задачам разработки марксистско-ленинской теории, задачам дальнейшей подготовки большевистских теоретических кадров и мобилизации теоретических сил для защиты генеральной линии партии в борьбе на два фронта. Он призывал беспощадно бороться с троцкистскими и всякого рода контрабандистами контрреволюционных, антипартийных теорий в нашу большевистскую науку, бороться с гнилым либерализмом, преступным примиренчеством ко всякого рода контрабандистам, которые мешают нам двигаться по пути дальнейшей разработки подлинно большевистской науки.

Призывая теоретические кадры к выполнению указаний т. Сталина о борьбе за большевистскую партийность в науке, М. Н. говорил им, что «все попытки исказить ленинскую теорию фактически есть атака враждебных классов, атака буржуазией социалистической революции. Социалистическая революция,—говорил он,— без теории немалыми. И каждая порча теории Маркса и Ленина означает в то же время огромный ущерб, выбивание камня из фундамента социалистической революции, подрыв ее основ».

М. Н. был подлинным ленинцем, поставившим свою теоретическую работу всецело на службу пролетарской революции, на защиту генеральной линии партии, ведя неустанную борьбу за марксизм-ленинизм с многочисленными его врагами.

М. Н. очень много учился у Владимира Ильича. В ответ на присланный ему когда он был в Берлине в начале 1930 г., XII Лен. сбор., М. Н. пишет: «Огромное спасибо за присылку Ленина. Я давно мечтал о том, чтобы посмотреть заметки Ленина по поводу «Философии истории» Гегеля. Недурно и о Деборине» Он имел в виду здесь те замечания на книгу Деборина, которые были напечатаны в XII Лен. сборнике.

Громадной заслугой М. Н. является также то, что он очень много работал над созданием архивного дела и поставил его на службу пролетарской революции. Под руководством М. Н. был создан архив Октябрьской революции, была ликвидирована рязановщина в архивном деле. Документы по истории внешней политики издавались под руководством М. Н. Это издание высоко ценится даже на Западе.

Как историк М. Н. пользовался большой популярностью. Когда ему пришлось быть в 1928 г. в Берлине на исторической неделе, а затем на конгрессе в Осло, то доклады М. Н. слушались с величайшим вниманием. Необходимо отметить, что из всей русской делегации историков М. Н. — по возрасту самый старший — был в то же время самым юным по энергии, с которой он вел всю работу, выступая и интересуясь всем, являясь действительным руководителем делегации.

Необходимо отметить работу М. Н. при организации Истпарта — «Комиссии по истории партии и Октябрьской революции». Разрабатывая историю Октябрьской революции, создавая архив Октябрьской революции, собирая материалы, М. Н. выполнял непосредственные указания Владимира Ильича, который считал насущным и необходимым делом — создать настоящую историю нашей революции. Между прочим название журнала Истпарта «Пролетарская революция» принадлежит М. Н. Именно он являлся автором этого названия.

Огромное значение имеют работы М. Н. по народному образованию. Нужно отметить, что создание им рабфаков открыло двери к высшему образованию действительно широким и широчайшим слоям рабочего класса. Организовав ИКП, М. Н. содействовал созданию кадров действительно наших специалистов, а руководящая его работа в Комакадемии, его борьба за марксизм-ленинизм, за диалектический материализм имела громадное значение для того, чтобы наука действительно служила пролетарской революции.

В условиях современного общества только в руках пролетариата наука может выполнять свою роль — отражать и объяснять окружающую действительность и давать ориентировку для революционно-практической деятельности. Ленин, характеризуя марксизм, писал, что марксизм ставит изучение общественных вопросов на историческую почву не только в смысле изучения прошлого, но и в смысле безобязанного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной на то, чтобы это будущее осуществить. Такой науке именно и служил М. Н. Он был материалистом, вел борьбу за диалектический материализм, разоблачал шарлатанство и апологику буржуазной науки и всю свою работу направлял на то, чтобы поставить науку на службу пролетарской революции.

Речь на десятилетии Института красной профессуры

М. Покровский

Товарищи, наши институты существуют только десять лет, и тем не менее так люди горят у нас на работе, что целый ряд и организационных работников, участвовавших в создании института, и даже студентов уже не присутствует среди нас. Среди этих отошедших особенно, конечно, нужно упомянуть А. Я. Троицкого. Это был один из создателей института. По отношению к подготовительному отделению он является создателем в буквальном смысле слова.

Подготовительное отделение (мне об этом придется говорить в моем докладе) было создано постановлением XIII съезда партии, но осуществил и превратил в жизнь это постановление Александр Яковлевич, и до сих пор студенты («подготовишки», как их называли в старое время) вспоминают Александра Яковлевича.

И целый ряд других товарищей тоже скончались, не дожив до этого маленького юбилея. Товарищи, я предлагаю почтить вставанием память всех этих умерших. (Оркестр исполняет похоронный марш).

А теперь, товарищи, разрешите на некоторое время занять вас историей нашего учреждения, ибо, я думаю, далеко не всем здесь присутствующим, даже икапистам, она знакома, но, конечно, не историей в конкретном смысле — это было бы очень скучно, да это и не нужно, поскольку мы скоро издаем сборник, где будут помещены все исторические данные, которые кого-либо интересуют.

Я же думаю занять ваше внимание тем, что мы можем назвать философией истории нашего института, смыслом этой истории.

Возникновение ИКП было чрезвычайно логичным, чрезвычайно последовательным шагом нашего партийного строительства. Буржуазные революции не имели своей теории революции, они имели свои теории, но это были теории главным образом юридические, и суть их заключалась главным образом в том, чтобы более или менее искусно и незаметным образом загнать обратно в клетку того зверя, который был оттуда выпущен на старый порядок и роль которого, раз этот старый порядок был растерзан, считалась законченной. Мавр сделал свое дело, мавр должен удалиться. Но как? Просто такие массы, только что победившие, не разгонишь. Поэтому на помощь приходили более или менее изощренные проекты конституции, которые устраивали дело так, чтобы фактически власть оказывалась в руках собственников, а массы не-собственников, массы эксплуатируемые оказывались вне этой конституции, формально или неформально оказывались в подчиненном положении. Это была главная задача старых буржуазных революционеров.

Некоторые историки революции с этой точки зрения рассматривали все буржуазные революции. Например, известный историк июльской монархии

Гильдебрандт (вы, вероятно, не знаете его имени, а это очень талантливый черносотенец), он как раз сводит кульминационный пункт всей истории июльской революции во Франции, которую недавно вспоминали по случаю ее столетия, сводит этот кульминационный пункт к министерству Казимира Перье, человека с кулаком, человека с твердой рукой, который забрал в руки взбунтовавшуюся «чернь», произвел соответствующее количество расстрелов и загнал зверя обратно. Конечно, Гильдебрандт прямо этого не говорил, — стиль, которым я говорю, абсолютно не приличествует их кафедре, — но смысл заключается именно в этом. При таком отношении к массам, само собой разумеется, теории революции быть не могло, ибо революция — это не было что-то естественное и нормальное, это было нарушение порядка природы. Иногда бывают землетрясения, иногда бывают наводнения, иногда бывают революции. Можно воспользоваться плодами всего этого, даже землетрясением и наводнением пользуются умные люди.

Очень любопытно, как эту точку зрения себе усвоили меньшевики. Меньшевики в крайнем случае согласны на революцию, но только на миг, на короткое время, чтобы отнюдь не затягивалось; несколько дней, несколько недель в крайнем случае, но чтобы борьба на десятки лет, классовая борьба, как говорил Ленин, готовя еще в 1905 г. классовую борьбу за социализм, на десятки лет, десятки лет диктатуры пролетариата — это такой ужас, ни один «цивилизованный» человек ничего подобного себе представить не может. Отсюда та теория «производительных сил», над которой так остроумно смеялся т. Сталин, теория, которая, употребляя выражение Ленина, подавала бы социализм готовым на блюде. Капитализм должен был подготовить социализм целиком, до последней тютельки, а затем приходил рабочий класс, брал в руки шесть крупнейших банков в Германии, и готово дело: социализм! На это нужно только несколько часов, даже дней не нужно, при хорошей организации для этой операции нескольких часов за глаза достаточно. Вот вам меньшевистская теория, как вы видите, представляющая собой просто осколок буржуазной теории, только буржуазия откровенно загоняла зверя в клетку, иногда даже прямо об этом говорила, а меньшевики говорят от «марксизма».

Конечно, в действительности ничего, подобного меньшевистской теории, быть не может. Как говорил Ленин, на самом деле борьба за социализм это есть длительная классовая борьба, борьба, повторяю, длящаяся десятилетиями. Мы уже сами боремся первую половину второго десятилетия. В Западной Европе будут тоже бороться и, может быть, еще дольше и ожесточеннее, чем у нас.

Само собой разумеется, что когда массы борются десятилетиями и когда суть дела заключается не в том, чтобы при помощи масс ловко сесть им на спину, а в том, чтобы дать власть в руки этим массам, чтобы эти массы сами строили новый порядок, — то без теории обойтись невозможно. Нельзя драться десятилетиями, не сознавая, за что дерешься, и в особенности нельзя строить новый порядок (а его должны строить массы), не понимая, что это за порядок, откуда он взялся. Вот почему в нашей пролетарской революции теория была совершенно необходима, и вот почему, в противоположность буржуазным революциям, которые имели только юридическую теорию о том, как построить власть на другой день после революции, у нас есть теория самой революции. Эта теория, как вы прекрасно знаете, всегда играла у нас огромную роль. И даже меньшевики, старавшиеся свести эту теорию к наименьшему злу, временами это признавали.

Я никогда не забуду, как в день получения телеграммы о германской революции встретил на улице одного из будущих героев меньшевистского

процесса и как он мне сказал, сверкая глазами (так человека забрало): «Какой великолепный триумф теории!» Он только позабыл прибавить, что это триумф не его теории, а ленинской теории. Но что это триумф теории, он признавал. Теория помогает нам глядеть в будущее так, как никогда не будет глядеть в будущее ни один буржуазный революционер. Вот почему теоретическое обоснование нашей работы — вещь абсолютно для нас необходимая.

Подавляющее большинство присутствующих, конечно, читало «Что делать?», так что нет надобности затруднять вас цитатами. Я скажу вам только, что мы начали подготовку теоретиков даже еще в полуподпольи. Я не могу назвать этот период совсем подпольным потому, что в революции 1905—6—7 годов мы подполье взорвали и в значительной степени вылезли наружу. Но все-таки первые собрания наших пропагандистских кружков (не кружков пропаганды среди рабочих — это предки Свердловского университета, а кружков пропагандистов, кружков тех, кто готовился быть пропагандистами среди рабочих), эти собрания происходили в конспиративных условиях, с явками, с паролем и всякими такими штуками. Но, несмотря на такую внешнюю форму, это было нечто вроде семинаров наших Институты красной профессуры. Читались доклады, происходили прения и т. д. Конечно, это все было менее регулярно, чем теперь, потому что очень часто во время такого заседания на квартиру являлся околодочный и начинал удивляться изобилию галosh. «Почему столько галosh?» Мы говорили: «Много народу живет в этой квартире, а, как известно, всякий россиянин ходит зимой в галосах. Много галosh по этой причине». Иногда околодочный удовлетворялся, а иногда все же не удовлетворялся, иногда мы поспешно разбегались с такого рода «семинаров» через заднюю дверь и т. д. Но все-таки первая попытка была сделана.

В этих первых семинарах, которые являлись до известной степени предшественниками семинаров ИКП, был только один недостаток: они сплошь, по-моему, состояли из интеллигенции, рабочих я там не помню. Это сплошь были студенты, курсистки, иногда гимназисты, гимназистки старших классов, иногда преподаватели, но, во всяком случае, это была интеллигенция.

Несколько лет спустя, в 1908—1910 гг. была сделана попытка продвинуться в этом направлении дальше и были организованы уже школы для рабочих, для того, чтобы подготовить пропагандистов из рядов рабочего класса. Это проводилось, как вы знаете, за границей. Вы слышали, вероятно, также, что две первые школы попали в руки тогдашней оппозиции, фракционеров «впередовцев», и в значительной степени были этим исковерканы и превратились из партийных школ во впередовские загоны, где готовили не партийных организаторов и пропагандистов, а готовили агитаторов группы «Вперед». Между прочим, и место этих школ (Италия—сначала на Капри, а потом в Болонье) — оно очень характерно, когда посмотришь теперь с высоты двадцатилетнего периода. Для чего люди собирались в Италии? Это курьезная вещь. Приводились различные аргументы, вроде того, что там жизнь дешевле, а на самом деле она была дороже, чем в Париже. Говорили, что там полиции труднее наблюдать — это в Болонье-то, где русских, кроме учеников школы и преподавателей, не было, так что они, как светляки, сияли на весь город, и весь город знал, что здесь живут русские школьники. Тогда как в Париже мы имели такое положение, что 20—30 учеников, как иголка в сене, терялись среди 20—30 тыс. политических эмигрантов. Это было сделано не случайно, а сделано для того, чтобы изолировать эти школы от Ленина, так как Ленин жил в Париже и не всегда мог бросить текущую партийную работу и поехать на Капри или в Болонью. Владимир Ильич от этого отказывался и совершенно резонно. Но, наконец, удалось организовать на-

стоящую партийную, ленинскую школу под Парижем, в Лонжюмо, где окончил свою подготовку целый ряд выдающихся работников нашей партии во главе с т. Орджоникидзе. Но затем стало так быстро развиваться движение в России, что некогда уже было заниматься этой работой; ею можно было заниматься только на досуге. Теперь люди слишком нужны на месте. Школы прекратились. Нужно было ожидать, что тотчас же после Октябрьской революции эта попытка готовить пропагандистов будет возобновлена. Это, вероятно, так и было бы, но этому помешала гражданская война. Гражданская война сорвала на фронт всю нашу молодежь, ученую и неученую, готовую стать профессорами и не готовую, — вся она была на фронте. Недаром у нас можно было очень часто, в особенности на наших первых семинарах, видеть ордена Красного знамени. Краснознаменцев у нас было достаточно.

Основание института не случайно совпало с демобилизацией Красной армии. Это освободило первую массу людей, и большая часть — почти все, даже женщины, — пришла к нам из ПУР или прямо с фронта, из рядов армии. Окончилась гражданская война, и началась вновь та подготовка теоретиков, которая всегда стояла в центре внимания партии. О результатах этой подготовки вам, вероятно, скажут те, кто будет приветствовать нас по случаю десятилетия ИКП, ибо я убежден, что нас будут не только приветствовать, но и давать известную оценку нашей деятельности, и нас будут гладить не только по шерстке, но и против шерстки, и это будет очень хорошо. Позвольте это удовольствие оставить вам, когда вы будете слушать ораторов. Я на этом останавливаться не буду, скажу только одно.

По отзывам наших врагов мы часто можем судить о той объективной ценности работы, которую мы производим. И когда меньшевик Троцкий называет этих красных профессоров красными профессорами сталинской формации, то это чрезвычайно почетное название, которым каждый должен гордиться. (Аплодисменты). Так что Институт красной профессуры кое-что партии, несомненно, дал, вступил на ту дорогу, по которой мы должны идти. Об этом я еще скажу в конце своего доклада.

А теперь позвольте не останавливаться на комплиментах икалистам (повторяю: об этом будут, вероятно, говорить другие), а немного заняться самокритикой и поглядеть на историю Института с этой стороны.

Что, у нас дело все шло гладко в течение этих десяти лет? Далеко шло не гладко, дорогие товарищи! Поскольку эта негладкость объяснялась объективными причинами, я об этом говорить не буду, об объективных причинах у нас говорить не принято. Но я должен сказать, что когда смотришь с высоты хотя бы десяти лет, начинаешь понимать, что объективные причины играли чрезвычайно второстепенную роль. А вот работа самого Института, его руководителей?

Кто основал его? Основала его, конечно, партия. До такой степени партия, товарищи, что не могу с вами не поделиться одним анекдотическим фактом. На четвертом году существования Института обнаружилось, что ректор оного не утвержден в советском порядке нигде и никак. (Смех). Ректору пришлось подписывать контракт на постройку общежития. Нотариус спрашивает документ, удостоверяющий, что этот человек ректор. Тогда происходит такая картина. По телефону спешно звонят в НКПрос (тогда ИКП был в НКПросе); опросом коллегии НКПроса утверждают этого ректора, потому что неловко перед нотариусом обнаружить такую вещь, что он до сих пор не утвержден. Так вот до какой степени это было партийное учреждение, что существовало четыре года без ректора, утвержденного в советском порядке.

Характерна еще одна подробность, которую нельзя не упомянуть. Это было редкое учебное заведение, которое создано организационно на три четверти руками тех, кто должен был в нем учиться. Будущие студенты принимали необыкновенно энергическое участие в организации Института. Они же нашли и первое помещение этому Институту. Это был б. Страстной монастырь. Я никогда не забуду этих маленьких келий, где раньше жили монашки, а теперь сидели красные профессора. И, представьте себе, в этих маленьких кельях не было тесно. Наоборот, впечатление, которое у меня осталось об этой поре Института, это впечатление некоторой пустоты, каких-то пустых помещений — так нас было мало. 80 чел. было принято в первый прием, а сейчас — 2 400 чел. Увеличение, с высшего позволения, в тридцать раз за десять лет. Желал бы я знать, где профессура росла такими темпами, чтобы за десять лет увеличиться в тридцать раз. А вот у нас росла. Это одна из тех неожиданностей большевизма, которые ставят в тупик наших западных наблюдателей.

Повторяю, это было учреждение партийное и проникнутое, конечно, не антипартийным духом, хотя, чего греха таить, кое-какие антипартийные тенденции там обнаружились в период дискуссии с троцкизмом, и достаточные. Но все-таки, в общем, учреждение было партийное.

Но кто, собственно, заведывал учебной частью, кто был закоперщиком всех этих семинаров, программ и т. д? Это были преимущественно старые профессора-коммунисты. Мы очень хотели завербовать в состав ИКП (в состав преподавателей) несколько крупных партийных работников. Большая часть откровенно и честно отказалась, очень немногие хотя и приходили, посещали обыкновенно организационные заседания своего семинара, произносили там более или менее красноречивое вступительное слово, а затем происходило то, что произойдет со мной: я сделаю вступительное слово, а заключительное будет делать другой товарищ, ибо кремлевская больница не разрешила мне на такой большой срок здесь присутствовать. И вот эти товарищи уходили, правда, по другим причинам, с самого же начала, и об этих товарищах никто никогда больше не слыхал, они исчезали. Кажется, один из таких работников случайно провел четыре занятия. Об этом долго говорили. Это была своего рода легенда. И я очень боюсь, не легенда ли это в самом деле: действительно ли был такой случай, что крупный ответственный партийный работник провел четыре занятия?

И увы и ах, вместо крупных партийных работников нам пришлось привлечь некоторое количество беспартийных профессоров. Это была, конечно, брешь в нашем составе. Нечего этого скрывать. Но должен сказать, что и наши профессора-коммунисты, в силу того, что они были хотя и коммунисты и отчасти старые большевики, но все-таки профессора—преподаватели высшей школы, внесли кое-какие особенности, которые отразились на Институте не вполне благоприятно. Прежде всего они страдали тем, что можно назвать фетишизмом академической иерархии. Им казалось, что студентом ИКП может быть только человек, который прошел высшую школу. Надо сказать, что наши первые семинары этому требованию в значительной степени удовлетворяли: там действительно подавляющее большинство было или окончивших высшую школу или, по крайней мере, побывавших в высшей школе, а в небольшом числе были там и лучшие, наиболее подготовленные свердловцы, окончившие Свердловский университет. Это привело к таким условиям приема, которые незаметно для этих профессоров-коммунистов закрывали дорогу для наиболее ценного элемента студенчества—для рабочих. Я вам приведу пример. Для поступления на историческое отделение нужно было проработать восемь тысяч страниц. Представьте себе это наглядно: восемь тысяч страниц — это книжная полка, на которой стоит сорок томов. Это — целая библиотека. И естественно, что кроме интеллигента никто эту

штуку взять не мог. И естественно, что к великой скорби этих профессоров-коммунистов поток, сначала бурно понесшийся в стены ИКП, стал иссякать. На первый прием было подано заявлений гораздо больше двухсот, а на четвертый прием уже меньше ста. Мы скорбели и плакали. Я теперь уже говорю «мы», потому что я плоть от плоти, кровь от крови коммунистических профессоров; мы сокрушались: иссякает, так сказать, красный профессор, не родит больше земля красного профессора! (Смех). Как быть, что делать?

XIII партийный съезд сказал им, что делать. Он взял легонько за шиворот и ткнул носом: «Рабочий у тебя есть?» — «Нет, какие рабочие: на первом курсе было там еще десять процентов, а теперь почитай-что никого нет, совсем нет!» — «Так вот, нужно устроить тебе подготовительное отделение для рабочих, чтобы рабочих готовить в ИКП».

Постановлением XII съезда такое подготовительное отделение для рабочих, готовящихся в институты, было открыто. Я уже сказал, что его организатором был покойный А. Я. Троицкий, и поскольку через эту дверь к нам вошел пролетариат, то заслуга А. Я. здесь колоссальная. Число рабочих стало у нас увеличиваться в значительной степени, а вместе с тем мы пришли к такому упрощению вступительных требований, которые может оценить только икарист; я, ввиду оторванности своей в последнее время, не в состоянии этого сделать. Но по своим семинарам, превосходным семинарам в смысле качества учащихся, я могу сказать, что эти семинары несравненно лучше старых семинаров не по академической подготовленности, — академически, я чувствую, восьми тысяч страниц они не прочли ни в коей мере не прочли, гораздо меньше этого читали, — но студенты ИКП они не хуже прежних, а лучше.

Другая черта, которая происходила из той же самой академической ограниченности первооснователей нашего Института, понимая под основателями тех, кто организовал самые семинары, учебную работу, — это почтение к специальностям. Товарищи, это очень серьезная вещь. Из почтения к специальностям вышли рубинщина и деборинщина. Стоявший во главе Института по своей профессии историк, и так как он старый профессор истории, то, видите, у него такая заклепка в мозгу — в чужие специальности вмешиваться нельзя. И хотя он давно сознавал (я это говорил на заседании в память сорокалетия смерти Маркса), что у нас на экономическом отделении творится неладное, что там учат не тому, чему нужно, и не так, как нужно, но вмешиваться (власть-то у меня была, я был ректором), как же вмешиваться? Они — специалисты, они лучше знают. И они вдобавок, эти самые специалисты, выдумали себе такой язык, что сразу действительно не поймешь, ошарашивали (Смех). Это не моя личная жалоба. С год назад я говорил с одним товарищем, работающим за границей. Он жаловался. Приехал, говорит, ваш красный профессор, прочитал лекцию по теории политической экономии. Никто не понял ни одного слова. (Смех). А ведь заметьте, товарищи, в заграничных полпредствах уровень, пожалуй, немножко выше среднего наших внутренних ячеек: туда подбирают наиболее толковых людей. Этот товарищ, который со мной говорил, — старая большевичка с тридцатилетним стажем, великолепно понимает Ленина и не поняла этого молодого икариста, который к ним приехал. Скажите мне пожалуйста, по какой причине Ленин мог излагать совершенно ясно всякие экономические сюжеты, Сталин может излагать совершенно ясно, так что нельзя не понять, всякие сюжеты, а почему этого не могут делать ученые специалисты с экономического отделения, почему они должны говорить, употребляя старое герценовское выражение, птичьим языком, которого ни один человек не понимает? Это не спроста. Бойтесь людей, которые говорят непонятным языком. Они говорят непонятным языком не для того, как чеховский герой, чтобы пока-

зять свою образованность, а чтобы скрыть свою неленинскую сущность, — вот для чего это им нужно! (Аплодисменты).

Когда открылась рубинщина, то для меня в сущности это не было неожиданностью. Я понимал, что под покровом этой словесности что-то прячется. Но вот власти своей, как ректор, не употребил. Почему? Не специалист по политэкономии, как я буду вмешиваться? Та же история повторилась с философией. Что опять-таки у А. М. Деборина неладно и что у него мировоззрение готовилось примерно так, как готовится паштет в известном анекдоте: из конины и из рябчика пополам, одна лошадь и один рябчик, причем роль лошади играло гегельянство, а роль рябчика марксизм, — это я чувствовал с самого начала. Мало того, я пошел дальше; к политэкономии я не решился прикоснуться, а тут, у себя дома, я проштудировал Энгельса и Ленина. Вижу — не то, что у Энгельса и Ленина, а другое. И опять-таки то же самое почтение к специальности помешало мне вмешаться: как это я, историк, буду вмешиваться в философские дела? — да меня засмеют. Прилично это поведение большевику? Неприлично, несомненно. Но приходится каяться перед вами, что действительно так дело было.

Вы догадываетесь, что кое-что крылось под этим нашим академизмом. Крылись остатки веры в объективную науку по существу, науку самое по себе. Наука понималась не как мощное оружие в руках рабочего класса в борьбе за социалистическую революцию, а как некая специальность сама по себе. Вот перед этой специальной наукой всякий буржуазный профессор останавливается в почтении.

Почему буржуазный профессор останавливается, это понятно. Все буржуазные теоретики отличаются тем, что они никогда не договаривают до конца. Если они договорят до конца, то им придется договориться до социализма. Этого они не могут и потому останавливаются за порядочное количество километров. Благодаря этому они не сходятся в одном пункте. Они все остаются раздельно на порядочном расстоянии километров друг от друга и через это порядочное количество километров почтительно друг с другом раскланиваются: «Ваша специальность!»

Это надо было изжить, и я констатирую, что это мы теперь изживаем и что изживаем это мы, дорогие товарищи, с н и з у. Рубинщина была разоблачена с н и з у, недостатки деборинского учения были разоблачены с н и з у. Не очень почтенно для нас, для тех, кто организовал Институт и кто им руководил в первые годы, но это очень почтенно для той массы, которая становится все в большей и большей степени пролетарской. Сейчас у нас дело доходит до того, что по некоторым институтам 90 % приема рабочие, даже 97 %. И вот именно заслуга этой массы и состоит в том, что она, будучи к ее величайшему счастью свободна от всяких академических предрассудков, прямо подошла к сути и двинула это дело. «Чему нас учат? — Не тому, чему нужно». В результате и получилось то очищение Института красной профессуры, которое мы имели за последние годы его существования и которое мы имеем теперь. И мой завет вам: не идти «академическим» путем, каким шли мы, ибо «академизм» включает в себя как неременное условие признание этой самой объективной науки, каковой не существует.

Наука большевистская должна быть большевистской. Наука тоже классовая — наука буржуазии — отличается от нашей тем, что буржуазные ученые не договаривают до конца. Мы же делаем все выводы и должны делать, потому что мы идем смело к нашей конечной цели — социалистической революции во всем мире.

Но, товарищи, из этого вовсе не следует и не следует меня так понижать, что нужно с кондачка, так сказать, подходить ко всякой, хотя бы и буржуазной, научной теории. Я сейчас вам сказал о том, что составляет

вашу заслугу, но позвольте вам сказать, товарищи икаписты, что на вас лежит тяжелая обязанность. Прежде всего обязанность относительно усвоения самой теории. Позвольте сказать с откровенностью и этим, может быть, предвосхитить тех, которые будут вас гладить против шерсти, что с теорией Маркса у нас неладно, неладно с теорией Маркса и Ленина. Я похвалил состав тех семинаров, с которыми мне приходилось иметь дело в последнее время. Это действительно великолепные семинары по качеству материала. Но когда люди путают капиталистическое накопление и первоначальное накопление, то, простите меня, это все-таки не есть знание теории. Когда придется такие вещи раз'яснять не в партшколе первой ступени, а в Институте красной профессуры, это не хорошо. Прежде всего нужно работать над теорией. Нужно над ней много работать, гораздо больше работать, чем мы работаем.

Я с большим удовлетворением прочитал в одной из статей по поводу юбилея Института, что теперь первый курс занят изучением этой теории всецело, занят усвоением начал марксизма-ленинизма. Очень хорошо! Очень хорошо, потому что по части теории нужно быть подкованным очень прочно именно для того, чтобы вести ту работу, которую нам сейчас приходится вести. Недавно была отмечена т. Сталиным троцкистская контрабанда на участке истории, и его указания, конечно, сейчас же подхватили и неисторики, ибо такая контрабанда, несомненно, существует на всех участках, не на одном только историческом. Мало того, она существует не только у нас, но она существует в мировом масштабе. Германские социал-фашисты систематически занимаются искажением марксизма. У них существует целых три сборника цитат из Маркса и Энгельса, подобранных так, чтобы оправдать тактику социал-фашизма. Это, таким образом, явление мировое, и оно чрезвычайно характерно.

Всегда перед решающими моментами революции происходят ожесточенные теоретические бои, бои за теорию. Вот почему теоретические работы Ленина раннего периода как раз приходятся перед 1905 г., как раз перед первой нашей революцией. Не случайно именно тогда Ленину пришлось выдерживать схватки с экономистами и меньшевиками, которые пытались подsunуть рабочему классу свою теорию; какую теорию, я уже вам говорил. Это совершенно не случайное явление. Не случайно и то, что другой ряд теоретических работ Ленина относится к кануну 1917 г. — периоду империалистической войны.

Теперь мы переживаем благодаря революционному кризису, назревающему в Западной Европе, в сущности во всем мире, мы переживаем период времени, до известной степени аналогичный тому, что был перед 1917 г. Вот почему мы должны вступить в бой во всеоружии. Вы думаете, что контрабандиста очень легко ловить? Извините, он очень ловкий, на то он — контрабандист, и лезет во все щели. Обыкновенно контрабандист этот сам говорит от Ленина и этим сбивает с толку людей. Что ни слово, то Ленин. Нужно очень хорошо знать Ленина, нужно очень хорошо знать Маркса и Энгельса, чтобы все это расшифровать. Ведь контрабандист, как он действует? Обыкновенно контрабандист несет чемодан с двойным дном. В верхнем этаже у него лежит вся худа — рубашка, башмаки и т. д., а внизу брюссельские кружева, которые он хочет протащить. Нужно быть опытным человеком, чтобы все это вскрыть. Человек, который не знает теории как следует, не будет в состоянии вскрыть эту контрабанду. Вот почему твердое усвоение теории входит в то понимание воинствующего большевизма, боевой партийности, которое нам ставит партия как задание. Мы не можем быть хорошими борцами на этом

фронте, когда мы не будем знать своей теории «на-ять», что называется, и мы ее должны знать. Это первое.

И второе: ведь эта контрабанда проявляется во всяких специальностях, то в истории, то в других местах. Как вы думаете, если вы конкретного материала данной специальности не знаете, как вы сможете разоблачать этого контрабандиста? Он вам скажет чепуху насчет отношения Ленина к центризму и II интернационалу, а вы не знаете, что там, во II интернационале, происходило. Вот вторая задача, которая вытекает для вас: это задача овладения той специальностью, которую вы себе выбрали. По этой части дело также обстоит не так хорошо, как бы следовало, хотя, надеюсь, обстоит лучше, чем раньше.

Прежде бывали случаи, что люди кончали Институт красной профессуры с одним докладом. Просидел человек три года, написал один доклад, а от остального отвертелся под тем или иным предлогом. Что он знает в области конкретных знаний? Он знает немножко тот вопрос, которым он занимался. Приезжает он в какой-нибудь провинциальный вуз. Там ему приходится сталкиваться с этими самыми контрабандистами. Он ничего не знает, кроме того вопроса, по которому он писал доклад. Что он может ответить? Не только ничего не может ответить, но он начинает петь под их дудку, повторять то, что они говорят, потому что контрабандисты народ очень опытный, они-то иногда знают теорию не очень хорошо, но знают ее достаточно, чтобы ее исказить перед публикой буржуазной или мелкобуржуазной, ибо правильно было сказано, что все уклоны нашей партии отражают борьбу против пролетариата тех или иных буржуазных группировок. А конкретную науку они часто знают и совсем недурно. Так что, товарищи икаписты, не думайте, что путь ваш усыпан розами и вам придется только радоваться, что вы внесли свежий, бодрый, хороший дух в Институт (или в институты, потому что теперь их много) и что вы покончили, помогли покончить в значительной степени с тем академизмом, который называется еще также гнилым либерализмом, потому что академизм и гнилой либерализм — это не просто родные братья, это одно и то же. Это — большая ваша заслуга.

Но еще больше будет вашей заслугой, когда вы покажете на практике, как бить этих самых контрабандистов, которые лезут к нам с теоретического фронта, и как замещать ту буржуазную профессуру, которая у нас в значительной степени еще все-таки монополизировала кафедры, так как она владеет конкретным знанием.

Я вам приведу примеры, не называя имен. Нам приходится до сих пор в ответственных изданиях, в роде БСЭ, поручать старую русскую историю (а старым, по-теперешнему, называется все до эпохи буржуазных реформ шестидесятых годов) беспартийным людям. Почему? Потому что ни один партийный не владеет конкретным материалом в этой области. Ну ж не овладеть, товарищи. Нельзя избрать себе один только какой-нибудь участок и только над этим участком работать. Я понимаю, что тут у нас отношение должно быть иное, чем у буржуазной науки — в том смысле, что практика новейшей истории, та борьба, которая сейчас происходит, классовая борьба у нас, и в особенности та борьба, которая происходит в Западной Европе, должны быть освещены в первую очередь. Это я понимаю совершенно отчетливо. Однако это не избавляет вас от знакомства, скажем, с историей во всем ее объеме. Простите, что я, как историк, держусь этого примера. Иначе получится чудовищная картина. Ведь вы знаете, что на семинарах по самой новейшей истории вам приходится встречаться с вопросами очень древними. На семинаре по современной Англии (это было, кажется, чуть ли не в Свердловском университете, а может быть, и не в нем) спросили

руководителя семинара по поводу английского парламента, когда был основан этот парламент. Руководитель обещал найти справку или что-то в этом роде. Так нельзя, товарищи: на это нужно иметь готовый ответ.

Я вам приведу другой курьезный пример. Ко мне на-днях в палату в больнице приходил маленький пионер и спрашивает, когда построен Кремль. Каково было бы мое положение со всем моим авторитетом историка, если бы я не сумел этому маленькому пионеру ответить на вопрос, который его интересует, когда построен Кремль. Нужно уметь отвечать на все вопросы, и поэтому нужно овладеть каждому своей наукой (историю я привел как пример) в полном объеме.

Я все время говорил, имея в виду, что красные профессора суть красные профессора; я не люблю этого слова; может быть, это не хорошо, что я не люблю; может быть, это невежливо по отношению к нашим специалистам, которые работают в наших рядах, но так как я однажды на заседании ЦИК от этого звания отрекся, то что же делать — истории не изгладить. Но вы очень хорошо знаете, что хотя икаписты называются профессорами, большинство из них идет не в профессуру в буквальном смысле слова: большинство из них идет в практическую работу того или иного типа. Из девяноста шести красных профессоров, работающих сейчас в Москве, если не ошибаюсь, только сорок три занимаются преподавательской деятельностью, а остальные пятьдесят три работают в разных наркоматах, работают в партийных учреждениях и т. д.

Мы с нашей старой академической ограниченной точки зрения рассматривали это долгое время как чистую потерю, и опять нужно было, чтобы партия (это было на одном из заседаний ЦК) нам сказала, что это совсем не беда: очень хорошо, что вы готовите высококвалифицированных специалистов для партийных и для советских учреждений. Таким образом, ИКП является не только рассадником профессоров, но он является рассадником вообще высококвалифицированных специалистов. И вот о работе этих специалистов мне бы хотелось сказать два слова.

Тут у нас имеется тоже весьма нежелательное явление. Сплошь и рядом человек, окончивший Институт красной профессуры, придя в какой-нибудь наркомат или придя на партийную работу, затем забывает все, чему его учили, и через некоторое время совершенно деqualифицируется. Когда его спрашивают, в чем дело, он с важным видом отвечает: я член коллегии такого-то наркомата, я занят, у меня заседание и т. д.

Дорогие товарищи, когда икапист учится в одном из институтов, то на него затрачивается большое количество партийных усилий. Я уже не буду говорить о чисто материальных затратах, но партия уделяет большое количество усилий на то, чтобы сделать его специалистом в той или другой области. Что же вы думаете, эти силы партии должны пропадать даром?

Извините пожалуйста, всякий, кто может работать теоретически, где бы он ни сидел, обязан работать. Тов. Сталин, на котором больше работ, нежели на любом члене коллегии или замнаркоме, однако, работает теоретически и дал нам целый ряд ценнейших теоретических работ, по которым мы учимся, по которым вы учитесь ленинизму. Мог же человек это сделать? Почему не могут сделать икаписты, сидящие на разных организационных должностях, сидящие на партийной работе? «Времени мало». Что же делать? А как же в старое время создавалась наша литература? Ведь она создавалась людьми, которые работали в подпольи, которые не имели в своем распоряжении ни автомобиля, ни вертушки, ничего подобного и которые должны были подчас удирать от полиции. Однако же учились люди, литература создавалась, теоретическая борьба велась — и велась борьба ожесточенная и отчаянная, которая положила основной фундамент нашей теперешней теории. Вот в каких

условиях она создавалась. Что же вы думаете, отказывались ли люди от текущей работы? Ленин, который создал первоклассные теоретические труды, что он — не писал в газетах, не откликался на каждое текущее событие? А теоретические труды создавались, и, как вы знаете теперь, он находил время внимательно изучать Гегеля и других философов, все это выписывать и размечать так, как у нас у многих академических людей не было терпения делать.

Всякий окончивший икапист обязан использовать на все сто процентов ту теоретическую подготовку, те специальные знания, которые он в Институте приобрел, чем бы он ни занимался. Нас, товарищи, немного, нас гораздо меньше, чем кажется. Не надо забывать, что по мере строения социалистического хозяйства потребность в научных силах колоссально растет. Когда я заведывал когда-то отделом высших учебных заведений и научных учреждений, мы насчитывали всего от пяти до шести тысяч научных специалистов. Сейчас считают больше двадцати тысяч, если не ошибаюсь, в одной РСФСР. Ведь не забывайте, что теперешняя наука есть массовая наука, и это признают буржуазные ученые. Это мне пришлось услышать, как это ни курьезно, на всемирном конгрессе в Осло из уст... кого бы вы думали? Представителя Лиги наций! Представитель Лиги наций заявил на заседании, что сейчас не может быть другой работы кроме работы коллективной, не может быть другой работы кроме работы, которая ведется массами людей. Я был очень рад, что я мог представителю Лиги наций указать на правильность его рассуждений и в частности указать на СССР, как на пример, где такая работа ведется. Представитель Лиги наций был крайне смущен и считал нужным пуститься со мною в кулуарах в объяснения, что он, собственно говоря, не имел в виду большевиков. (Смех). И если уже Лига наций признает, что научная работа может быть только коллективной, требует массу рук и массу мозгов, то и мы должны это осознать. Ни одна научная сила, которую мы выпустили, не должна быть потеряна, и на какую бы работу она ни была поставлена, эта научная сила должна найти время для теоретической работы, иначе я ей предрекаю, что она закиснет как теоретик, что она разленится, размагнитится в смысле ленинизма. Ведь вместе с социалистическим строительством все больше и больше углубляется и заостряется наша теория, настолько, что мы сейчас не можем уже перепечатывать наших книжек, напечатанных в начале двадцатых годов, так как там очень многое смазано. И сейчас с этим выступать так элементарно, как мы выступали тогда, уже невозможно.

Товарищи, я говорю гораздо дольше, чем собирался говорить, и мне кажется больше, чем выдерживает ваше внимание. Поэтому я кончаю — и кончаю тем, товарищи, что в лице икапистов мы, все здесь присутствующие, и в первую очередь товарищи, пришедшие сюда от фабрик и заводов, мы все наеемся видеть прочный оплот — прежде всего в борьбе со всякими попытками исказить ленинскую теорию, потому что все попытки исказить ленинскую теорию фактически есть атака враждебных классов, атака буржуазией социалистической революции. Социалистическая революция без теории — немыслима. И каждая порча теории Маркса и Ленина означает в то же самое время огромный ущерб, выбивание камня из фундамента социалистической революции, подрыв ее основ. Поэтому, если вы будете хорошими теоретиками, настоящими большевистскими теоретиками, представителями большевистской науки, как хорошо было сказано недавно, вы должны явиться твердым оплотом прежде всего в этом отношении. Вместе с тем вы должны в массовой, коллективной работе показать буржуазным ученым пример, как нужно строить науку, не объективную науку, о которой мечтают буржуазные ученые по изложенным выше причинам, а как нужно строить нашу большевистскую науку, гораздо более действенную, гораздо

более сильную. И вы должны это воплотить в большое количество настоящих, проникнутых чисто ленинских духом, конкретных достижений.

Количество печатных работ, выпущенных ИКП, уже сейчас громадно. По последнему подсчету оно близится к пяти тысячам, в том числе значительно больше тысячи книг. Но эта продукция, в силу указанных мною условий, качественно далеко не такова, как нужно было бы. Позвольте выразить надежду, что впредь эта продукция по количеству возрастет так же, как возросло количество красных профессоров, т. е. в тридцать раз в течение десяти лет (может быть, теперь можно даже пойти более быстрыми темпами и расти в тридцать раз за пятилетку), и что это будет литература, проникнутая боевым ленинским, боевым сталинским духом, что это не будет та промежуточная литература между марксизмом и еще чем-то, которая часто появлялась из-под пера людей, окончивших ИКП, и которая значится в числе тех многих тысяч статей и больше чем тысячи книжек, которые выпущены ИКП. К сожалению, качество работ не всегда стоит на должной высоте, а вы знаете, что качество работы — один из наших основных лозунгов.

Вот как оплот боевого большевизма, как оплот боевой научной партийности и как создателя настоящей большевистской науки в СССР позвольте мне приветствовать икапистов и прошлых, которые окончили институты, но, надо надеяться, не закончили своей научной деятельности, и, как мы, старые академики, найдут способы омолодиться, и в особенности настоящих и будущих икапистов.

Товарищи, поздравляю вас с таким будущим, какого нам, старикам, конечно, никогда не увидеть. Да здравствует ИКП и да здравствует та партия, которая его создала! (Бурные аплодисменты. «Интернационал»).

Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма*)

Я. Мушперт

«Анализ капиталистической эксплуатации—самое существенное и коренное место в его («Капитале» Маркса) произведении».

Ленин.

«Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству». В этих словах Ленина с поразительной глубиной схвачена действительная противоположность между нашей марксистско-ленинской политэкономией, являющейся важнейшим оружием рабочего класса в борьбе за свержение капитализма, и буржуазной политэкономией, прикрывающей, защищающей и увековечивающей это наемное рабство капитала.

Учение Маркса — Ленина указало пролетариату «выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы» (Ленин). Под знаменем этого учения рабочий класс нашей страны добился решающей победы над капитализмом, завершил стройку фундамента социалистической экономики и приступил к построению бесклассового социалистического общества. Под знаменем этого же учения рабочий класс Запада идет навстречу решающим классовым боям и победам. «Выше знамя марксистско-ленинской теории!»—таков боевой лозунг теоретического фронта, сформулированный Центральным комитетом нашей партии.

Он обязывает нас развернуть наступление под знаменем нашей теории на враждебные марксизму-ленинизму буржуазные и мелкобуржуазные «теории». Развернутому наступлению социализма по всему фронту должно соответствовать не менее развернутое наступление также на фронте теории. Врагам и противникам марксистско-ленинской теории должен быть нанесен решающий удар.

Современный социал-фашизм безусловно является звериным врагом марксизма-ленинизма. Это вполне понятно. Ибо марксистско-ленинская теория, «непримиримая ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета» (Ленин), мешает социал-фашизму выполнять классовый заказ своего хозяина — буржуазии: увековечить капитализм, защищать и приукрасить его наемное рабство, увековечить прозябание угнетенных классов в духовном и физическом рабстве капитализма.

Ленин отмечал как величайшую заслугу Маркса то, что он своим анализом производственных отношений капитализма обнаружил, выявил и пока-

*) Глава из работы автора: «Политэкономия Маркса—Ленина как экономическое обоснование коммунизма», подготовляемой к печати. Я. М.

зал самые глубокие основы современного капиталистического строя. Ленин считал крупнейшей заслугой Маркса то, что он из всех форм эксплуатации, существующих в капиталистическом обществе, выделил основную форму — эксплуатацию наемного труда капиталом, и показал, что эта основная форма определяет собою все остальные.

«...Именно эксплуатация наемного труда является базисом всего современного грабительского строя, именно она вызывает деление общества на непримиримо противоположные классы, и только с точки зрения этой классовой борьбы можно последовательно оценить все остальные проявления эксплуатации, не впадая в расплывчатость и беспринципность» ¹⁾, говорит Ленин.

Эта основная форма эксплуатации является выражением основного классового антагонизма капитализма, ведущего капитализм к пролетарской революции.

Рост капиталистической эксплуатации и классового гнета обостряет все противоречия капитализма до тех крайних пределов, за которыми начинается революция. Пролетарская революция, будучи порождением и следствием этого основного противоречия капитализма, начинает свою творческую работу с революционного разрешения именно этого коренного противоречия капитализма.

«Пролетарской революции пришлось начать с основного отношения между двумя враждебными классами, между пролетариатом и буржуазией» ²⁾.

Социал-фашистская политэкономию ставит себе задачей защиту наемного рабства, его теоретическое прикрашивание. Чтобы достигнуть этой цели, прежде всего необходимо «пересмотреть» учение об основах капиталистической эксплуатации, учение Маркса об эксплуататорском характере основного отношения — между буржуазией и пролетариатом, — лежащего в основе капитализма.

Поэтому одна из основных задач социал-фашистской политэкономи, сознательно осуществляемая ее «теоретиками», — это решительная ревизия, опровержение и отвержение учения Маркса об основном производственном отношении капитализма — между рабочим классом и классом капиталистов — как отношении эксплуатации и капиталистического присвоения.

Ревизия и «опровержение» Маркса в этом вопросе начинаются с самых абстрактных философских основ.

Разоблачение этого широко задуманного социал-фашистского похода против марксова учения о капиталистической эксплуатации является важнейшей боевой задачей нашей марксистско-ленинской политэкономи. Но эта задача может быть успешно осуществлена только при условии беспощадного разоблачения всех антимарксистских, антиленинских пережитков и построений в наших собственных рядах. Развернутое наступление марксистско-ленинской теории требует очистки собственных рядов от всех антиленинских построений.

I

Ленин говорит, что Маркс, выделив из разных областей общественной жизни область экономическую как основную и выделив «из всех общественных отношений отношения производственные как основные, первоначальные, определяющие все остальные отношения», подверг эти отношения научному объективному анализу.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 190.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 139.

Что представляют собою производственные отношения?

Известно знаменитое место из Маркса, характеризующее производственные отношения:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производственных сил».

Отношения, в которые люди вступают в материальном производстве своей жизни, являются, согласно Марксу, производственными отношениями. Ленин подчеркивает, что производственные отношения в противоположность «идеологическим отношениям» не проходят через сознание людей, складываются независимо от этого сознания, более того, определяют это сознание людей. В этом факте, что они не проходят через сознание людей, что они складываются помимо воли и сознания, определяют это сознание, наконец в том, что они являются отношениями людей в их материальном производстве,—во всем этом Ленин вслед за Марксом усматривает особое качество производственных отношений, которое коренным образом их отличает от всех остальных общественных отношений общества.

Именно эта особенность, это их качество и сообщает производственным отношениям общественный и материальный характер.

Вот как Ленин комментирует этот отрывок из Маркса:

«Их основная идея (т. е. Маркса и Энгельса.—Я. М.), совершенно определенно выраженная хотя бы в вышеприведенной цитате из Маркса, состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися, помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»¹⁾.

Производственные отношения являются формой деятельности человека, направленной на поддержание его существования. Материальность производственных отношений, по Марксу, Энгельсу и Ленину, следовательно состоит в том, что они являются формой деятельности человека в его общественном производственном процессе, в том, что они существуют объективно, помимо воли и сознания людей, независимо от него, это сознание определяя. Этого нельзя сказать про «идеологические», надстроечные отношения. Потому что «идеологические отношения» — это такие, «которые прежде, чем им сложиться, проходят через сознание людей» (Ленин), этим сознанием опосредствуются.

Производственные отношения — исторические классово-определенные общественные отношения — они всегда имеют определенную классовую форму. Изменение формы материального производства — «формы деятельности человека, направленной на поддержание его существования» — есть изменение производственных отношений людей. Ленин поэтому говорит, что «изменение производственных отношений» есть «материальный процесс»²⁾.

Как мы, марксисты-ленинцы, понимаем материальность производственных отношений?

Ленин говорит: «единственное же «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания»³⁾. Вот в чем признак материи, согласно диалектическому материализму. Единственное свойство — это быть объективной реальностью, существовать вне нашего

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 80.

²⁾ Там же, стр. 103.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 218.

сознания. Производственные отношения являются такими отношениями, которые существуют объективно, независимо от нашего сознания, вне этого сознания и его определяют. Следовательно они представляют собою материю общественной жизни, существование которой мы признаем. Ибо мы признаем не только материю физическую, но и материю общественной жизни. Производственные отношения как раз являются такой материей.

Материальность производственных отношений отрицают как идеалисты-кантианцы из лагеря меньшевиков-социал-фашистов, так и механисты.

Ревизия марксистско-ленинского понимания производственных отношений ведется в двух, на первый взгляд противоположных, направлениях, которые в конечном итоге однако вполне сходятся в своей общей основе — в болоте идеализма.

Тут прежде всего уместно привести, скажем, кантианца Макса Адлера, который является представителем теоретических взглядов современного социал-фашизма, ибо Адлер — общепризнанный философский авторитет всей международной социал-демократии.

Вот как Макс Адлер понимает производственные отношения:

«Сами экономические отношения представляют собой нечто духовное и вообще могут быть поняты только как явления духовной жизни»¹⁾.

Смешно говорить, согласно Адлеру, что производственные отношения материальны, что они существуют вне нашего сознания. Нечего также говорить, что они — реальные классовые отношения, ибо они, по Адлеру, как явления духовной жизни не могут выражать реального материального отношения классов и их борьбы. Это явление исключительно духовное — явление нашего сознания — и только. Это разумеется — чистейший идеализм в понимании производственных отношений. Но это одновременно также социал-фашистская, откровенно буржуазная апологетика капитализма, ибо такой взгляд выбрасывает за борт конкретно-классовое, антагонистическое содержание производственных отношений капитализма.

Этот идеализм не мешает Макс Адлеру, тут же рядом, представить понимание производственных отношений как исключительно натуралистическим.

К производственным отношениям, пишет Адлер, «относятся также и свойства почвы и природы того места, где люди живут, а в своей совокупности они образуют социальную среду, в которой всегда живут и вращаются люди»²⁾.

Производственные отношения в этом втором определении уже выступают не только как явление чисто духовное. В производственные отношения непосредственно включены и свойства почвы и сама природа. Здесь так же, как и в первом определении, нечего искать конкретное классовое содержание и классовые противоречия производственных отношений. Само определение Адлера имеет своей целью свести производственные отношения к естественным отношениям «свойств почвы и природы».

Партийный брат и ученик Адлера — меньшевик Рубин, естественно следует за своим учителем по вопросу о сущности, производственных отношений. Вспомним хотя бы рубинское понимание абстрактного труда и стоимости как выражения производственных отношений товарного общества, про которое Рубин говорил, что тут «нет ни атома материи». Это по существу тот же взгляд, который высказал Адлер, но высказан он Рубиным в более при-

¹⁾ М. Адлер, Маркс как мыслитель, стр. 74.

²⁾ Там же, стр. 75.

крытой форме. Маркс, правда, говорит о стоимости, что в ней нет ни «атома данного природой вещества». Рубин пользуется переводом Струве, идеалистически искажившим это место Маркса. Небольшая подтасовка, и меньшевик получает возможность делать необходимые ему идеалистические выводы, ссылаясь на «текст» и якобы «точный» перевод Маркса.

Однако если абстрактный труд и стоимость являются категориями нематериальными, тогда и прибавочную стоимость, и капитал, и все основные категории Маркса пришлось бы понимать также как выражения нематериальных, следовательно духовных отношений. Но тогда смешно говорить о реальных, материальных отношениях классов, их противоречиях, борьбе и антагонизмах, которые эти категории у Маркса выражают. Тогда остается говорить только о «явлениях духовной жизни», о том, что «кажется» меньшевику-интервенту, а не о том, что реально, материально существует. Как видим, Рубин в конечном итоге говорит то же, что и его учитель Адлер, и это вполне естественно.

Можно сослаться также в этой же связи еще на одного идеалиста-кантианца, подвизавшегося у нас до самого последнего времени. Речь идет о ленинградском экономисте-«социологе» И. Давыдове. Вот что он говорит о марксовых категориях:

«Для меня не подлежит ни малейшему сомнению, что как учение о стоимости Маркса, так и учение об абстрактном труде, носит в понятии автора «Капитала» чисто социологический характер. В марксовых экономических категориях, как таковых, нет ни грана ни от физиологии, ни от технологии, ни вообще от природы, от общества... И физиологическое и технологическое, вещественное и материальное и внеисторическое—все это лишь предпосылки для марксовых экономических категорий, но отнюдь не их содержание»¹⁾.

Можно было бы привести здесь также рубинца-идеалиста Кушина, для которого производственные отношения существуют только в понятии и как понятия, а не в живой действительности, не как реальное отношение классов, и целую группу подобных меньшевистских писателей. Однако сказанного совершенно достаточно. То, что говорит Адлер, является лишь наиболее полным голосом выраженной точкой зрения всех этих идеалистических писателей, представляющих «теорию» современного меньшевизма.

В противовес этому откровенно идеалистическому, представлению о производственных отношениях, как явлении «чисто духовном», «не материальном» и т. д., следует отметить также ревизию марксистско-ленинских взглядов о производственных отношениях, представленную механистами, между прочим не только механистами, но и некоторыми бывшими сторонниками теоретических взглядов меньшевика Рубина.

Лагерь механистов пытается производственные отношения толковать вульгарно материалистически. Нет надобности здесь подробно разбирать известное определение производственных отношений, которое дает т. Бухарин.

«Под производственными отношениями,—пишет т. Бухарин,—я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых «как живые машины») в пространстве и времени»²⁾.

Производственные отношения согласно этому определению—это простое размещение людей в пространстве и во времени. Это такой натурализм и такой техницизм в понимании производственных отношений, который це-

¹⁾ И. Давыдов, Абстрактный труд в учении Маркса, стр. 163.

²⁾ Н. И. Бухарин, Теория исторического материализма.

ликом выхолащивает все реальное классовое содержание производственных отношений и который прямо и непосредственно ведет его авторов... в объятия того же Макса Адлера и компании.

Бухарин в таком понимании производственных отношений далеко не одинок. За ним последовал ряд товарищей, в частности Леонтьев и Хмельницкая. Вот как они определяют производственные отношения в своей книге «Советская экономика»:

«Система производственных отношений людей — это прежде всего система функциональных связей элементов материального производственного процесса»¹).

Вдумаемся в это «определение» производственных отношений: «Система функциональных связей элементов материального производства». Но что такое элементы материального производства? Предмет труда, машины, приводные ремни, силовые станции, трансмиссии, станки, рабочий инструмент. И вот оказывается, что функциональная связь этих элементов материального производства и есть производственные отношения. Хотели «углубить» Маркса, хотели дать «материалистическое» определение производственных отношений, возведение в некоторый квадрат. Получился чистейший конфуз, ибо в этом определении как раз и нет производственных отношений, ибо «функциональная связь элементов материального производства» есть не производственные отношения людей, классов, — это есть отношения вещей между собой. Под производственными отношениями Маркс и Ленин понимают отношения людей, классов в процессе производства. В этом именно содержится их классовая, историческая и материальная характеристика. Упомянутые авторы это или забыли или не поняли.

Родственное вышеприведенным, совершенно неправильное представление о производственных отношениях защищает т. А. Кон. Он считает, что производственные отношения как отношения людей, как объективно существующие отношения классов, не материальны. Они материальны лишь только потому и лишь постольку, поскольку являются формами материальных элементов производительных сил. Так, в дискуссии против Рубина Кон говорил, что выкидывание за борт «материально-технического процесса производства» (терминология Рубина.—Я. М.) означает... выкидывание за борт политической экономии не только техники, рассматриваемой «натуралистически» (что совершенно необходимо), но и всего того, что есть материального в производственных отношениях, их материальное содержание»²). Оставим здесь в стороне то любопытное обстоятельство, что т. А. Кон сдавал позицию меньшевику Рубину, соглашаясь трактовать общественную технику... натуралистически. Выбросить производительные силы, по т. Кону, следовательно значит — выбросить собственно-материальное содержание производственных отношений. Есть следовательно у производственных отношений «материальное содержание», т. е. производительные силы, и... нематериальная форма, т. е. сами производственные отношения. Ясно, что производственные отношения согласно такому представлению нематериальны. Но это совершенно неправильно. Производственные отношения, согласно Марксу — Энгельсу — Ленину, являются материальными классовыми отношениями. Они материальны, потому что реально существуют, являются отношениями людей в их общественном производстве материальной жизни, являются материальной формой производства. Думать таким образом, что производственные отношения материальны лишь постольку, поскольку они «оформляют» материальные вещи, это значит изо-

¹) А. Леонтьев и Е. Хмельницкая, Советская экономика, стр. 83, изд. «Плановое хозяйство».

²) «Проблемы экономики» № 6 за 1929 г., стр. 96.

бражать самое форму как «нематериальную» в противовес материальному — вещественному содержанию, значит отрывать форму от содержания, значит скатываться на идеалистическую точку зрения по вопросу о материальности производственных отношений. Это означает, что производственные отношения берутся как нематериальные отношения.

Согласно Марксу — Энгельсу — Ленину производственные отношения являются отношениями общественными, отношениями материальными в том понимании общественной материи, о которой сказано выше и существование которой признает марксизм. Производственные отношения являются предметом исследования в «Капитале» Маркса как материальная, классово-определенная форма развития общественных производительных сил, как закон развития данного, исторически определенного и преходящего способа производства.

Ленин неоднократно подчеркивал, что в самых производственных отношениях капитализма Маркс различал и выделял основные, решающие, все остальное определяющие производственные отношения от производных, второстепенных. Маркс и Ленин с огромной силой всегда подчеркивали, что отношения рабочего и капиталиста являются основными, всеопределяющими отношениями для всего капиталистического общества. Отношения этих двух основных классов капиталистического общества образуют основу всего капиталистического способа производства, конструируют самый этот способ производства. Основное производственное отношение капитализма — это отношение между наемным трудом и капиталом. Это основа всех остальных производственных отношений, возникающих и существующих в капиталистическом обществе. Все остальные производственные отношения капитализма как между самими промышленными капиталистами, так и между промышленниками и торговцами, кредиторами, землевладельцами, проанализированные и выясненные Марксом, — являются отношениями производными. Они возникают на своей общей основе — отношении наемного труда и капитала, эту основу предполагают. Основное отношение — наемного труда и капитала, существующее в производстве, одновременно определяет также все остальные отношения — обмена, распределения и потребления. Отношение капитала к наемному труду, существующее в процессе производства, накладывает свою печать классовой эксплуатации и классового антагонизма на все остальные производные и второстепенные отношения капиталистического общества. Употребляя образное выражение Маркса, действительно можно сказать, что отношение капитала к наемному труду — «это общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося» ¹⁾.

Вот почему Ленин утверждает, что анализ капиталистической эксплуатации, т. е. выяснение основ и действительного содержания отношения между классом капиталистов и рабочими, является самым основным, коренным, самым существенным местом во всем экономическом учении Маркса.

Вот почему Ленин также утверждает, что основной, «важнейшей категорией капитализма являются классы буржуазии и пролетариата» ²⁾.

Производственные отношения капиталистического способа производства являются классовыми отношениями, отношениями капиталистической эксплуатации. «Капитал есть не только господство над трудом, как выражается А. Смит. Он в основе своей есть господство над неоплаченным трудом», ³⁾ говорит Маркс.

¹⁾ Маркс, К критике, стр. 44.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 146.

³⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 416.

Присвоение неоплаченного труда, или прибавочной стоимости, является основой основ всего экономического строя капитализма. Маркс своим анализом вскрыл действительные основы этой эксплуатации, показал неизбежность этой эксплуатации, пока существует капитализм, показал тенденции развития капиталистической эксплуатации, вскрыл те противоречия, которые порождены экономическим строем капитализма и которые свидетельствуют о его неизбежной революционной гибели.

Вскрыв основы и механизм капиталистической эксплуатации, Маркс своим анализом «...раз'яснил действительное положение пролетариата в общем строе капитализма» (Ленин), объяснил основы классового деления капиталистического общества. Действительно можно сказать, что Маркс своим «Капиталом» «открыл капиталистический способ производства». Вместе с ним Маркс «открыл» пролетариат как могильщика этого способа производства, «открыл» следовательно также социалистическое общество.

Ленин говорит, что Маркс, подвергнув об'ективному анализу капиталистическое общество, показал абсолютную неизбежность и «необходимость» эксплуатации рабочего класса при этом строе ¹⁾. На этот решающий факт опирается революционный вывод марксизма-ленинизма о том, что от капиталистической эксплуатации и гнета рабочий класс может избавиться лишь посредством уничтожения самого капитализма, посредством пролетарской революции. Научный анализ капитализма, произведенный Марксом — Лениным, дал лозунг классовой борьбы рабочего класса, научно обосновал цель его классовой борьбы. Поэтому Энгельс говорит, что научный коммунизм берет свое начало от открытой Марксом прибавочной стоимости.

Политэкономия Маркса — Ленина, изучая производственные отношения капитализма (речь идет здесь о политэкономии «в узком смысле») ставит себе задачей — помочь рабочему классу осознать свое положение в общем строе капитализма, помочь ему наметить путь его классовой борьбы. «Прямая цель исследования (Маркса. — Я. М.) — вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их» ²⁾.

Такова задача марксистско-ленинской политэкономии.

II

Социал-фашистская политэкономия ставит себе другие классовые задачи. Превратившись в «боевой отряд мирового империализма», став главной социальной опорой буржуазии в борьбе против рабочего класса, против пролетарской революции и ее первой мировой победы — СССР, — международный социал-фашизм в лице своих «теоретиков» ставит себе задачей теоретическую и практическую защиту капитализма, замалывание и прикрашивание его классовых антагонизмов и отрицание наличия в нем капиталистического гнета и эксплуатации. Социал-фашистские «теоретики» изображают в этих целях современный монополистический капитализм как переходный к социализму, как «период социализма».

Характерно в этой связи прежде всего само определение предмета политэкономии, как оно дается социал-фашистами. Сошлемся хотя бы на меньшевика Рубина, который во всем существенном повторяет Гильфердинга — Реннера.

Рубин, определяя предмет политэкономии, как известно, рассекал капиталистический способ производства на два самостоятельных, качественно

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 86.

²⁾ Там же, стр. 232.

отличных друг от друга ряда: «на материально-технический процесс производства», который в представлении Рубина только техничен, больше того, натуралистичен и как таковой лишен всяких социальных моментов и классовой характеристики, и на «социальную форму», которая в противоположность первому ряду только «социальна» и как таковая нематериальна. Каждый из этих рядов становится, по Рубину, предметом самостоятельной науки. Первый — «материально-технический процесс» — становится предметом «науки общественной технологии». Второй — «социальная форма» — предметом политэкономии. Но Рубин и на этом далеко не останавливался.

«Социальная форма» производства — это производственные отношения. Рубину, так же как и Гильфердингу, требовалось однако определить политическую экономию еще более «филигранно», ибо заниматься производственными отношениями капитализма, имея в виду их классовый antagonистический характер, для лакея международной буржуазии — вещь не особенно приятная. Рубин от этой неприятности спасается дальнейшим «уточнением» предмета. Политэкономия, согласно этому дальнейшему «определению» Рубина, изучает, собственно говоря, не производственные отношения капитализма, а «социальную форму вещей», «социальную функцию вещей» как самоцель.

«Итак, — пишет Рубин, — различные категории политической экономии выражают различные социальные функции вещей... Марксова система изучает ряд усложняющихся экономических форм вещей или «определенностей формы»¹⁾.

Таким образом политэкономия стала наукой уже не о капиталистическом способе производства, даже не наукой о производственных отношениях, хотя бы и по-идеалистически оторванных от производительных сил и классово искаженных и прикрашенных. Нет, политэкономия социал-интервента Рубина стала весьма «тонкой» наукой... о «социальной форме вещей».

Итог для социал-фашиста немаловажный.

Классовый смысл всего этого рубинского построения совершенно ясен. Агенту социал-фашизма в нашей стране нужно представить капитализм как непротиворечивую, лишенную классовых antagonизмов систему, представить его «организованным капитализмом» на манер Гильфердинга. Предмет политической экономии следовательно нужно было представить как лишенный действительных классовых противоречий и борьбы. Это достигается как путем идеалистического отрыва производственных отношений от производительных сил, т. е. путем уничтожения основного ведущего противоречия капитализма, так и путем выхолащивания всякого реального классового содержания из самых производственных отношений и сведения предмета политэкономии к профессорской схоластике о «социальных функциях» и «социальных формах» вещей.

Политэкономия Маркса из боевой революционной науки превратилась в руках меньшевистского «профессора от интервенции» — Рубина — в кантианскую схоластику и защиту капитализма.

Эта обработка и извращение Маркса в угоду империализму теперь стала боевой задачей всего международного социал-фашизма. Мы здесь разберем лишь некоторые основные линии этого похода против «Капитала» Маркса.

Поход социал-фашистских «теоретиков» против марксизма-ленинизма в целом, его экономического учения в особенности, в первую очередь направлен против марксистско-ленинского понимания основного производственного от-

¹⁾ Рубин, Очерки, изд. 3-я, стр. 49.

ношения капитализма: между капиталистом и рабочим, капиталом и наемным трудом. Социал-фашистские «теоретики» усиленно заняты доказательством того, что все сказанное Марксом в «Капитале» о присвоении классом капиталистов прибавочной стоимости, о классовом гнете, эксплуатации и обнищании рабочего класса — что все это устарело, не соответствует тем отношениям, которые теперь, в современном капитализме, сложились между буржуазией и пролетариатом. Эту основную задачу ставят решительно все социал-фашистские «теоретики» — экономисты, философы, как в толстых «теоретических» трудах, так и в популярных массовых изданиях и в своих партийных учебниках.

Так например, социал-демократический партийный учебник Браун-таля¹⁾, по которому обучают социал-фашистской политграмоте социал-демократическую партийную массу и молодежь, своим ученикам и читателям ясно и недвусмысленно заявляет:

«Тот, кто еще придерживается того мнения, что картина, которую Маркс составил себе (хорошо сказано! — Я. М.) два поколения тому назад об общественных и особенно экономических отношениях своего времени, может быть перенесена в наши экономические и общественные отношения, тот не понял марксизма».

Почему же собственно нельзя сказанное Марксом про капитализм и его экономические отношения переносить на классовые отношения современного монополистического капитализма?

Оказывается, прежде всего и главным образом потому, что основное отношение капитализма — отношение между классом капиталистов и рабочим классом, теперь уже совершенно другое, противоположное тому, которое проанализировал и описал тогда Маркс.

У Маркса в «Капитале» имеется исключительно яркое и глубокое место, вскрывающее отношение труда и капитала. Описав и проанализировав факт купли капиталистом рабочей силы и переходя к анализу отношений, складывающихся в непосредственном процессе производства капитала и прибавочной стоимости между капиталистом и рабочим, Маркс несколькими острыми штрихами набросал картину действительного отношения капиталиста и рабочего:

«Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости. Потребление рабочей силы, как и всякого другого товара, совершается за пределами рынка, или сферы обращения. Мы оставим поэтому эту шумливую; господствующую на поверхности общества, открытую для всех и каждого сферу и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства, у входа в которые начертано: «Вход разрешается только по делу». Здесь мы знакомимся не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого производят. Тайна добывания прибыли должна наконец раскрыться перед нами.

Прощаясь с этой сферой простого обращения или товарообмена, из которой фритрэдер vulgaris черпает все свои взгляды, понятия, масштаб всех своих суждений об обществе капитала и наемного труда, расставаясь с этой сферой, мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших *personae dramatis* — (действующих лиц). Бывший владелец денег существует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий, один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет пону-

¹⁾ А. Браунталь, Современное хозяйство и его законы.

ро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»¹⁾.

Против этого коренного, программного утверждения Маркса, вскрывающего глубочайшие основы и действительное содержание капиталистического способа производства, раскрывающего действительное классовое содержание отношения капиталиста и рабочего, восстают социал-фашистские экономисты. Маркс, по их мнению, устарел и сказанное Марксом «два поколения тому назад» не может быть перенесено на условия современного капитализма, прежде всего и главным образом потому, что этого основного классового отношения капитализма уже нет.

Вот свидетельство «самого» К. Реннера на этот счет:

«... Изображенная Марксом картина относительно шагающего впереди капиталиста и следующего за ним рабочего, — ныне абсолютно, и ни в какой мере больше не типична»²⁾.

Надо отдать справедливость Реннеру: он ополчился против самого коренного утверждения Маркса, против глубочайшей основы всего экономического учения Маркса. Опровергнуть или доказать устарелость марксова учения о капиталистической эксплуатации — значит опровергнуть или доказать устарелость всей марксовой теории капитализма.

Ленин неоднократно ссылался на вышеприведенный отрывок из Маркса, считая его одним из основных. Вот как он в одной из своих речей оценил это место из «Капитала» Маркса:

«Товарищи, вы помните, быть может, как Маркс описывает поступление рабочего на современную капиталистическую фабрику, как Маркс, анализируя рабство в дисциплинированном, культурном и «свободном» капиталистическом обществе, исследовал причины угнетения трудящихся капиталом, как он подходит к основам производственного процесса, как он описывает поступление рабочего на капиталистическую фабрику, где происходит ограбление прибавочной стоимости, где кладется основа всей капиталистической эксплуатации, где создается капиталистическое общество, дающее богатство в руки немногих и держащее в угнетении массы.

Когда Маркс подходит к этому самому существенному и коренному месту в его произведении — к анализу капиталистической эксплуатации, он сопровождает это введение ироническим замечанием: «Здесь, куда я вас введу, в это место выживания капиталами прибыли, здесь господствует свобода, равенство и Бентам».

Когда Маркс это говорил, он подчеркивал ту идеологию, которая проводится в капиталистическом обществе, которая его оправдывает, ибо с точки зрения буржуазии, преодолевшей борьбу против феодала, с точки зрения этой буржуазии, в капиталистическом обществе, основанном на господстве капитала, на господстве денег, на эксплуатации трудящихся, господствует именно «свобода, равенство и Бентам». Свобода, которой они называют свободу наживы, свободу обогащения для немногих, свободу торгового оборота; равенство, которым они называют равенство капиталистов и рабочих; господство Бентама, т. е. мелкобуржуазных предразсудков относительно свободы и равенства»³⁾.

¹⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 117—118. Разрядка моя.—Я. М.

²⁾ Dr. Karl Renner, Wege der Verwirklichung, Берлин, 1929 г., стр. 57.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVI. Разрядка моя.—Я. М.

Ленин говорит, что отношением капиталиста и наемного рабочего, фактом присвоения прибавочной стоимости «создается капиталистическое общество», что здесь «кладется основа всей капиталистической эксплуатации» и что следовательно теоретический анализ этого отношения есть «самое существенное и коренное место в произведении Маркса». Для нас, марксистов-ленинцев, это вполне понятно.

Социал - фашистские «теоретики» объявили войну этому основному тезису марксова учения, утверждая, что теперь уже вообще нельзя говорить о капиталистической эксплуатации и капиталистическом присвоении. Тот же Реннер, «доказывая» этот основной тезис социал-фашистской политэкономии, одновременно решительно исправляет «однобокость» Маркса — Энгельса, указывает на их «устарелость»:

«...В их представлении (Маркса и Энгельса. — Я. М.) о современном обществе отсутствовало решающее промежуточное звено. Они видели индивидов и классы (какая досада — неправда ли? — Я. М.), но они не видели, как индивиды взаимодействуют в группах, группы переплетаются друг с другом, классы перерастают один в другой (вот этого Маркс и Энгельс действительно не видели! — Я. М.), и таким образом создается множество хозяйственных и прежде всего общественных институтов¹⁾, которые, по Реннеру, уже не классовые, а «общенародные», надклассовые, «национальные», больше того, «социалистические» институты.

Итак... «классы перерастают один в другой». Что это значит по Реннеру?

То ли, что капиталисты «пролетарируются», или же то, что рабочий класс наконец посредством «демократизации» капитала и капитализма в целом «выбивается в люди» и «перерастает»... в капиталистов?

Реннер не заставляет своих читателей и учеников догадываться. Он договаривает с ясностью, не допускающей никаких недоразумений:

«...Рабочий как глава своего домашнего потребительского предприятия является владельцем предприятия (чем же он не «капиталист», неправда ли? — Я. М.), руководителем предприятия, обладателем денег и покупателем — в меньшем масштабе (вот в чем вся разница! — Я. М.) сравнительно с владельцем производственного предприятия, но тем не менее будучи равным (ну еще бы! кто смеет в этом сомневаться? — Я. М.) ему по этой роли в правовом и функциональном отношении²⁾».

Если и могли быть вначале сомнения, почему Реннер так упорно подчеркивает «перерастание классов одного в другой», «переплетение» и «взаимодействие» их, то теперь все это отпадает. Рабочий и капиталист — оба «владельцы предприятий», «руководители предприятий» и т. д. Капиталист владеет производственным предприятием, рабочий же — «потребительским». Таким образом один другого необходимо дополняет: один производит, другой — потребляет. Здесь основа для «переплетения», «взаимодействия», для «перерастания». Вся разница между этими двумя «владельцами предприятий» состоит только в том, что «потребительское предприятие» «предпринимателя-рабочего» несколько меньшего масштаба. Но этот небольшой недостаток разумеется не мешает «предпринимателю - рабочему» быть совершенно «равным» предпринимателю-производителю как в правовом, так и в функциональном, следовательно в хозяйственном, отношении.

¹⁾ К. Реннер, цит. соч., стр. 108.

²⁾ К. Реннер, Пути осуществления, стр. 93.

Поэтому какой может быть разговор о классовой эксплуатации, капиталистическом порабощении, классовой борьбе и антагонизме? Перед нами вместо персонажей Маркса — улыбающегося капиталиста и продавшего собственную шкуру рабочего — персонажи Реннера, «равноправные» и вообще функционально равные «предприниматели», производительного и потребительского хозяйств, которые друг друга естественно дополняют, друг на друга работают.

Вот почему Реннер утверждает, что картина, нарисованная Марксом, уже абсолютно не действительна. Вот почему Маркс для социал-фашистских экономистов безнадежно устарел.

Однако чем Реннер с его буржуазными правовыми представлениями о «равенстве» капиталиста и рабочего хуже или лучше того же Бентама, так убийственно осмеянного Марксом — Лениным? Надо признаться — ничем. Ученик Реннер достоин вполне своего учителя Бентама...

Если мы обратимся к другим «теоретическим светилам» социал-фашизма, то найдем такие же взгляды и ту же целеустремленность в деле искажения и приукрашивания основного производственного отношения капитализма — отношения между капиталистом и рабочим. Вот например Р. Гильфердинг. В известном докладе на кильском съезде с.-д. партии Германии он говорил:

«Все мы чувствуем (I) теперь, что и частное хозяйство перестало быть делом одного предпринимателя. Общество поняло, что его интересы требуют повышения производительности в каждом отдельном предприятии, требуют, чтобы руководители последнего действительно исполняли свой технический и организаторский долг предпринимателя в смысле увеличения производства. Руководство предприятием является теперь уже не частным делом предпринимателя, а общественным делом»¹⁾.

Капиталист и рабочий как основные фигуры капиталистического способа производства у Гильфердинга... исчезли. Капиталиста, частного собственника, эксплуататора Гильфердинг превратил в простого... технического организатора предприятия. Повышения производительности труда требует не капиталист - предприниматель в интересах повышения капиталистической эксплуатации, а требует «все общество». Наконец само предприятие — уже не капиталистическое, а общественное, его руководство — уже не дело одного только капиталиста, а дело «всего общества». Какой может быть после всего этого разговор о классах, классовой борьбе и классовой эксплуатации?

Эти идеи вождей социал-фашизма перехватываются практиками, партийными функционерами, служат «руководством к действию» в социал-фашистской практике. Вот образец конкретизации идей Реннера — Гильфердинга со стороны руководителей - функционеров в их практической работе.

«В настоящее время отношения существенно изменились. Между работодателями и работополучателями создаются правовые отношения, заключаются тарифные договоры. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МЫ УЖЕ ВООБЩЕ НЕ МОЖЕМ ГОВОРИТЬ ОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕГО ЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ».

Это говорит не какой-нибудь «бандит пера», как когда-то остроумно выразился Энгельс по адресу буржуазных писак прошлого столетия. Это говорится в официальном отчетном «Экономическом докладе» совета герман-

¹⁾ Р. Гильфердинг, Капитализм, социализм и социал-демократия, стр. 126.

ских с.-д профсоюзов и следовательно является руководством к действию для всей массы профсоюзных пролетариев Германии.

Раз нельзя говорить об отношениях классовой эксплуатации, угнетения и присвоения, раз они уже не существуют, то о каких же отношениях можно и допустимо говорить с точки зрения экономистов социал-фашизма? Социал-фашистские теоретики отвечают на этот вопрос: об отношениях «хозяйственной демократии», «свободном сотрудничестве», техническом разделении труда внутри предприятия и наконец о «равноправном распределении» произведенного продукта.

На это вполне авторитетно указывает тот же Гильфердинг:

«В настоящее время, — говорит он, — профсоюзы ставят себе все более другие задачи. Теперь господствующие идеи сосредоточены вокруг демократии в предприятии, вокруг хозяйственной демократии» ¹⁾

Основу этой демократии образуют отношения равенства, «сотрудничества» и «распределения».

«Достигнутый доход полагается тому, кто его создал. Так как оба, поставщик рабочей силы и поставщик средств труда (только средств труда, ибо капитала уже нет, так же как нет капиталистов! — Я. М.), создали хозяйственный доход, то они обязаны поделить его между собой» («Форвертс», январь 1931 г.)

Но раньше, чем «поделить», нужно произвести. Отсюда призыв к рабочему классу:

«Конечно не может быть распределено больше, чем было произведено, и чем больше произведено, тем больше может быть распределено. Поэтому рабочий безусловно (ну еще бы! — Я. М.) заинтересован в возможно большем росте производительности» ²⁾.

Тот же вывод авторитетно подтверждает «сам» Каутский.

«Конечно и капиталисты и рабочие обоюдно заинтересованы в удачном ходе дела на предприятии и в особенности в хорошем состоянии предприятия, в котором они заняты» ³⁾.

Тут эта «теория» уже ясно договаривает свой практический для капиталиста смысл: рабочий сам заинтересован в росте... его эксплуатации, в росте капиталистической рационализации. Это — на деле «теория» производственной пропаганды капитализма, проводимая устами «теоретиков» социал-фашистского «марксизма».

Социал-фашистские экономисты изображают капиталистов как непосредственных участников процесса производства, как «тружеников» наряду с рабочими, которым «по праву» причитается их «доля» в «общественном продукте».

«Лишь тот, кто участвует в процессе производства в узком смысле слова, будь то рабочий или владелец средств производства или земли, получает... первичный доход», говорит тот же Браунталь. Капиталист и прусский юнкер, благополучно превратились в простых «соучастников процесса производства» и отсюда получают свой «первичный доход» «по труду», так сказать.

Так марксова теория, разоблачающая капиталистическую эксплуатацию, присвоение и классовый гнет, превращена в «теорию» «дружного» сотрудничества и столь же «дружного» распределения национального дохода.

¹⁾ Р. Гильфердинг, Капитализм, социализм и социал-демократия, стр. 135.

²⁾ Браунталь, Современное хозяйство и его законы, стр. 64.

³⁾ К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 11.

Основное отношение капитализма — отношение капиталистической эксплуатации и присвоения — превратилось в «теориях» социал-фашистов в невинное отношение... распределения первичного дохода. Итог, как видим, немаловажный для защитников и лакеев капитализма.

Но исказив и прикрасив в угоду капиталу основное отношение капитализма, «превратив» его из отношения классовой эксплуатации и классовой борьбы, в отношение «хозяйственной демократии», «сотрудничества» и «распределения», социал-фашисты тем самым создают себе необходимую теоретическую основу для своей тактики и политики и в своей борьбе за сохранение и защиту капитализма.

Вот соответствующий вывод того же Реннера: «Интересы трудящихся классов в теперешних условиях нашего экономического развития почти всегда тождественны с высшими интересами всей нации в целом. Шумливый лозунг классовой борьбы укрепляет не нас (вот это верно сказал про себя и своего хозяина! — Я. М.), а наших противников, сплачивая их воедино. Мы в Австрии издавна стремимся к поддержке всеобщего гражданского мира и защите интересов всего хозяйства... Простое противопоставление буржуазии пролетариату — фальшиво... Мы должны быть проводниками и осуществителями всеобщих интересов... Мы должны облегчить возможность править буржуазному большинству (сказано замечательно! — Я. М.). Ничто так не губительно для рабочего класса, КАК ПОВСЕДНЕВНАЯ БОЛТОВНЯ О ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, как проповедь насилия. НАША ПАРТИЯ САМА ЭТОГО НИКОГДА ВСЕРЬЕЗ НЕ БРАЛА (ну кто в этом сомневается! — Я. М.), а противники это очень серьезно использовали для себя»¹⁾.

Какие-либо комментарии тут конечно совершенно излишни. Такая откровенность и четкость в выражениях у социал-фашистов встречаются редко.

Теперь понятно, почему Маркс устарел для социал-фашистов. Из всего сказанного это ясно само собой. Маркса сменили новые авторитеты. Это, с одной стороны, Генри Форд. Про него например вождь социал-демократических профсоюзов Тарнов — тоже социал-фашистский «теоретик» — разразился такой тирадой: «Книга Генри Форда «Моя жизнь и мои достижения» безусловно является самым революционным сочинением всей существовавшей до сих пор экономической литературы». Разве не ясно, что Форд превзошел и затмил Маркса, ибо что «Капитал» последнего по сравнению с книгой первого — «самым революционным сочинением всей экономической литературы»!?

Но настоящим теоретическим авторитетом и подлинным идейным отцом основных установок социал-фашистских писаний является... Бенито Муссолини. Его разумеется не цитируют, про него открыто не говорят так восторженно, как про Форда. Но все это не мешает тому, чтобы учителем социал-фашистов был фашист Муссолини. Можно было бы показать, что по всем основным вопросам своей «теории» социал-фашисты повторяют фашистов. Можно было бы даже установить хронологические совпадения, когда вслед за выступлением Муссолини, Рокко и др. фашистских теоретиков, появляются новые мотивы и идеи в лагере социал-фашистов.

Но в этом нет особой надобности. В данной связи приведем лишь одно характерное заявление Муссолини:

«Фашистский синдикализм (т. е. движение фашистских профсоюзов — Я. М.) отличается от красного одной фундаментальной чертой: он не ставит себе задачей нанести какой-либо ущерб частной собственности. Когда хозяин находится перед лицом красного синдиката, он имеет перед собой син-

¹⁾ «Die Gesellschaft» № 2, 1930 г.

дикат, который только непосредственным образом ведет борьбу за повышение зарплаты, конечной же целью этой борьбы является свержение существующего положения, т. е. уничтожение права на собственность... Наш же синдикализм стремится только улучшить положение тех групп и классов, которые собираются под его знаменем и не имеют конечных целей.

Наш синдикализм основан на сотрудничестве классов на всех стадиях процесса производства. Он является сотрудничающим на протяжении первого периода, когда дело идет о производстве богатств; он продолжает быть сотрудничающим и во втором периоде, когда дело касается валоризации этих богатств, и наконец он не может не оставаться сотрудничающим и в третьей стадий, когда речь идет о распределении полученной прибыли»¹).

Стоит только сравнить этот коренной тезис фашистской экономической теории с писаниями Реннера, Гильфердинга, Каутского, Отто Бауэра и других, чтобы воочию убедиться, что эти писания во всем существенном лишь пересказывают основные идеи фашизма, прикрыв их социалистической фразеологией. В этом факте еще лишний раз подтверждается глубокая правота нашей партийной характеристики социал-демократии как «умеренного крыла фашизма» (Сталин).

Оправдание и защита капитализма требуют, чтобы теоретически был оправдан и защищен также его главный деятель — капиталист. Социал-фашистская политэкономия вслед за фашистской изображает фигуру капиталиста в роли крупного организатора производственной жизни, благодетеля рабочего класса, без которого вообще невозможно само производство. Фигуру капиталиста-эксплоататора-угнетателя социал-фашистская политэкономия заменила фигурой абсолютно необходимого вождя — организатора производства и благодетеля рабочих масс.

Маркс, как известно, выяснил, что капиталистическое руководство производством носит двойственный характер — соответственно двойственному характеру всего капиталистического производства.

Маркс говорит: «Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и входящая в состав этого последнего, она есть одновременно функция эксплуатации этого общественного процесса труда и как таковая обусловлена неустрашимым антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации... Таким образом по своему содержанию капиталистическое руководство носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса»²).

Функция надзора и руководства производственным процессом вытекает из самой природы производства в крупных размерах, из самого характера обобществленного процесса труда.

При капитализме эту функцию руководства выполняет капиталист и целая иерархия «капитанов» и «унтер-офицеров» капитала.

Было бы неправильно эту функцию руководства, вытекающую из кооперативного характера труда и крупного производства, отождествлять и неразрывно связывать с персоной самого капиталиста. Это излюбленная манера всех буржуазных экономистов и современных социал-фашистов. Известно, что

¹) Речь Муссолини в палате депутатов при обсуждении закона о дисциплине труда в 1926 г. (см. кн. Ю. Джулио, Фашистская Италия).

²) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 248.

по мере концентрации и централизации капитала сам класс капиталистов все более «вытесняется» из производства, и по меткому выражению Энгельса он тоже становится излишним классом в капиталистическом обществе, продолжая оставаться собственником средств производства. Функция непосредственного руководства становится достоянием функционеров капитала, «обер-офицеров» и «унтер-офицеров» (Маркс) и закрепляется как их исключительная функция.

Однако капиталист, утверждает Маркс, является капиталистом не потому, что он управляет промышленным предприятием. Наоборот, он руководит предприятием потому, что он капиталист, собственник данных средств производства, капитала. Его функция руководства производством является производной от его основной роли—как капиталиста-собственника, эксплуататора. Поэтому Маркс говорит, что:

«Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому, как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»¹⁾.

Защитники и дипломированные лакеи капитала еще во времена Маркса пытались функцию капиталиста как эксплуататора и собственника вывести и сделать производной, второстепенной из его же функции как руководителя производства, а капиталистический процесс производства изобразить как простой процесс труда, как вечную естественную форму производства. Маркс поэтому писал, что буржуазный экономист, рассматривая капиталистический способ производства,

«... отождествляет функцию руководства, вытекающую из самой природы общественного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она вытекает из капиталистического, а следовательно, из антагонистического характера этого производства»²⁾.

Характерной для современных социал-фашистских «теорий» является эта же старая буржуазная, апологетическая точка зрения. Она тоже занята задачей изобразить капиталистический процесс производства как простой процесс труда.

Каутский с нескрываемым раздражением заявляет, что «важнее вопроса о способе производства является вопрос о самом производстве». Смысл этого заявления в том, что совершенно никакой роли не играет то, что производство совершается на капиталистической основе. Нужно пускать «в ход производство также и капиталистическое». Непрерывность и бесперебойность именно капиталистического производства является предварительным условием «всех их опытов в области социализирования производства»³⁾.

Капиталистический процесс производства изображается социал-фашистскими теоретиками как простой процесс целесообразной деятельности производящего человека, лишенный классовых антагонизмов и капиталистической эксплуатации. Особенно велика в этом деле роль его «организатора»—капиталиста. В его восторженной оценке можно отметить трогательное единодушие социал-фашистов и фашистов. Эта теория разумеется создается ценою открытого искажения и отрицания марксова учения о капиталистической эксплуатации и двойственном характере капиталистического производства.

Сказанное Марксом про буржуазных экономистов и защитников капитала своего времени попадает не в бровь, а в глаз современным дипломиро-

¹⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 249.

²⁾ Там же.

³⁾ К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 532.

ванным лакеям его из лагеря социал-фашистов. В своем стремлении защиты, сохранения, оправдания и прикрашивания капитализма социал-фашистские экономисты стремятся представить фигуру капиталиста в роли непосредственного участника процесса производства, в роли организатора предприятия и производства, в роли такой руководящей персоны, без которой производство абсолютно немыслимо. Характерно отметить, что социал-фашисты и в этом вопросе буквально повторяют... фашистов. Вот фашистская оценка роли капиталиста.

«Современные капиталисты — это капитаны индустрии, очень крупные организаторы, люди, которые имеют очень высокое чувство гражданской и экономической ответственности, люди, от которых зависит судьба зарплаты, благосостояние тысяч и десятков тысяч рабочих»¹⁾.

Эта характеристика принадлежит Муссолини в его программном выступлении при обсуждении закона о дисциплине труда. Кому не ясно, что персону капиталиста — этих «крупных организаторов», «капитанов индустрии», от «высокого чувства гражданского долга» которых зависит судьба десятков тысяч рабочих, — вождь и теоретик фашистов предлагает любить и уважать.

Эта фашистская оценка роли капиталиста является программной также для социал-фашизма. Взять хотя бы к примеру К. Каутского. Он утверждает, что «... функции эксплуататора, участвующего в производственном процессе... необходимы, что без него производство не может быть пушено. «Поскольку функционирующий капиталист является необходимым, постольку судьба его рабочих в высокой степени зависит от его личных качеств»²⁾.

Разве не ясно, что социал-фашист Каутский, выступающий в роли организатора и агитатора капиталистической «непрерывки», вполне стоит фашиста Муссолини? Мы уже показали выше, что Гильфердинг в программном докладе на партийном съезде в Киле объявил капиталиста простым организатором предприятия, на котором лежит «технический и организаторский долг» руководителя производства³⁾. Можно было бы сослаться на такую же оценку роли капиталистов у Реннера, который отсюда заключает, что задача пролетариата — не свергать капиталистов — боже упаси! — а «государственно организовать капитализм»⁴⁾, разумеется, под руководством капиталистов — этих «крупных организаторов».

Эта восторженная оценка организаторской, руководящей и добродетельной роли капиталистов, у социал-фашистских экономистов имеет определенное служебное значение. Оценив капиталиста как организатора производства и благодетеля рабочего, судьба которого «в высокой степени зависит от его личных качеств», Каутские, Гильфердинги, Реннеры на этом основании вслед за Муссолини призывают рабочий класс содействовать капиталистам в их «трудной» «организаторской» и, что особенно важно подчеркнуть, — «рационализаторской» работе.

Совпадение классовых интересов рабочего и капиталиста на всех стадиях производства, необходимость капиталиста во главе производства как его организатора, выгода рабочего от удачного хода дел на производстве —

¹⁾ Из речи Муссолини в палате депутатов в 1926 г.

²⁾ К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 11.

³⁾ См. его доклад на кильском партийном съезде в 1927 г.

⁴⁾ К. Реннер, статья в «Der Kampf» 1928 г.

все эти основные тезисы социал фашистской политэкономии получают свое конкретное выражение в социал-фашистской политике. Капиталисту-де нужно помочь, ему нужно облегчить выполнение задачи руководства производством и... эксплуатации рабочего класса. Об этой «новой задаче» рабочего класса, теоретически обоснованной «теоретиками», современный социал-фашизм в организованной и обязательной форме напоминает каждому пролетарию капиталистического предприятия. Вот например, что говорит наемным рабам капитала Германии первый пункт действующего социал-фашистского закона о фабрично-заводских комитетах предприятий:

«Для обеспечения общих хозяйственных интересов работников в отношении к работодателям, для поддержки работодателей в выполнении хозяйственной цели предприятия, — во всех предприятиях... организуются фабрично-заводские комитеты».

Для обеспечения «общих хозяйственных интересов» (читай: классовых интересов капиталиста. — Я. М.) создается фабрично-заводской комитет. А интересы рабочего и капиталиста «общие» именно потому, что последний выступает не как капиталист, а просто как «технический организатор и руководитель предприятия». Раз хозяйственные интересы капиталиста и рабочего общие, какой может быть разговор об эксплуатации, о капиталистическом присвоении, о классовой борьбе и противоречиях?!. Вторая часть пункта с непривычной даже для фашистов откровенностью договаривает суть дела: прямая цель рабочей организации завода, следовательно также и каждого его пролетария, — «поддержка работодателей в выполнении хозяйственной цели предприятия». Это значит: прямая цель — поддержать капиталиста в его стремлении к максимальному выколачиванию прибавочной стоимости, к максимальной эксплуатации рабочих. Сами, дескать, рабочие обязаны поддержать в этом капиталиста и не бороться против него.

Раз капиталист выступает в роли технического организатора предприятия, в роли его производственного руководителя, то ведь ясно, что нужно поддержать его «рационализаторские» устремления. Так социал-фашистская политэкономия становится в роли теоретической базы капиталистической рационализации.

Социал-фашизм стал основным рычагом, при помощи которого капитал и фашизм ведут дальнейшее наступление на рабочий класс и прокладывают себе пути капиталистической рационализации. Необходимость капиталистической рационализации, т. е. необходимость дальнейшего увеличения эксплуатации рабочего класса, дальнейшего его угнетения, социал-фашистские «теоретики» обосновывают разумеется от имени «марксизма».

Так, теоретический орган германских с.-д. профсоюзов утверждает:

«До самого последнего времени немецкий рабочий класс выступал за рационализацию. В противоположность английскому рабочему классу немецкий рабочий класс прошел школу марксизма и понял, что каждый технический шаг вперед требует жертв, прежде чем выявятся общие улучшения условий труда»¹⁾.

Капиталистическая рационализация для социал-фашистского экономиста — не более как простой «технический шаг вперед». А этот «технический шаг», производимый «техническим организатором» производства — капиталистом, имеет своей целью «улучшение условий труда».

Таковы некоторые черты социал-фашистского «марксизма». Таково лицо «марксизма» Каутских, Гильфердингов, Реннеров и К°.

¹⁾ Цитирую по кн. Г. Линде, Соц.-демократическая теория и политика зарплат.

Подлинный марксизм, призывающий на борьбу с капиталистическим строем, вскрывающий классовую эксплуатацию и указывающий рабочему классу выход из этого капиталистического рабства,—в руках Каутских—Гильфердингов превращен в «марксизм», поставленный на службу капитализму, охраняющий его порядок от «посягательства» рабочих, освящающий это капиталистическое наемное рабство и эксплуатацию и воспевающий класс капиталистов.

Замечательную характеристику этому социал-фашистскому «марксизму» дают некоторые члены самой с.-д. организации.

«Мне не известно, чтобы германская социал-демократия требовала от своих старых или новых членов признания, клятвы и верности «Капиталу» Маркса. От меня до сего дня не требовали никакого особого марксистского крещения». Это — заявление буржуазного либерала, перешедшего и принятого в с.-д. партию Германии, открыто, через печать бравирующего, что с него не требуют «ни клятвы, ни верности» Марксу. Это разумеется более чем естественно.

Таких фактов множество. Они настолько разительны, что даже буржуазная печать все чаще и чаще начинает давать оценку «марксизму» социал-фашистов. Вот одна из таких оценок:

«Много говорят о «марксизме» (кавычки оригинала. — Я М.) социал-демократии и даже боятся его, хотя он уже давно выветрился в процессе обуржуазивания партии».

Кто это дает такую «суровую» оценку социал-фашистскому «марксизму»?

Это пишет орган крупной буржуазии Германии «Кельнише цейтунг» (от 24 июня 1930 г.).

От фашистов и социал-фашистов Запада не отставали и «наши» социал-вредительские «теоретики» — Рубин, Финн - Енотаевский, Громан и др. Основные социал-фашистские идеи полностью представлены в их «теоретических» работах, хотя и в более замаскированной форме, ибо писать пришлось, учитывая условия диктатуры пролетариата.

Возьмем меньшевика - интервента Рубина. Он также навязывает Марксу признание «неклассовых» «социальных» производственных отношений в условиях капитализма. Якобы возражая Струве, Рубин пишет:

«Суживая понятие производственных отношений до понятия «социальных», точнее классовых, Струве сознает, что у Маркса это понятие имеет более широкий характер»¹⁾.

Рубин обнаруживает здесь редкую смелость в открытом искажении Маркса в стране диктатуры пролетариата, приписывая ему признание «надклассовых» «социальных» отношений. Рубин обнаруживает себя как верного сына социал - фашизма, стремящегося замазать и отрицать классовую эксплуатацию, классовые противоречия и классовую борьбу. Мы уже видели, какие важные для современной практики и «теории» социал-фашизма выводы делает из этой посылки социал-фашизм на Западе.

Рубин о производственных отношениях товарно - капиталистического общества пишет следующее.

«Перед нами одна из основных, наиболее характерных черт товарно - капиталистического общества, состоящая в том, что в области хозяйства социальные отношения не носят характера непосредственного социального властвования одних общественных групп над другими. а осуществляются... через взаимодействие отдельных

¹⁾ Рубин, Очерки, стр. 63.

автономных хозяйствующих суб'ектов, на началах договора между ними»¹⁾.

Во всем существенном здесь Рубин повторяет Реннера — Гильфердинга с той только разницей, что сказано это более «филигранно», более замаскировано.

Классовая сущность писаний Рубина как певца социал-фашистской теории и практики «хозяйственной демократии» в приведенном положении выступает с полной ясностью. Классовые отношения капитализма невинно превратились в... «социальные отношения». Вместо классов капитализма Рубин выдумал «общественные группы», в точности повторяя Реннера. Больше того, взаимоотношения этих классов, оказывается, не носят,—уж нечего и говорить,—характера классовой фашистской диктатуры над рабочим классом; нет—эти отношения «не носят» даже характера «социального властвования» Вместо бездомных, выброшенных на улицу безработных и голодных наемных рабов капитала у Рубина мы имеем «автономных хозяйствующих суб'ектов», которые «равноправно» «договариваются» с капиталистами. Вместо классов и классовой борьбы «автономные хозяйствующие суб'екты», которые «взаимодействуют», «договариваются», а не борются.

Нельзя отказать, что тут социал-фашистом Рубиным нарисована одна из наиболее талантливых картин социал-фашистской идиллии «хозяйственной демократии», столь необходимой для дальнейшего закабаления рабочего класса на Западе.

Однако при заключении «договора» между рабочим и капиталистом возможен определенный торг, т. е. некоторое противоречие. Этого не отрицают «даже сами» Реннер и Гильфердинг. Возможны например разногласия по вопросам высоты зарплат. Но это «разногласие» возможно только до тех пор, пока «договор» не подписан. Когда же рабочий переступит порог капиталистического предприятия, по Рубину, конечно не как его наемный раб, а как «автономный хозяйствующий суб'ект», тут уже как рукой снимаются даже те небольшие остатки противоречий, которые имели место в «обществе», в обмене. Здесь, по Реннеру—Гильфердингу—Рубину, начинается «сознательная организация» и дружное «классовое сотрудничество», ибо согласно теории современных социал-фашистов капиталист и рабочий, будучи «автономными хозяйствующими суб'ектами» (Рубин), одинаково заинтересованы в продуктивности предприятия, как это показано выше. Здесь, в производстве, снимаются даже те ничтожные остатки «противоречий», которые существовали при купле рабочей силы на рынке, точнее: при «распределении» продукта, ибо социал-фашисты категорически отрицают, что рабочий продает капиталисту свою рабочую силу. Здесь, в производстве, начинается «дружное» классовое сотрудничество и «сознательная организация».

«Пример таких организованных производственных отношений мы имеем в товарно-капиталистическом обществе, а именно — в организации труда внутри предприятия (техническое разделение труда), в отличие от распределения труда между отдельными частными предприятиями (общественное разделение труда)»²⁾.

Итак, на капиталистическом предприятии меньшевик Рубин вслед за Гильфердингом видит образец «организованных производственных отношений», лишенных классовых противоречий, борьбы и антагонизмов. Здесь раз-

¹⁾ Рубин, Очерки, стр. 61.

²⁾ Там же, стр. 23.

ными лицами, например капиталистом и рабочим, выполняются не классово-различные, а только технически-различные функции, ибо здесь существует только «техническое разделение труда». Общественное разделение труда, классовые противоречия и капиталистическая эксплуатация — всё это исчезло, пропало, всему этому нет места здесь, на капиталистическом предприятии. Такова картина производственных отношений, нарисованная «мастером» социал-интервенции Рубиним. Нечего удивляться после всего этого тому факту, что Рубин в своих «учебниках», издававшихся в условиях диктатуры пролетариата, классовые производственные отношения писал не иначе, как в иронических кавычках. Рубинская меньшевистская политэкономия не знает классов; она их сознательно изгоняет из своих учебников. Она признает только «договаривающихся автономных хозяйствующих субъектов».

Его идейный соратник Финн - Енотаевский не может, да и не хочет отстать от Рубина.

Финн пишет:

«Производственные отношения (капитализма.—Я. М.) не ограничиваются лишь отношениями собственности, существуют общественные отношения материального производства, не связанные с той или иной исторической формой ее¹⁾».

Что это за отношения такие? Оказывается, это отношения внутри предприятия, отношения кооперации труда, его разделения, «технические производственные отношения». В них согласно Финн-Енотаевскому нет ничего классового, ничего специфического. Они одинаковы для различных общественных формаций.

Это утверждение социал-интервенту Финн - Енотаевскому необходимо по двум соображениям: во-первых, для того, чтобы скрыть антагонистический характер производственных отношений капиталистического общества. Во-вторых, для того, чтобы получить возможность утверждать, что производственные отношения на «предприятиях последовательно — социалистического типа» (Ленин) в нашей стране ничем не отличаются по своей классовой структуре и классовым отношениям от... капиталистических, следовательно для того, чтобы получить возможность меньшевистско - капиталистической клеветы на нашу систему хозяйства и наши социалистические предприятия. Это меньшевик Финн - Енотаевский и делал в своих «теоретических» писаниях. Как видим, «наши» социал-интервенты не отставали и не уступали своим западным учителям и партийным собратям.

Из всего сказанного ясно, почему у социал-фашистов нет и не может быть теории прибавочной стоимости, — этого «краеугольного камня экономической теории Маркса» (Ленин), вскрывающей основное классовое отношение капитализма и механизм капиталистической эксплуатации. Социал-фашистская политэкономия сознательно ее изгоняет из своих учебников. У западных социал-фашистов теория прибавочной стоимости заменена буржуазной теорией распределения, буржуазной теорией прибыли. Чрезвычайно знаменательно, что еще в «Финансовом капитале» Р. Гильфердинг заявлял, что капитализм на его империалистической стадии — «это сознательно регулируемое общество в антагонистической форме». О каком антагонизме говорит Гильфердинг? Может быть антагонизме капиталистического производства и капиталистической эксплуатации, которые вскрывает и выявляет Маркс своим учением о прибавочной стоимости? Ничего подобного! Гильфердинг отвечает: «Но этот антагонизм есть антагонизм рас-

¹⁾ Финн - Енотаевский, «Социалистическое хозяйство», № 1—2 1930 г., стр. 50—51.

пределения»¹⁾. Для времени писания «Финансового капитала» уже этот тезис был поистине находкой. Однако и это уже устарело. Теперь же, как мы в этом убедились, «антагонизм распределения» сменился «хозяйственной демократией», «сотрудничеством» классов на всех стадиях производства и распределения, дружным «распределением» произведенного продукта «по труду каждого» из «участников производства», — капиталиста и рабочего.

Из сказанного столь же ясно, почему меньшевик Рубин, по примеру «европейской моды», изгонял из своей политэкономии марксову теорию прибавочной стоимости. В стране диктатуры рабочего класса трудно было заниматься открытым ее искажением. Оставалась возможность посредством «смертельного прыжка» перескакивать от теории прибавочной стоимости к цене производства. Но и этот прыжок имел свой вполне осязаемый результат. Как анекдот звучит тот поистине невероятный факт, что участники рубинских семинариев кончали ИКП... не проработавши глав Маркса о капитале, прибавочной стоимости и всеобщем законе капиталистического накопления. Невероятно, но факт!

Излишне здесь напоминать о том, что представители социал-фашистов и социал-интервентов в нашей стране—Громаны, Финн-Енотаевские, Рубины, и во всех остальных вопросах марксовой экономической теории занимались каждый на своем участке социал-фашистской перелицовкой и кастрацией марксова учения, выхолащиванием его революционной сути, разумеется, применительно к условиям пролетарской диктатуры.

Наши задачи здесь совершенно ясны. Мы должны разоблачить этот поход «дипломированных лакеев капитала» на глубочайшие основы марксистско-ленинской политэкономии. Мы должны поднять пропаганду и изучение марксистско-ленинского учения о производственных отношениях капитализма на новую, более высокую ступень. Мы должны с особой силой популяризировать гениальные главы Маркса о прибавочной стоимости, зарплате и накоплении капитала на основе привлечения нового материала послевоенного капитализма (всеобщий кризис, рационализация, новые формы противоречий, порожденные кризисом, и т. д.), с громадной силой подкрепляющего каждый теоретический вывод Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

С другой стороны, изучая производственные отношения капитализма, мы должны противопоставлять этим антагонистическим отношениям капиталистической эксплуатации и угнетения наши социалистические производственные отношения, лишенные характера антагонизма и эксплуатации. Октябрьская революция расколола мир на две части. Ход развития истории враждебно противопоставил две системы хозяйства, две классовых структуры производственных отношений: капиталистическую и социалистическую. Чтобы не превратить нашу марксистскую политэкономию в мертвую книжную теорию, которая лишь регистрирует факты «после случившегося», чтобы сохранить ее революционный действенный дух, как руководства к революционному действию, — мы должны на каждой стадии нашего изучения сопоставлять, сравнивать, обнаруживать преимущества социалистической системы хозяйства, ее новую, социалистическую природу, ее превосходство над капиталистическими отношениями.

Учение Маркса—Ленина о производственных отношениях капитализма дает здесь богатейший материал. Оно дает теоретическую основу для объяснения особенностей, громадных преимуществ, а также новой классовой природы

¹⁾ Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 276.

и новых закономерностей развития социалистических производственных отношений в нашей стране.

Как бы ни извивался старый социал-фашистский уж—Каутский, как бы ни толковал о том, что «переход к социализму — пустая фраза», что переход к социализму «означает превращение производства из средств обогащения общества (читай—капиталиста.—Я. М.) в средство его обнищания», что подобный переход является не «социализацией производства, а социализацией банкротства»¹⁾—факт остается фактом: несостоятельность капиталистической системы хозяйства, превосходство и гигантские преимущества социалистических производственных отношений уже доказаны практикой разлагающегося капитализма, с одной стороны, и бурно растущего, развивающегося, крепнущего, завершившего свой фундамент социализма СССР,—с другой. Изучая производственные отношения капитализма, мы должны не просто констатировать эти факты, а их теоретически объяснить и двинуть в массы.

¹⁾ Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 592.

Критика антимарксистской „теории“ кризисов Каутского

П. Фишурнов

Кризисы, являясь синтезом всех противоречий капиталистического способа производства, с необходимостью вытекаая из последнего, должны быть выведены из закономерностей движения общественного капитала, из воспроизводства общественного капитала.

Отсюда ясно, что кризисы, будучи присущи только капиталистическому способу производства, неразрывно связаны с воспроизводством капитала. Кризисы и воспроизводство представляют единство движения общественного капитала. Всякая попытка отрыва анализа кризисов от анализа воспроизводства капитала и наоборот, попытка отрыва анализа воспроизводства капитала от анализа кризисов ведет к антимарксистским, апологетическим выводам. Это ведет к тому, что воспроизводство, лишенное всех противоречий, превращается в мертвую, абстрактную схему, а кризисы, рассматриваемые вне движения общественного капитала, лишенные следовательно закономерного развития, превращаются в случайный фактор, не вытекающий с необходимостью из капиталистического способа производства.

Исходным пунктом действительного развития капиталистического способа производства, а следовательно исходным пунктом в анализе кризисов является товар. «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет огромное скопление товаров, а отдельный товар его элементарную форму (его исходную форму), наше исследование начинается поэтому анализом товара» («Капитал», т. I, стр. 1).

Товар является «клеточкой» буржуазного способа производства, его простейшим явлением, его элементарной формой. В товаре имманентно, в потенции содержится зародыш всех противоречий капиталистического общества. Поэтому развитие товара, товарного хозяйства есть развитие противоречий, заключенных в товаре, развитие противоречий капиталистического способа производства.

Ленин, характеризуя диалектическое развитие объективного мира, характеризуя диалектическое развитие капиталистического способа производства, характеризуя диалектическое построение «Капитала» Маркса, пишет: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного товарного общества—обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия, зародыш всех противоречий современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост, и движение) этих противоречий и этого общества в его отдельных частях от его начал до его конца. Таков же должен быть метод изложения, изучения диалектики

вообще, ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики» (Ленинский сборник XII, стр. 324)

Здесь Ленин по к а з а л, что для диалектического познания капиталистического способа производства необходимо брать в качестве исходного пункта товар. Этот логический метод исследования всецело определяется историческим характером развития капиталистического способа производства: через возникновение товара, развитие простейших противоречий, заключенных в товаре, к развитию капиталистического способа производства со всеми его противоречиями, к его гибели

Этим самым мы определили и исходный пункт кризисов, поскольку они являются синтезом всех противоречий капиталистического способа производства, поскольку в кризисах капиталистический способ производства проявляется во всей своей специфической определенности.

Беря в качестве исходного пункта кризисов товар, мы идем через познание развития товара к познанию движения капиталистического способа производства во всем его конкретном многообразии, мы идем к познанию н е о б х о д и м о с т и кризисов в капиталистическом обществе.

Поскольку в товаре как экономической клеточке буржуазного общества заложены в потенции все противоречия капиталистического способа производства, постольку следовательно возможность кризисов, являющихся синтезом этих противоречий, заключается уже в товаре. В товаре, а следовательно и в простом товарном хозяйстве, действительно заключаются формальные возможности кризисов, на именно только формальные возможности, которые лишь с развитием товара, с превращением простого товарного хозяйства в капиталистическое хозяйство превращаются в реальные возможности кризиса, а затем и в действительные кризисы.

Кризисы присущи только капиталистическому способу производства, и обнаруживаются они как всеобщее перепроизводство капиталов, всеобщее перепроизводство товаров, т. е. перепроизводство средств производства и средств потребления, функционирующих как капитал. Следовательно будет грубейшей тавтологией считать, что кризисы являются следствием перепроизводства как причины кризисов.

На этот путь объяснения кризисов плоской тавтологией встал Каутский, который пишет, «что кризис является следствием перепроизводства, стало прямо-таки общим местом, которого никто уже не оспаривает» (Каутский, «Теория кризисов», изд. 1923 г., стр. 29).

Здесь Каутский пустой тавтологией придает значение причины и следствия. Он не понимает, что всеобщее перепроизводство капиталов и е с т ь кризис, и что следовательно объяснять кризис перепроизводством значит объяснять кризис кризисом. В дальнейшем мы увидим, что под этой пустой тавтологией скрывается полное непонимание капиталистического характера кризисов.

Капиталистический характер кризисов сказывается уже в том, что перепроизводство в капиталистическом обществе не является абсолютным перепроизводством, т.-е. таким перепроизводством, которое прелполагает полное удовлетворение потребностей населения и избыток продуктов по сравнению с потребителями. Если бы это было так, то ни о каких кризисах не могло бы быть и речи.

Напротив, на основе капиталистического способа производства производится не слишком много продуктов, а с л и ш к о м м а л о. И все же, несмотря на то, что в капиталистическом хозяйстве производится продуктов слишком мало для того, чтобы полностью удовлетворить потребности населения, мы имеем как имманентную закономерность, периодически повторяющуюся, н е н е д о п р о и з в о д с т в о, а п е р е п р о и з в о д с т в о. Свое вы-

ражение это противоречие капиталистического способа производства находит в том, что во время кризиса при огромном перепроизводстве товаров жизненный уровень трудящихся снижается до чрезвычайно низкого, нищенского уровня.

Это всецело вытекает из того, что границей капиталистического производства является не удовлетворение потребностей потребителей, а сам капитал.

Исходным и конечным пунктом капиталистического способа производства, его единственным стимулом являются производство и присвоение прибавочной стоимости.

Сущность перепроизводства капитала Маркс выразил следующим образом: «Периодически средств труда и средств существования производится слишком много для того, чтобы они могли функционировать, как средства эксплуатации рабочих, дающих известную норму прибыли. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в них прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е., чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов. Дело не в том, что богатств... производится слишком много, но периодически производится слишком много богатств... в его капиталистических антагонистических формах»¹⁾.

Таким образом Маркс со всей определенностью подчеркивает тот факт, что кризисы, всеобщее перепроизводство носят антагонистический, капиталистический характер, выражающий антагонистическое противоречие между производством и потреблением, противоречие, определяемое более глубоким противоречием капитализма — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения, которое выражается в противоречии между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией.

Итак, кризисы нужно рассматривать как выражение имманентных закономерностей капиталистического способа производства, как выражение тех противоречий, которые с необходимостью возникают в ходе капиталистического производства и прежде всего являются выражением противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. Это противоречие, свойственное капиталистическому способу производства, сваливается не с неба, так же как и сам капиталистический способ производства, а является результатом развития противоречий простого товарного хозяйства. Следовательно и кризисы как синтез всех противоречий буржуазного способа производства, их зародыш, их формальную возможность необходимо выводить из простого товарного хозяйства, из товара как ячейки буржуазного общества.

Самой абстрактной и общей возможностью (формальной возможностью) кризисов является расщепление купли и продажи во времени и в пространстве. Это всецело определяется противоречием, заключенным в товаре, между стоимостью и потребительной стоимостью. По мере развития товарного хозяйства это противоречие расширяется и углубляется, а вместе с этим создается и большая возможность распада купли и продажи. С дальнейшим развитием противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью разрешается в раздвоении товара на товар и деньги, и в то же время создается новое противоречие между товаром и деньгами. В основе этого противоре-

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 240. Гиз, 1923 г.

чия его развития лежит противоречие между конкретным и абстрактным трудом. В дальнейшем эта формальная возможность кризисов развивается вместе с развитием простого товарного хозяйства. Однако это развитие не выходит из пределов формальной возможности, поскольку речь идет о простом товарном хозяйстве.

Поскольку деньги функционируют как средство обращения, разрыв между куплей и продажей остается случайным, единичным. Он не может перекинуться на другие хозяйственные единицы. С развитием функции денег как средства платежа возможность кризиса становится более конкретной, так как разрыв между продажей и куплей оказывает свое действие на целую цепь хозяйственных взаимоотношений. Неуплата платежа в одном месте вызывает разрыв в ряде других мест. Это «различие между покупательным средством и платежным средством дает себя чувствовать весьма неприятным образом в эпоху торговых кризисов» (Маркс, «К критике полит. экон.», стр. 192).

Но это в условиях развития капитала. При простом же товарном хозяйстве это различие не выходит из пределов формальной возможности кризисов. Последняя превращается в реальную возможность только при наличии капиталистического способа производства, который придает товарному хозяйству всеобщий характер, превращая самую рабочую силу в товар.

Таким образом реальное основание кризисы получают только при капиталистическом способе производства, развившемся из законов простого товарного хозяйства. Именно на основе развития товарного обращения, которое является исходным пунктом развития капитала, форма $T-D-T$ превращается в форму $D-T-D$. Если деньги в товарном обращении являются последним продуктом развития товарной формы, то в капитале они являются первой формой проявления капитала. В этом — глубокое существенное различие между этими двумя формами.

Капиталистическое производство является также товарным производством, как и простое товарное хозяйство. Это — их общая основа. Но условия существования капитала отнюдь не исчерпываются только товарным и денежным обращением. Специфической особенностью капитала является образование рабочей силы как товара, а вместе с этим и товарная форма становится универсальной, всеобщей формой для всех продуктов труда.

В этом превращении труда в наемный труд и заключается то новое, что отличает капиталистический способ производства от простого товарного хозяйства. Образование наемного труда есть определяющий фактор образования промышленного капитала, который собственно и обуславливает капиталистический характер производства.

В условиях простого товарного хозяйства техника стоит на чрезвычайно низком уровне, что вытекает из самой природы этого хозяйства. Раздробленность производителей, отсутствие концентрации производства не дают объективной основы для быстрого развития техники, для быстрого развития производительных сил. Только при капиталистическом способе производства развитие техники получает объективную основу в обобществлении производства, где с развитием концентрации и централизации капитала происходит специализация общественного труда, развитие особых отраслей производства, объединение раздробленных процессов производства в один общественный процесс производства.

Именно капиталистический способ производства по мере того, как он овладевает общественным производством, способствует переворотам в технике и общественной организации труда, а вместе с тем развивает теснейшую взаимозависимость и взаимообусловленность отдельных предприятий, что является одним из существенных моментов капиталистического способа про-

изводства. Это сразу же ставит во всей глубине вопрос о реальной возможности кризиса.

Приостановка сбыта, разрыв между куплей и продажей в условиях простого товарного хозяйства затрагивает только отдельные хозяйственные единицы. Даже развитие денег как средства платежа не создает реальности кризиса, т. е. не превращает единичный разрыв во всеобщий кризис. Единичный разрыв купли и продажи является здесь случайным разрывом, с необходимостью не вытекающим из данного способа производства. В условиях капиталистического способа производства прорыв в одном месте вызывает разрыв всей цепи капиталистического производства.

Таким образом реальная возможность кризиса состоит в том, что с развитием промышленности капитала, основой которого является наемный труд, развиваются концентрация и централизация капиталов, обобществляется процесс производства, развивается техника, а на основе этого развивается более тесная взаимозависимость, цепная связь отдельных предприятий, отдельных отраслей производства. Все это обуславливает всеобщий характер разрыва купли и продажи, что находит свое выражение в кризисе. В процессе развития капиталистического способа производства реальные возможности превращаются в действительность кризисов. Таким образом, простое товарное хозяйство, являясь историческим *plus'ом* по отношению к капиталистическому производству, на основе своих стихийных закономерностей, на основе закона стоимости с неизбежностью ведет к развитию производительных сил, к развитию техники, к развитию экономического неравенства, к отделению средств производства от непосредственного производителя, к образованию наемного труда, к образованию капиталистического производства. А вместе с превращением простого товарного хозяйства в капиталистическое и формальные возможности кризисов превращаются в реальные возможности, а затем и в действительность кризисов.

А теперь перейдем к Каутскому, для которого эта диалектика развития товарного хозяйства, а следовательно и развития кризисов, является тайной за семью печатами.

Каутский в своем «анализе» кризисов стоит целиком на антимарксистских позициях. Для него кризисы не являются синтезом всех противоречий буржуазного способа производства, с необходимостью возникающих из движения закономерностей последнего. Разрывая единство воспроизводства капитала и кризисов, Каутский пытается по существу доказать случайность кризисов для капиталистического способа производства, пытается доказать, что кризисы, их причины лежат не в движении капитала, капиталистического способа производства, а в простом товарном хозяйстве, не в классовом противоречии буржуазии и пролетариата, не в эксплуатации последнего, а во взаимоотношении отдельных товаропроизводителей. В дальнейшем мы увидим, что этот тезис Каутского принимает у него более определенный характер, имеющий непосредственную связь с «организованным капитализмом», со всей политикой социал-фашизма.

Каутский совершенно не понимает диалектического развития кризисов, развития их от формальной возможности до действительности, потому что он не видит качественного различия между простым товарным хозяйством и капиталистическим способом производства.

Однако послушаем самого Каутского.

«Перепроизводство может породить кризис лишь там,— пишет Каутский,— где производят для продажи, но не там, где производят для собственного потребления»¹⁾. Такое голое утверждение является совершенно неверным. Простое товарное хозяйство тоже производит для продажи, однако оно не может породить кризис». Каутский же продолжает утверждать, что именно простое товарное хозяйство порождает кризис: «В товарном хозяйстве перепроизводство означает превышение производства над потребностями рынка, т. е. над спросом платежеспособных потребителей... Рыночный же спрос есть величина, которая в куда большей степени поддается изменению, чем абсолютная потребительская способность людей. Благодаря различнейшим обстоятельствам рынок сегодня быстро расширяется, а завтра столь же быстро суживается, и соответственно этому обнаружившееся сегодня недопроизводство принимает завтра характер перепроизводства, словом производство становится весьма относительным понятием. Как подобное относительное перепроизводство может наступить в результате застоя в денежном обращении, может показать хотя бы следующий пример. Допустим, что промышленность представлена в лице одного портного, а продукт этой промышленности — в виде двух сюртуков. «Внутренний рынок» эта городская промышленность находит в сельском хозяйстве, представленном двумя крестьянами, из которых один приносит на рынок излишек своего продукта—мешок хлеба, а другой—боченок вина и золотую монету в 20 марок».

Далее Каутский рассуждает так, что если бы между этими товаровладельцами произошел взаимный обмен, то все-де обстояло бы благополучно и никакого кризиса не образовалось бы. «Но совсем другой оборот приняло бы дело, если бы винодел предпочел свою золотую монету завязать в чулок или если бы воздержался от покупки у портного сюртука и решил остаться при старом зипуне. В данном случае мы имеем перепроизводство в виде 1 сюртука. Но так как портной, не находя покупателя для своего сюртука, не имеет и денег для покупки хлеба у крестьянина, то последний ввиду отсутствия денег также лишается возможности приобрести второй сюртук портного, хотя он и сильно нуждается в нем. В результате портной терпит голод, крестьянин — холод, несмотря на то, что и хлеб и сюртук, необходимые для удовлетворения их потребностей, имеются налицо. В конце концов и винодел несет должное наказание за свою скупость, ибо не находит сбыта для своего вина. Повсюду таким образом начинается царить нужда и нищета. Само собой разумеется, что в действительности дело обстоит не так просто и рельефно, как это представлено нами здесь для большей наглядности. Но в этом примере даны основные черты кризиса, вытекающего не из абсолютного, а из относительного перепроизводства. В этом же примере обнаруживается и новый момент: кризис происходит от того, что один из крестьян не обратил свой доход на покупку предметов потребления, что он произвел и продал больше, чем потребил, другими словами — от недопотребления» (там же).

Мы нарочно привели столь длинное рассуждение Каутского о кризисе для того, чтобы читатель яснее представил всю «глубину» понимания Каутским кризисов.

Если раньше мы писали, что Каутский простой тавтологии придавал значение причины и следствия, т. е., что он перепроизводство считал причиной кризисов, то теперь мы видим, что он совершенно не понимает характера кризисов, характера перепроизводства. Если для Маркса перепроизводство есть явление, свойственное исключительно капиталистическому способу производства, следовательно, перепроизводство есть не что иное, как пере-

¹⁾ Каутский, т. II, стр. 21—22.

производство капиталов, перепроизводство товаров — средств производства и средств существования, — функционирующих как капитал, при чем это перепроизводство является относительным перепроизводством, поскольку капиталистическое общество исходит не из абсолютных потребностей общества, а из платежеспособных потребностей, то для Каутского кризисы, перепроизводство отнюдь не являются присущими только капитализму, он «все основные черты» их находит и в простом товарном хозяйстве. Мало этого. Он и самое содержание перепроизводства выхолащивает до неузнаваемости: «Благодаря различной обстановке рынок сегодня быстро увеличивается, а завтра столь же быстро суживается, и соответственно этому обнаруживающиеся сегодня недопроизводство принимает завтра характер перепроизводства, словом, перепроизводство становится весьма относительным понятием». Из этого ясно, что перепроизводство, по Каутскому лишено всякой качественной определенности: «сегодня одно, а завтра другое» (там же).

Для Маркса перепроизводство в капиталистическом обществе является относительным перепроизводством, с определенным конкретным содержанием. Для Каутского «перепроизводство становится весьма относительным понятием», лишенным всякого определенного содержания. Отсюда — его непонимание различий между формальной возможностью кризисов и их действительностью. Пример с портным и крестьянином, где простой разрыв купли и продажи сводится Каутским к действительному содержанию кризисов, целиком это подтверждает. «В этом примере даны основные черты кризиса, вытекающего не из абсолютного, а из относительного перепроизводства»; последнее же обусловилось тем, что «винодел предпочел свою золотую монету завязать в чулок».

Вульгарнее всего дано Каутским объяснение недопотреблению. Недопотребление трудящихся не есть, согласно Каутскому, результат эксплуатации. Оно образуется потому, что один из крестьян не истратил всего своего дохода на покупку предметов, а предпочел деньги завязать в чулок. В результате образуется кризис от недопотребления. «В этом же примере обнаруживается и новый момент: кризис происходит от того, что один из крестьян не обратил весь свой доход на покупку предметов потребления, что он произвел и продал больше, чем потребил, другими словами — от недопотребления».

Итак, Каутский абсолютно не понимает качественного различия между простым товарным и капиталистическим хозяйством. Отсюда и его непонимание различия между формальной возможностью кризисов и их действительностью. Формальную возможность кризисов, расщепление купли и продажи Каутский возводит в сан основной причины кризисов, не понимая тем самым, что кризисы свойственны только капиталистическому способу производства и что следовательно причины и «основные черты» их нужно искать не в простом товарном, а в капиталистическом хозяйстве.

Обычно считают, что Каутский в теории кризисов стоит на позициях Сисмонди и Розы Люксембург, которые основной причиной кризисов считали недопотребление трудящихся масс. Этот распространенный взгляд совершенно не соответствует действительности. Правда, Каутский, как мы видели, также объясняет кризисы недопотреблением. Но «недопотребление», по Каутскому, коренным образом отличается от недопотребления, о котором говорят Сисмонди и Роза Люксембург.

Сисмонди, как и Роза Люксембург, понимал под недопотреблением недопотребление рабочего класса, тем самым связывал это недопотребление с эксплуатацией рабочего класса, с классовым характером капиталистического общества. Мы здесь не будем говорить о том, как Сисмонди, так и

Роза Люксембург совершенно не поняли внутренних закономерностей капиталистического способа производства, а тем самым—истинного места в движении капитала, а следовательно и кризисов, недопотребления рабочего класса. Не понимая внутренних закономерностей капиталистического способа производства, они естественно отрывали недопотребление рабочего класса,— что безусловно является конкретным выражением противоречия между производством и потреблением,— от основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Каутский сделал значительный шаг назад по сравнению с Сисмонди и Розой Люксембург. Если последние недопотреблению придавали определенный капиталистический характер, выводя его из эксплуатации рабочего класса, то «недопотребление» Каутского ничего общего с капиталистическим способом производства, с эксплуатацией рабочего не имеет.

Недопотребление, по Каутскому, есть не недопотребление рабочего класса, вытекающее из эксплуатации последнего, а недопотребление простых товаропроизводителей, вытекающее из скупости и воздержания последних, поскольку они не захотели, по мнению Каутского, произвести нормальный товарообмен, а припрятали деньги в кубышку. Это и есть недопотребление, являющееся, по мнению Каутского, основной причиной кризисов.

Правда, Каутский считает, что недопотребление, а следовательно и кризисы носят здесь случайный характер. Но это противоречит самому же Каутскому. В самом деле, если на примере с простым товарным хозяйством «даны основные черты кризиса, вытекающего не из абсолютного, а из относительного перепроизводства», если налицо все условия кризисов, то последние должны носить не случайный характер, а необходимый, и следовательно должны повторяться периодически.

Каутский, считая, что все основные черты кризисов даны уже в простом товарном хозяйстве, следовательно там уже дана необходимость кризисов, делает вывод, что периодичность кризисов присуща только капитализму, и тем самым отрывает периодичность кризисов от их необходимости.

Однако, как ни путается Каутский по вопросу о характере кризисов, о необходимости и периодичности кризисов, как ни путает он простое товарное хозяйство с капиталистическим хозяйством, формальные возможности с действительностью кризисов, недопотребление в простом товарном хозяйстве с недопотреблением в капиталистическом хозяйстве, он все же проводит свою основную линию в определении решающей причины кризисов.

Кризисы в капиталистическом обществе так же, как и в простом товарном хозяйстве, Каутский выводит из недопотребления. «По времени возникновения этих кризисов,—пишет Каутский,—совпадает с периодом той острой нужды и нищеты, которыми повсюду сопровождались первые шаги крупного капиталистического производства. Это давало повод связывать кризисы с нищетой, т. е. объяснять их недопотреблением широких масс. Мы видели, как недопотребление может привести к кризису. Но в нашем примере, как нами уже было замечено, недопотребление было случайным явлением. В лице же пролетариата с развитием крупной промышленности был создан целый класс, недопотребление которого является необходимым следствием его социального положения. Именно в этом стали искать причины кризисов. Но недопотребление надо понимать не в физиологическом смысле, не как недоедание, а в социальном смысле, как потребление класса, отстающее от производства, не только сокращение потребления при одинаковом или растущем производстве, но и рост производства при одинаковом или даже усиливаю-

немся, но усиливающимся более медленным темпом, потреблении ведет к недопотреблению»¹⁾.

Дальше он продолжает: «...капиталистический способ производства с естественной необходимостью ведет, с одной стороны, к ограничению личного потребления капиталистов (тоже «недопотребление»!—П. Ф.) и в силу этого, с другой стороны, к постоянному увеличению средств производства, к постоянному повышению производительности труда, следовательно к постоянному расширению производства средств потребления. Недопотребление эксплуатируемых теперь уже не уравнивается соответственно личным потреблением эксплуататоров, и в этом коренится причина постоянной тенденции перепроизводства при существующем капиталистическом способе производства»²⁾.

Здесь Каутский говорит уже не о недопотреблении простых товаропроизводителей, а о недопотреблении рабочего класса, при чем он выводит его (недопотребление) из социального положения последнего. Однако при более внимательном рассмотрении читатель замечает, что это «недопотребление» рабочего класса, по Каутскому, ничего общего не имеет с действительным недопотреблением рабочего класса. Каутский отрицает абсолютное обнищание рабочего класса, а в действительности оно имеет место и с развитием капитализма все более и более увеличивается. Дальше. Кризисы Каутский выводит из недопотребления, при чем не столько из недопотребления рабочего класса, сколько из «недопотребления» капиталистов: «Недопотребление эксплуатируемых теперь уже не уравнивается соответствующим личным потреблением эксплуататоров, и в этом коренится причина постоянной тенденции перепроизводства при существующем капиталистическом способе производства». Следовательно если бы недопотребление рабочего класса уравнивалось потреблением капиталистов, то никакого кризиса и не было бы. Бедные капиталисты! Они и не знают, что причины кризиса, которые приносят им так много хлопот и в которых они обязательно ощущают относительный, исторический, переходящий характер капиталистического способа производства, лежит в них самих, в их «недопотреблении»!

Но Каутский не так наивен, как он представляется на первый взгляд. Основной мотив у него один, и он его твердо проводит. Каутский, видя основу кризисов в «недопотреблении», которое сводится им к простой неуравновешенности потребления рабочего класса с потреблением капиталистов, сводит по существу дело к тому, что кризисы в капиталистическом обществе носят случайный характер и что с развитием последнего, с его «организацией», с уничтожением анархии капиталистического способа производства, с притуплением, смягчением и уничтожением классовых противоречий кризисы будут уничтожены. Что касается основной причины кризисов — противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, то Каутский нигде и ни разу этого вопроса даже и не поставил. Отсюда его непонимание специфичности недопотребления, отсюда его противопоставление социального недопотребления недопотреблению физиологическому. Это противопоставление социального недопотребления физиологическому нужно Каутскому для отрицания абсолютного обнищания рабочего класса. Каутский и сейчас вместе со всем II интернационалом с пеною у рта доказывает, что никакого абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме не имеется. Это в то время, когда нищенское положение рабочего класса достигло своей наивысшей остроты.

¹⁾ Каутский, т. II, стр. 23.

²⁾ Там же.

Поскольку Каутский не заметил основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, постольку он и свои тощие рассуждения о кризисе свел исключительно к недопотреблению, при чем непосредственной причиной кризисов все-таки является «недопотребление» капиталистов. Такие вопросы как движение воспроизводства капитала, пропорциональность и диспропорциональность воспроизводства, анархия капиталистического производства, влияние нормы прибыли на развитие производительных сил, на движение капитала, на образование кризисов прошли мимо Каутского. Напрасно только Каутский считает, что он излагает марксову теорию кризисов, так как все его основные положения в корне противоречат теории кризисов Маркса.

Каутский основную причину кризисов видит в неуравновешенности потребления рабочего класса с потреблением капиталистов, при чем он совершенно отрицает всякую роль эксплуатации рабочего класса в образовании кризисов. Маркс недопотребление рабочего класса связывал с его эксплуатацией, с капиталистическим способом производства, с классовыми противоречиями; Маркс недопотребление рабочего класса выводил из основного противоречия капитализма—противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения. Каутский обо всем этом даже и не заикается. Маркс нигде и никогда не вкладывал и не мог вкладывать в понятие недопотребления надуманную Каутским неуравновешенность, диспропорциональность между потреблением рабочего класса и потреблением капиталистов.

Каутскому, выхолостившему весь классовый антагонистический характер из кризисов, место не возле Маркса, даже не возле Сисмонди, а возле Туган-Барановского. Впрочем с этим согласен и сам Каутский, когда он пишет: «Идя различными путями, мы все же приходим с ним (т. е. с Туган-Барановским. — П. Ф.) к одинаковому выводу». И действительно Каутский сдержал свое слово. Он пришел к тем же выводам, которые сделал Туган, т. е. к выхолащиванию классовых противоречий, к «организованному капитализму».

Чтобы показать все глубокое различие между Марксом и Каутским, мы постараемся вскрыть действительный, эксплуататорский характер недопотребления рабочего класса и его роль в образовании кризисов.

* * *

Антагонистический характер единства производства и потребления при капиталистическом способе производства со всей силой обнаруживается в движении общественного капитала.

Движение общественного капитала с необходимостью предполагает рассмотрение общественного продукта не только по стоимости, но и по его натуральной форме, что и находит свое выражение в делении всего общественного производства на два больших подразделения—на I и II, на производство средств производства и производство средств потребления.

Уже этим делением общественного производства на два подразделения Маркс подводит научную базу под теорию воспроизводства и кризисов, ставит ее на правильные методологические рельсы. Поэтому Ленин и присоединяется к замечанию Булгакова, что: «В одном этом делении больше теоретического смысла, чем во всех предшествовавших словопрениях относительно теории рынков»¹⁾.

Деление всего общественного производства на два подразделения, имеющее исключительное значение для выяснения закономерности капиталистиче-

¹⁾ Ленин, т. II, стр. 403.

ского способа производства, для выяснения проблемы реализации, до Маркса оставалось неразрешенным. Все попытки буржуазных экономистов выяснить и разрешить проблему реализации раздавались как раз потому, что она не сумели правильно поставить эту проблему. Они и не могли ее правильно поставить, поскольку проблема двойственного труда для них оставалась тайной за семью печатями.

Маркс проблему деления общественного производства на два подразделения разрешил (вскрыв тем самым и движение общественного капитала во всем его противоречивом многообразии), исходя из своего учения о двойственном характере труда. «На этой теории о двойственном характере труда покоится все понимание фактов» (Маркс).

Подойдем к этому вопросу поближе. При анализе движения общественного капитала, мы весь общественный товар рассматриваем как со стороны стоимостного, так и со стороны натурального выражения.

Почему мы при анализе движения общественного капитала весь общественный товар рассматриваем как по стоимости, так и по натуральной форме? Потому, что здесь лежит исходный пункт для деления всего общественного производства на два подразделения. Потому, что здесь лежит исходный пункт для анализа единства процесса общественного производства, единства, состоящего из производства средств производства и производства средств потребления, выражающего собой единство производительного и личного потребления, единство производства и потребления.

Это единство противоположностей (антагонистическое единство, как мы потом увидим) всецело вытекает из двойственного характера товара, определяемого двойственным характером труда. Единичный товар мы рассматриваем как потребительную стоимость и как стоимость. Общественный товар также представляет собою потребительную стоимость и стоимость. Следовательно, когда мы говорим о стоимости и натуральном выражении всего общественного товара, то мы тем самым выявляем его двойственный характер, его стоимость и потребительную стоимость, которая и выражается в натуральной форме всего общественного продукта.

Таким образом становится ясным, что в основе деления общественного производства на два подразделения, вытекающего из двойственного характера товара, которое находит свое дальнейшее выражение в стоимостном и натуральном выражении общественного товара, лежит двойственный характер труда, поскольку последний определяет и самое двойственную природу товара. В этой связи антимарксистская, идеалистическая позиция Рубина, выбрасывающего из предмета политической экономии производительные силы, конкретный труд, потребительную стоимость, становится в особенности ясной. Механически разорвав двойственную природу товара, двойственный характер труда, Рубин тем самым не в состоянии объяснить такой простой, но имеющий огромное значение для теории воспроизводства факт, как рассмотрение всего общественного товара по стоимости и по натуральной форме и вытекающее отсюда деление общественного производства на производство средств производства и на производство средств потребления. Тем самым Рубин совершенно не в состоянии понять движение общественного капитала во всем его конкретном, противоречивом многообразии. Механически разорвав двойственную природу товара, двойственный характер труда, Рубин тем самым уничтожил и противоречия, заключенные в товаре, как единстве противоположностей. А выбрасывая противоречия из товара, Рубин выбрасывает тем самым и все противоречия из капиталистического способа производства, поскольку последние с необходимостью развиваются из противоречий, заключенных в товаре ¹⁾.

¹⁾ Здесь достаточно ясно обнаруживается родство Рубина с Каутским.

Конкретно это выражается в том, что противоречие между меновой и потребительной стоимостью, определяемое противоречием между абстрактным и конкретным трудом, находит свое дальнейшее развитие в специфически капиталистическом противоречии между производством средств производства и производством средств потребления, что выражает собою противоречие между производством и потреблением.

Таким образом из противоречивого единства товара мы выводим противоречивое единство всего капиталистического производства. Единство общественного производства с необходимостью включает в себя и различия: производство средств производства и производство средств потребления, производство и потребление.

Следовательно I подразделение и II подразделение, производство и потребление, это — единство противоположностей, которые находятся в антагонистическом противоречии между собою. Именно в антагонистическом противоречии. Это — определяющее специфическое свойство капиталистического способа производства.

Маркс в своих схемах простого и расширенного воспроизводства как раз и отразил это единство общественного производства, единство производства и потребления, единство, где определяющим моментом является производство средств производства, а не производство средств потребления, производство, а не потребление. Накопление в первой отрасли определяет накопление во второй. Здесь лежит объяснение и тому положению классиков марксизма, что производство само себе создает рынок.

Производство, определяя потребление, развивается быстрее последнего. Но более быстрое развитие капиталистического производства приводит к относительному и абсолютному обнищанию рабочих масс, что в свою очередь ведет к суживанию потребления, к тому, что развитие производства задерживается этим суживающимся потреблением.

Это противоречие находит свое конкретное выражение в абсолютном обнищании трудящихся масс, что и подчеркивает со всей энергичностью Ленин:

«Противоречие между производством и потреблением,— пишет Ленин,— присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное) если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению... Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс» (Ленин, т. II, стр. 422).

В этом собственно и заключается антагонистический характер единства производства и потребления в капиталистическом обществе. И здесь лежит качественное различие единства производства и потребления в капиталистическом обществе от единства производства и потребления, допустим, в социалистическом обществе.

В социалистическом обществе мы имеем также единство производства и потребления, в котором примат лежит на стороне производства, в котором производство развивается быстрее потребления. Но здесь это единство носит не антагонистический характер. Производство, определяя потребление, развиваясь быстрее последнего, ведет не к суживанию, а наоборот, все более и более к расширению потребления, что приводит в свою очередь к дальнейшему развитию производства.

Итак, мы выяснили, что в капиталистическом обществе противоречие между производством и потреблением, вытекающее из развития противоречий товара, носит антагонистический характер, сводящийся к расширению производства при суживании потребления.

Это антагонистическое противоречие между производством и потреблением и находит свое выражение в кризисах. Но значит ли это, что противоречие между производством и потреблением является определяющей, основной причиной кризисов? Конечно нет. Противоречие между производством и потреблением само определяется более глубоким противоречием капиталистического способа производства — противоречием между общественным характером производства и капиталистическим характером присвоения. Капиталистическое производство основано на производстве товаров, меновых стоимостей, прибавочной стоимости. Следовательно с потреблением оно связано не непосредственно, а только в конечном счете, поскольку реализация стоимости и содержащейся в ней прибавочной стоимости связана с потреблением товаров, зависит от потребления.

Таким образом в капиталистическом обществе единство производства и потребления (единство противоположностей, где примат находится на стороне производства, так как границы потребления раздвигаются развитием производства) не уничтожается. Здесь оно только принимает специфическую, антагонистическую форму.

Конкретно это выражается в том, что расширение потребления рабочего класса означает уменьшение нормы прибыли, поскольку расширение потребления означает повышение заработной платы. Повышение заработной платы, повышение потребления рабочих означало бы понижение нормы прибыли, а тем самым уменьшение накопления капитала. Следовательно здесь мы имеем противоречие между потреблением трудящихся и накоплением капитала. Увеличение же накопления с неизбежностью ведет к уменьшению потребления рабочих. Таков антагонистический характер капиталистического накопления. Рост богатства на одном полюсе и рост нищеты на другом. Маркс этот закон определяет как абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления.

Развитие этого закона приводит к абсолютному обнищанию рабочего класса. Тов. Ленин говорит по этому поводу следующее: «По данным буржуазных социологов, политиков, опирающихся на официальные источники, заработная плата рабочих в Германии возросла за последние 30 лет в среднем на 25 %. За тот же период времени стоимость жизни повысилась по меньшей мере на 40 %!.. Рабочий нищает абсолютно... Еще нагляднее однако относительное обнищание рабочих ¹⁾».

Таково противоречие между производством и потреблением, определяемое капиталистическим способом производства, антагонистической формой присвоения.

Потребление рабочих покоится на чрезвычайно узком базисе, поскольку заработная плата определяется стоимостью рабочей силы. С развитием капитала и абсолютным обнищанием рабочего класса противоречие между производством и потреблением еще более обостряется. «Чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (Маркс).

Какое же влияние оказывает это все расширяющееся противоречие на движение капитала? Это противоречие ставит границы, предел развитию капитала, предел, который каждый раз преодолевается через кризисы

¹⁾ Ленин, т. XII, стр. 565. Ст. «Обнищание в капиталистическом обществе».

с тем, чтобы воспроизвестись на более широкой основе. Конкретно это выражается в том, что, с одной стороны, к капиталистическому производству присуще стремление к беспредельному развитию капитала, его накоплению, а с другой стороны, узкий базис потребления задерживает это накопление, создает препятствия этому накоплению. Капиталистический способ производства стремится к максимальному производству товаров, т. е. стоимости и прибавочной стоимости, а реализация их упирается в узкий базис потребления. Капиталистическое производство постоянно стремится выйти за этот имманентный предел, создаваемый узким базисом потребления. Но тот способ, которым оно хочет этого достичь (стремление к высоким прибылям, к максимальному накоплению капитала, следовательно еще большему сокращению узкого базиса потребления), еще в большей степени увеличивает это противоречие, развитие которого с неизбежностью приводит к кризису, к перепроизводству капитала, к перепроизводству товаров. Каждый раз производится больше, чем это соответствует платежеспособному потреблению.

Однако «было бы простой тавтологией сказать,—пишет Маркс,— что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме оплачивающего, за исключением *sub forma* или «мошенники». Если товары остаются нераспроданными, это не означает ничего иного, как то, что на них не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (раз товары покупаются в последнем счете для производительного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокомысленного обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что следовательно горю можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что каждый кризис подготавливается как раз периодом, когда совершается общее повышение заработной платы и рабочий класс в действительности получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей здравого и «простого» (!) смысла — должен бы напротив отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису» ¹⁾.

Таким образом Маркс со всей решительностью подчеркивает тот факт, что кризисы нельзя объяснять недопотреблением рабочего класса. Если бы недопотребление действительно было основной причиной кризисов, то совершенно непонятно было бы образование начала кризиса в конце подъема, периода, когда заработная плата стоит на более высоком уровне, чем во время других фаз цикла. Этот факт должен бы отдалить кризис, а не быть в «качестве буревестника по отношению к кризису». Кроме того ведь недопотребление трудящихся характерно не только для капитализма. Оно существовало, как пишет т. Ленин, и в других самых различных хозяйственных режимах, однако кризисы — явление, свойственное исключительно капиталистическому способу производства. Следовательно недопотребление рабочего класса, которое действительно имеет место в капиталистическом обществе и которое с развитием капитализма все более и более усиливается, само требует объяснения, само определяется основным противоречием капитализма, а именно противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения.

¹⁾ «Капитал», т. II, стр. 397—398.

Капитализму присуще стремление к безграничному развитию производительных сил, к безграничному накоплению. Это всецело определяется общественным характером производства. Но капитализм в своем развитии упирается в узкий базис потребления, всецело обуславливаемый капиталистическим способом производства, формой распределения, частным характером присвоения. А поскольку этот узкий базис потребления находит свое выражение в недопотреблении рабочего класса, постольку и оно (недопотребление) определяется этим частным присвоением.

Поскольку узкий базис потребления, выражающийся в недопотреблении рабочего класса, является препятствием развитию производительных сил, препятствием безграничному стремлению к накоплению, постольку оно (недопотребление) безусловно является причиной кризисов. Но причина эта не основная, а сама вытекает и определяется другой основной причиной — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Следовательно, если бы капиталистическое производство было непосредственно связано с потреблением, а не посредством производства стоимости и прибавочной стоимости, то отсутствовало бы и недопотребление рабочего класса. Следовательно отсутствовали бы и кризисы. Все, что произвело общество, было бы потреблено. Но такое абстрагирование есть абстрагирование от самого капиталистического способа производства.

Таким образом вся глубина марксовой теории воспроизводства и кризисов заключается в том, что она, не отрицая противоречия между производством и потреблением, не отрицая, что недопотребление рабочего класса является причиной кризисов, считает основной, определяющей причиной кризисов противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, противоречие, из которого она выводит и противоречие между производством и потреблением. Следовательно она отводит последнему подчиненное место.

Тов. Ленин с особенной силой подчеркивает эту суть марксовой теории воспроизводства и кризисов в борьбе с народниками, идеологом которых в этом вопросе является Сисмонди.

«Из воззрения Сисмонди,—пишет т. Ленин,—...вытекало естественно и неизбежно то учение, что кризисы объясняются несоответствием между производством и потреблением... Научный анализ накопления в капиталистическом обществе и реализация продукта подорвали все основания этой теории, указав также, что именно в эпохи, предшествующие кризисам, потребление рабочих повышается, что недостаточное потребление (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самых различных хозяйственных режимах, а кризисы составляют отличительный признак только одного режима — капиталистического. Эта теория объясняет кризисы другим противоречием, именно противоречием между общественным характером производства (обобществленного капитализмом) и частным индивидуальным способом присвоения...» Но спрашивается: отрицает ли вторая теория (т. е. марксова теория воспроизводства и кризисов.—П. Ф.) факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления? Разумеется, нет. Она вполне признает этот факт, но отводит ему надлежащее, подчиненное место как факту, относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистического производства. Она учит, что этот факт не может объяснить кризисов, вызываемых другим, более глубоким, основным противоречием современной хозяйственной системы, именно противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения»¹⁾.

¹⁾ Ленин, т. II, стр. 36.

«Таким образом отличие взглядов мелкобуржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдно). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственной, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством»¹⁾.

Таким образом и Маркс и Ленин со всей глубиной вскрыли антагонистический характер единства производства и потребления, определяемый противоречием между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения. Из этого антагонистического характера единства производства и потребления классики марксизма выводили недопотребление рабочего класса, которое находит свое конкретное выражение в абсолютном обнищании последнего и которое является конечной причиной кризисов, определяемой более глубокой причиной, более глубоким противоречием — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Каутский же в противоположность классикам марксизма этого антагонистического характера единства производства и потребления не видит. А не видит он его потому, что не видит качественного различия между капиталистическим способом производства и простым товарным хозяйством. Не видит он также противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения. Отсюда отрицание абсолютного обнищания рабочего класса. Отсюда выхолащивание классового эксплуататорского характера образования кризисов, отсюда выведение кризисов из простого товарного хозяйства как результата «недопотребления».

* * *

В своей работе «Материалистическое понимание истории» Каутский открыто выступает против марксизма не только по существу, но и по форме. Классические произведения марксизма — «Коммунистический манифест», «Капитал» — он считает устаревшими. Особенно откровенно выступает Каутский против теории кризисов, разработанной классиками марксизма. Это и немудрено. Марксова теория кризисов является центральной во всем учении марксизма. Следовательно борьба против марксовой теории кризисов есть борьба против марксизма, борьба против пролетариата, против социализма, в защиту буржуазии, в защиту капитализма.

Маркс доказал, что капиталистический способ производства является историческим, преходящим способом производства, подготовляющим через развитие, углубление и обострение своих внутренних противоречий свою собственную гибель, что находит свое выражение в социалистической, пролетарской революции. Маркс также доказал, что этот исторический, преходящий характер капиталистического способа производства находит свое выражение в кризисах, которые все более и более угрожают существованию капитализма.

Каутский отрицает исторический, преходящий характер капиталистического способа производства. Он считает, что уже одна постановка вопроса о преходящем характере капиталистического способа производства является не научным социализмом, а свойственна утопическому социализму.

Как верный певец капитализма Каутский с восторгом воспекает, как разлагается феодализм под влиянием развивающегося капитализма, как он гибнет в результате буржуазных революций. Но как только речь заходит

¹⁾ Ленин, т. II, стр. 36.

об уничтожении капитализма посредством социалистической революции, он сразу встает на дыбы.

«Будет ли и теперь дело обстоять таким же образом,—пишет Каутский,— как обстояло с феодализмом? Не суждено ли и капитализму также в конце концов принять такие формы, когда и он также делается препятствием для дальнейшего экономического развития и даже препятствием ко всякой нормальной жизни вообще, так что спасение общества от экономической деградации так же потребует преодоления капитализма, как прежде это было необходимо по отношению к феодализму? В первой половине предыдущего столетия эта точка зрения могла находить себе подтверждение в тех угрожающих опустошениях среди рабочего класса, которые производил промышленный капитализм всюду там, где он мог беспрепятственно хозяйничать. При таких условиях социализм казался средством спасти пролетариат от полной гибели, а вместе с тем спасти от гибели и все общество. Подобное умяоствование характерно для утопического социализма. Но даже и Маркс с Энгельсом не могли вполне освободиться от него, по крайней мере вначале. В «Коммунистическом манифесте» мы читаем: «Современный рабочий вместо того, чтобы возвышаться с прогрессом промышленности, все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство. Все более делается очевидным, что буржуазия не способна оставаться господствующим классом и возводить условия своего существования в норму, регулиующую весь общественный строй. Она неспособна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже его рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того чтобы существовать на его счет. Общество не может более жить под ее властью; другими словами, жизнь буржуазии несовместима с жизнью общества» (Каутский, «Материалистическое понимание истории», стр. 540—541).

Каутский приводит эти пламенные слова творцов научного социализма для того, чтобы заявить, что: «это было правильно для английских отношений того периода, когда это писалось» (стр. 541), чтобы заявить, что «Коммунистический манифест» уже устарел для современного развития капитализма, где дело идет не к обострению классовых противоречий, не к все большему и большему абсолютному обнищанию рабочего класса, а к смягчению и уничтожению классовых противоречий, к прогрессирующему улучшению жизненного уровня рабочего класса. «Мы не можем поэтому теперь сказать,—продолжает Каутский,—что «капиталистическое производство губит источники всякого богатства: землю и работника», и благодаря этому само готовит себе конец самым ходом экономического развития» (там же, стр. 542).

Естественно после этого, что Каутский отрицает и тот факт, что кризисы являются выражением преходящего характера капиталистического способа производства, что они, разрушая производительные силы, угрожают существованию всего буржуазного общества. В «Коммунистическом манифесте» говорится, что «Буржуазные условия производства и обмена, буржуазные имущественные отношения, современное буржуазное общество, как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походят на волшебника, который не в состоянии справиться с подземными силами, которые вызвал своими заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собою историю возмущения современных производительных сил против современной организации производства, против имущественных отношений этих условий жизни для буржуазии и ее господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более

угрожают существованию всего буржуазного общества» (подчеркнуто нами.—П. Ф.).

Каутский считает это место устаревшим и несоборветствующим действительности. Мало того, Каутский опорачивает и I том «Капитала». «Правда, — пишет Каутский, — в знаменитой главе «Об исторической тенденции капиталистического накопления» говорится, что монополия капитала превращается в оковы того способа производства, который расивел благодаря ему и вместе с ним, однако в I томе «Капитала» не содержится доказательств в пользу этого положения» (там же, стр. 594).

Дальше Каутский опорачивает II том «Капитала», совершенно умалчивает о III томе «Капитала» и «Теориях прибавочной стоимости», где Маркс блестяще доказал исторический, преходящий характер капиталистического способа производства, где он блестяще доказал, что кризисы, являясь выражением этого преходящего характера капитализма, все более и более угрожают существованию последнего.

Для Каутского это не так: «Однако нигде не показано, — пишет он, — что этот кризис должен в конечном счете принять характер, исключающий возможность продолжения производственного процесса в капиталистической форме» (стр. 544).

Опорочив «Коммунистический манифест», «Капитал», считая выводы этих классических произведений или недоказанными или устаревшими, Каутский делает уже более решительное заявление: «в настоящее время не имеет уже под собой никакой почвы мысль о том, что кризисы сбыта когда-нибудь достигнут такой интенсивности и продолжительности, что они будут означать конец дальнейшего существования капиталистического производства и сделают неизбежной замену его социалистическим регулированием» (стр. 546).

Здесь Каутский самым откровенным образом встает на апологетические позиции. В дальнейшем мы увидим еще рельефнее антимарксистское, социал-фашистское лицо Каутского. Присмотримся поближе к той «эволюции», которую проделал Каутский в области «теории» кризисов.

Как мы уже выше писали, основную причину кризисов Каутский видел с самого начала в неуровновешенности, в диспропорциональности потребления капиталистов с потреблением рабочего класса, при чем роль эксплуатации последнего в образовании кризисов им совершенно отрицалась. Здесь как раз и лежит водораздел между Каутским, с одной стороны, и Сисмонди и Розой Люксембург — с другой.

В своей книге «Материалистическое понимание истории», следовательно значительно позже его первой работы о кризисах, Каутский повторяет свой тезис о диспропорциональности между потреблением рабочего класса и потреблением капиталистов как основной причины кризисов и решительно возражает против того, чтобы кризисы связывать с эксплуатацией рабочего класса. «Казалось, — пишет Каутский, — эксплуатация в капиталистическом обществе должна была бы приводить к перепроизводству. Ведь эксплуатируемые не могут потребить сами все то, что они производят. Капиталисты также не потребляют всей получаемой ими прибавочной стоимости, а большую часть ее накапливают. Таким образом производится все больше и больше, чем потребляется. Это должно вести к кризисам сбыта (характерно, что Каутский нигде не говорит о кризисе как о всеобщем перепроизводстве капитала, а только лишь о кризисе сбыта.—П. Ф.) с их огромными потерями капитала и с ужасающей безработицей; эти кризисы должны постоянно расти и привести к такому положению, что общество должно в конце концов задохнуться в собственном жиру. Согласно этой точке зрения источником кризисов является недопотребление масс. Маркс и Энгельс не были сторонниками этой идеи, которую защищал Сисмонди. Причину кризисов они свя-

зывают с существующими отношениями собственности, которые чем дальше, тем больше делаются преградой для производительных сил» (Каутский, «Материалистическое понимание истории», стр. 542—543).

Мы уже знаем, что Каутский решительно возражает против взглядов классиков марксизма по вопросу о кризисах. Возражает он также и против взглядов Сисмонди, который основную причину кризисов видел в недовоспользовании рабочего класса, вытекающего из эксплуатации последнего. Отрицание роли эксплуатации в образовании кризисов естественно должно покоиться на отрицании эксплуатации, отрицании производства прибавочной стоимости как движущего мотива капиталистического производства. И Каутский действительно ставит все точки над «и», считая, что целью, движущим мотивом капиталистического производства, так же как и простого товарного хозяйства (это смешение капиталистического с простым товарным хозяйством проходит красной нитью по всему «учению» Каутского о кризисах, да и не только о кризисах), является не производство прибавочной стоимости, а личное потребление «И при капитализме,—пишет Каутский,—производство ведется для потребления; производство продуктов, которые не могут быть потреблены, а следовательно не могут найти сбыта, должно было бы скоро приостановиться. Роза Люксембург предполагает разумеется, что капиталисты аккумулируют не ради личного потребления... но капиталист не дает своих продуктов даром, он продает их, чтобы на вырученные деньги купить другие продукты, которые он и потребляет. Следовательно его потребление является целью производства, которое он предпринимает. Верно то, что капиталисты, как замечает... Роза Люксембург, могут накапливать лишь путем «воздержания» от личного потребления, но так же обстоит дело и с крестьянином, который не потребляет известную часть своего зерна, оставляя его в качестве семян. Это воздержание от потребления в конечном счете имеет своей целью производство для потребления» (стр. 547, подчеркнуто нами.—П. Ф.).

Каутский и здесь выхолостил все специфическое, классовое содержание капиталистического производства. Это выражается прежде всего в том, что он, говоря о единстве производства и потребления, совершенно выбросил распределение продуктов, основанное на распределении средств производства. Тем самым он уничтожил антагонистический характер противоречия между производством и потреблением, являющимся специфической особенностью капиталистического способа производства.

Основное, что характеризует всякий способ производства, суть всякой экономической структуры общества, это—распределение средств производства, это—форма собственности на средства производства. Следовательно распределение средств потребления всецело зависит от распределения средств производства, являясь лишь следствием последнего. Так например капиталистический способ производства характеризуется монопольной собственностью на средства производства на одном полюсе и собственностью на рабочую силу—на другом. А это обуславливает и способ распределения продуктов потребления в капиталистическом обществе, способ, который находит свое ярчайшее выражение в абсолютном обнищании рабочего класса.

Отсюда ясно, что единство производства и потребления не исключает распределения, а наоборот с необходимостью предполагает его. И более того. Способ распределения, обуславливаемый способом производства, придает определенную качественную специфичность этому единству производства и потребления. Так, в капиталистическом обществе единство производства и потребления принимает определенный антагонистический характер. Посколь-

ку же средства производства обобществлены, как например в социалистическом секторе советского хозяйства, постольку единство производства и потребления этого антагонистического характера не имеет.

Следовательно, когда мы говорим об единстве производства и потребления в капиталистическом обществе, необходимо подчеркнуть, что это единство носит антагонистический характер, определяемый антагонистическим способом распределения средств производства, что и находит свое выражение в том, что движущим мотивом и целью капиталистического производства является прибавочная стоимость, а не потребление, с которым оно связано не непосредственно, а только в конечном счете. В этом и заключается качественное отличие капиталистического способа производства от всех остальных, в том числе и от простого товарного хозяйства.

Всего этого конечно Каутский не понял, когда он продолжает твердить, что: «При капиталистическом способе производства также следовательно работают для личного потребления, как и при всяком другом способе производства» (стр. 548).

Все это показывает, что Каутский выхолащивает специфическую, качественную определенность капитализма, выхолащивает все его классовые противоречия. После этого становится совершенно ясно, что кризисы у Каутского не имеют абсолютно никакого отношения к классовым противоречиям в капиталистическом обществе и что недопотребление у Каутского теряет всякую классовую значимость.

Разделавшись с классовым, специфически капиталистическим характером образования кризисов, Каутский свой тезис о том, что в основе кризисов лежит недопотребление (вернее неуравновешенность, диспропорция между потреблением рабочего класса и потреблением капиталистов), конкретизирует тезисом о том, что в основе кризисов лежит диспропорция между производством и потреблением. «... Количество произведенных средств производства, — пишет Каутский, — и предметов потребления постоянно должно находиться в определенном соответствии друг с другом; всегда должна соблюдаться пропорциональность производства. Если пропорциональность нарушается, весь производственный механизм расстраивается и наступает кризис. Но как раз посредством этого кризиса весь производственный аппарат снова вводится в нужные границы, хотя и с большим ущербом для тех, кого это все затрагивает. Необходимая пропорциональность снова восстанавливается, и производство идет дальше» (стр. 548).

Здесь уже нет и намек на недопотребление даже в каутскианском смысле этого слова. Мы уже не говорим о том, что здесь, как и раньше, совершенно не отражен действительный капиталистический процесс воспроизводства.

Зато на сцену выступает количественная пропорция между производством и потреблением вообще, безотносительно к ее специфическому историческому содержанию. Какова сущность этой пропорции между производством и потреблением? Почему и как она нарушается? Каутский безмятежно проходит мимо этих вопросов. И это вполне естественно, поскольку он выхолостил из действительного процесса капиталистического воспроизводства все противоречивое содержание.

Но все эти «достижения» Каутского не удовлетворяют. Он успокаивается только тогда, когда переходит по этому мостику количественных пропорций целиком и полностью в объятии Туган-Барановского, правда, чрезвычайно «оригинальным» способом.

Туган-Барановский шел к выхолащиванию классового антагонистического характера капиталистического способа производства, к гармоническому развитию последнего от утверждения тезиса о полной независимости произ-

водства от потребления. Каутский же проделал несколько иной путь. Он шел от выхолащивания классовой, антагонистической сущности капиталистического общества, а следовательно и кризисов, к отрыву производства от потребления, с тем чтобы уже на этой «новой» основе чище проделать свою апологетическую работу.

От нарушения количественной пропорции между производством и потреблением как основы кризисов Каутский перешел к количественной пропорции между промышленностью и сельским хозяйством и нарушению этой пропорции как новой основы кризисов. «В большинстве случаев кризисы возникают от того,—пишет Каутский,—что сельскохозяйственное производство не способно к такому быстрому расширению, как промышленное производство, вследствие чего промышленное производство постоянно обгоняет его. Отсюда неизбежность наступающего время от времени несоответствия между тем и другим» (стр. 550). Каутский перечисляет и целый ряд других причин кризисов, как например война и пр., но все они носят случайный и не длительный характер. «Наоборот, различие в условиях производства промышленности и сельского хозяйства является не временным и не случайным, а длительным и неизбежным. Это различие ведет к тому, что рынок для промышленности не может увеличиваться так быстро и так легко, как растет сама промышленность» (стр. 550).

Естественно, что этот переход от количественных пропорций между производством и потреблением к количественным пропорциям между промышленностью и сельским хозяйством с нарушениями этих пропорций не мог не означать полного и окончательного отрыва производства от потребления, следовательно не мог не означать полного отказа от деления всего общественного производства на два подразделения, деления, в основе которого лежит двойственный характер труда. Каутский так и пишет: «...путь к объяснению этих фактов (т. е. фактов образования кризисов.—П. Ф.) может нам дать не деление на средства производства и предметы потребления, а различие между промышленностью и сельским хозяйством» (стр. 551).

Этот вывод Каутского не таит ничего неожиданного. Напротив, он с неизбежностью вытекает из всего хода вещей. Последовательно проводимое выхолащивание антагонистического характера капиталистического общества обязывает к тому, чтобы всякие противоречия были уничтожены в корне, а для этого необходимо уничтожить деление общественного производства на два подразделения. Здесь, как мы видим, Каутский пошел дальше Туган-Барановского, который, уничтожив единство производства и потребления, логически не довел свою мысль до конца, не уничтожил деления всего общественного производства на два подразделения. Каутский здесь оказался последовательнее Тугана.

Но откуда же тогда вытекают кризисы в капиталистическом обществе? Для Каутского ответ на этот вопрос не представляет затруднений, поскольку он встал на путь разграничения всего общественного производства на промышленность и сельское хозяйство, где промышленность у него выступает как сплошная капиталистическая масса, лишенная всяких внутренних различий, а сельское хозяйство — как сплошная докапиталистическая масса. «В настоящее время,—пишет Каутский,—лишь промышленность является настоящей областью капиталистического производства. В сельское хозяйство капиталистическое производство мало проникло; так обстоит дело даже в высококапиталистических странах. Невольно под капиталистическим производством всегда подразумевается промышленность, а под докапиталистическими формами всегда имеется в виду сельское хозяйство» (стр. 551).

Кризисы как раз и вытекают, по Каутскому, из нарушения количественных пропорций между промышленностью и сельским хозяйством, между

капиталистическим обществом и докапиталистической средой. Причина кризисов лежит следовательно не в капиталистическом обществе, а в докапиталистической среде, в сельском хозяйстве, поскольку оно в своем развитии отстает от капитализма, от промышленности. Чем быстрее следовательно сельское хозяйство станет на путь капитализма, тем скорее будут уничтожены кризисы, и капитализм станет на путь бескризисного плавного развития. Таков вывод, который с железной необходимостью вытекает из всей «теории» кризисов Каутского.

На этом покоится у Каутского и «теория» империализма, как завоевания аграрных областей капиталистической промышленностью. Отсюда и защита империалистической политики как фактора, способствующего прогрессивному развитию отсталых, аграрных областей и переводу их на капиталистические рельсы.

Таким образом, если Роза Люксембург, исходя из своей «теории» реализации, выводила крах капитализма из абсолютной закупорки развития производительных сил, поскольку иссякает докапиталистическая сфера, то Каутский, исходя из положения о взаимоотношениях капиталистической промышленности и докапиталистического сельского хозяйства, делает прямо противоположные выводы. Капитализм не только не идет к краху, но по мере своего развития, по мере своего проникновения в докапиталистические области он все более и более укрепляется, становится все более и более жизнеспособным. Вместе с ростом капитализма растет все более и благосостояние рабочего класса, «... но тем все более излишним делается социализм. Чем больше растет благосостояние рабочих уже при капитализме, тем все в большей и большей степени они будут мириться с ним, сживутся с ним и будут отказываться от всяких рискованных экспериментов. Растущее смягчение классовых антагонизмов тем дальше отодвигает социализм в даль, чем больше усиливается пролетариат. Судьба социализма в действительности связана с этим, а не аккумуляцией капитала и роста кризисов» (стр. 562). После этого восторженного вывода Каутский тут же начинает развивать «теорию» мирного вращивания капитализма в социализм.

Итак, капитализм развивается, крепнет, становится все более и более жизненным, организованным... улучшается все более и более благосостояние рабочего класса... Смягчаются классовые противоречия... и социализм отодвигается все дальше и дальше... Это и есть так называемый «организованный капитализм»,—капитализм плавного, бескризисного развития.

Такова социал-фашистская сущность «теории» кризисов Каутского.

* * *

В предисловии к общедоступному изданию II тома «Капитала» (изд. 1926 г.) Каутский пишет:

«Мы, социалисты, сами говорили, что кризисы неизбежны до тех пор, пока будет существовать капиталистический способ производства (мы уже отлично видели, что скрывается за этой «марксистской» фразеологией.— Л. Ф.). И напротив, именно капиталисты надеялись постепенно смягчить кризисы при помощи союза предпринимателей. ... Такого было положение до мировой войны. Она вызвала большие перемены и в рассматриваемых нами областях».

Здесь Каутский пытается рабочего читателя ввести в заблуждение указанием на то, что мы-де всегда говорили, что кризисы присущи капитализму. Истинную апологетическую суть «теории» кризисов Каутского мы уже видели. Но Каутский здесь неспроста ссылается на свою «революционную» «теорию» кризисов. Он хочет убедить рабочий класс, что положение в раз-

витии капитализма коренным образом изменилось: капитализм из кризисного развития переходит к бескризисному развитию.

Если раньше кризисы «...были результатом чисто экономических условий, мало поддававшихся влиянию капиталистической политики, то ныне... являются продуктом политики правительства и могли бы быть избегнуты при дальнейшем существовании капиталистического хозяйства, если бы политика правительств определялась бы немножко меньше соображениями военного и монополистического характера и немножко больше экономическим пониманием потребностей процесса обращения» (стр. 10).

Следовательно, чтобы это бескризисное развитие превратить в действительность, необходимо изменить экономически неграмотную политику правительства. Задача рабочего класса, по Каутскому, как-раз и заключается в том, чтобы посредством активного влияния на политику правительства направить капитализм на рельсы бескризисного развития.

Каутский таким образом откровенно признается, что кризисы в капиталистическом обществе являются случайными, с внутренней необходимостью из развития последнего не вытекающими. Отсюда делается вывод, что при определенной рациональной политике правительства можно направить развитие капитализма на плановый бескризисный путь развития. Этот вывод Каутского вполне закономерен. Он был подготовлен всем предшествующим «анализом» кризисов.

От объяснения кризисов «недопотреблением» простых товаропроизводителей, а потом «недопотреблением» рабочего класса, «недопотреблением», лишенным всякого классового эксплуататорского содержания, Каутский легко переходит к объяснению кризисов диспропорциональностью между «недопотреблением» капиталистов и «недопотреблением» рабочего класса, а потом диспропорциональностью между производством и потреблением вообще.

«Эволюция» Каутского на этом не останавливается. Он теперь уже вообще выкидывает потребление из капиталистического воспроизводства, и кризисы выводятся им из диспропорциональности между капиталистическим производством и докапиталистическим сельским хозяйством.

Здесь следует отметить чрезвычайно характерный путь Каутского: идя от выхолащивания классового содержания недопотребления рабочего класса к частному отрыву производства от потребления, а затем и к диспропорциональности между двумя видами производства, которая-де устраняется при рациональной политике правительства, при организации капиталистического производства.

Здесь полностью сказывается действительный апологетический, буржуазный характер «теории» кризисов Каутского, путь ее развития и полное родство с Туган-Барановским, о чем между прочим говорит и сам Каутский.

Ясно, что попытка Каутского ввести рабочего читателя в заблуждение ссылкой на то, что случайность кризисов он относит только к послевоенному капитализму, что-де до войны кризисы носили закономерный характер есть попытка спрятать свою родословную.

Нет надобности подвергать критике Каутского по линии «случайности кризисов в послевоенном капитализме», поскольку для каждого марксиста достаточно ясно, что основные закономерности капитализма свойственны как довоенному, так и послевоенному капитализму и что следовательно кризисы носят закономерный характер на всем протяжении развития капиталистического способа производства. Более того, с развитием капитализма все противоречия обостряются и углубляются и приводят через пролетарскую революцию к уничтожению всей капиталистической системы.

В свете современного мирового кризиса, развернувшегося на основе всеобщего кризиса капитализма, эти доводы Каутского о случайности кризисов особенно «убедительны».

РАБОТА СЕМИНАРОВ ФИЛОСОФСКОГО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

О вульгарном материализме 3-й четверти XIX в.

(Фогт, Бюхнер и Молевотт)

Г. Таганский *)

Германия после революции 1848 г.

Германия в отличие от других стран Европы прошла своеобразный путь исторического развития. Процесс рождения и развития капитализма в Германии был в высшей степени тяжелый и мучительный, затянувшийся на многие десятилетия. В то время как во Франции и в особенности в Англии промышленный капитализм, освободившись от пут феодализма, победоносно шагнул вперед, укрепляя свою гегемонию на континенте Европы и продвигая свое могущество и власть во все части света, Германия, скованная цепями феодализма, не в силах была порвать и открыть беспрепятственный путь для господства капитализма.

Старая Германия, известная под названием Священной Римской империи, до Великой французской революции находилась вся во власти феодализма. Раздробленная на бесчисленное множество государств, разодранная в клочья князьями и дворянством Германия, как «ободранное пугало», стояла среди европейских культурных народов.

Энгельс в своих письмах для «Полярной звезды» (1845 г.) о положении Германии той эпохи писал: «это была одна гниющая и разлагающаяся масса; ремесло, торговля, промышленность и земледелие были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, торговцы и ремесленники испытывали двойной гнет: кровавого правительства и плохого состояния торговли. Князья и дворянство свои растущие расходы беззастенчиво выжимали из народа. Народ был проникнут низким, раболепным, гнусным торгашеским духом. Все прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений» (т. I, стр. 6).

Таково было положение в Германии с небольшим 100 лет тому назад.

Великое значение Французской революции состоит между прочим и в том, что она была первой громовой стрелой, ударившей в этот хаос, называемый Германией.

Мелкая буржуазия и буржуазная интеллигенция с радостным ликованием встретили Французскую революцию и ее Национальное собрание. Все

*) Вторая часть настоящей статьи, критикующая общественно-политические взгляды вульгарных материалистов, а также разбирающая влияние вульгарного материализма на взгляды современных механистов и меньшевистствующих идеалистов, будет дана в одном из следующих номеров «ПЗМ».

немецкие поэты и философы—Гете, Шиллер, Кант, Фихте, Гегель—воспевали славу французского народа.

Но этот энтузиазм, с которым была встречена в Германии Французская революция, был, по выражению Энгельса, «чисто немецким энтузиазмом», он имел только метафизический характер, он относился к теории французских революционеров. Маркс также не раз, например говоря о кантовской философии, подчеркивал, что это была «немецкая теория Французской революции». В своей «Критике гегелевской философии права» Маркс так оценивает своеобразие германской действительности: «подобно тому, как древние народы переживали свою доисторическую эпоху в воображении, в мифологии, так и мы, немцы, пережили нашу будущую историю в мыслях, в философии... немцы размышляли в политике о том, что другие народы делали на практике. Германия была их теоретической совестью».

Но энтузиазм немцев сразу же смолк, больше того, сменился фанатической ненавистью к Французской революции, как только были свергнуты жирондисты. Немцы предпочли свою старую, спокойную, священную, римскую «навозную кучу» грозной активности народа, «который сбросил цепи рабства и бросил в лицо вызов всем деспотам, аристократам, попам».

Но этим не ограничилось действие Великой французской революции на Германию. Французские армии, руководимые Наполеоном, за период с 1792 г. по 1813 г. проделали в Германии огромную очистительную, революционную работу; «допотопный лес христианско-германского общества исчезал при их победном шествии, подобно облакам при восходе солнца». О роли Наполеона в Германии Энгельс пишет: «Наполеон не был неограниченным деспотом для Германии, как утверждают его враги. Наполеон был в Германии представителем революции, пропагандистом ее принципов, разрушителем старого феодального общества» (М. и Э., соч. т. V, стр. 8). Заслуга Наполеона состоит в том, что он разрушил Священную Римскую империю и уменьшил число мелких государств, образовав большие государства; он ввел свой кодекс законов, который был бесконечно выше всех существовавших кодексов, он в принципе признал равенство; он заставил немцев, которые до сих пор жили частными интересами, работать над проведением великой идеи всепобеждающих общественных интересов; он положил начало немецкой мануфактурной промышленности и т. д. «Наполеон оказал Германии величайшие услуги очисткой немецких авгиевых конюшен» (Маркс, Святой Макс, стр. 161).

Падение Наполеона истолковывалось аристократией и дворянством, как поражение Великой французской революции. На самом же деле сила Французской революции заключалась в том, что она в основном похоронила феодализм в Западной Европе. Правда, для Германии поражение Наполеона означало большие заминки в развитии капитализма,—феодализм снова пережил в наступление, снова восторжествовала реакция. Но революция, а затем господство Наполеона оставили свои следы. Капитализм верно и неуклонно пробивал себе дорогу и заявлял о своем праве на существование, подымался новый класс—класс буржуазии (или, как говорил Энгельс, «средние классы»), этот класс свое право на политическое господство выражал в форме либерализма. Но поскольку немецкая буржуазия только начинала строить свою промышленность, она не имела ни силы, ни мужества, ни необходимости добиваться безусловного господства в государстве. Самое большее, на что она шла, это на компромисс с монархией и дворянством. Но наряду с буржуазией появляется на сцену и пролетариат. Мало развитый, неорганизованный и неспособный еще даже к самостоятельной организации, он лишь смутно чувствует глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии. Поскольку пролетариат не осознал своей исторической роли, он в своей подав-

ляющей массе занимает на первых порах место передового, крайне левого крыла «третьего сословия».

Клубок противоречий феодализма и рождающегося капитализма все более запутывается. Капитализм с железной необходимостью должен был победить до конца феодализм. Сороковые годы прошлого столетия знаменательны как раз в том отношении, что противоречия старой, помещичьей, Германии и рождающейся, новой, буржуазной Германии достигают большой высоты.

В своей брошюре «Революция и контрреволюция в Германии» Маркс и Энгельс так характеризовали положение в середине сороковых годов: на одной стороне стояла буржуазия, сознавшая свою силу и решившая не терпеть больше стеснений, которыми феодально-бюрократический деспотизм сковывал ее торговлю, ее промышленную предприимчивость, ее совместные действия как класса; часть земельного дворянства, настолько превратившегося в производителя товаров для рынка, что у него оказались одинаковые интересы с буржуазией; мелкая буржуазия, недовольная и ропчущая на налоги, на стеснения ее деятельности; крестьянство, истощенное феодальными тяготами, поборами ростовщиков; городские рабочие, зараженные общим недовольством, одинаково ненавидящие и правительство и крупных промышленных капиталистов, проникающиеся социалистическими идеями,— словом, на одной стороне разнородная масса оппозиции, движимая различными интересами, но направляемая буржуазией. А на другой стороне стояли бесчисленные феодально-бюрократические правительства, 36 государств и княжеств, вечно враждовавшие и дравшиеся между собой; правительства, покинутые общественным мнением (особенно в Пруссии), покинутые даже частью дворянства, опирающиеся на армию и бюрократию; правительства без каких бы то ни было финансовых и экономических средств для своего существования.

Короче: Германия была беременна буржуазной революцией. Эта революция не замедлила разразиться в 1848 году, и на этот раз Франция, совершив у себя революцию, выступила в роли ускорителя германской революции. Хотя революция 1848 года, особенно в Германии, и оставила внешне «почти все на месте», «вчерашние власти», правившие до урагана 1848 года, снова стали «сегодняшними властями»—тем не менее значение революции 1848 года по своим последствиям огромно. Ленин не раз сравнивал значение революции 1848 года для Германии со значением революции 1789 года для Франции. Та и другая, будучи буржуазными революциями, «давали на деле свободу развития капитала». Можно пожалуй сказать так: 1848 год явился своего рода пограничной линией между старой, дворянско-бюрократической, Германией и новой, молодой, буржуазной, Германией. После 1848 года в Германии начинается полоса капиталистической горячки. Маркс в послесловии к I т. «Капитала» подчеркивает, что «с 1848 года капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время переживает горячку своего спекулятивного расцвета».

Буржуазия, охваченная духом практицизма, энергично стала на путь замены основанного на ручном труде ремесла и мануфактуры настоящей крупной промышленностью. В Богемии возникли каменноугольные рудники, доменные печи, железные дороги, в Южной Германии пышно расцвела хлопчатобумажная промышленность, в Саксонии развились в большом масштабе все отрасли металлургической и ткацкой промышленности, в Пруссии—горное и горно-заводское дело. Уголь и железо стали лозунгами времени. За 20 лет добыча угля возросла в королевстве Саксония вдвое, на Рейне и в Вестфалии—втрое. Ценность произведенного чугуна увеличилась в Силезии в два раза, на Рейнских землях—в пять раз. Соответственно производству разви-

лись пути сообщения. Судостроение процветало, а железнодорожная сеть достигла благодаря массовой перевозке товаров такой густоты, о которой раньше и не мечтали. Химия была поставлена на службу практическим интересам буржуазии. Капиталистическая индустриализация побеждала во всех областях. Точно так же и в сельском хозяйстве (где командные высоты находились в руках юнкерства) помимо возврата к старым феодальным порядкам не могло быть. Для юнкерства был только один путь—путь приспособления к требованиям буржуазного развития. Медленно, но верно, сперва преимущественно крупные владения становились на путь капитализации, на путь, как называл Ленин, «прусского» развития капитализма в сельском хозяйстве. Хотя Германия во всех отношениях еще уступает Англии и Франции и удельный вес ее еще незначителен, но и в Германии крупный капитал уже вступил в эру спекуляции, возникают крупные банки, Германия появляется на мировом рынке.

Итак, главное препятствие на пути к промышленному капитализму после революции 1848 года было устранено, Германия стала на путь капиталистической индустриализации. Конечно при этом не нужно забывать, что буржуазия новой Германии, «трусливая и прирученная», далеко не была похожа на тот буржуазный класс, который проделал Великую французскую революцию. Впереди стояли еще задачи обеспечения дальнейшего роста капитализма. Одной из главных задач было уничтожение раздробленности, которая являлась стеснительными путями для более свободного развития капитализма в Германии. Вот на этом фоне, фоне новой промышленной Германии создавались благоприятные предпосылки для появления целой волны вульгарного материализма (Фогт, Бюхнер, Молешотт), как выражается Меринг, «приятно щекотавшего за десертом сытые, откормленные животы возвышавшейся буржуазии».

Но новая Германия вместе с капитализмом вынашивала и другую силу, будущего властелина Германии — рабочий класс. Своеобразие германского пролетариата заключалось в том, что он был сыном страны, повторяющей капиталистическое развитие после Англии и Франции. Немецкий пролетариат «обладал гораздо более выработанным теоретически-классовым сознанием, чем германская буржуазия». Предстояли большие классовые бои. Буржуазия могла довольствоваться для своих низких, практических интересов обветшалыми теориями идеалистов (Шопенгауэр, Гартман и др.) и ставшими теперь в «моде» вульгарными материалистами. Пролетариат в это же время выковывал свою, революционную, теорию—марксизм.

Крушение старой философии

Мы уже раньше отмечали, что тяжелые времена Германии, времена экономической и политической беспросветности и бесперспективности, были временами беспредельной славы и расцвета литературы и философии (в особенности XVIII и начало XIX века). Отчаявшаяся и трусливая буржуазия и мелкая буржуазия всю свою накопившуюся энергию отдавали философии и литературе. Это был период «всеобщего господства иллюзий». И чем безотраднее была окружающая жизнь, тем отвлеченнее становилась оторванная от жизни мысль. Не находя вокруг себя начал, достойных преклонения, «мысль преклонялась перед собой, признала себя абсолютом, чуть ли не божеством. Во Франции одна революция сменяла другую, потрясая и волнуя мир. В это время в Германии происходила бескровная борьба философских систем, одна система заменяла другую. Кант вытеснял Вольфа, Фихте вытеснял Канта, Гегель вытеснял Фихте, и эта борьба тоже страшно волновала мир—мир ученых и студентов философского факультета» (Плеханов, т. XVIII, стр. 327). Слабость немецкой философии заключалась в отрыве от конкрет-

ной немецкой действительности, в том, что она была только революцией в мыслях. Но она была проникнута духом протеста против тогдашнего немецкого общества, была знаменем неизбежной буржуазной революции,—и в этом была ее сила. Последний великий немецкий идеалист Гегель возвестил в своей «Философии права» близость прихода буржуазии к власти. Но это была «лебединая песнь» немецкой классической философии ¹⁾. После смерти Гегеля начался быстрый процесс разложения гегелевской системы, «превратившейся в какое-то всемирное брожение, втянувшее в себя все силы прошлого». «Во всеобщем хаосе образовывались могучие царства, чтобы вслед затем исчезнуть, появились на миг герои, низвергнутые потом во мрак забвения более смелыми и сильными соперниками. Это была революция, по сравнению с которой Французская революция является детской игрушкой. С какой-то неслыханной успешностью принципы приходили на смену принципам, герои мысли низвергали друг друга, и за трехлетие с 1842—1845 гг. Германией было сделано больше, чем прежде за 3 века» (Энгельс, Архив, т. I, стр. 212). Речь идет о начавшемся в первую очередь разложении гегелевского абсолютного духа. Энгельс замечательно характеризует в «Немецкой идеологии» этот процесс разложения. Вся немецкая критика, выросшая из гегелевской философии и питавшаяся отбросами абсолютной системы Гегеля, перенесла центр тяжести своих философствований на развитие, дополнение, «критику» гегелевской системы. «Их полемика с Гегелем и друг с другом ограничивается тем, что каждый из них выдергивает какую-нибудь сторону гегелевской системы и направляет ее как против всей системы, так и против выдвигаемых другими авторами сторон. Вначале извлекали чистые, нефальсифицированные гегелевские категории, как например субстанцию и самосознание, впоследствии осквернили эти категории более светскими именами, как например «род», «единственный», «человек» и т. д. (Архив, т. I, стр. 213). Одно из направлений после Гегеля — старо-гегельянцы — понимало все, если это все можно было бы свести к какой-нибудь гегелевской логической категории, другое направление — младо-гегельянцы — критиковало все, подсовывая всюду религиозные представления или объявляя все теологическим. И несмотря на мнимую революционность младо-гегельянцев, они оставались величайшими консерваторами, ибо о них правильно будет сказать, что они боролись с «ветряными мельницами», так как настоящие оковы людей они видели в представлениях, мыслях, понятиях, вообще продуктах объективированного ими сознания, они боролись только с «иллюзиями сознания». С их точки зрения взаимоотношения людей, их поступки и поведение являются продуктами человеческого сознания, поэтому их требование сводилось лишь к моральному требованию изменить теперешнее сознание на человеческое, критическое или эгоистическое сознание. По существу это требование—изменить свое сознание, сводилось к требованию только по-другому истолковать это же сознание. Это была борьба только «против фраз», и этим фразам со стороны младо-гегельянцев также противопоставлялись только

¹⁾ По поводу победоносного шествия гегелевской философии Энгельс в «Л. Фейербахе» пишет: «не трудно понять, как велико было действие гегелевской системы в философски окрашенной атмосфере в Германии. Это было торжественное шествие, длившееся целые десятилетия и далеко не прекратившееся со смертью Гегеля. Напротив, именно в промежуток времени от 1830—1840 гг. достигло апогея исключительное господство «гегельянищины», заразившей даже своих противников; именно в этот промежуток времени взгляды Гегеля сознательными или бессознательными путями проникли в самые различные науки и оплодотворяли даже популярную литературу и ежедневную печать, из которой средний образованный человек черпает свои мысли. Но эта победа по всей линии была лишь хронологом междоусобной войны» (стр. 37).

фразы. Борясь против фраз данного реального мира, они совершенно не боролись с этим реальным миром. Только Фейербах как материалист был единственным человеком, который порвал с гегельянством, который мог двинуть философию хотя бы на шаг вперед.

Вся бррьба вокруг гегелевского наследства, т. е. вокруг его системы философии, была ярким предзнаменованием заката классического немецкого идеализма. Возня различных школ гегельянства вокруг истолкования и развития гегелевского абсолютного духа показывала тот тупик, к которому пришел немецкий идеализм.

Вслед за волной начавшегося разложения гегельянства, а значит и всего классического идеализма неслась другая волна—волна охлаждения Германии к теории. Германия шла навстречу буржуазной революции.

Энгельс в старом предисловии к «Анти-Дюрингу» писал, что в результате революции 1848 года в философии произошел полный переворот. Идеализм, премудрость которого к этому времени окончательно истощилась, «был смертельно ранен революцией 1848 года» («Диалектика природы», стр. 127).

Немедленно после революции 1848 года «интеллигентная» Германия распрощалась с теорией, взявшись за практическую деятельность. И чем больше ширилась стройка капитализма, чем больше «спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе новый храм на бирже», тем больше Германия забывала великий теоретический интерес, составлявший немецкую славу, даже во время самого сильного политического упадка. И Германия—«обитель идеализма» (как ее когда-то называл Гейне), страна не останавливающихся ни перед чем теоретических исследований, уступила место «бессмысленным, эклектическим системам, заботам о доходных местечках, об успехах по службе и даже самому низкому лакейству». Официальные представители этой «науки» стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, которые в то время уже (буржуазия и государство) вступили в открытую борьбу с рабочим классом. Только в рабочем классе продолжали жить старые немецкие теоретические интересы. Немецкое рабочее движение является наследником классической философии. Маркс и Энгельс как идеологи пролетариата создали диалектический материализм.

Но вместе с гегельянством была выброшена за борт и диалектика, как раз в тот самый момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли, т. е. тогда, когда только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из затруднений. Благодаря этому теория снова оказалась беспомощной жертвой старой метафизики.

«Модным словом» новой Германии были приноровленные к духовному уровню филистера плоские размышления Шопенгауэра. Меринг говорит, что в течение целого поколения, пока в немецком бюргерстве жила еще хоть капля силы и мужества, произведения Шопенгауэра лежали неподвижно на складе издателя. Теперь, когда Шопенгауэр состарился, его произведения оказались ко времени. Какое в самом деле было счастье для немецкого буржуа, что остроумная в своем роде философия освобождала его от всякого чувства раскаяния и стыда, доказывая, что все его инстинкты эгоизма и зависти составляют сущность человеческой мудрости. Дни славы Шопенгауэра были вместе с тем концом немецкого идеализма (Меринг, Ист. герм. с.-д., т. II, стр. 258).

Конечно нетерпимость и брань Шопенгауэра по адресу всей классической философии меньше всего могли поколебать огромную историческую роль, которую сыграла эта философия. Но эта брань и ненависть характерны как реакция пришедшей к власти буржуазии на подчас революционные положения классической, идеалистической философии.

Естествознание на крутом перевале

«Модным словом» Германии был не только Шопенгауэр. 50—60 годы XIX века принесли с собой целую волну так называемого «вульгарного материализма» (Фогт, Бюхнер, Молешотт). Но для того, чтобы подойти вплотную к характеристике этого направления, мы обязаны хотя бы в общих чертах остановиться на положении естествознания в этот период.

Марксу, Энгельсу и Ленину принадлежат бессмертные заслуги в открытии главных пружин, определивших развитие современного естествознания, в намечении и глубоком анализе основных этапов этого развития.

Энгельс говорит, что эпоха современного естествознания начинается со второй половины XV столетия — с той эпохи, когда королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и основала крупные, национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество. Эта эпоха, начавшаяся ожесточенной борьбой буржуазии и дворянства, уже в лице немецкой крестьянской войны пророчески указывала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, но за ними показались пионеры современного пролетариата «с красными знаменами в руках и с требованием общности имущества на устах». «Только теперь, собственно, была открыта земля и положены основы для дальнейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, явившуюся в свою очередь исходным пунктом современной крупной промышленности». И совершенно не случайно, что именно в этот период — период «величайшей из революций, какие до сих пор пережила земля», естествознание начинает свою победоносную историю. «Если после темной ночи средневековья вдруг наново возрождаются с неожиданной силой науки, которые начинают развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству... Со времени крестовых походов промышленность колоссально развилась и добыла массу механических (ткачество, часовое дело, мельничное дело), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических (очки) фактов, которые не только представили огромный материал для наблюдения, но доставили также сами собою совершенно иные, чем раньше, средства экспериментирования и допустили построение новых инструментов. Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени. До сих пор хвастали лишь тем, что производство обязано науке, но наука обязана производству бесконечно большим». Именно интересы производства восходящего капитализма — вот что определило характер и быстроту развития естествознания.

Революционность эпохи предопределила и революционность естествознания. В борьбе за право на существование ему предстояло выдержать в первую очередь боевую схватку за независимость от церкви. Появлением бессмертного творения Коперника, который бросил (хотя и скромно, на ложе смерти) перчатку церковному авторитету, начинается освобождение естествознания от теологии. Правда, этот процесс затянулся на очень длительный период. С тех пор развитие естествознания пошло гигантскими шагами. Во всех областях естествознание начинало с самого начала. Древность имела Эвклида и солнечную систему Птолемея, арабы — десятичное исчисление, начало алгебры, современную систему исчисления и алхимию, христианское средневековье не оставило ничего. При таком положении вещей естественно первое место заняла элементарная отрасль естествознания — механика земных и небесных тел, а наряду с ней математика. В этой области было сделано много великого, были установлены в главных чертах основные математические

методы: открыта аналитическая геометрия, Декартом, логарифмы—Непером, дифференциальное и интегральное исчисление—Лейбницем, Ньютоном. В механике твердых тел были раз навсегда выяснены главные законы, в астрономии солнечной системы Кеплер открыл законы движения планет, а Ньютон объявил их общими законами движения материи. Остальные отрасли естествознания тоже начинают свое развитие, но они остаются пока еще в первоначальной стадии.

Весь этот период растягивается примерно до первой половины XVIII столетия, его замыкают французские материалисты XVIII века. В чем же своеобразие этого периода? Во-первых, естествознание органически сплетается с философией, больше того, оно порой сливается с ней. Галилей одним из первых формулировал методологические основы тогдашней науки, и он является, с одной стороны, философом, с другой стороны, крупным естествоиспытателем. То же самое можно сказать и о Декарте, Бэконе, Лейбнице и т. д. Во-вторых, и это самое главное, в рассматриваемый период центром мировоззрения естествознания было учение об абсолютной неизменности природы. Это учение, окутанное теологией, не шедшее дальше знаменитого первого толчка Ньютона, было величайшим тормозом в развитии естествознания¹). Весь этот период Маркс и Энгельс характеризуют как период безграничного господства метафизического метода мышления.

Под натиском развивающегося промышленного капитализма должен был произойти ряд крупных изменений в этом окаменелом мировоззрении естествознания. Первая брешь была пробита не естествоиспытателем, а философом—Кантом. Кант, а за ним Лаплас дали гипотезу образования солнечной вселенной. Земля и вся солнечная система предстали как нечто ставшее в ходе времени. Вместо прежних вечных законов движения планет и первого божественного толчка Ньютона космогония основывается на учении о развитии, материя рассматривается как нечто саморазвивающееся, этим устраняется последнее убежище для теологии в области объяснения происхождения вселенной. Энгельс говорит: «Если бы подавляющее большинство естествоиспытателей не ощущало перед мышлением того страха, который Ньютон выразил своим предостережением: физика, берегись метафизики! — то они должны были бы извлечь из одного этого гениального открытия Канта такие следствия, которые сберегли бы им бесконечные блуждания... В открытии Канта лежал зародыш всего дальнейшего прогресса»²). Вторая брешь была пробита в геологии и палеонтологии. Ляйель создал теорию «медленного развития» в геологии. Тем самым был нанесен удар по метафизике Кювье. Вслед за этим Ламарк, Гете, а затем Дарвин прилагают учение о развитии к области животного и растительного мира. Открытие Шлейденом и Шванном органической клетки обуславливает переворот в области эмбриологии и сравнительной анатомии; учение о клетке вместе с успехами в химии и физике (закон сохранения и превращения энергии) создают основу для физиологии; наконец атомистика Дальтона и закон сохранения и превращения энергии Майера, Грове, Гельмгольца и др. заменяют прежние метафизические силы и метафизику в химии; теория Флогистона выдвигает на первый план в естествознании учение о смене форм вещества и форм движения материи. «И вот мы снова вернулись к концепциям великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел,

¹) Правда, Энгельс подчеркивает, что нужно считать огромным достоинством и честью для тогдашней философии, что она не поддалась влиянию ограниченной точки зрения тогдашнего естествознания, что она, начиная Спинозой и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего («Диалектика природы», стр. 16).

²) Энгельс, Диалектика природы. Соч. М. и Э., т. XIV, стр. 480.

начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении... У греков это было гениальной догадкой, в наше же время является результатом строго научного опытного исследования»¹⁾.

Величие Маркса и Энгельса состоит в том, что они, единственно они, в полном объеме поняли историческое значение происходящего с конца XVIII и начала XIX века переворота в естествознании. С какой восторженностью в переписке с Марксом Энгельс говорит о происходящих в естествознании процессах, какое огромное значение он придает открытиям, сделанным в естествознании. Особенно часто он подчеркивает три решающих открытия XIX века: доказательства превращения энергии, открытие органической клетки, теорию развития Дарвина. Энгельс на многие годы отдается изучению естествознания с целью переработки достижений естествознания на основе выработанного уже тогда основоположниками марксизма единственно научного диалектического метода.

Что проходит красной нитью через все работы Энгельса при характеристике естествознания?

1) Естествознание превратилось из эмпирической науки в теоретическую, становясь благодаря обобщению полученных результатов системой материалистического познания природы.

2) Если до конца XVIII столетия естествознание было преимущественно собирающей наукой, наукой о законченных предметах, то в XIX веке оно стало упорядочивающей наукой о явлениях природы, наукой о происхождении и развитии предметов и о связи, соединяющей явления в одно великое целое. «Физиология, которая исследует явления, имеющие место в растительном и животном организме, эмбриология, наблюдающая отдельный организм из зародышевого состояния до зрелости, геология, изучающая постепенное образование земной коры, — все эти науки суть дети нынешнего XIX века». В общем все науки неудержимым ходом своего развития шли к концу метафизического периода в естествознании, являясь «поразительным образцом рациональной диалектики». Это совсем не означало, что метафизический период снят совершенно; естествознанию предстояли большие бои за овладение диалектическим методом (эти бои и до сих пор далеко и далеко не закончены). Но во всяком случае совершенно очевидным было, что только диалектический метод является единственно законным методом для естествознания, «освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания... это своего рода низшая математика. Философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее покинуло его».

Особенно важно и интересно нам в этой связи отметить, что Энгельс много раз подчеркивает заслуги Гегеля в разработке естествознания. Конечно речь идет не о заслугах Гегеля в разработке собственного естествознания, здесь он даже по сравнению с докритическим Кантом остался далеко позади, а речь идет о методе Гегеля, который в «диалектике понятий гениально угадал диалектику вещей», диалектику естественного развития. Вот что пишет Энгельс: «В конце прошлого столетия после французских материалистов, взгляды которых по преимуществу были механическими, обнаружилась потребность энциклопедически резюмировать все естествознание старой Ньютоно-линнеевской школы и за это дело взялись два гениальнейших человека — С. Симон (не закончил) и Гегель» («Диалектика природы»,

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы. Соф. М и Э., т. XIV, стр. 434.

стр. 33). Дальше Энгельс говорит, что теперь уже, когда новый взгляд в основных чертах сложился, Гегель является тоже недостаточным.

Энгельс высоко отзывается о гегелевской философии природы, в которой в зародыше дана теория развития, показывая, что в ряде пунктов Гегель выступает более решительным материалистом, чем современные естествоиспытатели. Но главное, повторяем, конечно в методе Гегеля. В письме к Ланге (1865 г.) Энгельс пишет: «насчет нелепости в деталях философии природы я с Вами, конечно, согласен, но его действительная философия природы заключается во второй части логики, в учении о сущности, которая составляет главное ядро всего учения. Современное естественно-историческое учение о взаимодействии сил природы является только другим выражением или, вернее, положительным доказательством гегелевских взглядов на причину, следствие, взаимодействие, силу и т. д.». Но наряду с этим Энгельс критикует целый ряд консервативных сторон гегелевской философии природы, он критикует систему Гегеля. «Вместе с идеалистическим исходным пунктом падает и построенная на нем система, в частности и гегелевская натурфилософия, но за вычетом этого остается еще диалектика». Именно диалектика Гегеля, освобожденная от ее мистифицированной формы, материалистически переработанная, — вот что решало судьбы нового естествознания.

И наконец третье, на что обращает внимание Энгельс, это, что естествознанию не обойтись без теоретического мышления, без философии.

Мы уже указывали, что характерной особенностью метафизического периода в естествознании был некий синтез философии и естествознания, естествознание шло рука об руку с философией, это было положительным явлением. Это как раз отсутствует в самый важный момент в развитии естествознания, именно в XIX веке, когда естествознание стихийно становилось на путь диалектики. Наоборот, в это время мы имеем повсеместный разлад естествознания с философией, непрерывное отмежевывание и брань естествоиспытателей по адресу философии и в то же время неизбежный скат, может быть порой бессознательный, к самым плоским, философским «системам». Поэтому Энгельс не раз подчеркивает следующие мысли: «как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь скверный философ, или же они желают руководствоваться разновидностью теоретического мышления, основывающегося на знакомстве с теорией мышления и его завоеваний. «Физика, берегись метафизики!» Это совершенно верно, но в другом смысле...» Или в другом месте Энгельс говорит: «естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют и бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг вперед, а для мышления необходимы логические определения, то они осторожно их заимствуют из хотячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов философии. В итоге они оказываются в плену философии, но к сожалению по большей части самой скверной, и в особенности люди, бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных философских систем». Мы увидим дальше яркое подтверждение этого на примере вульгарных материалистов.

В противовес этому Энгельс призывает естествоиспытателей, которых он называет «полузнатками в области теории», к изучению истории философии — греческой философии и в особенности новой философии, в первую очередь гегелевской, диалектический метод которой, будучи материалистически переработан, является величайшим кладом для современного естествознания.

Вульгарные материалисты как „разносчики дешевого материализма“ (Краткая общая характеристика вульгарного материализма)

После того как мы дали характеристику новой Германии, а также характеристику крушения старого идеализма и происходящего переворота в естествознании, нетрудно ответить на вопрос о причинах появления «модного течения» для Германии 50—60-х годов—вульгарного материализма (Бюхнер, Фогт, Мошотт).

Причины эти следующие:

Во-первых, вульгарный материализм являлся выражением тех социально-экономических изменений, которые произошли в Германии после 1848 г., он выражал совершившийся поворот старой, феодально-дворянской Германии к новой капиталистической индустриальной Германии, он выражал проснувшийся дух практицизма в немецкой буржуазии, охваченной промышленным, естественно-научным прогрессом и отвернувшейся теперь от теоретического мышления, представлявшего до этого одну из славных традиций Германии. Вульгарные материалисты оказались знаменосцами наступивших «будней» немецкого капитализма», знаменосцами «мелких дел» немецкой буржуазии. На их знамени было написано: «наука и опыт — вот лозунг времени» (так говорит Бюхнер в «Силе и материи», стр. XIV). Но этот лозунг вульгарных материалистов означал лишь, что они преклонялись перед практикой капитализма, воспевали ее и, наоборот, всячески поносили теорию.

Во-вторых, вульгарный материализм являлся отражением тех процессов, которые происходили в естествознании. Вслед за промышленным расцветом в Германии все жадно набросились на естествознание.

Фогт, Бюхнер, Мошотт, как врачи и естествоиспытатели, энергично разрывали естественно-научные взгляды. Но коренной порок всего их естественно-научного мировоззрения (что мы должны сразу же отметить) состоял в том, что они, будучи антидиалектиками (например Фогт продолжительное время был сторонником давно похороненного учения о неизменности видов), тормозили пропагандой своих метафизических взглядов развитие естествознания. Правильнее будет сказать, что они отражали те процессы в естествознании, которые шли ко дну. Меринг говорит, что вульгарные материалисты «бежали трусцой в обозе естествознания, энергично развивавшегося в 50-х годах, как это бывает во все эпохи промышленного расцвета» («Ист. герм. с.-д.», т. II, стр. 209). Самое большее, на что оказались способными вульгарные материалисты, это стать сторонниками дарвинизма, как пишет Энгельс, «благодаря восхождению в моду дарвинизма, который эти господа сейчас же взяли в аренду»¹). Собственные же их естественно-научные взгляды были ограничены и плоски, о чем не один раз с большим сарказмом писали Маркс и Энгельс²).

¹) Но ставши сторонниками дарвинизма, они не перестали расходиться с ним в ряде коренных пунктов естествознания, например Фогт прямо критикует Дарвина, во-первых, за то, что Дарвин в своей теории естественного подбора придавал мало значения влиянию среды, влиянию внешних условий; во-вторых, если у Дарвина естественный подбор оказывается по преимуществу орудием совершенствования, то Фогт придает большее значение явлениям регресса; в-третьих, Дарвин все существующие формы выводит из немногих, даже из одной, Фогт это отрицает; в-четвертых, Дарвин подчеркивает расхождение признаков, т. е. постепенно увеличивающееся различие потомков, Фогт—значение схождения: потомки различных предков все более сходятся, и т. д.

²) Вот что например писал Энгельс Марксу в 1869 г. по поводу нелепых открытий вульгарных материалистов: «Мир становится все холоднее, температура вселенной выравнивается, когда вся жизнь станет невозможной—мир будет состоять из замерзших шаров... господа эти конструируют мир, который начинается

Все их заслуги в области естествознания (если допустимо о таковых говорить) не простирались дальше того, что «все новые успехи естественных наук служили им лишь новыми доводами против существования творца вселенной. Осмыслить же и теоретически обосновать происходящие процессы в естествознании они не способны были, они не способны были даже цельно описать успехи естественных наук». Энгельс в «Диалектике природы» писал, что «Бюхнер не мыслит, а списывает».

В-третьих, вульгарный материализм явился своего рода реакцией на идеализм. Уже с 1830 года заколебалась почва под ногами идеализма. Он утрачивал свое повсеместное господство и, раздираемый на клочья различными школками после Гегеля, шел к безнадежному тупику. Выражая когда-то лучшие идеалы немецкой буржуазии, теперь он в лице лучших своих представителей поставил себя на службу абсолютизму. Вместо того, чтобы смело смотреть на немецкую действительность, идти вместе с немецкой буржуазией навстречу буржуазной революции, он, одетый в громоздкие, тяжеловесные одежды гегелевской системы, воспевал незыблемость, вечность Прусской монархии. Премудрость идеализма в 40-х годах «окончательно истощилась, и он был смертельно ранен революцией 1848 года». «На могильном холме, под которым были погребены его смертные останки, сидел теперь забавный гном»—вульгарный материализм. Сам Бюхнер говорит, что его материализм явился результатом «отрезвления Германии, так склонной к спекуляции в результате мощного развития естественных наук» («Сила и материя», стр. 288). Но материализм Бюхнера и других оказался способным лишь только отвергнуть, отбросить, но не преодолеть идеализм. Только марксизм, революционное учение пролетариата, который выковался в это же время на опыте капиталистического развития Германии и других стран, оказался способным преодолеть немецкую идеалистическую философию.

Итак, вульгарный материализм явился выражением тех изменений, которые произошли в Германии после революции 1848 года. Именно—он явился результатом совершившихся социально-экономических изменений, Германия стала капиталистической страной. Немецкая буржуазия, охваченная практицизмом, отвернулась от теории. Вульгарный материализм явился результатом крутой ломки, происходящей в естествознании, наконец он явился реакцией на потерпевший крушение идеализм.

Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что «с некоторых пор философские системы, в особенности натур-философские, растут в Германии, как грибы после дождя, не говоря уже о бесчисленных системах в политике, в политической экономии и т. д.» («Анти-Дюринг», стр. 315). Вульгарные материалисты, будучи идеологами немецкой буржуазии, представляли как раз одну из таких «систем», в лице которой молодая немецкая буржуазия, презиравшая вообще теорию, тем не менее чаяла теоретически обосновать, оправдать начавшееся свое господство. «Вульгарный материализм был просто модной

нелепостью и кончается нелепостью—высшее завершение «материализма»! (т. XXIV, стр. 180)

Или вот отрывок из письма Маркса к Энгельсу в 1868 г. по поводу книги Бюхнера «Сила и материя». «Странно Бюхнера представляет для меня интерес в том отношении, что там цитируется большинство немецких исследований в области дарвинизма—проф Иегер (Вена) и проф. Геккель. Эти исследования хоронят клеточку, как первичную форму, а считают отправной точкой, бесформенный, но способный к сокращению белковый комочек... «добросовестность», с которой Бюхнер знакомит с английской литературой, видна уже между прочим из того, что он Оуэна причисляет к сторонникам Дарвина» (т. XXIV, стр. 119).

Приведем еще одно место из письма Энгельса к Марксу в 1869 г. «В фогтовскую брошюру успел только заглянуть и увидел, что, по его мнению, лошади происходят от блох, если это так, то от кого же происходит осел, написавший эту брошюру» (т. XXIV, стр. 159).

игрушкой для буржуазии, которая могла его во всякое время сломать и действительно сломала, как только оказалось, что ханжество прибыльнее вольнодумства» (Меринг). В «Людвиге Фейербахе» Энгельс дал непревзойденную оценку и определил подлинное место вульгарных материалистов в истории философии. Вот что он писал: «Люди, взявшие на себя в 50-х годах в Германии роль разносчиков дешевого материализма, не пошли дальше своих учителей. Все новые успехи естественных наук служили им лишь новыми доводами против существования творца вселенной. Да они и не имели никакого призвания к дальнейшей разработке теории. Идеализм, премудрость которого к тому времени уже окончательно истощилась и который был смертельно ранен революцией 1848 г., имел по крайней мере то утешение, что материализм пал еще ниже. Фейербах был совершенно прав, снимая с себя всякую ответственность за этот материализм, только ему не следовало смешивать учение тогдашних бродячих проповедников материализма с материализмом вообще» (стр. 47) ¹⁾.

На основании этой классической оценки, данной Энгельсом, меньше всего приходится говорить, что вульгарный материализм сделал какую бы то ни было эпоху в истории философии. Мы постараемся дальше показать, что вульгарный материализм в ряде решающих вопросов спустился ниже французского материализма, явившись в лучшем случае выразителем взглядов эпигонов французского материализма (Кабанис и др.).

И если мы беремся за разбор взглядов вульгарного материализма, то это по следующим причинам: 1) вульгарный материализм на протяжении целого исторического отрезка имел большой успех в ряде стран, и в особенности в Германии ²⁾, следствием чего явилось то, что он сыграл некоторую роль, во-первых, в популярном распространении естественно-научных взглядов, во-вторых, в распространении атеизма в Германии; 2) вульгарный материализм совсем не был случайным явлением в Германии; поскольку он представлял «новый вид» в развитии материализма, постольку он представляет интерес и значение для разбора; 3) наконец, что особенно важно подчеркнуть, современный механицизм (Аксельрод, Сарабьянов, Варьяш, Тимирязев и др.) имеет свои теоретические истоки не только в материализме XVII—XVIII веков (как это неоднократно освещалось в литературе), но не в меньшей мере и в вульгарном материализме 3-й четверти XIX века.

Теоретические предшественники вульгарного материализма

1) Фейербах и вульгарные материалисты

В связи с вопросом о теоретических истоках вульгарного материализма можно наметить по крайней мере три возможных пути происхождения

¹⁾ Не менее резкую оценку вульгарного материализма мы находим и у Маркса: «Великий Бюхнер послал мне свои 6 лекций о теории Дарвина и т. д. Книга еще не появилась, когда я был у Кугельмана, а теперь Бюхнер посылает мне уже второе издание. Способ, каким делаются такие книги, очень мил. Всякий, кто читал чепуху Ланге, знает, что глава о материалистической философии списана большей частью из упомянутого Ланге. И тот же самый Бюхнер смотрит со страданием сверху вниз на Аристотеля, которого он знает очевидно по наслышке. Но что меня особенно позабавило, так это следующее место по поводу произведения Кабаниса (1798 г.). «Кажется будто слушаешь К. Фогта, когда читаешь у Кабаниса изречения, вроде следующего «мозг предназначен для мышления, как желудок для пищеварения или печень для выделения желчи из крови» и т. д. Бюхнер полагает очевидно, что Кабанис списал у Фогта. У почтенного Бюхнера не хватает критического чутья для того, чтобы сделать обратное предположение. О самом Кабанисе он узнал наверное у Ланге. Таковы эти серьезные ученые (т. XXIV, стр. 129).

²⁾ Характерно, что книга Бюхнера «Сила и материя» в одной только Германии выдержала больше 20 изданий и была переведена почти на все иностранные языки. То же самое и в отношении книг Фогта и Моделшотта.

вульгарного материализма: первый — вульгарный материализм является возвратом к греческой философии (этот путь определяли для себя сами вульгарные материалисты, в частности Бюхнер); второй — вульгарный материализм есть продолжение и развитие взглядов французского материализма XVIII века, и наконец третий путь — вульгарный материализм перешагнул взгляды французского материализма и является непосредственным развитием взглядов Фейербаха.

Что касается первого пути, то по этому поводу много высказывался Бюхнер. Кокетничая с греческой философией, он особенно превозносил атомистику античной философии (в лице Левкиппа, Демокрита, Эпикура, Лукреция). Дальше атомистики греков Бюхнер собственно и не собирался идти.

Энгельс в «Диалектике природы» указывал, что в атомистике греков — наряду с положительной стороной нашли отражение и слабые стороны греческой философии. Сила греческой философии, ее бессмертная слава заключаются в диалектическом мышлении, которое, правда, «выступает еще в первобытной простоте, не нарушаемое теми милыми препятствиями, которые сочинила себе метафизика XVII и XVIII веков... которая загрозила себе путь от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь сущего». Всеобщая связь явлений в мире — в этом сила греческой философии, но в этом и слабость ее, как говорил Энгельс, поскольку греки не могли понять эту связь в подробностях.

Что касается третьего пути — непосредственного влияния Фейербаха на вульгарных материалистов, то эта точка зрения в литературе усиленно развивалась попами и идеалистами¹⁾. В этом не было ничего характерного, ибо попы и идеалисты, ослепленные борьбой с материализмом, не желали видеть никаких различий даже между материализмом Маркса и Энгельса и вульгарным материализмом, а тем более материализмом Фейербаха.

Вульгарные материалисты не раз торжественно объявляли Фейербаха своим учителем. Бюхнер называл Фейербаха «истинным философом освобожденного и автономного человечества», Молешотт считал его учение «геркулесовским подвигом». В своих письмах к Фейербаху он писал: «вы уничтожили философский и научный догматизм». Но, как известно, Фейербах, раскусивший действительный смысл учения вульгарных материалистов, резко отмежеввался от них. В связи с учением вульгарных материалистов он писал: «для меня материализм есть основа человеческой сущности и знания, но я не могу относиться к нему так, как относятся физиологи, естествоиспытатели в тесном смысле, например Молешотт. Для них он не основа здания, а само здание. Идя от этой точки назад, я совершенно соглашаюсь с материалистами, идя вперед — я расхожусь с ними». Фейербах был глубоко не прав в том отношении, что «он материализм как общее мировоззрение, вытекающее из известного взгляда на взаимные отношения материи и духа, смешивал с той особой формой, «опошленной» формой, в которой выражалось это мировоззрение в лице вульгарных материалистов»²⁾ (цит. по «Людвигу Фейербаху» Энгельса, стр. 45). Фейербах не понимал, что материализм, как и идеализм, прошел ряд ступеней, что материализму приходится

¹⁾ Между прочим на удочку этих попов и идеалистов попал и Деборин, который в своей вступительной статье к первому тому собр. соч. Л. Фейербаха писал, что вульгарные материалисты непосредственно примыкают к учению Фейербаха (стр. XLIV).

²⁾ В последней фразе Фейербах особенно неправ, когда он, выступая правильно против вульгарных материалистов, но вместе с тем находясь во власти философских предрассудков того времени, пытается вообще отделаться от слова материализм.

принимать «новый вид» с каждым новым великим открытием в естествознании. Но он был совершенно прав, когда утверждал, что материализм, упирающийся на естествознание, составляет только основу человеческого здания, но еще не само здание. Для него помимо естественной истории существовала еще история человечества. «Нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое подобно природе имеет свою историю развития и свою науку» (Энгельс, «Людвиг Фейербах», стр. 48). Этого неспособны были никогда понять вульгарные материалисты.

Отвергая точку зрения о непосредственном влиянии Фейербаха, о «непосредственном примыкании» вульгарных материалистов к учению Фейербаха, мы тем не менее не можем обойти ряда «стыков» материализма Фейербаха с материализмом Бюхнера, Молешотта и др. Его антропологизм, натурализм, его потребительская точка зрения, знаменитое положение—«человек есть то, что он ест», его метафизика, идеализм «вверху» и наконец неправильная критика, простое отметание всего рационального, что было в классической немецкой философии, в частности у Гегеля (его диалектика),—все это оказалось «камнем преткновения» и для вульгарного материализма.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» также говорит о том, что кое-что из взглядов Фейербаха «в известной мере» может быть отнесено и к Бюхнеру, Фогту, Молешотту, «с тем существенным отличием, что все эти философы были жалкими пигмеями и жалкими кропателями по сравнению с Фейербахом» (стр. 269).

2) Кабанис как непосредственный теоретический предшественник вульгарных материалистов

Остается второй путь: вульгарный материализм есть продолжение и развитие взглядов французского материализма. Но и эта точка зрения требует существенных разъяснений.

Как известно, Маркс и Энгельс в «Святом семействе» в главе «Критическое сражение с французским материализмом» намечают два направления во французском материализме. Одно берет свое начало от Декарта, другое — от Локка. «Последний вид материализма составляет по преимуществу французский образовательный элемент и ведет прямо к социализму. Первый — механический материализм, сливается с французским естествознанием. В ходе развития оба направления перекрещиваются». И дальше: «механический французский материализм примкнул к физике Декарта в противоположность его метафизике... Врачом Леруа начинается эта школа, а во враче Кабанисе она достигает своего кульминационного пункта, врач Ламетри является ее центром... Картезианский материализм существует и поныне во Франции. Значительных успехов он достиг в механическом естествознании» (М. и Э., т. III, стр. 154—155).

В этих положениях Маркса и Энгельса predeterminedены теоретические истоки вульгарного материализма. Вульгарный материализм замыкает собой один из кругов французского материализма, именно картезианский материализм. Но его принципиальное отличие от материализма Леруа, Ламетри и даже Кабаниса состоит в том, что он в новую эпоху и по отношению к диалектическому материализму Маркса был уже реакционным явлением, он не способствовал движению вперед философии, естествознания; он выродился в дальнейшем в позитивизм, а затем уступил место философской реакции махизма, неокантианства и прагматизма.

Мысль о том, что теоретические истоки вульгарного материализма надо искать в картезианском материализме, требует еще большего уточнения, или, правильнее сказать, сужения.

Леруа, Ламетри — это сравнительно отдаленные предшественники вульгарного материализма. Уже в основных работах Ламетри («Естественная история души» — 1745 г., «Человек — машина» — 1748 г., «Человек — растение») заложены прочные основания для вульгарного материализма — для механицизма, натурализма, физиологизма и т. д.

Но непосредственным истоком направления вульгарного материализма мы считаем философию одного из видных последователей французского материализма — Кабаниса (1757—1808 гг.).

Основные произведения Кабаниса появились только через 15—20 лет после смерти французских материалистов (Дидро, Гольбаха и Гельвеция). Он скорее всего являлся эпигоном французского материализма. Его главное произведение «Отношение между физическою и нравственною природою человека» находилось на большой дистанции от «Системы природы» Гольбаха. Различие сводилось не только к тому, что они по времени появления во Франции были очень отдалены друг от друга¹⁾. Произведение Кабаниса уже не являлось таким боевым, революционным произведением, каким являлось произведение Гольбаха²⁾. Оно не являлось таким всеохватывающим, в известной мере всесторонним произведением, каким для своей эпохи являлась «Система природы».

Если Гольбах, замыкая первое поколение французских материалистов, попытался дать философию природы, то Кабанис попытался дать только философию физиологии.

Целью работы Кабаниса является ответить на вопрос: допустимо ли говорить о двойственности человеческой природы, допустимо ли говорить, что человек состоит из двух независимых самостоятельных природ — духовной и телесной, или на языке Кабаниса нравственной и физической природы. Словом, перед ним стоит задача — определить взаимоотношение этих двух сторон человеческой природы, причем эту проблему он ставит и разрешает только в физиологической плоскости.

Кабанис отправляется от ощущений или, как он называет, от «физической чувствительности».

Физическая чувствительность есть крайний предел или последнее выражение явлений, составляющих то, что мы называем жизнью, она же представляет первое из явлений, составляющих наши умственные способности. Таким образом физическая и нравственная природа человека сливаются при своем источнике или, говоря точнее, нравственная природа человека есть та же физическая, рассматриваемая только с иной точки зрения.

Без чувствительности мы не могли бы составить себе понятия о существовании предметов вне нас, мы не могли бы отличить и нашего собственного существования, т. е. мы бы и не существовали. Мы чувствуем — мы существуем.

Чувствительность одушевляет органы, вследствие закона чувствительности органы получают ощущения, вследствие ощущений они двигаются: чувствительность, пробуждаясь или преобразуясь в той или другой части нервной системы, проявляется то под видом мысли и сознания, то под видом воли и желания; она доставляет впечатления, из которых рождаются суждения, она переносится из одной части в другую, рассеивается по всему организму и проявляется в симпатических явлениях между органами. Она управляет как растительной, так и животной жизнью, как нравственной деятельностью, так и рассудочной. Она направляется то к одному, то к другому органу,

¹⁾ «Система природы» появилась в 1770 г., а «Отношение между физическою и нравственною природою человека» в 1802 г.

²⁾ В этом сказалось уже влияние новой эпохи.

смотря по потребностям организма: здесь она — ощущение, там — впечатление или движение, тут она — страсть, там — разум и пр.

Нравственные различия проистекают от различий физической организации человека.

Итак, вывод, который получился у Кабаниса на этой основе, таков: если мы возьмемся за изучение человеческой организации и всех видов изменений, вносимых в нее темпераментом, возрастом, полом, климатом, болезнями, то только это прольет свет на образование мысли, на нравственное состояние человека.

Как видно из всего вышеизложенного, Кабанис устремляет свое внимание не просто на обоснование чувственности как источника наших ощущений, которые (ощущения) получаются через посредство воздействия внешних предметов на чувства человека; его задача заключается в обосновании самостоятельной роли человеческого организма, его внутренних состояний как непосредственного источника наших ощущений. Он говорит следующее: из постоянного действия внешних предметов на чувства человека вытекает замечательная сторона его существования, но справедливо ли, что нервные средоточия получают и сравнивают только впечатления, получаемые ими от внешних предметов. А не зарождаются ли в человеческом мозгу образы и представления самим чувствующим организмом. Кабанис отвечает положительно на этот вопрос. Доказать непосредственную зависимость нравственной природы человека от внутреннего состояния его организма — в этом средоточие работы Кабаниса.

Все эти рассуждения, по которым универсализируется «физическая чувствительность», вернее «внутренняя чувствительность», «внутреннее состояние организма» дают возможность Кабанису сделать следующие выводы: способность чувствовать и двигаться составляет существенное свойство человека. Чувствительность состоит в способности нервной системы отзываться на впечатления («нервы составляют исключительное местопребывание чувствительности внутренних органов, они разносят ее по всем органам»). Впечатления могут быть внутренние и внешние. Внешние впечатления, являющиеся результатом действия внешних предметов на органы чувств, вызывают раздельное сознание о себе и носят название ощущений; внутренние впечатления, вытекающие из правильного развития отправлений или из болезненного состояния различных органов, большей частью смутны и неопределенны, они могут быть названы инстинктом¹⁾. Всякое движение внутренних органов вызывается впечатлением, а нервы «оживотворяют» органы чувствительности и направляют органы движения. При получении ощущения нервный орган действует отраженно на самого себя, но также действует отраженно на прочие органы, которым сообщает способность двигаться. В частности головному мозгу этим сообщается способность производить мысли. На этой основе и получается одно из важнейших положений Кабаниса: «Чтобы составить себе точное понятие об отправлениях, результатом которых является мысль, следует рассматривать головной мозг как отдельный орган, предназначенный исключительно для ее производства, подобно тому, как желудок и кишки совершают пищеварение, печень вырабатывает желчь, околоушные, подчелюстные и подязычные железы отделяют слюну. Впечатление, дойдя до мозга, возбуждает в нем деятельность, подобно тому, как пища, попадая в желудок, вызывает в нем обильные отделения пищеварительного сока и движения, способствующие ее растворению. Отправление мозга состоит в сознании каждого отдельного впечатления, выражении его знаком, в сочетании различных впе-

¹⁾ Правда, инстинкт Кабанис понимает не в обычном, как он выражается, смысле. «Инстинкт есть результат раздражений, возбудители которых находятся внутри... т. е. как результат впечатлений, полученных внутренними органами».

чатлений, сравнении их между собою, в составлении суждений, подобно тому, как отправление желудка состоит в действии на питательные вещества, вызвавшие его к деятельности, в растворении их». Далее Кабанис говорит примерно следующее: нам возразят, что органические движения, из которых совершается отправление мозга, нам неизвестны. Но и деятельность нервов желудка, вызывающих различные отправления пищеварения, тоже не менее скрыта от нашего исследования. Мы видим, что пища поступает в эту полость с известными качествами, мы заключаем, что именно полость произвела в ней изменения. Т а к и м ж е точно образом мы замечаем, что впечатления достигают до головного мозга, через посредство нервов они поступают в него отрывочными и бессвязными. Орган приходит в деятельность, он действует на них и скоро возвращает их в превращенном представлении и наконец выводит их наружу при содействии игры физиономии и жестов, или звуков языка и письма «С наименьшей достоверностью мы заключаем, что головной мозг в некотором смысле переваривает впечатления, что он органически выделяет мысль».

Взяв в качестве отправного пункта для своих взглядов ощущение или «физическую чувствительность» — сперва сознание, мышление он свел без остатка к этой чувствительности, а затем, поскольку он центр тяжести перенес на «внутреннее» состояние организма, на внутреннюю чувствительность, постольку он должен был замкнуть свои рассуждения превращением мышления, сознания в органическое «выделение» мозга подобно тому, как желудок и кишки совершают пищеварение.

Такова физиология Кабаниса, которая была и его философией.

Проблема отношения материи и сознания у вульгарных материалистов

1) Материя и сила

Отправляясь от предметного, материального мира, вульгарные материалисты в качестве одной из центральных проблем своих исследований ставят и разбирают проблему материи. По существу она сводится к вопросу о свойствах материи. «Сущность вещей есть сумма их свойств»... «Материи без свойств никогда не приходилось наблюдать, а потому она и немыслима» (Молешотт, «Круговорот жизни», стр. 215, 219).

В числе свойств материи вульгарные материалисты на первый план выделяют силу как свойство материи, затем следует бесконечность, вечность, неумножаемость материи, пространство, форма, движение как свойство материи, наконец соотношение материи и сознания. Разумеется, нам нет необходимости останавливаться на всех свойствах материи, ибо в этом отношении вульгарные материалисты ничего оригинального не дают по сравнению с французским материализмом. Мы разберем только два вопроса: о силе как свойстве материи и соотношении материи и сознания.

«Нет силы без материи, нет материи без силы» так начинает свое главное произведение Бюхнер («Сила и материя», стр. 2).

Сила и материя, по Бюхнеру, — одна и та же вещь, рассматриваемая с различных точек зрения. В чувственном мире мы не знаем ни одного примера существования материальных частиц, не одаренных силами или не получающих от них своей активности. Больше того, материя как таковая не способна произвести впечатление на наши органы восприятия или чувства без посредства сил, соединенных с нею или действующих в ней. Даже идеальны мы совершенно не в состоянии создать себе представление материи без силы. Словом, понятие материи без силы так же лишено смысла, как понятие силы без материи. «Строго говоря, не может быть речи об электричестве, можно говорить о наэлектризованной или находящейся в электрическом состоянии материи. Также следует говорить не о

свете, а лишь о светящемся или находящемся в состоянии световых колебаний теле; не о тяжести, а только о теле, производящем давление вследствие притяжения, и т. д.» («Сила и материя», стр. 3).

Целый ряд авторов определяет силу то просто как свойство материи, то как работоспособность материи. «Еще более точно,—пишет Бюхнер,—можно определить силу как состояние активности, или как движение материи, или ее мельчайших частиц, или как способность к этому, а еще точнее как слово (?) для обозначения причины возможного или действительного движения» (стр. 5, разрядка Бюхнера).

«В сущности,—пишет в другом месте Бюхнер,—нам теперь не более чем прежде известно, что такое материя в себе или сила в себе и вероятно мы не узнаем этого никогда (!). Но нам и не надо этого знать, потому что, как было указано, их разделение на две самостоятельные сущности может быть произведено только мысленно, а не в действительности, и потому что эти два слова, так же как слова «дух» и «материя»,—лишь знаки (?), служащие для характеристики различных видов или проявлений одной и той же сущности, или первоосновы вещей, подлинная природа которой нам неизвестна» (стр. 5). В этом же смысле высказываются Молешотт и Фогт. Молешотт говорит: «сила не есть какой-либо бог, дающий толчок материи; сила, как бы парящая над материей,—вздор. Сила присуща материи и от нее не отделима. Попробуйте представить себе материю без силы, например без силы притяжения или отражения, без сцепления или сродства, и тогда исчезнет сама идея материи, потому что тогда не будет находиться она в определенном состоянии. И наоборот, что такое сила без материи — электричество без электризуемых частиц, притяжение без взаимно притягивающих атомов и т. д.».

Из всего сказанного Бюхнером и Молешоттом следует, что: 1) для них существует материя только в физическом смысле, материя как находящаяся в «определенном состоянии», 2) нет никакой «жизненной силы», стоящей над материей, «творческой силы», обуславливающей существование материи, 3) «силу» они не отвергают, а переносят во внутрь материи, делая ее свойством материи, без которого не существует материи, 4) «сила» есть не просто свойство материи, а «состояние активности» или «причина возможного или действительного движения», 5) природа материи силы нам неизвестна, и мы ее не узнаем никогда.

Но для того, чтобы нам более полно понять все эти положения вульгарных материалистов, остановимся кратко на их понимании движения и на том, какое место они ему отводят. Бюхнер в «Силе и материи» рассматривает движение как «вечное, так же не отделимое свойство материи», «как необходимое состояние материи... материи без движения так же не существует, как материи без силы... движение не может быть выведено ни из какой силы, так как оно есть сущность самой силы и потому не может возникнуть, а должно быть вечно всюду... движение—душа материи...» (стр. 44). Движение так же вечно и так же безначально, беспричинно, как сила и материя.

Надо отметить, что если понимание движения у Бюхнера в основном идет по той же линии, что у французских материалистов, то взгляды Молешотта по этому вопросу более отсталые и реакционные. В «Круговороте жизни» он пишет: «одно из самых общих свойств материи состоит в том, что она при благоприятных условиях (?), как сама может придти в движение, так и приводить в движение другие вещества. Такими «благоприятными» условиями он считает положение, когда «два вещества приходят в достаточно быстрое соприкосновение» (стр. 216).

К сделанным ранее выводам мы можем прибавить еще, что: 1) вульгарные материалисты наряду с силой признают движение как свойство материи; 2) движение не выводится ими из силы, т. е. не возникает из силы, оно вечно, оно есть сущность самой силы; 3) сила, не являясь сущностью движения, тем не менее является причиной движения. «Вследствие силы происходит движение и изменение» (Бюхнер «Сила и материя», стр. 16). Только сила, вызывая движение, делает возможным «состояние активности» материи.

Необходимо отметить также еще одну важную мысль вульгарных материалистов. Стоя на точке зрения неизменности в процессе «Круговорота» материи, силы, движения и допуская изменение «лишь суммы отдельных форм» (ибо форма есть нечто внешнее, случайное), вульгарные материалисты настаивают также на отождествлении всех встречающихся в природе сил. Например Бюхнер считает, что все виды силы, движений могут быть превращены целиком и без остатка в теплоту. «Сила, движущая локомотив, есть частица солнечной теплоты, превращенная в машинную работу, совершенно так же, как работа, созидаящая мысль в мозгу мыслителя или кующая гвозди рукой работника» (там же, стр. 19).

Итак, из всех рассуждений вульгарных материалистов о материи, силе и движении нам важно отметить, что вульгарные материалисты, отправляясь от природы, от материи, выступили решительными противниками сотворения природы, допущения какой бы то ни было «творческой силы» как источника существования материи. Силу они объявили свойством самой материи, при посредстве которой материя приходит в движение.

Известно, что со времени Ньютона в науке прочно утвердилась теория, рассекавшая материальную действительность на две несоединимые части. С одной стороны, мертвая инертная материя, с другой стороны, сила как нечто внешнее по отношению к материи, стоящее над нею и приводящее ее в движение при определенных условиях. «Сила есть действие, производимое над телом, чтобы изменить его состояние покоя или равномерного прямолинейного движения. Сила проявляется только в действии и по прекращении действия в теле не остается (Ньютон, «Математические начала», стр. 25). В поисках причины силы Ньютон должен был прийти к отождествлению внешней силы с божественной, к теории первоначального божественного толчка. Эта теория силы как первоначального божественного толчка оставалась незыблемой и ко времени вульгарных материалистов. Ряд крупнейших естествоиспытателей защищал теорию так называемой «жизненной силы» и в числе их друг и враг вульгарных материалистов—Либих.

Тот факт, что вульгарные материалисты резко выступили против «жизненной силы», против «творческой силы», «силы извне», за вечность мира и его несотворимость, был положительным фактом в мировоззрении вульгарных материалистов. Но поскольку они не уничтожили совсем «силу», а перенесли ее извне во внутрь материи как причину движения, постольку они не разделились с идеализмом, а наоборот, с другого конца скатились в лагерь идеалистов.

Разберемся в этом более подробно. В новейшее время выступил ряд естествоиспытателей с так называемыми «энергетическими теориями». По существу эти теории были своего рода видоизмененными теориями «жизненной силы». Известно, как Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» разгромил энергетическую теорию немецкого естествоиспытателя Оствальда, пытавшегося подменить материю и сознание энергией. Среди русских ученых академик Бехтерев тоже выступил с теорией замены материи и движения энергией.

По поводу энергетизма Энгельс уже в «Диалектике природы» подчеркивал, что термин «энергия» не выражает правильно даже всего явления движе-

ния, ибо он подчеркивает только одну сторону его действия, но не противодействия, кроме того он способен вызвать мысль о том, будто «энергия» есть нечто внешнее для материи, нечто привитое ей. Но во всяком случае, он заслуживает предпочтения перед выражением «сила». Ленин при конспектировании лекций Фейербаха о сущности религии (Лен. сборн. XII, стр. 1—9) также отмечает: «Фейербах употребляет выражение: энергия, т. е. деятельность. Это стоит отметить. Действительно в понятии энергия есть суб'ективный момент, отсутствующий например в понятии движения. Или, вернее, в понятии или словоупотреблении понятия энергия есть нечто, исключаящее об'ективность».

Следовательно Энгельс и Ленин, резко выступая против понятия «энергии», подчеркивали узость этого термина по сравнению с движением, подчеркивали, что понятие энергия может породить мнение, что будто энергия есть нечто внешнее по отношению материи, что оно исключает об'ективность, есть нечто суб'ективное. Тем в большей степени это необходимо сказать о «силе». Критикуя Гельмгольца, Энгельс говорит, что «Представление о силе заимствовано... из проявления деятельности человеческого организма по отношению к окружающей его среде. Мы говорим о мускульной силе, о поднимающей силе рук, о прыгательной силе ног, о пищеварительной силе желудка... о силе ощущений, нервов... и т. д. Иными словами, чтобы избавиться от необходимости указать реальную причину изменения, вызванного какой-нибудь функцией нашего организма, мы сочиняем некоторую фиктивную причину, соответствующую этому изменению, и называем ее силой. Мы переносим затем эту удобную категорию и на внешний мир, сочиняем столько же сил, сколько существует различных явлений». Как говорит Энгельс, Гегель уже выступил против стремления придумывать повсюду силы, он говорил, что «лучше сказать, что магнит (как выражается Фалес) имеет душу, чем, что он имеет силу притягивать, сила—это такое свойство, которое, как отделимое от материи, представляет себя в виде предиката, душа же, это—движение себя, одно и то же вместе с природой материи» («Диалектика природы», стр. 247).

Гельмголец считает силу «об'ективированным законом действия», а Энгельс отвечает ему, что «к установленному раз закону и к его об'ективности или же к об'ективности его действия не прибавляется ни малейшей новой об'ективности от того, что мы поставим на его место некую силу, здесь присоединяется лишь наше суб'ективное утверждение, что этот закон действует при помощи некоторой, совершенно неизвестной силы...» (стр. 249). «Мы ищем прибежища в слове сила не потому, что мы вполне познаем закон, но именно потому, что мы его не познаем... Таким образом, прибегая к понятию силы, мы выражаем не наше знание, а наше отсутствие знания природы закона и способа его действия. В этом смысле в виде краткого выражения еще не познанной причинной связи, в виде уловки языка она может перейти в обычное употребление. И даже в этом смысле выражение силы неудачно, поскольку оно выражает явления односторонним образом. Все процессы в природе двухсторонни, основываясь по меньшей мере на отношении между двумя действующими частями—действием и противодействием. Сила предполагает только одну часть как активно-действенную, другая же часть—противодействие представляется как пассивно воспринимающая, как сопротивление» («Диалектика природы», стр. 279).

Таким образом Энгельс не оставляет для понятия силы места, об'являя ее суб'ективной категорией, запутывающей человеческое сознание. И если в механике продолжают до сих пор употреблять понятие силы, желая этим выразить причины движения, то это делается лишь постольку, поскольку не вредит механике как таковой. Во-вторых, поскольку в механике речь идет о простом

перенесении движения и о количественном его вычислении, постольку понятие силы может быть употребляемо для «измерения движения», т. е. для его количественного вычисления, измерения, но Энгельс подчеркивает, что и в этом случае категория силы есть просто «умственная операция». Переносить же понятие силы в область физики, химии, геологии—это значит в лучшем случае скатываться к путанице, а в худшем—притти к «жизненной силе», к витализму.

Возвратимся к вульгарным материалистам. Силу как внешнюю причину существования материи, как «творческую силу» они упразднили, но они универсализировали силу как свойство материи, как причину движения и как причину активности материи. Совсем не случайно они вслед за этим должны были заявить, что как природа материи, так и природа силы неизвестны и непознаваемы. Так, метафизический материализм вульгарных материалистов приводит в конечном счете в болото идеализма и агностицизма, ибо вульгарные материалисты только на словах объявили движение свойством материи¹⁾, а на деле получилось, что движение только тогда присутствует в материи, когда неизвестная сила активизирует материю. На словах признавая движение как сущность силы, они на деле скатились с позиции, что сила порождает движение. Мошотт оказался «более последовательным», когда он признавал, что движение есть результат благоприятных условий, именно результат «соприкосновения тел».

Введением силы как свойства материи и как причины движения вульгарные материалисты бесспорно сделали шаг назад по сравнению с французскими материалистами, у которых в понимании материи не оставалось места для какой бы то ни было таинственной и непознаваемой силы.

2) Материя и сознание

Меринг говорит, что вульгарные материалисты споткнулись о мышление, как идеалисты споткнулись о бытие. Это вполне верно. Проблема соотношения материи и сознания—одно из самых слабых и уязвимых мест вульгарного материализма. Недаром Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал: «От вульгарных материалистов Фогта, Бюхнера, Мошотта Энгельс отгораживался, между прочим именно потому, что они сбивались на тот взгляд, будто мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь» (т. XIII, стр. 38).

Как известно в истории материализма существует ряд оттенков по вопросу о происхождении сознания. Гольбах и Пристлей утверждали, что сознание возникает в движущейся материи лишь в тех случаях, когда она организована известным образом. Наоборот Спиноза, Дидро, Ламетри настаивали на том, что материя всегда обладает сознанием, хотя только при известной ее организации сознание достигает сколько-нибудь значительной степени интенсивности. Известно, что к последней точке зрения скатывался и Плеханов, принимая теорию всеобщей одушевленности материи, подтверждая правильность знаменитого положения Дидро о том, что «камень мыслит». Только Маркс, Энгельс, Ленин правильно разрешили этот вопрос. Ленин писал: «Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное—материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и в фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать способность, сходную с ощущением» (т. XIII, стр. 37).

¹⁾ Определение движения только как свойства материи Энгельс признает также недостаточным. В «Айти-Дюринге» он пишет: «Движение есть форма существования материи, следовательно нечто большее, чем свойство» (стр. 343).

Маркс и Энгельс построили все свои взгляды, исходя из первичности материи и вторичности сознания, и при этом всегда доказывали, что сознание, возникая на известной ступени развития материи, является свойством только высоко организованной материи. Из этих исходных положений Маркса и Энгельса вытекали два вывода. Первый — сознание необходимо выводить только из бытия, сознание есть продукт бытия, но продукт бытия на определенной ступени развития; второй — сознание, являясь продуктом бытия, не может быть сведено к бытию, не может быть отождествлено с ним. Маркс и Энгельс, настаивая, что бытие является единственным источником для сознания, вместе с тем настойчиво отстаивали различие между бытием и сознанием. «Познание существенного, нестираемого различия между мышлением и жизнью (или действительностью) есть начало всякой премудрости в мышлении и в жизни. Только различие является здесь истинною связью» (Лен. сборн. XII, стр. 121).

Вульгарные материалисты потому и были материалистами, что они отпирывались также от природы, от материи, считая сознание вторичным. Они поставили перед собой задачу «подновить» материализм! Но в том «новом», что они внесли в материализм, они не шли дальше эпигонов французского материализма, в частности дальше Кабаниса. Рассмотрим их взгляды на происхождение мышления, сознания.

Бюхнер начинает с правильного положения: «Отделять материю от духа, тело от души — значит ниспровергать естественную истину, ставить одно (т. е. дух) выше другого — это чудовищное покушение на разрушение мировой гармонии» («Сила и материя», стр. 37). Веществу или материи присущи не только физические, но и духовные силы. Эти последние появляются там, где встречаются необходимые для этого условия «или где движущаяся определенным образом материя в мозгу или нервной системе таким же образом производит явления ощущений и мышления, как при других обстоятельствах явления притяжения и отталкивания» (стр. 37). Значит, первое необходимое условие мышления, сознания — существование материи и ее движение. «Если материя может падать на землю, то она также может и мыслить. В форме камня она падает на землю, в форме мускула она сокращается, в форме живой нервной субстанции она получает способность ощущать и мыслить или познавать самое себя» (стр. 37). Таким образом разнообразие или изменение форм материи благодаря ее движению делает возможным появление ощущения или мышления. Итак, необходимые условия существования мышления и сознания: существование материи, ее движение, разнообразие ее форм.

Мышление, сознание как форма бытия присущи не только человеку, они относятся и к животному миру, достигая у человека только большей степени интенсивности.

Как же точно определить мышление? Молешотт определяет его так: «Мысль есть движение, перемещение мозгового вещества. Мышление есть протяженный процесс и именно тем более протяженный, чем более он сложный. Оно существует через посредство передвижения мельчайших материальных частиц мозга. Оно поэтому само материально, но движется своеобразным способом, за ним следуют те явления, которые обыкновенно называются духовными, они не возникают без материи, не существуют без материи, не могут быть восприняты без материи». Более распространено на эту тему высказывание Бюхнера. Он говорит, что слова: душа, дух, мысль, ощущение, воля, жизнь не обозначают каких-либо сущностей, или каких-либо действительных вещей. Они лишь свойства, способности, отправления живой субстанции или результаты сущностей, коренящихся в материальных формах бытия. Это положение, надо сказать, противоречиво у Бюхнера, ибо у него мышле-

ние фигурирует то как свойство, как отправление самого бытия, т. е. как движение самого вещества, то как результат «сущности» или движения вещества. Это не одно и то же.

Но мы находим у Бюхнера и более четкое определение: «Мышление должно рассматриваться, как особая форма всеобщего естественного движения, она настолько же характерна для субстанции центральных нервных элементов, как движение сокращения для мускульной субстанции, движение света для мирового эфира... Вследствие этого ум, мысль—не сама материя, они материальны лишь в том смысле, что представляются проявлением материального субстрата, от которого не отделимы как сила от материи, как теплота, свет, электричество не отделимы от их субстратов. Мышление и притяжение могут поэтому рассматриваться лишь как две стороны или как два способа проявления одной и той же субстанции» («Сила и материя», стр. 174).

В этих рассуждениях Бюхнера бесспорно есть некоторые оттенки, различия по сравнению с Молешоттом. Бюхнер с оговорками признает материальность мышления, но главный упор он делает на тождественные стороны между материей и мышлением, на отождествлении процесса мышления с механическими, физическими и физиологическими процессами и конечно совершенно обходит различия между материей и мышлением.

Фогт оказался более «последовательным». Свой взгляд на мышление и его происхождение он выразил в «Физиологических письмах» следующей известной формулой: «Я полагаю, что каждый естествоиспытатель при сколько-нибудь последовательном размышлении придет к тому убеждению, что способности, известные под названием душевной деятельности, суть только отправления мозгового вещества, или, выражаясь несколько грубее,—мысль находится почти в таком отношении к головному мозгу, как желчь к печени, или моча к почкам» (стр. 335). В этом положении Фогта не содержалось ничего нового, ибо, как мы уже раньше отмечали, эта мысль воспроизводила взгляды Кабаниса. Но она более откровенно и ярко выражала действительный взгляд вульгарных материалистов на мышление как физиологическое отправление организма, как на «отправление мозгового вещества». Вокруг этой формулы Фогта было поднято много шума, но она ревностно отстаивалась единым фронтом Фогта, Молешотта и Бюхнера и вошла в их мировоззрение как одна из центральных его частей. В «Круговороте жизни» Молешотт писал: «Сравнение Фогта неоспоримо, если понять, в каком смысле Фогт употреблял его. Мозг так же необходим для образования мысли, как печень для приготовления желчи и почки для отделения мочи. Но мысль так же мало похожа на жидкость, как и теплота и звук. Мысль — движение, превращение мозгового вещества» (стр. 135). Впоследствии Бюхнер делал попытки «поправить» Фогта, но он по существу защищал эти же позиции. В «Силе и материи» он говорит, что основная мысль Фогта не в том, будто бы мозг вырабатывает какое-либо вещество подобно печени или почкам. «Он производит лишь деятельность, являясь высшим плодом и расцветом всякой земной организации». Основная мысль Фогта заключается в том, что «как не существует желчи без печени, мочи без почек, точно так же нет мысли без субстанции, психическая деятельность есть функция, или отправление мозговой субстанции» (стр. 178).

Таким образом, «поправки» Молешотта и Бюхнера сводились только к тому, что они не склонны были уподоблять мышление «жидкости», «веществу», выделяемому почками и печенью. Но они целиком разделяли и защищали точку зрения Фогта, что мышление есть физиологический процесс, т. е. мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь, что психическая жизнь есть функция, или отправление мозговой субстанции.

В «Образах животной жизни» Фогт еще более резко формулирует свои взгляды. Он говорит, что для естествоиспытателя душа, мысль не есть нематериальное, отдельное от тела начало, она — только «собирательное имя» для разных функций, принадлежащих исключительно нервной системе, а у высших животных — центральной нервной системе — головному мозгу. Могут сказать, что это — голый материализм, что человек превращен в животное, машину. «Но все это, — пишет Фогт, — я ничего сказать не могу, кроме того, что это правда. — Мы ни на минуту не бываем властелинами самих себя, всего рассудка и наших душевных сил, точно так же, как мы не бываем властелинами того, что наши почки производят или нет свойственные им отделения... То, что мы думаем в известные мгновения, — это бывает результатом нашего настроения, состава нашего мозга в известное мгновение, состава и настроения, которое в каждую минуту изменяется благодаря совершающейся циркуляции крови».

Итак, сущность взглядов вульгарных материалистов на мышление и его происхождение можно свести к следующему. Первое — мысль есть движение, перемещение материальных частиц мозгового вещества; второе — мышление есть материальный процесс, происходящий в мозгу; третье — мышление как форма движения аналогична мускульному движению, движению света, движению теплоты, различие только в том, что оно есть особая форма всеобщего естественного движения; четвертое — мышление или психическая жизнь есть функция или отправление мозговой субстанции (т. е. физиологическое отправление мозга).

Остановимся кратко еще на нескольких вопросах, тесно связанных со взглядами вульгарных материалистов на мышление только как на физиологический процесс.

Возьмем вопрос об особенностях мозга. Как видно из вышеизложенного, мозг призван играть решающую роль в производстве мышления, поэтому вульгарные материалисты тщательно анализируют его особенности. Они настойчиво подчеркивают, что мозг есть местопребывание «души», понимая под последней понятие для выражения всей деятельности мозга (также и нервной системы). «Так же как слово «дыхание» есть коллективное понятие деятельности органов дыхания, или слово пищеварение — коллективное понятие пищеварительных органов, так и душа есть коллективное понятие для выражения всей деятельности мозга» («Сила и материя», стр. 173). Затем они развивают теорию, заимствованную ими из френологии, что мозг похож на своего рода ящик с целым рядом отделений, из которых каждое предназначено для определенных потребностей, причем ряд отделений до сих пор остается незанятым. В «Силе и материи» Бюхнер пишет: «В мозгу имеется огромное количество нервных клеток, из которых каждая несет определенное отправление (память, фантазия, наслаждение, удивление, подражание и т. д.). Все же число существующих нервных элементов далеко превосходит потребность, мозг обладает громадным богатством незанятых мест, на использование которых пока еще нет надежды» (стр. 170).

Затем особенный интерес представляет анатомический, химический и прочий «анализ самого мозга». Вульгарные материалисты считают, что для того, чтобы дать оценку психической способности мозга, его способности к мышлению, необходимо по крайней мере изучение его с трех сторон: величины, формы и состава. Правда, величина мозга есть несовершенный масштаб для оценки мозга, решающее должно быть отведено форме и составу. К особенностям формы и состава необходимо отнести изобилие извилин, затем внутреннее строение и химический состав (плотность, обилие крови, борозд, фосфористость и т. д.). Вульгарные материалисты особенно

подчеркивают значение фосфора в мозгу. Молешотту принадлежит знаменитое положение, что «без фосфора нет мышления».

Мы останавливаемся на целом ряде довольно плоских положений вульгарных материалистов, чтобы показать, какие подчас делают реакционные выводы из этих мнимо-научных положений. Например Бюхнер утверждает, что все люди, принадлежащие к высшему сословию, имеют более объемистый мозг, чем принадлежащие к низшему сословию, занимающиеся физической работой. О черной расе Бюхнер говорит, что мозг негров более похож на мозг животных. «Какими детьми они являются по сравнению с белыми». А Форт строит целую теорию, что мозг человека прежде чем стать «кавказским мозгом», т. е. мозгом белых, должен пройти ряд превращений, свойственных животным, потом постепенно приобретает особенности, свойственные мозгу негро-малайцев, американцев, монголов и потом только становится кавказским мозгом.

По существу эти анатомические и физиологические теории послужили теоретическим обоснованием классовой и национальной розни и необходимости господства капитализма.

Перейдем теперь к вопросу об особенностях сознания. По этому поводу интересны рассуждения Бюхнера. Он определяет сознание или «сознание бытия» как общую сумму наших ощущений «или накопление, нагромождение, удержание в памяти образов». Вместе с первым ощущением дано и сознание его, хотя сначала еще глухое, неясное. Его отчетливость увеличивается по мере поднятия на высшие ступени от чувственных ощущений до абстрактного познания. Поэтому, чем ниже мы будем спускаться по лестнице организма, тем менее ясным и более смутным будет сознание, пока мы не дойдем до простейшего, состоящего из одной протоплазмы. Только у животных и человека сознание получает такое значение, что становится возможным рассматривать его как особую способность души. Утверждая, что сознание является сложным, протяженным, делимым и изменяющимся, Бюхнер например для доказательства его делимости приводит такой пример: «Что сознание делимо, доказывает факт, что низших животных (червей, полипов) можно резать на какие угодно части и каждая часть после этого продолжает отдельную жизнь с индивидуальным сознанием» («Сила и материя», стр. 182).

Во всех этих рассуждениях для нас важно отметить, что Бюхнер целиком отождествляет сознание с чувственностью (это погрешение—логическое следствие его физиологизма). Сознание человека он без остатка сводит к сознанию животного и даже у червяка находит сознание. Это опять—результат мнимой научности Бюхнера¹⁾.

Теперь мы можем сделать некоторые выводы из разбора вопроса о соотношении материи и мышления. Идеализм, как известно, все материальные процессы сводит к чисто духовным процессам, бытие растворяет в мышлении, в сознании. Вульгарный материализм впал в другую крайность. Мышление он изобразил исключительно как вещественный материальный процесс, рав-

¹⁾ На вопросе об особенностях питания и влияния его на мышление мы совсем не останавливаемся. Отметим только, что вульгарные материалисты не раз отмечали роль пищи в работе мозга, а значит и в производстве мышления. Они особенно часто превозносят роль чая и кофе, употребление которых сыграло огромную роль в общественном развитии. Молешотт заявляет: «Нельзя отрицать, что превосходство англичан и голландцев перед туземцами их колоний записано от превосходства их мозга, которое обуславливается превосходством крови, зависящей от пищи» Или еще одно место из Молешотта «Понятно, что каждый обеденный стол принимает вид таинства причащения, в котором мы немнящую материю превращаем в мыслящих людей».

нозначный всем другим формам движения материи, психические процессы он без остатка свел к физическим процессам.

Мы уже отмечали, что Маркс, Энгельс, Ленин, выводя мышление из материи, сознание из бытия, считая сознание свойством материи, одновременно настаивали, что сознание есть свойство высокоорганизованной материи. Из этого вытекало, что сознание является продуктом материи на определенной ступени ее развития, будучи субъективной стороной определенных субъективных материальных процессов. Мы уже отмечали одно из положений Ленина, что познание существенного, нестираемого различия между мышлением и материей есть начало всякой премудрости в мышлении и в жизни. Только различие является здесь истинной связью. По этому же поводу у Ленина есть замечательные места в «Материализме и эмпириокритицизме», где Ленин поправляет Дицгена, превращающего мышление в материальный процесс. Дицген наряду с правильным пониманием мышления как свойства материи на ее определенной ступени допускал и такие формулировки: «но и нечувственное представление чувственно, материально, т. е. действительно... дух не больше отличается от стола, света, от звука, чем эти вещи отличаются друг от друга». Ленин в связи с этим писал: «Тут явная неверность. Что и мысль и материя действительны, т. е. существуют — это верно. Но назвать мысль материальной, значит сделать ошибочный шаг смешения материализма с идеализмом» (т. XIII, стр. 199). По этой же линии идут и высказывания Энгельса. В «Людвиге Фейербахе» он пишет, что ход развития Фейербаха есть превращение его из гегельянца в материалиста. «На известной ступени этого развития он пришел к полному разрыву с идеалистической системой своего предшественника. С неудержимой силой им овладело, наконец, сознание того, что предвечное бытие «абсолютной идеи»... есть не более, как фантастический остаток веры в творца... что вещественный, доступный нашим внешним чувствам мир, к которому принадлежим мы сами, есть действительный мир, и что наше сознание и мышление порождаются вещественным органом, частью нашего тела — мозгом, хотя и принадлежат, по видимому, к невещественному миру» (т. XIV, стр. 646).

В «Диалектике природы» Энгельс писал по поводу возможности сведения мышления к материи и к низшим формам движения следующее: «Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим процессам в мозгу, но исчерпывается ли этим сущность мышления?» (стр. 29).

Таким образом Энгельс и Ленин всегда, отстаивая главные положения своего материализма — первичность материи и вторичность сознания, сознания как продукта материи, вместе с тем всегда отстаивали необходимость различения материи от сознания, недопустимость отождествления сознания и материи.

Всего этого неспособны были понять вульгарные материалисты, превратившие сознание в чисто физиологический материальный процесс, не видевшие различия мысли от других форм движения материи, не поднявшиеся над уровнем только физиологического объяснения процессов мышления. Не понимая роли и места мышления, они тем более далеки были от понимания роли человека и человеческой практики. Они видели только одностороннее влияние природы физиологических отправления на человека, но они не способны были понять влияние самого человека, практики человечества и мышления как продукта этой практики на природу. Поэтому они неизбежно скатились к фатализму.

3) Теория познания Молешотта

Необходимо остановиться на том, что может быть названо теорией познания Молешотта¹⁾. На примере этой «теории» можно будет увидеть, как плоский материализм Молешотта и других, не видящий ничего дальше физиологических отправлений человека, легко может смыкаться с идеализмом. Эта теория ясно доказывает также, что вульгарные материалисты все свое мировоззрение построили из отбросов различных философских систем, уже давно отвергнутых передовой революционной теорией, марксизмом.

Молешотт объявляет себя сторонником чувственности, чувственных впечатлений как источника познания. Он отмежевывается от философии средних веков, заявляя: «Когда в средние века оставили в стороне данные, доставляемые чувствами, и увлеклись одним разумом, тогда изувечили и чувства и мышление» («Круговорот жизни», стр. 3). В «Физиологических эскизах» он торжественно заявляет, что «История цивилизации вращается большей частью около исследования истории развития чувств. Возможность этого развития, а еще более тот факт, что это развитие имеет историю, составляет существенный признак разницы между человеком и животным» (стр. 261).

Превознося чувственность, что конечно верно, он совершенно отказывается отвести какое-либо место мышлению. Недаром Бюхнер, написавший специальную статью о «Круговороте жизни» Молешотта, и тот должен был сказать, что Молешотт, говоря об источниках познания, «ограничивает философию пределами фактической опытности». Исследование и философия должны идти рядом.

Молешотт критикует Канта, критикует его «вещь в себе». Философии Канта он противопоставляет свою «теорию познания». Возьмем некоторые положения Молешотта. «Пространство и время нисколько не составляют представлений, ускользающих от чувств. Сказать, как Кант, что это понятие, принадлежащее чувственности, значит сказать мало. Пространство и время не только принадлежат чувственности и не суть только представления, это понятия (!), но понятия, которые без чувственного сознания о положении предметов одного около другого и последовательности явления одного за другим никогда не могли бы составиться («Круговорот жизни», стр. 4). Молешотт «подправляет» Канта только тем, что пространство и время он объявляет понятиями, но понятиями, которые складываются из чувственного сознания о положении предметов. А самого объективного пространства и времени он не заметил. Дальше интересна его критика «вещи в себе». «Все что мы знаем, мы знаем относительно нас. Мы знаем, как светит солнце, как цветок пахнет для человека, колебания воздуха касаются уха человека. Такое знание называется ограниченным знанием, обусловленным чувствами, — знанием, которое наблюдает дерево лишь таким, каким оно есть для нас». В «Физиологических эскизах» эта мысль выражается так. «Внутреннее свойство организма кладет предел для возможности распознавания свойств внешнего мира. Однако и самый этот предел есть факт, есть часть человеческого знания, есть мера цели достижений для человеческого познания» (стр. 355). Кантовскую «вещь в себе» Молешотт «разрушает» тем, что познаваемым объявляет лишь только то, что существует относительно человека, относительно организма, т. е. познаваемо лишь только то, что непосредственно воспринимается через посредство чувственности человека. Этот «предел» и есть мера цели достижимого для человеческого познания. Если же тот или другой предмет человеком непосредственно не вос-

¹⁾ Мы называем теорию познания Молешотта, потому что до такой теории Фогт, а в особенности Бюхнер, будучи более выдающимся и последовательным среди вульгарных материалистов, — не доходили.

принимается, значит он непознаваем. Но Молешотт идет дальше. Он пишет: некоторые находят, что этого мало, что нужно например дерево знать с а м о по себе, чтобы не воображать, что оно уже таково, каким оно нам к а ж е т с я (т. е. как воспринимается). Но дерево не существует без наблюдателя. «Если существует человек и дерево, то человек необходимо находится в таком отношении к дереву, которое проявляется впечатлением на глаз. Без отношения к глазу, в который дерево посылает лучи света, оно не существует (?!). И именно вследствие этого отношения дерево существует с а м о по себе. Все существующее существует только вследствие своих свойств, но нет никакого свойства, которое не обуславливалось бы известным отношением, т. е. только теплая рука знает холодный лед, зеленое дерево знает здоровый глаз... Разве зелено что-либо иное, чем отношение света к нашему глазу. И если это не что-либо иное, то не существует ли тогда зеленый лист сам по себе именно потому, что он зеленый для нашего глаза?» Итак, поскольку предмет существует лишь через свое отношение к наблюдателю, постольку все наше знание сводится к познанию этих отношений между предметом и наблюдателем, постольку уничтожается различие между предметом для нас и вещью в себе. Молешотт кончает: «так как предмет существует только вследствие отношения к наблюдателю, так как знание предмета исчерпывается познанием этих отношений, то все наше научное знание есть знание об'ективное (?!)» («Круговорот жизни», стр. 9).

Как видно: из критики «вещи в себе» получился совершенно неожиданный итог. Материалист Молешотт скатился полностью к суб'ективному идеализму. Начав с того, что все, что мы знаем, существует только относительно человека, что предмет познаваем лишь постольку, поскольку он дан непосредственно в чувственности, Молешотт кончил тем, что объявил: предмет существует лишь по отношению к наблюдателю, т. е. предмет существует лишь постольку, поскольку воспринимается человеком. И свой суб'ективный идеализм Молешотт выдал за «об'ективное знание»! Если у идеалиста Канта «вещь в себе» заключала элементы материализма, то у материалиста Молешотта «вещь в себе» (т. е. материальный, предметный мир как нечто до сих пор непознанное, но познаваемое) превратилась в продукт отношения к «наблюдателю», т. е. в продукт чувственности человека.

4) Механицизм и фатализм вульгарных материалистов

Мы не будем разбирать целый ряд других вопросов, входящих в мировоззрение вульгарных материалистов, потому что эти взгляды в основном воспроизводят все высказанное уже ранее, в частности французскими материалистами XVIII века. Правда, в интерпретации вульгарных материалистов все это выглядит плоско и реакционно.

Кратко, в порядке перечисления отметим следующие моменты: механицизм красной нитью проходит через все работы вульгарных материалистов. В предисловии к «Силе и материи» Бюхнер прямо пишет: «макрокосмическое и микрокосмическое бытие во всех моментах своего возникновения, жизни и уничтожения повинуются только механическим законам, заложенным в самих вещах» («Сила и материя», стр. XIV). На законах механики обосновываются все физиологические связи, а из последних непосредственно вырастают все собственно философские взгляды вульгарных материалистов. Как последовательные механисты вульгарные материалисты целиком и полностью логику сводят к механике. «Логика и механика одно и то же, а разум в природе есть в то же время разум мышления» (Бюхнер, «Сила и материя», стр. 74). Фи-

зиологию они сводят к химии, химию к физике, а последнюю к механике: «Физиология становится отделом химии. Нет никакого сомнения, что физиология, наука о жизни животных и растений, состоит из физики, химии и анатомии», «нервная деятельность есть превращенная электрическая сила, живой организм — машина, производящая теплоту, электричество, мускульную работу и духовную работу» (Бюхнер, стр. 256), «жизнь — механический комплекс движений, движений определенным образом сгруппированных частей». Органическое сводится полностью к неорганическому. «Кажущаяся пропасть между кристаллом и клеткой, между органическими и неорганическими образованиями животного и растительного мира почти не существует... при глубоком исследовании различия органического и неорганического сливаются и исчезают» («Сила и материя», стр. 53). Фогт по этому поводу выступает не только резко, но и реакционно: «Для неорганического мира конечный закон заключается в общем тяготении, для органического закон называется развитием. Весьма возможно, что оба эти закона не составляют нечто отдельное, а есть только ветви другого, более общего закона — суть выражение единства, непосредственно истекающего из единого бога» («Естественная теория мироздания», стр. 322) (?). Человека вульгарные материалисты сводят полностью к животному: «Перевес человека перед другими животными... лежит в сосредоточенности (в концентрированности) свойств. В этой же сосредоточенности, или, как вернее выражаются, универсальности свойств заключается его большое преимущество» (Фогт, там же, стр. 251). «Между человеком и животным не существует различия ни в морфологическом, ни в химическом, ни в макроскопическом, ни в микроскопическом... различия хотя и велики, но лишь по степени» (Бюхнер), «душа животного отличается от души человека не по качеству, а лишь по количеству или по степени» (Бюхнер, «Сила и материя», стр. 261). С точки зрения вульгарного материализма слепая необходимость — фатализм — господствует как в природе, так и в человеческом обществе. «Природа действует не сообразно с самосознаваемыми ею целями и намерениями, а подчиняется слепой необходимости» (Бюхнер, стр. 129); естественным явлениям подлежат не только явления, наблюдаемые человеком в исследуемых предметах, но и особа самого наблюдателя... испытующий ум точно так же подчиняется законам естественной необходимости, как и сам предмет... эта необходимость будет продолжаться столько же долго, как и существование самого человеческого рода» (Молешотт, «Физиологические эскизы», стр. 242). Отрицая свободу воли, Молешотт объявляет ее (волю) необходимым выражением известного состояния мозга вследствие влияния извне. Даже Бюхнер отмежевывается от этого, заявляя, что Молешотт превращает людей в автоматы). В природе и обществе, по мнению вульгарных материалистов, нет революций и скачков. Бюхнер целиком согласен с положением Линнея о том, что «природа не делает скачков». «Действительно, — пишет он, — каждое новое открытие, каждый новый факт в области естествознания является новым доказательством этого положения. Незаметно переходит растение в животное, животное в человека. Несмотря на усилия, до сих пор не найдена точная граница между животным и растительным миром. И нет никакой надежды, что найдут ее когда-нибудь. То же в отношении человека и животного мира» (Бюхнер, стр. 121). Вульгарные материалисты утверждают также, что история развития природы есть не что иное, как круговорот материи: «Вследствие самой жизни растения и животные возвращаются к своему источнику. После смерти начинается обратная метаморфоза» (Молешотт, «Круговорот жизни», стр. 176). Наконец основным двигателем развития как природы, так и общества вульгарные

материалисты признавали наслаждение. «Наслаждение составляет цель животной жизни. Это выражается во всем.. всюду мы замечаем признаки наслаждения, все существо животных есть система потребности, которую удовлетворяет наслаждение» (Фогт, «Естеств. ист. мироздания», стр. 322).

Во всех перечисленных нами взглядах вульгарных материалистов нет ничего нового по сравнению с французскими материалистами. Новое заключается только в том, что для XIX века эти взгляды уже отнюдь не были прогрессивными.

Вульгарные материалисты как метафизики и враги диалектики

1) Бюхнеровская и фогтовская критика идеализма и религии

Энгельс в «Диалектике природы» писал о вульгарных материалистах: «Можно было бы их оставить в покое, предоставить им заниматься своим все же не плохим, хотя и скромным делом распространения среди немецко-философии атеизма. Но брань по адресу философии, которая, несмотря ни на что, составляет славу Германии — это заставляет нас обратить на них внимание» (стр. 5).

Действительно вульгарные материалисты дошли до последней грани в отношении отрицания, отбрасывания всех достижений немецкой классической философии. Надо сказать, что они следовали здесь по дороге, проторенной Фейербахом, который тоже оказался беспомощным понять и оценить великое значение классической немецкой философии и взять из нее рациональные зерна. Недаром Энгельс писал, что Фейербах только разбил и отбросил в сторону систему Гегеля. Но объявить данную философию ошибочной — еще не значит справиться с ней. Нельзя было посредством простого игнорирования устранить гегелевскую философию, имевшую огромное влияние на духовное развитие нации. Ее нужно было «снять» в ее собственном смысле, материалистически переработать добытые ею положительные результаты. Но как бы то ни было, Фейербах предпринял хотя бы несовершенную попытку противопоставить «пьяной спекуляции» трезвую философию. Материалистическая философия Фейербаха — механистическая, антидиалектическая, идеалистическая «сверху» философия, но она несравненно выше и глубже «взглядов жалких пигмеев и кропателей по сравнению с Фейербахом» — вульгарных материалистов.

Бюхнер и другие не только просто отбросили в сторону как негодное к употреблению все великое и бессмертное, что содержалось в гегелевской философии, они также не смогли противопоставить ей что-либо, кроме плоских, опошляющих материализм положений, вроде того, что мышление есть такое же отправление организма, как и деятельность других органов человека, вроде того, что сила, загнанная внутрь материи, есть причина активности материи и движения, что наслаждение есть двигатель природного и общественного развития, и т. д. Недаром Энгельс говорит, что идеализм мог утешаться тем, что материализм в лице вульгарных материалистов пал еще ниже.

Как они легко «разделались» с классической немецкой философией своей необузданной руганью и простым отрицанием всех ее достижений, можно видеть например из следующего высказывания Бюхнера: «Загляните под блестящие одежды этой философии (Гегеля) и не найдете там ничего, кроме тощего скелета, философской фразеологии, витиеватых, высокопарных выражений без содержания, тривиальных идей, прикрытых изысканным и напыщенным стилем, доведенных до крайности софистикой, словом ничего,

кроме духовного шарлатанства, которое могло импонировать только поколению слабых голов, но должно было возбудить чувство отвращения или скуки в разумном читателе или слушателе («Сила и материя», стр. 288). «Дело нисколько не изменится от того, окрестим ли мы его бога именем «абсолюта» или «суб'екта-об'екта» (Шеллинг), идеи (Гегель), «вещи в себе» (Кант), мировой души, мирового разума, вечной силы (Натурфилософия), непознаваемого (Спенсер), воли (Шопенгауэр) и т. д.—остается та же основная мысль, то же очеловечивающее искажение, то же убежище невежества» (291) «Невежество, грубость и недобросовестность, с которою противники эмпирического направления в философии относятся к его последователям,—поистине превосходят всякое вероятие» (6). «Прошли или же должны пройти времена владычества ученого ханжества, философского шарлатанства, или умственного фокусничества»

«Гораздо легче,—писал Энгельс,—с чернью бессмысленной, à la Фогт бранить старую натурфилософию, чем оценить ее историческое значение. В ней много нелепости, сумасбродства, однако не больше чем в современных философских теориях эмпирических естествоиспытателей; а рядом с этим она содержит много серьезного и разумного» («Диалектика природы», стр. 371). Но брань по адресу старой философии не помешала вульгарному материализму в отдельных крупных вопросах скатываться к идеализму (об этом мы указывали и раньше). Вульгарные материалисты не сумели извлечь рациональное зерно идеалистической философии—диалектику, материалистически переработать и развить ее дальше. Бюхнер, отвергая наследство идеалистической философии, по целому ряду вопросов сам попадает в объятия философии Шопенгауэра. Трогательное единодушие Шопенгауэра и Бюхнера в критике Гегеля привело Бюхнера к признанию ряда существенных пунктов в мистической, скептической философии Шопенгауэра. В специально написанной Бюхнером статье о Шопенгауэре мы находим например следующее: «Шопенгауэр—философский гений... Шопенгауэр, несмотря на суб'ективность и идеализм характера его системы, имеет столь много общего с новейшими стремлениями философии к преобразованию, что уже это одно обстоятельство заставляет рекомендовать изучение его философии... Шопенгауэр объявляет себя сторонником опытной философии. Правда, эмпирическим философом он оказывается в частности, тем не менее то, что он говорит о применении опыта, справедливо, а в устах идеалиста получает двойную цену», «...он не может успокоиться на их общих понятиях, но постоянно старается проникнуть в вещи... Шопенгауэр даже решает материю назвать «абсолютной» и указывает на нее, как на единственную вещь, к которой применимо это название... он да же приписывает ей способность производить из себя мысль и процесс мышления открыто признает органической функцией мозга... В лице Шопенгауэра мы встречаем явление, в высшей степени оригинальное и выдающееся; стоя на рубеже двух философских эпох, он одною рукою указывает назад, другою вперед. Здесь он является идеалистом, там реалистом, в одном месте он увяз в путанице умозрительной философии, в другом поднялся на значительную высоту, где философия идет вместе с опытом...» («Природа и наука» стр. 128—187).

Итак вульгарные материалисты, отбросив в сторону наследство классической философии, попали в плен самых худших философских систем. Они были беспомощны что-либо противопоставить классической философии кроме плоских, убогих крох их физиологизма.

Образцы того, как надо критиковать идеализм, мы находим у Маркса, Энгельса и Ленина. Маркс и Энгельс не игнорировали Гегеля, наоборот, они использовали революционную сторону гегелевской философии, материалистически переработали диалектический метод Гегеля и блестяще его применили

в «Капитале», «Диалектике природы» и др. работах. Надо было провести огромную очистительную работу, надо было устранить все идеалистические извращения, которые пронизывали революционный по своей основе метод Гегеля. В этом же направлении продолжал работу и Ленин. О Плеханове Ленин писал, что «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм) вообще более с вульгарно-материалистической точки зрения, чем с диалектико-материалистической точки зрения, поскольку он лишь *à limine* отвергает их рассуждение, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий... Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-файербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски» (т. IX, стр. 179). В этой связи мы можем сказать, что критика со стороны современных механистов есть простое отметание, отбрасывание всей философии, в том числе марксистско-ленинской диалектики. Критика со стороны меньшевистствующих идеалистов есть не что иное, как некритическое восстановление, реставрация старой идеалистической философии и в первую очередь гегелевской философии.

Ленин дал не только классические образцы критики и материалистической переработки гегелевской диалектики, но он указал также, каковы должны быть наши принципиальные позиции в критике идеализма.

В своих глубоких высказываниях Ленин в противоположность вульгарным материалистам, а также всем находящимся в плену вульгарного материализма в критике идеализма (Плеханов, современные механисты) доказывает, что: 1) идеализм не просто «софистика», «убежище невежества», «шарлатанство», «чепуха», он вырастает на живом дереве всемогущего человеческого познания, он является односторонним преувеличением одной из сторон познания, оторванной от материи, от природы и превращенной в абсолют, в божество; 2) идеализм имеет классовые и гносеологические корни, последние заключаются в односторонности, прямолинейности, окостенелости, субъективизме.

В IX Лен. сборн. имеется по вопросу о критике идеализма еще одно интересное замечание Ленина: «Мысль о превращении идеального в реальное — г л у б о к а: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма... Различие идеального от материального тоже не безусловно, не чрезмерно» (59).

Необходимо кратко сказать и о критике религий со стороны вульгарных материалистов. Бесспорно вульгарные материалисты своей пропагандой естественно-научных взглядов сыграли известную роль и в распространении атеизма в Германии. Когда в 50-х годах ряд естествоиспытателей устами Вагнера заявил, что пробелы человеческого знания должны быть восполнены верой в бога, когда Вагнер в своей работе «Наука и вера» провозгласил знаменитое положение: «В деле религии я люблю больше всего простую и наивную веру угольщика, в деле же науки я ставлю себя в ряды тех, которые любят сомневаться во всем возможном» — Фогт в ответ на это выступил с книгой «Слепая вера и наука», в которой разоблачал «двойную бухгалтерию» веры и знания. «Физиология высказывается совершенно определенно и категорически, что индивидуального бессмертия не существует, что никакой души нет, что психические процессы суть только функции мозга, как материального субстрата». Между прочим это не помешало тому же Фогту в его книге «Естественная история мироздания» выступать с явно религиозными взглядами¹⁾. Наиболее последовательно критикует религию Бюхнер. Его

¹⁾ Вот например что он пишет: «Когда мы говорим о законах природы, мы разумею под ними о б р а з, в котором проявляется божественная сила. Это только другое выражение для действия во все времена сущего и всеодержащего бога»

книга «Сила и материя» все вопросы рассматривает под углом критики религии. Но бюхнеровская критика религии несравнимо ниже критики религии у Фейербаха в его «Сущности христианства». Вульгарные материалисты так же просто, как отвергли, отбросили идеализм, «отмечают» религию, не опровергая ее терпеливо и глубоко, как это было сделано Фейербахом. Недаром Бюхнер пишет, что «Мы находим удивительным только одно, как мог человек с таким ясным умом, как Фейербах, тратить столько красноречия для опровержения христианских чудес» («Сила и материя», стр. 59). Правильно говорит Меринг—вульгарные материалисты, не поняв и не преодолев идеализма, не сумели также попасть в наиболее уязвимый пункт религии, именно религии как результата «самоотчуждения» от «земной основы», как продукта «общественных отношений».

2) Бюхнер против «материализма»

Мы не можем пройти мимо еще одного интересного обстоятельства, связанного с характеристикой вульгарного материализма. Вульгарные материалисты, в особенности Бюхнер, резко отмежовывали свое мировоззрение от материализма. Назвать свои взгляды «материалистическими» было ниже достоинства Бюхнера и других. В «Силе и материи» он пишет: «Хотя и слово материалисты стало со времени появления этой книги, так сказать, «популярным» и кстати и некстати употребляемой кличкой, но оно вовсе не подходит или мало подходит к нашей точке зрения» (стр. 41). А в другом месте Бюхнер прямо заявляет — наука не идеалистична, не спиритуалистична, не материалистична, а просто естественна, она всюду стремится познать факты и их разумную связь, не подчиняясь заранее какой-нибудь определенной системе того или иного направления» (стр. 42). Бюхнер в противовес материализму свою философию называет «естественной философией или естественным мировоззрением» (287). Эта позиция так же характерна. Вульгарные материалисты испугались, как филистеры, своей тени, своего материализма, «естественное» они противопоставили материализму, ползучий эмпиризм они противопоставили науке. Энгельс о таких людях ярко говорит в «Л. Фейербахе», что боязнь материализма—это предрассудок, укоренившийся у филистера под влиянием долголетней поповской проповеди. «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность и скудность, стремление к наживе и биржевые плутни. Короче, все те грязные пороки, которым он сам предается в тайне» (Энгельс, «Л. Фейербах», стр. 49—50).

Вульгарные материалисты, отправляясь от природы, от материи и на этой основе пропагандируя естественно-научные взгляды, пропагандируя атеизм, были материалистами. Правда, их материализм многие идеалисты и попы сознательно смешивали вообще с материализмом, в частности с материализмом Фейербаха и даже с материализмом Маркса—Энгельса. Идеалист Челпанов называет взгляды Бюхнера и других «катехизисом материализма». Паульсен называет их «типичным изложением материалистического мирозерцания». В этом же духе высказывается кантианец Ф. Ланге. В свое время еще Гегель сделал попытку растворить все виды, какие материализм принимает с каждым новым великим открытием в естествознании, в одной кличке: «механический материализм». Все эти попытки затушевывать ступени в развитии материализма, свести все виды материализма к низшим говорят только

(«Ест. ист. мироздания», стр. 12). Или в конце этой же книги Фогт пишет: «Мы знакомимся с системой, в которой все—правила и порядок, все истекает из божественного кодекса... Бог открывается нам в каждом явлении мировой системы... Бог есть дыхание нашей жизни и водитель нашего духа» (там же, стр. 342).

об одном: о бессилии идеологов буржуазии перед силой высшей формы материализма.

3) Ленинская критика вульгарного материализма

Работы Маркса, Энгельса и Ленина — неиссякаемые источники для критики всех отступлений от диалектического материализма. Они включают в себе также бессмертную критику вульгарного материализма.

«Диалектика природы» Энгельса, явившаяся ответом на царившую в воззрениях естествоиспытателей метафизику, наносила также смертельный удар и вульгарному материализму. Она явилась классическим образцом преодоления, переработки всех отсталых взглядов в естествознании. По какой линии идет критика и преодоление Энгельсом взглядов вульгарных материалистов? Во-первых, Энгельс критикует вульгарных материалистов за их брань по адресу философии, показывает, что, отмечая достижения передовой философии, они оказываются в плену наихудших вульгарных философских систем; он указывает на мнимую научность вульгарных материалистов, на то, что они «не мыслят», а просто «списывают» худшее из взглядов естествоиспытателей и философов; он раскрывает коренной недостаток всего естествознания того времени, а также и мировоззрения вульгарных материалистов, метафизичность их мышления, показывает, что одной из главных причин этого является игнорирование философии со стороны естествознания («философия мстит естествознанию за то, что последнее покинуло ее»). Энгельс показывает, как диалектика стихийно побеждает во всех областях естествознания. Энгельс раскрывает и другой коренной недостаток естествознания, а также мировоззрения вульгарных материалистов — **механизм**. Критикуя последний, он доказывает недопустимость перенесения законов механики на все явления природы; он дает уничтожающую критику всех теорий «сведения» сложного к простому, органического к неорганическому, человека к животному; он показывает взаимозависимость, взаимопроникновение отдельных наук, но в то же время считает недопустимым «сведение» физики к механике, химии к физике, биологии к химии и т. д. На примере гегелевской философии, а именно, его метода — Энгельс показывает, как идеалист Гегель часто видит дальше вульгарных материалистов. Энгельс резко критикует «жизненную силу» (и «силу» у Бюхнера) как причину движения, показывая, что даже в механике для категории силы остается ограниченное место. Энгельс доказывает недопустимость «сведения» мышления к низшим формам движения; он доказывает, что мышление есть продукт соответствующих условий. Энгельс резко выступает также против теории естествоиспытателей и вульгарных материалистов о вечности законов природы, показывая историчность этих законов, и т. д.

Ленин продолжил и развил эту критику, дав ценную и законченную критику вульгарного материализма.

Что является принципиальным, так сказать определяющим, в ленинском подходе к вульгарным материалистам? Это прекрасно выражено самим Лениным. «Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма, — вот та постановка, которая дана в каждом параграфе «Анти-Дюринга», — говорит он («Материализм и эмпириокритицизм», стр. 276). В другом месте мы находим: «Во всех философских замечаниях Маркса в «Капитале» и др. сочинениях неизменный, основной мотив: настаивание на материализме и презрительная усмешка по адресу всякого затушевывания, всякой путаницы, всяких отступлений к идеализму. В этих двух противоположностях вращаются все взгляды Маркса» («Материализм и эмпириокритицизм», стр. 276).

Ленин вслед за Марксом и Энгельсом под этим углом зрения дает уничтожающую критику вульгарного материализма. Какие недостатки у вульгарных материалистов отмечает Ленин? Эти недостатки в основном те же, что у французского материализма XVIII века, только Ленин подчеркивает, что у вульгарных материалистов эти недостатки выступают в еще большей степени.

1-й недостаток: воззрения материалистов были механическими. Не учитывали новейшего развития химии и биологии («А в наши дни следовало бы добавить электрической теории материи». Ленин, т. XVIII, стр. 10).

2-й недостаток: то, что этот материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития. Эту мысль Ленин не раз повторяет в «Материализме и эмпириокритицизме». В одном месте он пишет: «В письме к Кугельману» от 27.VI 1870 года Маркс презрительно третирует Бюхнера, Ланге, Дюринга, Фехнера за то, что они не сумели понять диалектики Гегеля и относятся к нему с пренебрежением» («Материализм и эмпириокритицизм», стр. 276) В другом месте Ленин пишет: «Этим писателям особенно не хватало диалектики... Об азбучных истинах материализма, о которых в десятках изданий кричали разносчики, Маркс—Энгельс—Дицген не беспокоились, направляя все внимание, чтобы эти азбучные истины не вульгаризировались, не упрощались чересчур, не вели к застою мысли, к забвению ценного плода идеалистических систем—гегелевской диалектики—этого жемчужного зерна, которое петухи Бюхнеры, Дюринги и др. не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма» (199).

3-й недостаток: сохранение идеализма «вверху», в области общественной науки, непонимание исторического материализма. Ленин замечает, что «Богданов и К° должны быть названы русскими Бюхнерами и Дюрингами наизнанку. Они желали быть материалистами вверху, но они не умеют избавиться от путанного идеализма внизу» (270). И Ленин много раз подчеркивает, что именно за эти недостатки, и только за эти, упрекал Энгельс вульгарных материалистов, но «не за их материализм, как думают невежды, а за то, что они не двигали вперед материализма», не помышляли даже о том, чтобы развивать дальше теорию материализма.

Таким образом, вульгарные материалисты были хотя и плохими, но все же материалистами. Маркс и Энгельс, беспощадно критикуя вульгарных материалистов, никогда не отрекались от материализма вообще (как это получилось у Фейербаха при критике вульгарных материалистов). Маркс и Энгельс, отстаивая материализм, беспощадно критиковали все недостатки вульгарного материализма, в особенности когда эти недостатки затушевывали материализм, вносили путаницу, перерастали в отступления от материализма к идеализму. Резкость критики и отмежку Маркса—Энгельса от вульгарного материализма Ленин объясняет той конкретной исторической обстановкой, в которой работали Маркс и Энгельс. «Надо представить себе сколько-нибудь конкретно-исторические условия философской работы Энгельса и Дицгена, чтобы понять, почему они больше отгораживались от азбучных истин вульгарного материализма, чем защищали эти истины. Маркс и Энгельс больше отгораживались также от вульгаризации основных требований политической демократии, чем защищали эти требования» (Ленин, т. XIII, стр. 199).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

„Заочный университет искусств“

1931 г., ВЫПУСК I и II, УЧПЕДГИЗ

В издании Учпедгиза вышли два первых выпуска «Заочного университета искусств» первого года обучения, содержащие задания и лекции А. И. Авраамова по диалектическому материализму.

Авраамов дает ложное, искаженное изложение коренных вопросов марксистско-ленинской философии. Мы остановимся здесь лишь на некоторых из этих искажений, чтобы показать идейную вредность заданий и лекций Авраамова.

Начнем наш разбор с определения Авраамовым «своеобразия ленинского этапа философской борьбы на два фронта».

«Своеобразие ленинского этапа философской борьбы на два фронта, — пишет Авраамов, — заключается в том, что эта борьба происходит главным образом и прежде всего внутри самой партии (подчеркнуто автором.—К. С.). Это — философская борьба генеральной линии, политики партии с двумя уклонами вправо и влево от нее, происходящая среди сторонников одной и той же философии диалектического материализма (подчеркнуто мною.—К. С.). Здесь речь идет не о прямом принципиальном ревизионизме (пересмотре диалектического материализма), а только об уклонах внутри того философского лагеря, который признает диалектический материализм единственно правильной, единственно до конца последовательной и единственно революционной философской теорией» (вып. II, стр. 12).

Эта чудовищная клевета на марксистско-ленинскую философию выдается за анализ ленинского этапа в философии марксизма.

Известно, что механицизм и меньшевистствующий идеализм — не оттенки диалектического материализма, а ревизионистские философские течения, принципиально враждебные диалектическому материализму. Известно, что механицизм является теоретической базой правого оппортунизма в партии, главной опасностью на данном этапе. А защита взглядов правого оппортунизма признана несовместимой с принадлежностью к партии. Меньшевистствующий идеализм есть ревизионистское течение, поставляющее методологию для контрреволюционного троцкизма и «левого» оппортунизма.

Утверждая, что механицизм и меньшевистствующий идеализм — только оттенки марксистско-ленинской философии, Авраамов воскрешает пошлые, давно разоблаченные контрреволюционные троцкистские теории о свободе фракций, групп, течений внутри марксизма.

Переходя далее к характеристике правого и «левого» оппортунизма, Авраамов подменяет партийные оценки оппортунизма вреднейшей схоластической отравой. Вот его характеристика правого и «левого» оппортунизма.

«Что же делает правый оппортунист?» — спрашивает Авраамов и сам же отвечает: «Он чрезмерно, очертя голову, утверждает»; он поэтому держится наличного, настоящего, конкретного, существующего, эмпирического; он поэтому презирает «теоретические фантазии», которые, по его мнению, больше к лицу мечтателям-утопистам, чем «реальным политикам».

Что делает «левый» оппортунист?

Он чрезмерно, очертя голову, «отрицает»: он видит будущее и не замечает настоящего, реального, эмпирического, он так презирает ползучий эмпиризм, что сам попадает в туман сверхтеоретического мышления, т. е. мышления идеалистического, оторванного от реальной действительности и тем неспособного служить орудием изменения мира.

Таковы именно наши правые и «левые» оппортунисты» (вып. II, стр. 18).

Эта галиматия с огромным количеством «ученых» слов и выкрутасов выдается за характеристику уклонов от генеральной линии партии. Напрасно читатель будет искать в лекциях Авраамова анализа классовых корней оппортунизма — этого анализа в работах Авраамова он не найдет. Нет в них также и характеристики идейно-политического содержания правого оппортунизма — главной опасности на данном этапе. Авраамов старательно обходит тот факт, что социальной базой правого оппортунизма является ликвидируемое кулачество, что социальной базой «левого» оппортунизма являются остатки разоренной городской мелкой буржуазии. Стремление изобразить правый и «левый» оппортунизм как некие закономерные оттенки генеральной линии партии — вот что является ведущим мотивом всех писаний Авраамова. Именно поэтому Авраамов обходит анализ конкретной опасности, которую содержит в себе правый и «левый» оппортунизм. Именно поэтому Авраамов обходит анализ классовых сил, выражением которых является линия правого и «левого» оппортунизма.

Известно, что главное в марксизме — это учение о диктатуре пролетариата. Это неоднократно подчеркивали Ленин и Сталин. Вопреки этому Авраамов сводит главное в марксизме к учению о классовой борьбе (вып. I, стр. 18). Авраамов вообще ни слова не говорит о диктатуре пролетариата, даже в той части его лекций, где он разбирает все составные части марксизма. Авраамов старается обкарнить марксизм и свести его к тому, что приемлемо для буржуа. «Ограничивать марксизм учением о борьбе классов, — писал Ленин, — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма».

Именно на этом оселке — на оселке признания необходимости борьбы за диктатуру пролетариата — авраамовское изложение «марксизма» обнаруживает свою буржуазную природу.

Продолжая уродовать марксизм, Авраамов рекомендует кадрам советских работников искусства «знать и помнить, что гениальное открытие Маркса относится прежде всего и больше всего к общественнознанию, а не к естествознанию... Естествознание, — утверждает Авраамов, — задолго до Маркса, именно с середины XV века, объясняло естественные явления естественно-материальными силами самой природы. А с середины XVIII века, точнее с 1755 г., когда Кант в своем гениальном сочинении «Всеобщая теория и история неба» положил начало «небулярной» (туманной) теории возникновения и грядущего исчезновения солнечной системы, естествознание постепенно стало усваивать себе и точку зрения развития, рассмотрения явлений в процессе их возникновения и исчезновения, изменения и превращения. Естествознание, таким образом, задолго до Маркса стало материалистическим и «эволюционным», а по существу диалектическим естествознанием» (вып. I, стр. 19).

Авраамов не считает нужным говорить не только о ленинском этапе в марксистском естествознании, но отрицает марксистское естествознание вообще.

Авраамов в течение ряда лет следует этой своей антимарксистской установке. Еще в 1910 г. Авраамов утверждал, что Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» не вносит ничего нового в марксизм.

«Читатель будет сильно разочарован, — пишет Авраамов в своей рецензии на книгу Ленина, — если будет искать в нем (в труде Ленина) новое, более глубокое трактование диалектического материализма, чем то, которое мы имеем в глубоко продуманных «Философских очерках» другого вдумчивого и серьезного философского ученика Плеханова, Л. Аксельрод (Ортодокс)».

По Авраамову выходит, что не Маркс, а Кант является основоположником диалектического материализма в области естествознания, не Ленин, а Аксельрод является продолжателем дела Маркса в области философии.

По Авраамову, естествознание еще задолго до Маркса стало целиком диалектико-материалистическим. Между тем известно, что Ленин еще в 1922 г. мобилизует внимание партии на необходимости активного внедрения метода диалектического материализма в естествознание для борьбы с реакционно-поповскими, идеалистическими идеями, для преодоления того глубочайшего кризиса, в полосу которого зашло естествознание благодаря буржуазному миросозерцанию естествоиспытателей.

«Без солидного философского обоснования, — пишет Ленин, — никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания» (Ленин, «О значении воиствующего материализма»).

Уродуя марксизм, подменяя его в естествознании кантианством, Авраамов старается парализовать активную борьбу партии за внедрение метода диалектического материализма в естествознание, за разоблачение философских основ реакционных направлений в современном естествознании, за выкорчевывание остатков буржуазной методологии в естествоведческой работе в нашем Советском союзе.

Темы своих лекций Авраамов назвал «Марксизм и ленинизм», и буквально на протяжении почти всех страниц обоих выпусков он пользуется этой терминологией (см. вып. I, стр. 3, 4, 24; вып. II, стр. 5, 6, 8, 13, 17, 19). Авраамов делает это конечно не случайно. В полную противоположность указаниям т. Сталина о том, что формулировка «марксизм и ленинизм» неправильна, так как дает повод думать, что «марксизм — одно, а ленинизм — другое, что можно быть ленинцем, не будучи марксистом», Авраамов противопоставляет марксизм и ленинизм как два различных учения. Различие «этих учений» в философии Авраамов видит в том, что есть «философия марксизма (учение марксизма) и марксизма-ленинизма (учение Ленина)» (вып. II, стр. 8).

Марксизм Авраамов изображает как одно из многочисленных научных философских течений, одну из школ в философии. «Марксистская школа», «марксистское философское течение» — обычная у Авраамова терминология.

После этого неудивительно, что Авраамов свое определение философии списывает у казенных буржуазных «профессоров от философии».

«Суть философии, — пишет Авраамов, — в неустранимой человеческой потребности и наряду с практическим конкретным мышлением имеет и развивает в себе теоретическое мышление» (вып. I, стр. 22).

Нужно ли доказывать, что это определение философии, сводящее ее к проявлению какой-то абстрактной (физиологической или духовной — безразлично) потребности человека вообще, не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Марксистская философия есть духовное оружие пролетариата, его оружие познания и изменения мира, оружие, выкованное в процессе классовой борьбы, как итог, сумма, вывод истории познания и обобщение опыта классовой борьбы.

Обе лекции Авраамова, ставящие своей задачей популяризацию марксистско-ленинской философии среди работников искусствоведческого фронта, представляя собой буржуазное искажение самых основных принципов марксизма-ленинизма.

То, что на фронте искусствознания могут появляться такие «работы», говорит о том, что этот фронт требует к себе самого серьезного внимания, ибо он все еще

остается одним из наиболее отсталых участков нашего идеологического фронта. Решительно выкорчевывая гнилой либерализм, апробирующий авраамовскую антиленинскую продукцию, разоблачая Авраамовых, непримиримо борясь на два фронта, мы должны развернуть действительную борьбу за овладение методом материалистической диалектики на искусствоведческом фронте.

К. Степанов

«Naturwissenschaft und Theologie» von G. Mie. Г. Ми: «Естествознание и теология», 1932 г., стр. 39.

Из числа буржуазных естествоиспытателей, стоящих в вопросах естествознания на материалистической позиции, нужно выделить в Германии (и др. странах) кроме стихийных материалистов и материалистов, стоящих на почве атеизма (о них см. в след. рецензии), еще в качестве особого течения группу тех материалистов-естествоиспытателей, которые сочетают свой естественно-научный материализм с откровенной политической и философской реакцией. К этой группе материалистов-естествоиспытателей относятся в Германии Планк, Ленар, автор брошюры, названной выше, и др.

Характерным для всей этой группы материалистов является то, что они, как например Планк, не идут в защите материализма вперед, а все более и более отказываются от материализма в естествознании в пользу теологии. Причина этого лежит в том, что философия партийна, и защита и дальнейшее развитие материализма не могут не вести к соответствующим политическим выводам, не могут не играть определенной классовой роли. Борясь за сохранение буржуазного строя и будучи враждебными пролетарскому движению, такого рода материалисты, как Ленар, Планк и т. п., готовы скорее пожертвовать материализмом в естествознании, чем видеть материализм орудием для подрыва существующего буржуазного строя. Поэтому материализм такого рода материалистов, как Планк, в его современном выражении, что само собой разумеется не умаляет значения борьбы такого рода материалистов в прошлом и объективного значения их научных работ, является скорее рудиментом, перепевом давно отзвучавших песен, нежели чем-то живым. Материалисты типа Планка, Ми и др. не ведут за собой молодежи и не дают сколько-нибудь удовлетворительного ответа на злободневные теоретические вопросы науки. Решая философские вопросы, они в лучшем случае повторяют устаревшие, мало кого удовлетворяющие аргументы, и единственно ценным в их позиции является в основном материалистическая точка зрения на отношение мышления и бытия, поскольку речь идет об области собственно естествознания.

Однако за пределами собственно естественно научных проблем материалисты типа Планка оставляют почву материализма и переходят в лагерь самой махровой философской реакции. Особенно характерным для такого рода материалистов, как Планк, является защита религии и все большее и большее отступление от тех позиций, которые ими когда-то защищались в естествознании. Поэтому и естественно-научный материализм такого рода материалистов является материализмом на ущербе.

И относительно Г. Ми, известного в СССР его учебником по электричеству, легко убедиться, что он материалист, поскольку речь идет об естествознании в узком смысле. Так, о цели естествознания он пишет в рассматриваемой брошюре: «Мы можем именно охарактеризовать естествознание его целью, которая заключается в том, чтобы достигнуть совершенно объективного изображения реального, независимо от наблюдающего субъекта существующего, мира» (стр. 8).

Успех естествознания Ми видит в том, что все более и более из физической картины мира исключаются субъективные моменты и получается все более и более объективная, независимая от субъекта-исследователя, картина природных явлений.

В подтверждение этой мысли Ми приводит вполне убедительные примеры. Так он говорит, что свет мы познаем прежде всего по его действию на-глаз, т. е. субъективно. Но свету присуще объективное существование, независимое от наличия человеческого глаза, и это доказывается теми воздействиями, которые оказывает свет на другие предметы. «На самом деле,— пишет Ми,— физика знает многие и разнообразные действия света на посторонние тела. Но тем самым исследование света делается независимым от личного переживания наблюдателя, который воспринимает свет и цвет своим глазом» (стр. 8—9).

Особенно большое значение для объективного исследования света играет фотографическая пластинка. Но она является не единственным, а лишь одним из многих приспособлений (спектрометры, спектрографы и т. д.), при посредстве которых может исследоваться свет. Ми подчеркивает, что как раз наличие многообразия различных объективных способов исследования света доказывает его независимость от субъекта реальность.

Вся эта аргументация в своем существе материалистическая и бьет не в бровь, а в глаз всем и всяческим разновидностям субъективного идеализма, современного махизма. Ми развертывает эту аргументацию не только на примере со светом. И по отношению к атомам и молекулам он показывает, что естествознание доказало их объективное существование. Ми пишет: «Мы в состоянии сами наблюдать атомы, их закономерное расположение в кристаллах и химических молекулах, можно сказать, прямо видеть, конечно только «искусственными глазами» (стр. 11).

Итак, естествознание исследует существующий независимо от субъекта мир природы при посредстве объективных методов. Исключая из изучения природы момент субъективного, естествознание доказывает, что все происходящее в природе есть воздействие одних материальных предметов или процессов на другие. Поэтому изучение причинной зависимости процессов природы — основная задача естествознания. Эта формулировка задачи естествознания по Ми есть лишь особое выражение приведенной выше формулировки задачи естествознания — исследования вне и независимо от нас существующей природы. То, что естествознание не знает ничего, кроме материальных процессов и их взаимодействия в форме причинности, Ми подчеркивает неоднократно. На стр. 17 он пишет: «Материальный процесс может иметь лишь материальную причину». На стр. 21: «Материальные действия всегда имеют материальную причину».

Ми не только дает эти формулировки, но понимает и то, что из них вытекает по всей линии основных проблем естествознания. Он доказывает, что жизнь возникла естественным путем и несомненно будет в недалеком будущем в ее наиболее простейшей форме воспроизведена экспериментально. По вопросу о душе и духе как особых сущностях Ми подчеркивает, что для естествознания не существует никакой души и духа помимо человеческого тела. Поэтому «психическое» естествознание вполне последовательно стремится также исследовать и исследует объективными методами (стр. 21—22).

Наконец Ми утверждает, что мир вполне познаваем научными методами до конца и никакой речи не может быть об «игнорабимус» (стр. 11 и 18).

Основная тема брошюры Ми — отношение естествознания и теологии. И по этому вопросу Ми в пределах естественно-научной постановки вопроса констатирует, что естествознание ставит себе целью построение «законченной, свободной от пробелов картины всего мира, каковая кажется не имеет ничего общего с религиозными познаниями» (стр. 6). И тем не менее вся брошюра Ми (эта брошюра воспроизводит его речь в кружке религиозно настроенных людей) посвящена тому, чтобы показать, что естествознание не может существовать без теологии, а естествоиспытатели — без веры в бога! Брошюра начинается словами: «Человеческий дух есть организм, который коренится в вечном мировом духе» (стр. 3). Получается вопиющее противоречие, вопиющая нелепица.

Как же пытается устранить ее профессор физики Г. Ми?

У Ми два рода аргументов: одни — философского порядка, другие — иного порядка.

Сначала посмотрим на то, что представляет собой философская аргументация. Естествознание устраняет из своего познания природы моменты субъективного. Казалось бы ясно, что оно достигает этого тем (и это следует из всей приведенной выше аргументации Ми), что оно создает все более и более верную, все более и более конкретную картину природных явлений.

Но на этом пункте Ми как раз и поскользывается. Он задается вопросом: как может различать человек многообразные предметы природы, раз он отказывается от субъективного метода познания явлений природы? Если мы исследуем например цвет субъективно, то имеем множество оттенков и нюансов, воспринимаемых нашим глазом. Как мы различим различные цвета, если не будем пользоваться глазом? Ми отвечает на эти вопросы следующим образом: «Имеется одно и только одно средство для того, чтобы обозначить вещи независимо от субъективного переживания, так и тем самым определить их в понятии, что их всегда можно идентифицировать, это средство: перенумеровать их. Ведь нумеруют даже людей, если хотят исключить все персональное и индивидуальное, чтобы оперировать с ними, как с шахматными фигурами, почему же не поступить таким же образом с различными видами света? Номера, которые им дает физик, называют «длинами волн». Эти номера выбирают таким образом, что закономерные связи, которые обнаруживают эксперименты, можно представить по возможности простыми математическими отношениями между номерами сортов света, следовательно между «длинами волн» и номерами, которые носят другие, играющие роль в эксперименте, объекты» (стр. 12).

Из приведенного уже мы видим, что Ми не различает вопроса о субъективном и объективном методе исследования от вопроса о субъективности и объективности вторичных качеств: цвета, вкуса и т. д. Все более и более совершенствуя объективные методы исследования, мы не только не отказываемся от того многообразия, которое дано в непосредственном чувственном восприятии, а более того — лишь через объективные методы исследования убеждаемся, насколько несовершенны наши органы чувств. Сам Ми как физик хорошо знает, что воспринимаемые субъективно как совершенно одинаковые цвета могут быть далеко не одинаковыми спектрально, т. е. объективным методом мы вскрываем большее разнообразие явлений природы, чем это мы можем сделать непосредственно нашими органами чувств.

Непригодность субъективных методов исследования заключается не в том, что они не служат познанию природы, а в том, что они ограничены. Ми забывает то, что он сам развивал несколькими страницами выше. Он говорил, что объективному методу исследования доступны и процессы, происходящие в наших органах чувств. А раз так, то мы не только можем убедиться, что чувственное восприятие есть нечто субъективное, но и нечто в то же время объективное. То же самое и со вторичными качествами. Вторичные качества — цвет, звук и т. д., не суть лишь нечто субъективное, но в субъективном восприятии цвета, звука и т. д. мы имеем налицо отражение объективно существующих свойств и процессов природы. Мы не потому отказываемся от субъективных методов исследования природы, что они не постигают ее, а потому, что в объективных методах исследования мы имеем более могущественное средство познания природы, чем только при посредстве наших органов чувств.

Все рассуждения Ми о невозможности познавать вещи, при исключении момента субъективности (т. е. ограниченности), если их не перенумеровать, стоят в полном противоречии со всем тем, что он говорил о естествознании в собственном смысле. Нумерация людей в какой-либо военной организации или нумерация домов на улице мало что общего имеет с определением чисел колебаний света или длин волн. Из того, что данный дом обозначается таким-то номером, мы ничего не узнаем об этом доме, тогда как число колебаний света определенной длины

волны уже есть одно из объективных свойств света. Изучая закономерности возникновения и распространения света, мы в состоянии воспроизвести те или иные световые явления экспериментально. Внешняя же нумерация домов или людей ничего в этом отношении нам дать не может. Когда хотят построить дом, то обращаются не за номером в муниципалитет, а составляют архитектурный проект дома.

Но проф. Ми ничего не хочет знать об архитектурных проектах; он хочет строить дома на основании номеров, которые им дают при их расположении в улицы. И это чудесное превращение профессора физики в проповедника антинаучных взглядов происходит потому, что он взялся за доказательство положений, враждебных науке. Если ранее Ми доказывал, что естествознание ставит себе задачей познание независимо от наблюдателя существующего объективного мира и с полным успехом осуществляет эту задачу, то теперь он договаривается до того, что весь смысл естествознания «в математической игре с символами и геометрическими образами» (стр. 20). Вместо объективной природы остаются таким образом лишь продукты мысли. Теперь Ми вместо материалистических положений просто по-поповски вещает: «бог всегда математик, бог работает математически!»

Так, с позиций современного естествознания Ми скатывается на 2000 лет назад на позиции Пифагора и Платона. В полной гармонии с таким неожиданным продуктом профессорских рассуждений является и разговор в духе принципа экономии мышления—о «простых математических отношениях между номерами сортов света» и т. п. (см. выше).

Это один аргумент философского порядка, которым оперирует проф. Ми. Другим аргументом того же порядка является аргумент несколько более новый по его происхождению, но столь же враждебный современному естествознанию, как рассуждения Платона о работе бога математическими методами. Ми пытается подпереть свою гнилую позицию ссылкой на Канта. Кант-де доказал, что причинность и прочие категории—априорные формы мышления. Но Ми и здесь отказывается от научного метода в пользу простой, откровенной поповщины. Если бы Ми хоть на минуту подумал всерьез над тем, что он говорит, то он должен был бы признать, что кантианизм как раз под ударами естествознания начал разлагаться, и в данное время представляет собой самую неприглядную картину полного гниения и распада. Причина этого лежит в том, что априоризму Канта вот уже в течение более ста лет наносится удар за ударом: открытие неевклидовых геометрий, успехи физики вплоть до теории относительности и теории квант, успехи промышленности и наконец учение об истории человеческого знания. Каждое крупное открытие в естествознании было ударом для классического кантианизма, и в этом причина его разложения на множество неокантианских школок.

Ссылки на Канта звучат у Ми полной насмешкой над тем, что он сам в своей брошюре говорил о полной познаваемости природы, о том, что для естествознания не существует ничего в мире, кроме материальных явлений и вызывающих их материальных причин. Можно было бы подумать, что Ми сознательно задался целью противоречить самому себе, когда он, с одной стороны, пишет: «...наш метод однако в корне отличен от спекуляций философии в прежние времена, когда полагали, что можно предписывать природе, как она должна себя вести. Мы, естествоиспытатели, преклоняемся пред каждым фактом, добытым чисто объективным наблюдением, и воспринимаем чудесное строение теоретической системы как подарок природы» (стр. 34). А с другой—ищет прибежища у самой разностоящей спекулятивной философии Канта с его априоризмом категорий и пр.

Противоречиями, только что отмеченными, наполнена вся брошюра Ми.

С одной стороны, Ми пишет, что естествознание отвергает существование всякой души и духа помимо человеческого тела, а с другой, по его мнению, «никакой разумный человек не захочет отрицать, что существует нечто такое, как душа или дух» (стр. 22).

С одной стороны, Ми пишет, что естествознание стремится дать картину мира, которая ничего общего с религией не имеет (стр. 6), а с другой — естествоиспытатель Ми устраивает в своей брошюре целое богослужение, когда неоднократно цитирует 139-й псалом св. Августина, евангелие Лютера и т. д., и договаривается наконец до утверждения того, что символ веры согласуется с естествознанием (стр. 35).

С одной стороны, Ми не может не констатировать, что естествознание, не смотря ни на что, развивается далее и процветает, а теология разваливается и гниет. «В высшей степени, — пишет он, — удивительно то, что естествознание процветает далее, отнюдь-таки не заботясь о тяжелом положении теологии» (стр. 5—6). С другой же стороны, Ми хочет своей брошюрой связать живое и жизнеспособное—естествознание—с мертвым и гниющим—теологией.

И так на протяжении всей брошюры!

Где же корень столь печальных для профессора физики шатаний?

Корень этих шатаний вскрывает сам Ми своими аргументами нефилософского порядка. Эта группа аргументов, не будучи более убедительной, чем первая, с полной ясностью вскрывает причины скатывания в идеализм и поповщину современных буржуазных естествоиспытателей.

«Собственно говоря было нормальным, как это было в прежние времена, — пишет Ми (стр. 5), — что люди, которые чувствовали в себе призвание быть вождями духовной жизни своего времени, посвящали себя теологии. В последние сто или сто пятьдесят лет ситуация изменилась. Наш западноевропейский мир постепенно все более забывал значение теологии для его духовной жизни. Видели как раз особенно ценный шаг вперед в том, что духовная культура, куда нужно отнести нравственность и искусство всякого рода, стремилась освободиться от церкви и завоевать самостоятельное существование. Сегодня видят с ужасающей ясностью, что получилось из этого: каждый благоразумный человек знает в полной мере спутанность и неустойчивость нравственных понятий и разброд в искусстве в настоящее время».

Разброд, распад капиталистического общества, а также его культурной жизни, что ближе профессору Ми по его профессии, — вот что пугает буржуазных профессоров и гонит их в объятия церкви. «...Горе культурному сообществу, — пишет в другом месте Ми, — если в нем общая религиозность не созрела до сознательной ясности, до познания зависимости всего человеческого от вечного!» (стр. 4). И физик Ми решил спасти разваливающуюся храмину.

Однако трудное дело спасать то, что разваливается и против чего работают исторически обусловленные силы. Ми чувствует это, но понять не может. Если бы Ми вдумался более глубоко в то, что происходит вокруг него и что вызывает распад капиталистического общества, то он увидел бы, что развитие культуры в течение ста или полутора столетий в период промышленного капитализма не просто зашло в тупик, а требует выхода за рамки капиталистического общества, что гниение культуры обусловлено негодностью тех общественных отношений, в которых неплохой физик Ми должен заниматься плохими поповскими проповедями и исполнять должности лютеранского пастора. Если бы профессор Ми ознакомился с представлениями современного научного объективного метода — Марксом, Энгельсом, Лениным, то он бы понял, что распад культуры в капиталистическом лагере сопровождается ростом культуры класса пролетариев и что в основе всех тех процессов, которые так обеспокоили Ми, лежит развитие производительных сил общества, которое давно уже переросло рамки капиталистических производственных отношений.

Но профессор Ми беспомощен. Будучи ученым в своей узкой области, он по вопросам, которые он взялся решать, не может сказать ничего больше, чем самый темный и забытый крестьянин. Отсюда все те противоречия, которые мы находим

в его брошюре. С одной стороны—высокая квалификация, а с другой—полное невежество по вопросам общественного развития.

В этой беспомощности проф. Ми доходит порой до комических вещей. Так, он встает в тупик перед наличием атеистов. Как объяснить то, что существуют атеисты. Ми довольно курьезно отвечает на этот вопрос: атеисты—это стихийно верующие. Неправда, что Геккель и ему подобные были атеистами, говорит Ми. Но вот загвоздка, как быть с большевиками? Ми не решается зачислить их по линии стихийно верующих и поэтому не дает ответа.

Еще более комично отношение Ми к идеализму. Казалось бы ясно, что защитя религии, Платона и Пифагора и есть идеализм. Но Ми не только не согласен с этим, он, видите ли, борется с идеализмом! Ми как правоверный лютеранин придерживается взгляда Лютера, что «бог всюду в мире, даже в самой ничтожной вещи, как в завядшем листе, и даже в аду!» (стр. 36). С этим положением не согласны католики, они не разделяют евангелическую точку зрения о единстве человеческого существа и расщепляют человека на дух и материю. Вот они и есть идеалисты, им и объявляет войну профессор физики Ми!

Но как бы ни были противны протестанту Ми католики, еще более неприятно для него то, что вообще угрожает всяческой религии и существующему капиталистическому строю. Однако разрешить вставшую перед ним проблему он не в состоянии. Если бы Ми не был профессором физики, то дело было бы легче, не было бы тех вопиющих противоречий, которые мы находим в его брошюре. Но естествознание, как признает и сам Ми, не мирится с теологией. Отсюда и противоречия.

Выход лишь один: или физик Ми и стоящие на сходной с ним позиции приложат объективный метод исследования к анализу общественных явлений и поучатся этому у Маркса, Энгельса, Ленина, на что надежды мало, хотя и имеется такой убедительный пример, как история ученых и в том числе физиков в СССР, которые избирают все более и более именно этот путь. Или Ми придется и далее распевать псалмы и добровольно исполнять должность протестантского попа. Но на этом последнем пути, мы это предсказываем, профессора Ми ожидает неприятность, ему придется помириться со столь ему ненавистными католиками.

А. Максимов

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

В редакцию „Правды“

Дорогие товарищи!

Прошу поместить на страницах вашего журнала следующее заявление, поданное мною в ЦК ВКП(б).

В ЦК ВКП(б).

В связи с прошедшей дискуссией на теоретическом и естественно-научном фронтах и моей неправильной позицией в этой дискуссии считаю своим долгом заявить следующее.

Группа товарищей, в том числе и я, состоявшая раньше в так называемом философском и естественно-научном руководстве, оказалась под сильным влиянием антипролетарских сил и элементов, боровшихся против ленинской партии в связи с ее победоносным социалистическим строительством и непримиримой классовой борьбой. Этим влиянием объясняется меньшевистски-идеалистическая позиция этой группы. Ленинская генеральная линия партии и теоретические основы этой линии были чужды этой по существу оппозиционной группировке, откуда орыв теории от практики, бездушный формализм, недооценка Ленина, переоценка Плеханова, непонимание партийности теории, некритическое отношение к идеализму гегелевского метода и т. п. Оппозиционность этой группировки определяла и меры ее работы. Характерными чертами этой работы были: групповщина, отсутствие самокритики, высокомерное отношение к младшим товарищам, неумение и нежелание выдвигать новых людей и пр.

В естественно-научной работе, одним из руководителей которой я состоял, тот меньшевистствующий идеализм выразился в полнейшем игнорировании основных вопросов социалистического строительства (животноводства, растениеводства и пр.), в полмене марксизма модными современными естественно-научными теориями (генетикой, неодарвинизмом), в либеральном отношении к буржуазной науке, в контрабандном протаскивании буржуазных писаний и идей и выдаче их за марксизм-ленинизм, в биологизировании социологии, в совершенном игнорировании антирелигиозной работы и пр.

Из этой неправильной общей позиции меньшевистствующего идеализма вытекал целый ряд конкретных ошибок в тех специальных областях, где каждый из нас работал. К ошибкам, вытекавшим из моей неправильной общей установки меньшевистствующего идеализма, я отношу прежде всего свои утверждения, что дарвинизм является конкретизацией марксизма в биологии, что вполне справедливо может быть истолковано, как подмена марксизма дарвинизмом в биологии, затем свои увлечения вейсманновской фразеологией, например мои писания о том, что «тело есть футляр для половых клеток» и пр. Считаю неправильным также и то, что в своей книге о витализме я недостаточно четко поставил вопрос о различии между механицизмом и витализмом, ограничившись почти одним только подчеркиванием их сходства. Это могло создать впечатление их тождества, что конечно неверно и чем ослабляется борьба как против механицизма, так и против витализма.

Вполне искренно осознав свои ошибки, считаю своим долгом заявить, что приложу все силы не только для исправления указанных ошибок, но и для борьбы с той антипартийной линией, которую я раньше как меньшевистствующий идеалист защищал. В настоящее время мною уже сдана в Медгиз книга «Витализм», которую я разработал с точки зрения марксизма-ленинизма, пишу новую книгу по эволюционной теории и включаю в практическую работу НКЗ по соцстроительству. Надеюсь, что очень скоро мне удастся на деле доказать, что от моего бывшего меньшевистствующего идеализма не осталось и следа.

Некоторая запоздалость этого моего заявления объясняется моим полугодовым пребыванием вне пределов Союза.

С коммунистическим приветом И. АГОЛ.

Москва, 5/IV 1932

В редакцию журнала „Под знаменем марксизма“

Уважаемые товарищи!

В статье т. Кольмана на страницах журнала «Под знаменем марксизма» № 9—10 за 1931 год, направленной против идеализма и механицизма, упоминается и моя фамилия в связи с обвинением меня в вулгаризации диалектического материализма и в протаскивании махизма в преподавании. Повидимому одним из поводов для такого выступления т. Кольмана был тот факт, что я не реагировал в печати на рецензию гг. Балезина и Кедрова на учебник А. Смита «Введение в неорганическую химию», где против меня выдвигались аналогичные обвинения. Считаю необходимым, хотя бы и с опозданием, выступить в печати с необходимыми разъяснениями по этому поводу.

Разумеется, что в этих обвинениях есть доля истины; я признаю, что, будучи неопитом в области диалектического материализма, естественно не смог избежать ошибок и вулгаризации диамата, от этого греха можно исправиться и я надеюсь исправиться путем длительной и упорной работы в данной области. Второе обвинение — в протаскивании в преподавании махизма — значительно более серьезное; я считаю, что в настоящее время я совершенно не заслуживаю подобного рода обвинений. Конечно прошлая моя научная и педагогическая работа может дать материал для обвинения в проведении махизма. Необходимо однако учесть, что время моего научного созревания совпало с началом того кризиса физики, который был подхвачен буржуазной идеалистической философией и при условии философско-методологической беспомощности подавляющего большинства ученых и индифферентности многих из нас привел к фактическому идеализму. В И. Ленин и Ф. Энгельс в своих основных философских работах указали на то, что большинство физиков и вообще естествоиспытателей, не имея специальной цельной философской материалистической подготовки в вопросах философии, пользовалось тем случайным материалом, который попадался им в руки. В результате одни из них создавали свою «домашнюю философию» в виде поклебки, а другие, в том числе и я, даже и этого не делали, а просто проводили в своих работах в области философской метод слоеного пирога, т. е. в разных работах по-разному подходили к решению вопросов. Вся окружающая нас обстановка — и живые люди и литература — была пропитана идеалистической философией, да кроме того философия марксизма была изгнана не только из вузов, но и из научной литературы.

Такая обстановка, а также полное отсутствие всякой последовательной философской подготовки делали то, что мы не относились критически к физическому идеализму, подчас сочувствуя разным идеалистическим теориям и теорикам.

Я заявляю, что никогда не был сознательным последовательным махистом, но так как в области методологии работал по типу «слоеного пирога», то конечно в моих научных и других работах можно найти ряд махистских высказываний в духе агностицизма; я стоял на точке зрения того, как удобнее выразить то или иное положение, и при этом не задумывался над философской квалификацией этого «удобства», что приводило иногда к тому, что субъективно удобное превращалось в объективно идеалистическое, махистское. В качестве наиболее ярких примеров могу привести следующие.

В своей редакторской работе над переводом курса химии А. Смита я не отнесся, отчасти и не мог отнестись критически к явному махизму автора, кроме того в своих добавлениях я в некоторых местах оказался созвучным Смиуту (в 1928 г.). Так, на стр. 427—428 второго тома я писал, что «применение понятия орбит в теории атома является весьма удобным для начального решения основной задачи нахождения связей между различными свойствами атомов; субъективно эта формулировка казалась мне очень «удобной», объективно же она является махистской, так как она противоречит материалистической теории отражения и того ступенчатого приближения к отражению объективного мира, которое раскрывается нам в истории науки.

Такое же противоречие материалистической теории познания находится на стр. 482 той же книги, где я не нахожу возможным «отказаться от понятия о побочных валентностях», считая, что это «было бы нецелесообразно, ибо мы лишились бы возможности подсчета радикалов во внешней сфере».

В некоторых работах я ссылался на интуицию в познании истины, при чем последнюю я понимал метафизически, а не как процесс. Так, в своей статье «Об открытии периодической системы элементов» («Успехи физических наук», т. VII, 1927 г.) я писал «Не подлежит сомнению, что Менделеев открыл свою систему не на основании фактов, а наперекор фактам». Далее, в курсе химической термодинамики мною дана преимущественно математическая форма изложения, так что в результате получается отрыв движения от материи.

За последние годы я убедился, что продолжать свою научную деятельность вне марксистско-ленинской методологии невозможно. Основной тезис ленинского отношения к естествознанию и философии есть утверждение партийности обоих.

Долгое время тезис о классовой борьбе в науке, в том числе и в химии, казался мне неприемлемым, так как у меня мое понимание химии как науки отнюдь не связывалось воедино с цельным философским мировоззрением. Партийность философии была для меня понятна, но связь философии с химией в этом смысле не очевидна. Моя специальная работа в тесной связи с социалистической промышленностью невольно привела меня к сознанию, что реальные успехи в развитии техники, в создании новых гигантов индустрии являются подтверждением правильности общей концепции взглядов марксизма-ленинизма, лежащих в основе политики советской власти. Мой поворот к марксизму и его философии рассеял туман и в вопросе о партийности науки. Переход на новые позиции в науке начался с того, что я сначала приступил к самостоятельному, правду робкому, изучению диалектического материализма; но за последние два года, когда на первый план выдвинулись вопросы социалистической реконструкции науки, я решил раз навсегда покончить с бессознательным физическим идеализмом, окончательно усилить работу над диалектическим материализмом и притом прибегнуть к помощи как кафедры диамата, так и товарищей, могущих мне оказать помощь в этой области. Уделяя много времени изучению основных философских работ Энгельса и Ленина, работая в кружке по диалектике природы, я одним из первых принялся за переработку программ по неорганической и физической химии, всячески связывая проблемы химии с марксистско-ленинской диалектикой. Понятно, что эта задача для меня очень трудна, и понятно, что я ошибаюсь и что не исключена возможность ошибок и в дальнейшем; однако я выражаю полную уверенность, что при дружной и дружественной помощи моих товарищей, специалистов-философов, а также естествоиспытателей, мне удастся справиться с этой большой, трудной и ответственной задачей.

Проф. А. РАКОВСКИЙ

22/IV 1932 г., Москва.

Письмо в редакцию

Уважаемый товарищ редактор!

В журнале «Под знаменем марксизма» № 11--12 за 1931 год помещена рецензия на мою книгу «Заметки по диалектическому материализму», часть 1-я, изд. АзГНИИ и АМИ, 1931 год. В этой рецензии указывается на наличие в книге «ряда ошибок, идущих по линии меньшевистствующего идеализма», и выдвигается требование коренной переработки книги, без чего она не может быть рекомендована в качестве учебного пособия.

В целях предупреждения читателей от неkritического отношения к ней, а также характеристики ошибок, идущих по линии меньшевистствующего идеализма (деборинщины), считаю необходимым сделать следующее заявление:

1. Наличие ошибок, идущих по линии меньшевистствующего идеализма, мною было признано еще на диспуте, устроенном АзОВМД в декабре прошлого года, посвященном «Заметкам».

2. Еще раз в более резкой форме мною об этом было заявлено в моем докладе «О положении на фронте философии и естествознания в Азербайджане в связи с письмом т. Сталина» на открытом заседании АзОВМД и естественно-научных обществ 7 января 1932 года, а также в ряде других заседаний (партколлектива АзГНИИ, общего собрания студентов и акад. работников АМИ, ганджинских вузов и т. д.).

3. В резолюции АзОВМД и естественно-научных обществ, принятой по указанному докладу, специально отмечен удовлетворительный характер моей критики своих собственных ошибок, где эти ошибки также квалифицированы как идущие по линии меньшевистствующего идеализма.

Следовательно я, как только осознал ошибки, имеющиеся в книжке, их своевременно признал, раскритиковал и приступил к переработке книги, задержав выпуск 2-й части, посвященной проблемам естествознания и медицины.

Занимая с первых же дней дискуссии на философском фронте правильную, партийную позицию (что отмечено также в упомянутой резолюции), я тем не менее не отнесся при издании этой книги достаточно серьезно к этому, имеющему важное партийно-политическое значение, труду.

Основные ошибки, имеющиеся в этой книге, следующие:

1) я не дал развернутого изложения ленинского этапа в развитии диалектического материализма и конкретных наук, в том числе естествознания и медицины, ограничившись только общими, далеко не достаточными, местами на эту тему;

2) я не дал достаточно заостренной критики Плеханова, несмотря на мое указание о связи его теоретических ошибок с его меньшевистской линией;

3) я дал неправильную, по существу плехановскую, трактовку вопроса о соотношении между диалектической и формальной логикой;

4) я дал неточную формулировку понятия «опыт», определив в одном месте его как «совокупность ощущений», отражающих свойства объективно-реального мира, что недостаточно, ибо это определение не учитывает значения опыта как момента практики;

5) я допустил ошибочную формулировку в вопросе о «свойстве» как проявлении качества по отношению к нам, в то время как ясно, что «свойство» является также и объективным проявлением качества по отношению к другим вещам.

Кроме того в книге критика меньшевистствующего идеализма не дана достаточно заостренной, нет в ней необходимого конкретного материала по специальным дисциплинам (биология и медицина) и поэтому в целом в книге чувствуется «отголосок меньшевистствующего идеализма», что было правильно отмечено в выступлениях ряда товарищей как на диспуте, так и при обсуждении письма т. Сталина.

Признавая всё это, я приму все меры к тому, чтобы при последующем издании книжки, если таковое потребует, коренным образом ее переработать и устранить все осознанные мною ошибки, поставив книгу до выхода на обсуждение товарищеского коллектива.

С ком. приветом А. КЕВОРКЬЯН

14/V 1932 г., Баку.

Резолюция правления АзОВМД

О рецензии на книгу т. Кеворкьяна «Заметки по диамату», помещенной в «ПЗМ» № 11—12 за 1931 год.

1. Признать, что характеристика ряда ошибок в «Заметках по диамату» т. Кеворкьяна как идущих по линии меньшевистствующего идеализма является правильной.

2. Отметить, что: а) ошибки т. Кеворкьяна подверглись развернутой критике на собрании АзОВМД от 15 декабря 1931 г., посвященном обсуждению «Заметок по диамату» по докладу специальной бригады, выделенной для оценки этой книжки; б) при обсуждении на фракции АзОВМД и Ассоциации естествознания письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в докладе т. Чичикалова и в выступлениях некоторых товарищей ошибки т. Кеворкьяна были квалифицированы как отголоски меньшевистствующего идеализма; в) в резолюции фракции АзОВМД и Ассоциации естествознания в связи с письмом т. Сталина ошибки т. Кеворкьяна также отмечены как идущие по линии меньшевистствующего идеализма.

3. Отметить, что: а) т. Кеворкьян занимал правильную, партийно выдержанную позицию в философской дискуссии в Баку (в 1930—1931 гг.), активно борясь против меньшевистствующего идеализма, механицизма и примиренчества; б) т. Кеворкьян не упорствовал в защите своих ошибок, вскрытых на собрании АзОВМД, и в своем докладе 7 января (на собрании АзОВМД и Ассоциации естествознания) сам квалифицировал их как ошибки меньшевистствующе-идеалистического характера, что дало возможность фракции АзОВМД и Ассоциации естествознания в резолюции, принятой в связи с письмом т. Сталина, констатировать, что т. Кеворкьян «по-большевистски признал и раскритиковал свои ошибки».

4. Считать нецелесообразным рекомендацию книжки т. Кеворкьяна без значительной ее переработки в качестве учебника.

5. Принять к сведению заявление т. Кеворкьяна о том, что он выступит в ближайшее время в печати с критикой своих ошибок.

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман,
А. А. Максимов, М. Е. Митин, М. П. По-
кровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин

Уполномоченный Главлита № В—30158. Набор сдан 27/IV, подписан к печати 23/V
Зак. № 1182. Изд. № 263. Тираж 33.800.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1932 ГОД**

**НА ЖУРНАЛ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛ**

ОРГАН ИККИ

14-й ГОД ИЗДАНИЯ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ, **«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»** поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого **«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»** привлекает в 1932 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического Интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ **«КОМИНТЕРН»**.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год:

на 1 мес.—75 коп.	■	на 6 мес.—4 р. 50 к.
на 3 мес.—2 р. 25 к.	■	на 12 мес.—9 р.

Цена отдельного номера 30 коп.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати при партячейках

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 г. НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

11-й год издания

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н. Адоратского В. В.,
Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М.,
Тимирязева А. Н.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма, ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» будет вести неуклонную борьбу на два фронта: с механической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой гг. Деборина, Карева, Стена и др.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» является действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выражаивав большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, истории материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономики, статьи по теории советского хозяйства, истории социализма вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении психологии и марксизма, диалектика и естественные, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфактор, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием и т. п.

Подписная цена:

На 1 мес. — 1 р. 25 к., на 3 мес. — 3 р. 75 к., на 6 мес. — 7 р. 50 к.

на 12 мес. — 15 р.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

Подписка принимается на почте, письменными и уполномоченными партпечати при ячейках ВКП(б).